

Зал
славы
зарубежной
фантастики

Д. УАЙТ

J. White

ДЖЕЙМС УАЙТ КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

S. Pavlenko © 1993

ДЖЕЙМС УАЙТ
КОСМИЧЕСКИЙ
ГОСПИТАЛЬ
*****
HOSPITAL
James White
STATION

Зал славы зарубежной фантастики

ДЖЕЙМС УАЙТ КОСМИЧЕСКИЙ HOSPITAL

Перевод с английского

ГОСПИТАЛЬ ★ STATION *James White*

Київ
МСП "Альтерпрес"
1993

ББК 84.4 Вл
У13

Укладач *А.Белевцева*
Редакційна колегія серії:
П.Хазін
В.Каплан
М.Шпулак
К.Лисюченко

**ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ
ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ**

В книгу известного английского писателя-фантаста включены романы “Космический Госпиталь”, “Звездный хирург” и “Большая операция” из его знаменитого цикла “Главный Госпиталь двенадцатого сектора Галактики”.

Уайт Джеймс
У13 **Космічний Госпіталь:** Пер. з англ. К.Кузнецова,
К.Корольова. — К.: МСП “Альтерпрес”, 1993. —
495с.:іл. — (Зал слави зарубіжної фантастики). —
Рос. мовою.
ISBN 5-7707-3616-X

До книги відомого англійського письменника-фантаста увійшли романи “Космічний Госпіталь”, “Зоряний хірург” та “Велика операція” з його відомого циклу “Головний Госпіталь дванадцатого сектора Галактики”.

У 4703010100-12 без об'яв.
93

ББК 84.4 Вл

© Упорядкування, художнє оформлення,
емблема і назва серії. МСП “Альтер-
прес”, 1993

ISBN 5-7707-3616-X

© Супер-обкладинка. С.Павленко, 1993

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Имя Джеймса Уайта хорошо известно любителям научной фантастики как автора произведений, посвященных главным образом пришельцам и внеземным формам жизни. И здесь изобретательная фантазия писателя буквально не знает предела, увлекая читателя в яркие миры, которые при всей своей невероятности становятся зримыми и в которые веришь.

Джеймс Уайт родился в 1928 году в столице Северной Ирландии Белфасте. Положение семьи, война, на которую пришлось годы его школьной учебы, не позволили юному Джеймсу продолжить образование в колледже, так что его систематическое образование ограничилось средней школой, которую он закончил в 1943 году.

И с 15 лет начинается трудовая жизнь будущего писателя. Ученик продавца, продавец и менеджер в магазинах готовой одежды непрерывно выкраивает время для самообразования, а позже и для пробы пера. С 26 лет он начинает печататься в журнале "Новые произведения научной фантастики" и обращает на себя внимание американских издателей. В результате в 1957 году в США выходит его первая книга "Тайные визитеры". А с 1962 года он почти ежегодно на протяжении десятилетия радует читателей новыми романами: "Второе окончание" 1962, "Главный госпиталь" 1962, "Звездный хирург" 1963. Последние две книги составили начало многотомного сериала "Главный Госпиталь XII сектора", "Смертоносный мусор" 1964, "Открытая тюрьма" 1965, "Взгляд под поверхность" 1966, "Избежать правосудия" 1968, "Пришельцы среди нас" 1969, "Завтра слишком не скоро" 1971.

С 1966 года, уже имея за плечами шесть книг, Уайт начинает заниматься рекламой и через два года становится во главе отдела рекламы авиационной компании, где трудничал около двадцати лет. По-видимому, на литературный труд у него остается меньше времени, потому что книги выходят несколько реже. Однако Уайт продолжает свой "госпитальный" сериал: "Скорая помощь" (1979), "Главный секторальный" (1983), "Звездный хилер"

(1985), пишет романы "Недоубитый" (1979), "Тысячелетие мечтаний" (1974) и другие произведения.

Большая часть того, что вышло из-под пера Уайта, так или иначе связана с внеземными формами разумной жизни. Облик их варьируется от неотличимых от землян ("Тайные визитеры") до акважителей ("Взгляд под поверхность"), существ, дышащих хлором ("Открытая тюрьма"), и гигантских гусеницеподобных ("Избежать правосудия"). А какое разнообразие разумных существ вы встретите в предлагаемой вашему вниманию книге! Наряду с этим Уайт любит писать о медиках, по-видимому, считая медицину парадигмой сотрудничества и дружбы, способной объединить все разумные существа. В своих произведениях Уайт неизменно говорит не о наличии конфликтов, а о возможности их решать. Практически все романы неизменно кончаются восстановлением гармонии или надеждой на нее.

Сам Уайт так говорит о своем творчестве:

"Я всегда считал, что самые хорошие произведения те, где обыкновенные люди попадают в необыкновенные ситуации. Фантастика всегда меня привлекала — в юности как читателя, позже как писателя — возможность осуществить это условие.

Моей любимой из этих ситуаций является первый контакт землянина с внеземными существами. Попытки понять поведение и мыслительный процесс пришельцев часто помогают высветить различные стороны человеческой души. Проблема же понимать и приспособливаться к абсолютно чужому образу мыслей и не обращать внимание на различия в цвете кожи имеет прямое отношение к противоречиям, раздирающим нашу культуру".

В своих произведениях Уайт говорит о том, каким он хочет видеть мир. И надо отдать ему должное: было бы хорошо, если бы мир таким стал.

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

HOSPITAL STATION

London, Corgi Books, 1967

ГЛАВА I ЭСКУЛАП

1.

Существо, что заняло спальный отсек в каюте О'Мары, весило с полтонны. Шесть коротких толстых щупалец служили ему то руками, то ногами, а кожный покров напоминал гибкий стальной панцирь. Для существ с планеты Худлар, где сила тяжести вчетверо, а давление всемеро больше земного, такое телосложение было обычным. Но О'Мара знал, что, несмотря на огромную силу, существо это было беспомощным, ибо имело всего лишь шесть месяцев от роду и только что оказалось свидетелем аварии, в которой погибли его родители, а понимало достаточно, чтобы это зрелище его потрясло.

— Я д-д-доставил малыша, — сообщил Уоринг, лучевой оператор, что работал на одном участке с О'Марой. Уоринг не любил О'Мару и не без оснований, но сейчас постарался подавить в себе неприязнь. — К-к-какстон меня послал. Он с-с-сказал, что с такой ногой т-ты все равно д-д-для работы не годишься, так хоть п-п-присмотришь за малышом, пока за ним не явятся с его п-п-планеты. Т-туда уже кого-то п-п-послали...

Он откозырял и принялся проверять клапаны скафандра, явно торопясь побыстрее исчезнуть, пока О'Мара не завел речи об аварии.

— Я тут п-п-притащил для него еду, — торопливо закончил он. — Она в шлюзе.

О'Мара молча кивнул. Это был молодой человек, которого природа одарила мощным телосложением; лицо его было таким же тяжелым, квадратным и грубо вытесанным, как и мускулистое тело. О'Мара прекрасно понимал, что не стоит показывать, как подействовала не него авария, — ведь Уоринг непременно решит, что он попросту притворяется. О'Мара давно уже понял, что от людей его комплекции менее всего ждут проявления каких-либо эмоций.

Как только Уоринг вышел, О'Мара направился в шлюз, чтобы взглянуть на распылитель, через который приходилось кормить худляриан вне их родной планеты. Проверять распылитель и резервные пищевые баллоны к нему, О'Мара думал, как преподнести происшедшее Какстону. Тоскливо поглядывая в иллюминатор, за которым плавали элементы и секции гигантской ажурной головоломки, занимавшей пространство объемом в пятьдесят кубических миль, О'Мара старательно заставлял себя думать о недавней аварии. Однако мысли упорно уносили его к событиям далекого прошлого или воображаемого будущего.

Громадное сооружение, которое постепенно вырисовывалось в космической пустоте двенадцатого галактического сектора (на полпути между нашей Галактикой и густонаселенными системами Большого Магелланова облака), предназначалось под госпиталь — госпиталь, равного которому не было во Вселенной. В нем предстояло воспроизвести условия жизни сотен различных планет — жару, холод, давление, гравитацию, радиацию, состав атмосферы, которые могут понадобиться пациентам и персоналу. Создание конструкции таких колоссальных размеров и сложности превышало возможности любой отдельно взятой планеты, и потому каждый из сотен населенных миров изготовлял свою секцию Госпиталя самостоятельно, а затем транспортировал ее к месту окончательной сборки.

Монтаж этой машины был тоже делом отнюдь не легким.

У каждой планеты-участницы была своя копия генерального плана. И все же то и дело случались ошибки —

возможно, потому что планы переводились на множество различных языков и систем исчисления. Секции, подлежащие стыковке, довольно часто приходилось переделывать, чтобы их можно было точно подогнать друг к другу. Для этого их неоднократно раздвигали и снова сближали с помощью концентрированных пучков лучевой энергии. Это была непростая задача, ибо, хотя вес секций в космосе и равнялся нулю, масса и инерция у них были колоссальные.

Погибшие во время недавней аварии худлариане принадлежали к классу ФРОБов. Весом около двух тонн, они обладали невероятно твердым, но гибким кожным покровом, который защищал их от громадного давления на родной планете и в то же время позволял жить и работать при любом самом пониженном давлении, даже в космическом вакууме. К тому же они были нечувствительны к радиации, и это делало их просто незаменимыми при сборке ядерных силовых установок.

Утрата двух лучших монтажников участка наверняка должна была вывести Какстона из себя. При мысли об этом О'Мара тяжело вздохнул. Вскоре, убрав распылитель, он вернулся в каюту.

В условиях своей планеты худлариане вбирали питательные вещества всей поверхностью тела из густой, словно суп, атмосферы, но в условиях других планет или в космосе их приходилось время от времени опрыскивать специальным питательным концентратом. На теле малыша-инопланетянина кое-где уже виднелись обширные пролысины, да и на остальном кожном покрове корка от предыдущей кормежки заметно истончилась. Малыша явно пора было снова кормить. О'Мара приблизился настолько, чтобы не подвергать себя опасности, и осторожно включил питатель.

Малолетнему ФРОБу процедура опрыскивания питательным раствором, похоже, понравилась. Он вылез из угла и принялся возбужденно метаться по крохотной для него спальне. Нужно было не спускать с детеныша струи и в то же время энергично маневрировать, чтобы не столкнуться с ним. От прыжков больной ноге изрядно досталось, мебели в спальне — тоже.

К тому моменту, когда появился Какстон, вся наружная поверхность теперь уже успокоившегося малыша, а также вся внутренняя поверхность спальни были покрыты толстым слоем невыносимо вонючей питательной смеси.

— Что здесь происходит?! — рявкнул начальник участка.

Сдержав гнев, О'Мара объяснил и добавил:

— Теперь я решил кормить его в открытом космосе...

— Ни в коем случае! — взорвался Какстон. — Малыш все время будет находиться здесь, с вами. Мы еще об этом поговорим. А сейчас речь идет об аварии. Ваша доля вины — вот что меня интересует.

Всем своим видом Какстон давал понять, что готов терпеливо выслушать О'Мару, но уже заранее не верит ни единому его слову.

Не успел О'Мара произнести и двух фраз, как Какстон перебил его:

— Вам известно, что наш Проект находится в ведении Корпуса мониторов. Обычно они предпочитают, чтобы мы сами расхлебывали свои неприятности, но в данном случае речь идет об инопланетянах, так что мониторов придется ввести в курс дела. Предстоит расследование. — Он прикоснулся к маленькому плоскому ящичку на груди. — Считаю своим долгом предупредить вас, что я фиксирую каждое ваше слово.

Кивнув, О'Мара начал монотонно излагать ход событий. Он понимал, что его рассказ звучит весьма неубедительно, а подчеркнуть какие-то детали, которые бы говорили в его пользу, означало сделать всю историю еще более неправдоподобной. Какстон не раз собирался что-то вставить, но, видно, передумывал. Наконец он не выдержал:

— Но хотя бы кто-то был свидетелем того, что вы действительно сделали все возможное для их спасения? А может, обоих инопланетян видели в опасной зоне, когда предостерегающие сигналы были уже включены? Вы тут сочинили занятную сказочку, которая объясняет их бессмысленное поведение, а заодно — совершенно случайно, конечно, — рисует вас прямо-таки истинным героем. Но ведь могло быть и так, что сигналы вы включили уже после

несчастливого случая, что причиной всему послужила просто ваша небрежность, а все ваши рассказы насчет заблудившегося детеныша — ложь, чтобы отвести от себя весьма серьезное обвинение...

— Меня видел Уоринг... — прервал Какстона О'Мара.

Тот пристально посмотрел на него. Сдержанная ярость на лице начальника участка сменилась гримасой брезгливого презрения. О'Мара вдруг ощутил, что щеки у него начинают гореть.

— Ах вот как, Уоринг... — насмешливо протянул Какстон. — Ничего не скажешь — ловко придумано. Всем известно, что вы вечно издевались над беднягой Уорингом, донимали его и смеялись над его беспомощностью, так что он вас наверняка должен возненавидеть. И, разумеется, судьи подумают, что, даже если он вас и видел, то не скажет этого. А если он ничего не видел, они все равно решат, что он видел, но нарочно держит язык за зубами.

Какстон круто повернулся и направился к шлюзу. Уже переступив порог внутренней двери, он обернулся:

— И запомните, О'Мара: если малышу из-за вас станет плохо, если вообще с ним хоть что-нибудь случится, мониторам не удастся с вами даже побеседовать, понятно?

Намек более чем ясен, со злостью подумал О'Мара; ныне он обречен делить свою каюту с этим пятисоткилограммовым одушевленным танком. А ведь все знают, что выпустить худлярианина в космос — все равно что отвязать на ночь собаку: ему это совершенно ничем не грозит. Но увы, О'Мара имел дело с простыми, бесхитростными, сверхсентиментальными и весьма решительными людьми — монтажниками космических конструкций.

Полгода назад, уже включившись в работу над проектом, О'Мара обнаружил, что ему снова предстоит заниматься делом, которое, будучи важным само по себе, не приносит ему никакого удовлетворения — для его выполнения вовсе не требуются те знания, которыми он располагал. С самого окончания школы вся его жизнь представляла собой сплошную цепь подобных разочарований. Руководство никак не могло поверить, что молодой парень с грубым квадратным лицом и плечищами, на которых го-

лова казалась слишком маленькой, склонен к столь тонким областям знаний, как психология или электроника. О'Мара кинулся в космос в надежде, что там его оценят, — но не тут-то было. Хотя он неизменно пытался в любом разговоре блеснуть своими на самом деле недюжинными познаниями, собеседники, как правило, бывали настолько зачарованы его атлетическим телосложением, что им и в голову не приходило еще вслушиваться в то, что он говорил. В результате его анкеты неизменно заканчивались рекомендацией: "годен к использованию на работах, требующих продолжительных физических усилий".

Вот почему О'Мара решил заработать здесь себе дурную славу. В результате его жизнь можно было назвать какой угодно, только не скучной. Однако сейчас он подумал, что лучше было бы не усердствовать в своих усилиях оттолкнуть от себя всех. Сейчас он больше всего нуждался в друзьях, а друзей у него тут не было.

Запах худлярианской пищи — резкий и всепроникающий — заставил О'Мару оставить мысли о мрачном прошлом и обратиться к еще менее радужному настоящему. Следовало что-то предпринять, и побыстрее. О'Мара поспешно облачился в легкий скафандр и кинулся к шлюзу.

2.

Каюта О'Мары находилась в небольшом отсеке, которому со временем предстояло превратиться в операционную и подсобные помещения секции, предназначенной для существ класса МСВК, живущих в условиях низкой гравитации. Для удобства жильца две небольшие комнатки и коридорчик между ними находились под давлением и были снабжены системой искусственной гравитации; в остальных помещениях не было ни того, ни другого. О'Мара плыл по коротким коридорам, открывавшимся прямо в космическую пустоту, обследуя по пути крохотные угловые ниши — все они были либо слишком тесными, чтобы вместить малыша, либо открывались в космос. Оттолкнувшись от одной из ребристых стен, он огляделся по сторонам.

Вверху, внизу и вокруг на добрый десяток миль плавали в пустоте не видимые во мраке части будущего Гос-

питался. Только яркие голубые сигнальные огни, установленные на них, делали безопасным движение ракет в этой зоне. Словно стоишь в самом центре шарового звездного скопления, подумал О'Мара. Зрелище было достаточно впечатляющим для всякого, кто расположен был им любоваться. Но О'Мара не был расположен, ибо на многих из этих подсекций дежурили лучевые операторы, в обязанности которых входило разводить секции, если им грозило столкновение. Операторы могли заметить его и сообщить потом Какстону, что он выводил своего малыша наружу — хотя бы только для кормления.

Нет, видно, ничего не остается, как заткнуть нос, с отворачиванием подумал он и повернул назад.

В шлюзе его приветствовал рев, близкий гудку паровой сирены. Детеныш издавал протяжные, резкие звуки и делал это через определенные промежутки времени, достаточные для того, чтобы содрогнуться в ожидании следующего вопля. При ближайшем рассмотрении на шкуре, покрытой коркой пищи, обнаружились пролысины, которые позволяли заключить, что его дорогой питомец проголодался.

О'Мара отправился за распылителем. Когда он уже почти обработал один бок малыша, в каюту вошел доктор Пеллинг.

Сняв шлем и перчатки, главный врач Проекта размял пальцы и проворчал:

— Слышал, вы повредили ногу. Давайте-ка поглядим.

Пеллинг был предельно внимателен, но помогал не столько из дружеских побуждений, сколько из чувства долга.

— Сильные ушибы, растянуты сухожилия, вот и все — счастливо отделались. — Голос его звучал сдержанно. — Отдых, покой. Я дам вам мазь для растирания. Вы что, решили перекрасить стены?

— Как... — начал было О'Мара и тут же осекся, увидев, куда смотрит Пеллинг. — Нет, это питательная смесь. Мерзкая тварь, когда я ее поливаю, мечется по каюте. Кстати, раз уж речь зашла о ней, не можете ли вы сказать...

— Нет, не могу, — прервал его Пеллинг. — У меня голова пухнет от мыслей о болезнях и лекарствах для моих соотечественников, так что мне не до мнемोगрамм класса ФРОБ! Впрочем, это существа выносливые — с ними

вообще ничего не может случиться! — Он втянул носом воздух и скривился. — Почему бы вам не держать его снаружи?

— Кое-кто у нас слишком мягкосердечен, — с горечью ответил О'Мара. — Когда котят берут за шиворот, их сердца содрогаются от столь явной жестокости.

— Угу... — почти сочувственно промычал Пеллинг. — Ну что ж, дело ваше. Я загляну к вам через пару недель.

— Пойдите! — взмолился О'Мара, ковыляя за доктором в одной натянутой штанине — другая, пустая, хлопала по бедру. — А если что случится? Ведь должны же быть какие-то инструкции, как обхаживать и кормить этих ФРОБов, ну хотя бы самые простые! Не оставите же вы меня с этим... с этим...

— Понимаю вас, — Пеллинг на какое-то мгновение задумался, потом сказал: — У меня заваялась где-то книжонка, что-то вроде худларианского руководства по оказанию скорой помощи. Но она на универсальном языке...

— Я читаю на универсуме. — поспешил сообщить О'Мара.

Пеллинг, казалось, удивился:

— Молодец. Тогда я вам ее и пришлю.

Он отрывисто кивнул и вышел.

Поплотнее прикрыв дверь спального отсека в надежде, что так будет хоть немного меньше вонять, О'Мара осторожно улегся на диванчике в предвкушении заслуженного, по его мнению, отдыха. Ногу он пристроил так, что боль почти не беспокоила, и принялся убеждать себя смириться с создавшимся положением.

Веки его сомкнулись, и теплое оцепенение разлилось по телу. Глубоко вздохнув, он свернулся калачиком и стал погружаться в сон...

Его сорвал с диванчика рев, который был таким пронзительным, властным и требовательным, будто ревели все сирены на свете, и таким мощным, что дверь спальни, казалось, вот-вот сорвет с петель. О'Мара инстинктивно метнулся к скафандру, потом, поняв, что происходит, с проклятьем швырнул его на пол и отправился за распылителем.

Дитя снова проголодалось!..

Еще восемнадцать часов спустя О'Мара уяснял только одно — как мало он, в сущности, знал раньше о худларианских младенцах. Ему не раз доводилось беседовать по транслятору с родителями малыша, в том числе и о младенце, но почему-то они ни разу не коснулись таких животрепещущих тем, как, например, сон.

Судя по всему, полагал О'Мара, малолетние ФРОБы вообще обходятся без сна. В промежутках между очередными кормежками — к сожалению, весьма кратковременных — они мечутся по каюте, смахивая на своем пути все, что сделано не из металла и не привинчено к обшивке, но даже и это они ухитряются искорежить до неузнаваемости, приводят в полную негодность. А если они не сеют разруху, то забиваются в угол и сидят там, сплетая и расплетая свои щупальца. Возможно, родители, глядя на своего дорогого младенца, играющего щупальцами, словно ребенок пальчиками, млеют от умиления, но у О'Мары эта картина почему-то вызывала только отвращение.

И каждые два часа этого монстра нужно было кормить. Хорошо еще, если младенец сидел спокойно; однако гораздо чаще приходилось гоняться за ним с распылителем в руках. В таком возрасте ФРОБы обычно слишком слабы, чтобы самостоятельно передвигаться, — но это на Худларе с его чудовищным давлением и гравитацией. Здесь же, где гравитация была вчетверо ниже, худларианские младенцы двигались весьма резво. И испытывали от этого удовольствие.

Однако О'Мара удовольствия не получал; собственное тело казалось ему толстой, рыхлой губкой, насквозь пропитанной усталостью. После каждой очередной кормежки он валялся с ног почти в беспамятстве. И каждый раз тешил себя надеждой, что уж сейчас вымотался так основательно, что наверняка не услышит, когда проклятый монстр завопит опять. Но хриплый пронзительный звук снова и снова вырывал его из полудремы, и, шатаясь словно пьяный, он механически принимался за процедуру, которая на считанные минуты прерывала этот чудовищный, сводящий с ума рев.

Проведя в такой круговерти тридцать часов, О'Мара понял, что больше ему не выдержать. Заберут ли младенца через два дня или через два месяца — все едино: он свих-

нется раньше. Если, конечно, еще до этого в минуту слабости не выбросится наружу без скафандра. Он знал, что Пеллинг никогда не позволил бы подвергнуть его подобным истязаниям, но ведь тот был несведущ во всем, что касалось форм жизни класса ФРОБ. А Какстон, хотя и более сведущий, был человеком простым и простодушным, ему такие грубые шутки доставляли удовольствие, особенно, по его мнению, жертва заслуживала того, что получала.

А если начальник участка хитрее, чем кажется? Если отлично знает, на какую пытку обрек человека, поручив ему заботу о худларианском младенце? О'Мара яростно затряс головой, тщетно пытаясь стряхнуть усталость, которая туманила сознание.

Какстону это даром не пройдет.

О'Мара знал, что он выносливей других, да и сил у него немало. Он упрямо твердил себе, что вся эта усталость и нервные срывы существуют только в его воображении и что день-другой без сна — сущая безделица для его могучего организма, даже после того стресса, какой он получил при аварии. Да и вообще все отчаянно плохо, так что положение вот-вот должно улучшиться. Он им еще покажет! Какстону не по зубам сделать его психом или хотя бы заставить взмолиться о помощи.

До недавних пор он сетовал, что не нашел работы, которая бы соответствовала его знаниям и способностям. Теперь ему понадобится вся его выносливость и сообразительность. Ему поручен детеныш, и он будет заботиться о нем независимо от того, сколько это продлится — два дня или два месяца. Более того, он сделает так, что это ему поставят в заслугу, когда за малышом явятся опекуны...

Проведя пятьдесят семь часов без сна и отдыха, из них сорок восемь в компании младенца ФРОБа, О'Мара не находил ничего странного в этих не всегда логичных и несколько сентиментальных мыслях.

И вдруг этот распорядок, который О'Мара уже научился воспринимать как должное, дал трещину. После очередного рева он, как обычно, накормил ФРОБа, однако тот отказался замолчать.

Прежде всего О'Мара пришел в недоумение и возмутился: это было против всяких правил. Обычно младенцы кричат, их кормят, и они замолкают — по крайней мере на некоторое время. ФРОБ же вел себя настолько необычно, что О'Мара пришел в замешательство.

Рев был каким-то безумным, с множеством вариаций. Протяжные, нестройные шквалы воплей. Временами высота и громкость звука изменялись самым диким и беспорядочным образом, потом рев переходил в скрежещущее дребезжание, словно голосовые связки младенца были забиты толченым стеклом. Время от времени наступали паузы от двух секунд до полуминуты, и тогда О'Мара съеживался в ожидании очередного шквала. Он держался сколько мог — минут десять, не больше, — потом, в который раз, поднял с диванчика свое налитое свинцовой тяжестью тело.

— Какого черта ты орешь? — закричал он, перекрывая рев младенца. ФРОБ был с ног до головы покрыт питательной смесью, так что не мог быть голодным.

Узрев О'Мару, младенец завопил громче и требовательней прежнего. Похожий на кузнечные мехи мускульный клапан на спине младенца, который ФРОБы используют для подачи звуковых сигналов, вздувался и опадал с невообразимой быстротой. О'Мара зажал уши — что едва ли помогло — и пронзительно завопил:

— Заткнись!

Он прекрасно понимал, что осиротевший худларианчик скорее всего еще растерян и напуган и одна лишь кормежка не может компенсировать его эмоциональных потребностей, а потому ощущал глубокую жалость к несчастному существу. Но это ощущение было в полном разладе с болью, усталостью и чудовищным испытанием от звуков, терзавших его тело.

— Заткнись! ЗАТКНИСЬ!!! — завопил О'Мара и, набросившись на младенца, стал пинать его ногами и молотить кулаками.

И свершилось чудо — после десяти минут избияния худларианчик неожиданно перестал вопить.

Когда О'Мара снова рухнул в кресло, его все еще трясло. Десять минут им владел слепой звериный гнев, а теперь полнейшая бессмысленность своего поступка вызывала у него ужас и отвращение.

Лишним было уговаривать себя, что худларианчик, мол, существо толстокожее и, быть может, даже не почувствовал взбучки; ведь раз малыш перестал кричать — значит, так или иначе его проняло. Худлариане — существа крепкие и выносливые, но ведь этот — младенец, а у человеческих младенцев, например, есть особо ранимое место — темечко...

Когда изнуренный О'Мара уже погружался в сон, его последней связной мыслью было, что, наверно, таких мерзавцев, как он, свет не видывал.

Он проснулся через шестнадцать часов. Неторопливый, естественный процесс пробуждения плавно вынес его из пучины беспамятства. Едва успев удивиться, что своим пробуждением обязан вовсе не малышу, он тут же снова погрузился в сон. В следующий раз он проснулся уже через пять часов, и это пробуждение вызвало появление Уоринга.

— Доктор П-п-пелинг просил передать вот эту штуку. — Он швырнул О'Маре маленькую книжонку. — Это я не для тебя делаю, п-п-понял? Просто он сказал, что это нужно малышу. К-к-как он тут?

— Спит, — ответил О'Мара.

Уоринг облизнул губы:

— Я... должен проверить. Ка-ка-какстон так велел.

— Пусть Ка-ка-какстон и проверяет, — передразнил его О'Мара.

Он видел, как побагровело лицо Уоринга. Уоринг был худошав, молод, весьма обидчив и не очень силен. С первого же дня О'Мара только и слышал рассказы об этом лучевом операторе. Случилось так, что во время заполнения реактора горючим произошла авария, и Уоринг застрелял в отсеке, недостаточно защищенном от радиации. Но он не потерял головы и, следуя инструкциям, что передавал ему по радио инженер, сумел предотвратить ядерный взрыв, угрожавший жизни всех, кто находился поблизости. Он отчетливо сознавал, что такого уровня радиации достаточно, чтобы убить его за считанные часы.

Защита, однако, оказалась более надежной, чем полагали, и Уоринг не погиб. Тем не менее этот случай для

него не прошел бесследно. Он нередко терял сознание, стал заикаться, начала пошаливать нервная система, и вообще поговаривали, что у лучевого оператора появились кое-какие странности, О'Мару предупредили, что он сам их увидит и не ошибется, если постарается не обращать на них внимания. Ведь в конце концов именно Уоринг спас их всех, и только за одно это заслуживает особого отношения. Вот почему перед Уорингом все расступались, куда бы он ни шел; ему поддавались во всех стычках, спорах и даже играх независимо от чего зависел их исход — от умения или от слепой удачи, и вообще его старательно укутали в вату сентиментальной заботливости.

Глядя на побелевшие от злости губы Уоринга, на его сжатые кулаки, О'Мара улыбался. Он не давал оператору никаких послаблений.

— Зайди и взгляни, — предложил наконец О'Мара. — Делай, как тебе повелел Какстон.

Они вошли в каюту, мельком взглянули на вздрагивавшего во сне малыша и тут же повернули назад. Уоринг, заикаясь, объявил, что ему пора, и направился к шлюзу. Вообще-то он меньше заикался в последнее время, и О'Мара отлично это знал. Похоже, Уоринг боялся, как бы не зашел разговор о последней аварии.

— Подожди, — остановил его О'Мара. — У меня кончается питательная смесь. Ты не смог бы...

— С-с-сам доставай!

О'Мара в упор уставился на Уоринга, и тот смущенно отвел глаза. Тогда О'Мара спокойно сказал:

— Какстон не может требовать от меня всего сразу. Коль скоро с малыша нельзя спускать глаз, нельзя выводить его наружу даже для кормежки, то было бы преступлением с моей стороны оставить его на несколько часов. Ты должен это понимать. Одному Богу известно, что тут с ним случится, если его оставить одного. Я отвечаю за него, и поэтому настаиваю...

— Н-н-но нельзя же...

— Речь-то идет о часе-двух в перерыве между вахтами, да и то не каждый день, — резко сказал О'Мара. — Кончай хныкать. И перестань брызгать слюной, ты давно уже вырос из штанишек и пора тебе разговаривать нормально.

Уоринг судорожно втянул в себя воздух и так же, не разжимая челюстей, выдохнул.

— Это... займет... у меня... все мое свободное время... — проговорил он. — Секцию ФРОБов, где хранится их пища... послезавтра должны подсоединить к главному корпусу. Питательную смесь придется вывезти до этого.

— Видишь, как у тебя славно получается, когда ты следишь за своей речью, — ухмыльнулся О'Мара. — Ты делаешь успехи. Да, и вот еще что: будешь сваливать питательные резервуары возле шлюза, постарайся не очень шуметь, чтобы не разбудить малыша.

Следующие две минуты Уоринг только и делал, что обзывал О'Мару самыми разными словами, и при этом ни разу не повторился и не запнулся.

— Я же тебе уже сказал, что ты явно делаешь успехи, — укоризненно покачал головой О'Мара. — Стоит ли лишний раз демонстрировать свои подвиги.

3.

После ухода Уоринга О'Мара подумал о предстоящем монтаже худларианских секций. ФРОБы жили в одном из центральных отсеков, гравитационные решетки там были рассчитаны на четыре "же", имелись и другие удобства. Если уж этот отсек вот-вот станут монтировать с главным корпусом, значит, до полного завершения работ остается каких-нибудь пять-шесть недель. О'Мара знал, что на этих последних стадиях сборки больше всего волнений. Осунувшиеся от усталости операторы будут перебрасывать в пустоте тысячетонные громады и осторожно совмещать их друг с другом, а монтажники тем временем проверят параллельность сближающихся поверхностей, подгонят их, подготовят для стыковки. Пренебрегая предупредительными сигналами, многие пойдут на риск, лишь бы сэкономить время и потом обойтись без переделок.

Как хорошо было бы работать на этих заключительных этапах сборки, подумал О'Мара, а не нянчиться тут со всякими малышами!

Вспомнив о худларианине, он снова ощутил тревогу, которую скрыл от Уоринга. Никогда прежде малыш не

спал так долго — пожалуй, уже часов двадцать прошло с тех пор, как он уснул или, точнее, был усыплен — ведь успокоился он после побоев. ФРОБы — существа выносливые, верно, но не случилось ли так, что малыш не просто спит, а впал в забытие от ударов?

О'Мара схватил книгу, присланную Пеллингом, и лихорадочно принялся читать. Двумя часами позже он уже знал кое-что о том, как следует обращаться с малолетними худларианчиками, и эта информация одновременно успокоила и встревожила его. Видно, гнев О'Мары и то, что последовало за ним, пошли малышу только на пользу — малолетние ФРОБы нуждались в ласке, а в сравнении с усилиями, которые прилагали их родители, нежно похлопывая своего детеныша, понял О'Мара, его яростные тумаки явились для малыша такими же нежными шлепками. Но книга предостерегала от опасности перекармливания, и вот тут О'Мара, безусловно, мог быть виноват. Судя по всему, во время бодрствования малыша следовало кормить через каждые пять-шесть часов и успокаивать посредством физического воздействия — похлопывания, — если малыш возбужден или все еще требует пищи. Оказалось также, что детеныши ФРОБов нуждаются в регулярном купании и притом довольно частом.

На их родной планете такое купание сводилось к процедуре, весьма похожей на мощную пескоструйную очистку, но О'Мара полагал, что скорее всего это было связано с давлением и плотностью тамошней атмосферы. Кроме того, перед ним возникла еще одна проблема — как осуществить достаточно мощные успокаивающие шлепки? Он весьма сомневался, что сможет впасть в состояние аффекта всякий раз, когда малышу понадобится худларианская порция родительских нежностей.

Во всяком случае у него теперь будет масса времени для размышлений, ибо он знает, что худларианские детеныши бодрствуют двое суток, зато спят — целых пять. За время сна своего питомца О'Мара сумел придумать, как его ласкать и купать, и даже ухитрился выкроить пару дней для собственного отдыха, чтобы накопить сил для предстоящих двух суток тяжелого труда. Даже для выносливого человека такой режим был бы невыносим, однако

через две недели О'Мара обратил внимание на то, что его организм и физически и душевно приспособился ко всем тяготам ухода за юным ФРОБом. А через четыре недели исчезли боль и скованность движений в ушибленной ноге, а с малышом он и вовсе уже не знал хлопот.

Между тем, грандиозный проект близился к завершению. Если не считать несущественных доделок, вся эта гигантская ажурная пространственная головоломка была уже собрана. Прибывший из Корпуса мониторов следовательно, видно, допросил всех, но О'Мару пока не трогал.

О'Мару, конечно, интересовало, допрашивали ли уже Уоринга, и если допрашивали, то что он показал. Следовательно был профессиональным психологом — не в пример инженерам Проекта — и явно не дураком. О'Мара рассудил, что и сам он тоже не дурак; он все продумал, так что за исход расследования ему нечего было бояться. Но многое зависело от того, что сказал монитору Уоринг.

Ты весь позеленел от страха, с отвращением подумал О'Мара о самом себе. Теперь, когда твои излюбленные теории подверглись серьезной проверке, ты, как дурак, перепугался, что они неверны. Ты готов на пузе ползти к Уорингу и лизать ему башмаки!

О'Мара понимал, что это внесло бы элемент случайности в ситуацию, которой следовало быть предсказуемой, и почти наверняка испортило бы все дело. И все же искушение было очень великим.

Пошла шестая неделя вынужденного надзора за малышом, и О'Мара начал познавать те удивительные недомогания, которым были подвержены малолетние худляриане, как вдруг сигнальное устройство шлюза возвестило о появлении гостя. О'Мара поспешно вскочил с кресла, устремив взгляд на люк и всем своим видом изображая полную безмятежность.

Но это оказался всего лишь Какстон.

— А я ждал монитора, — сказал О'Мара.

— Гм... — хмыкнул Какстон. — Разве он с вами еще не беседовал? Возможно, он считает это лишним. После разговоров с нами он, видно, заключил, что дело совершенно ясное. Так что к вам он явится уже с наручниками.

О'Мара молча посмотрел на начальника участка. Его так и подмывало спросить, допрашивал ли монитор Уоринга, но, впрочем, и без этого можно было обойтись.

— Меня же интересует, что вы делаете с водой, — неприязненно сказал Какстон. — Со складов сообщают, что вы уже затребовали втрое больше воды, чем могли использовать. Вы что, аквариум строите или что-нибудь в том же роде?

О'Мара уклонился от прямого ответа. Вместо этого он сказал:

— Пора купать малыша, не желаете посмотреть? — Он наклонился, ловко отодвинул в сторону кусок покрытия под ногами и сунул руку в образовавшуюся дыру.

— Что вы делаете?! — взорвался Какстон. — Там же гравитационные решетки, их нельзя трогать!

Вдруг пол резко накренился. Какстон, чертыхаясь, свалился на стенд. О'Мара выпрямился и открыл внутреннюю дверцу шлюза, потом двинулся вверх по круто поднявшемуся участку покрытия к спальному помещению. Какстон последовал за ним, не переставая орать, что у О'Мары нет ни прав, ни квалификации, чтобы самому переналаживать установку искусственной гравитации.

Войдя в спальню, О'Мара заявил:

— Вот запасной резервуар с питательной смесью, а брандспойт подает его под высоким давлением со струей воды.

Он продемонстрировал, как действует устройство, направив струю на небольшой участок шкуры юного худларианина. Но малыш сосредоточенно доламывал стул, не обращая на вошедших никакого внимания.

— Посмотрите на участок кожи, где питательная смесь совсем затвердела, — продолжал О'Мара. — Эту корку через определенные промежутки времени следует смывать, так как она снижает усвоение пищи. А из-за этого маленькому худларианину становится не по себе, и он... э-э... начинает резвиться.

О'Мара продолжал объяснять, хотя понимал, что говорит в пустоту. Он видел, Какстон даже не смотрел на малыша, а не отрывал глаз от потока воды, который, стекая с худларианина, бежал через жилое помещение в открытый люк шлюза. Но это устраивало О'Мару, ибо на шкуре малыша вдруг появилось какое-то пятно. Ничего подобного

прежде О'Мара не замечал. Возможно, особых оснований для беспокойства и не было, но все же хорошо, что Какстон не обратил на него внимания и не задал никаких вопросов.

— А что там наверху? — спросил Какстон, указывая на потолок.

Чтобы не обделить малыша нужной долей ласки, О'Маре пришлось соорудить целую систему рычагов, блоков и противовесов и укрепить эту неуклюжую махину на потолке. Пожалуй, он даже гордился своим приспособлением, которое позволяло отвешивать малышу хорошо ощутимые шлепки, какие убили бы напавал человека. Но О'Мара сильно сомневался в том, что приспособление придется Какстону по вкусу. Скорее всего начальник участка обвинит его в издевательствах над младенцем и запретит прибегать к подобным методам.

Поэтому О'Мара заторопился покинуть спальное помещение, небрежно бросив через плечо:

— Это просто подъемное устройство.

О'Мара вытер лужи на полу и швырнул тряпку в шлюз, уже наполовину заполненный водой. Его ботинки и комбинезон тоже промокли, поэтому он и их бросил туда же, потом задраил внутренний люк и открыл наружный. Пока вода, вскипая, вырывалась в вакуум, О'Мара переключил гравитационные решетки, чтобы пол снова принял горизонтальное положение, затем извлек из шлюза свои ботинки и одежду, успевшие там полностью высохнуть.

— У вас тут, как я вижу, все отлично организовано, — пробурчал Какстон, закрепляя шлем своего скафандра. — Во всяком случае вы следите за малышом куда лучше, чем это делали его родители. Продолжайте в том же духе. — Он сделал паузу, а потом добавил: — Монитор зайдет к вам завтра в девять утра.

И вышел.

О'Мара кинулся назад в спальню, чтобы внимательней рассмотреть подозрительное пятно. Оно было бледным, с серо-синим оттенком, и кожа в этом месте была почти стальной твердости, покрытая трещинами. Он осторожно погладил пятно, малыш тут же дернулся и издал недоуменный вопль. О'Мара не помнил, чтобы в книге говори-

лось о чем-то подобном, — но ведь он не успел дочитать ее до конца. Чем быстрее это сделать, тем лучше.

В Госпитале существа самого разного происхождения общались главным образом с помощью транслятора, который сортировал и классифицировал все осмысленные звуки, а затем воспроизводил их на языке собеседника. В тех случаях, когда транслятора было недостаточно, использовали систему мнемограмм. Мнемограммы переносили все чувственные ощущения, знания и психические особенности одного существа непосредственно в мозг другого. Менее популярным и точным было использование письменных символов, образующих универсальный язык, или универсум.

Этот способ общения был пригоден лишь для существ, мозг которых был подключен к оптическим рецепторам, способным извлекать сведения из символических знаков на плоской поверхности — иными словами, из печатного текста. Хотя существ, наделенных такой способностью, было довольно много, их реакции на цвет, как правило, были различными. То, что О'Мара считал серо-голубым, другому существу могло казаться серо-желтым или грязно-пурпурным, и беда заключалась в том, что именно это другое существо вполне могло быть автором худларианской книги.

В приложении к книге была помещена сравнительная таблица для приблизительного определения цветовых соответствий, но рыться в ней было скучно и долго, да к тому же познания О'Мары в универсуме были не столь блестящими.

И через пять часов О'Мара все еще не мог поставить диагноз, а тем временем серо-синее пятно на шкуре малыша увеличилось вдвое, а рядом с ним появились еще три таких же пятна. Не будучи уверен, правильно ли он поступает, О'Мара все же накормил своего подопечного и снова поспешил вернуться к своим изысканиям.

Если верить справочнику, то легких, преходящих заболеваний, которым были подвержены юные худлариане, насчитывалось буквально сотни. Малыш благополучно избегал их лишь потому, что его кормили пищевым концентратом и здесь отсутствовали микроорганизмы, обычные на его родной планете. О'Мара утешал себя, полагая, что болезнь малыша, скорее всего, худларианский эквивалент

коровой сыпи, однако пятна выглядели угрожающе. К следующей кормежке их стало уже семь, они приобрели злобный синий цвет, к тому же малыш непрерывно шлепал по ним своими отростками-конечностями. Видно, пятна отчаянно зудели. Обогащенный этими наблюдениями, О'Мара вернулся к книге.

И неожиданно натолкнулся на то, что искал. В перечне симптомов назывались ярко выраженные пятна на кожном покрове, появление которых сопровождалось жестоким зудом, который вызывали не впитавшиеся частицы пищи. Лечение состояло в том, что после каждой кормежки требовалось очистить раздраженные участки кожи, чтобы устранить зуд, а уж остальное — дело самой природы. Это заболевание встречалось у худлариан чрезвычайно редко, симптомы его появлялись с пугающей внезапностью, и развивалось оно так же быстро, как и исчезало. Книга свидетельствовала, что при надлежащем уходе болезнь совершенно не опасна.

О'Мара принялся сопоставлять худларианские цифры. Насколько он мог судить, окрашенные пятна должны разрастись до восемнадцати дюймов в поперечнике, и их может появиться до дюжины, прежде чем они начнут исчезать. И произойти это должно в течение шести часов с момента появления первого пятна.

Так что поводов для особого беспокойства у него не было.

4.

После очередного кормления О'Мара тщательно очистил голубые пятна, однако малыш продолжал яростно колотить себя отростками и дергаться. Он напоминал присевшего на корточки слона, сердито размахивающего шестью хоботами. О'Мара снова заглянул в книгу, но справочник по-прежнему уверял, что обычно болезнь протекает легко и быстро и что нужно лишь следить за тем, чтобы затронутые участки оставались чистыми.

Дети — это бесконечные хлопоты, подумал О'Мара.

Здравый смысл подсказывал ему, что дерганья и пошлепывания малыша выглядят ненормально и этому следует положить конец. Может, малыш скребется просто по

привычке, а, впрочем, вряд ли — уж слишком ожесточенно он предавался этому занятию. А может, если его чем-нибудь отвлечь, он перестанет скрестись? О'Мара с помощью подъемного устройства принялся ритмично постукивать малыша по тому месту, где, как выяснилось, удары доставляли юному худлярианину наибольшее удовольствие, — неподалеку от твердой, прозрачной мембраны, что защищала глаза.

При похлопывании движения малыша становились менее судорожными. Но стоило только остановиться, как худлярианин принимался стегать себя отростками яростней прежнего и даже кидался на стены и остатки мебели. Во время одной из таких бешеных атак он едва не ворвался в жилое помещение, помешало ему только то, что он не смог протиснуться в дверь. До этого О'Мара как-то не осознавал, насколько за последние пять недель его подопечный прибавил в весе.

Кончилось тем, что донельзя вымотанный О'Мара отступил. Он оставил малыша беспомощно тыкаться по спальне, сокрушая стены, а сам кинулся на диван, пытаясь собраться с мыслями.

Если верить книге, то голубые пятна должны были бы идти на убыль. Однако они не только не исчезли, а их стало уже двенадцать и громадного размера, так что к очередной кормежке поверхность, способная к поглощению пищи, значительно уменьшится, а это значит, что малыш ослабеет, не получив достаточно питательных веществ. И вообще всякому известно, что зудящие места нельзя расчесывать, если не хочешь, чтобы болезнь бурно прогрессировала...

Размышления О'Мары прервал хриплый отрывистый рев. По его характеру уже можно было определить, что малыш отчаянно напуган и к тому же ослабел.

О'Мара никогда не нуждался в помощи и поддержке, и у него были серьезные сомнения в том, окажет ли ему их хоть кто-нибудь. Говорить что-либо Какстону было бессмысленно — руководитель участка наверняка обратится к Пеллингу, а тот о худлярианских младенцах знает меньше О'Мары. Только даром потратишь время и ничем не поможешь малышу. К тому же Какстон, несмотря на при-

существование монитора, конечно же, постарается сделать какую-нибудь гадость, намекнув, что О'Мара допустил болезнь малыша, после чего руководитель участка именно так расценит случившееся.

Какстон не любил О'Мару. Его никто не любил.

Будь он здесь со всеми на дружеской ноге, его не стали бы обвинять в болезни малыша и не считали бы так единодушно, как сейчас, что он виноват в смерти его родителей. Но О'Мара изначально избрал для себя роль нелюдя, замкнутого субъекта — и чертовски преуспел в этом, даже слишком.

А может, ему было так легко играть эту роль потому, что и в самом деле он был негодяем? Или это от постоянного раздражения, что не было случая по-настоящему использовать свой интеллект, и то, что он считал лишь ролью, было на деле его подлинной сущностью?

Хоть бы не соваться в эту историю с Уорингом! Она-то и взбесила всех окончательно.

А ведь на самом деле О'Мара хотел доказать, что он человек, достойный доверия, терпимый, душевный и обладает всеми теми достоинствами, которые вызывали уважение у его товарищей по работе. Но для этого следовало прежде всего доказать, что ему можно доверить заботу о Малыше.

О'Маре пришла мысль, а не может ли ему помочь монитор. Конечно, не сам — вряд ли психолог из Корпуса мониторов разбирается в сложных заболеваниях худларинских младенцев, — а через свою организацию. Корпус мониторов — всегалактическая организация, высший орган, ответственный за все и вся, наверняка мог бы мигом разыскать специалиста. Но вероятнее всего такой специалист сыщется лишь на самом Худларе, а тамошним властям уже известно о положении, в котором оказался осиротевший малыш, и помощь, конечно, придет раньше, чем ее сумеет организовать монитор. Но может и опоздать.

Так что вся ответственность по-прежнему оставалась на О'Маре.

Болезнь у малыша не опаснее коревой сыпи...

Однако для человеческого ребенка корь может стать весьма серьезным заболеванием, если малыша держать в холодном помещении или в каких-то других условиях, ко-

торые, несмертельные сами по себе, окажутся смертельно опасными для организма при пониженной сопротивляемости или недостаточном питании. Справочник предписывал покой, очистку пятен — и больше ничего. Но так ли это? Ведь это исходя из того, что пациент болеет на своей родной планете. В обычных для него условиях болезнь, вероятно, и в самом деле протекала бы легко и быстро.

Но разве здесь, в госпитальной спальне, условия для больного худлярианского малыша были обычными?!

О'Мара резко вскочил с постели и бросился к нише со скафандрами. Он уже почти одел скафандр высокой защиты, как неожиданно раздался сигнал коммуникатора.

— О'Мара, — прозвучал резкий голос Какстона, — с вами хочет побеседовать монитор. Предполагалось, что раньше завтрашнего дня разговора не будет, но...

— Благодарю вас, Какстон, — перебил его спокойный и твердый голос, после чего последовала пауза. Затем обладатель голоса представился: — Моя фамилия Крэйторн. Я действительно собирался повидаться с вами завтра, но, разделившись тут кое с чем, высвободил время для предварительной беседы...

И надо же было ему выбрать такое чертовски неподходящее время. О'Мара в глубине души метал громы и молнии на голову монитора. Он натянул скафандр, но не стал одевать шлем и перчатки, а открыл щиток регуляции воздухообмена, чтобы добраться до гравитационных решеток.

— Буду откровенен, — спокойно продолжал монитор, — ваше дело для меня побочное... Моя прямая задача состоит в том, чтобы были созданы все условия для существ различных типов, которые вскоре начнут прибывать в штат Госпиталя, и в то же время исключены всякие трения между ними. Приходится учитывать массу тонкостей, но в данный момент я относительно свободен. И вы меня заинтересовали, О'Мара. Я бы хотел задать вам несколько вопросов...

— Прошу прощения, — перебил его О'Мара, — но мне придется во время разговора продолжать кое-какие дела. Какстон вам объяснит...

— Я уже рассказал о юном художнике, — вмешался Какстон, — и если вы рассчитываете ввести монитора в заблуждение, изображая заботливую мамашу...

— Я должен заметить, — перебил Какстона монитор, — что принуждать вас жить с ребенком ФРОБов равносильно жестокому и непредусмотренному наказанию, и за все, что вы вынесли в течение последних пяти недель, из вашего приговора будет вычтено, что составит как минимум десять лет, — если, конечно, вы будете признаны виновным. И кстати, я предпочел бы видеть своего собеседника. Не согласитесь ли вы включить видеосвязь?

Внезапно сила тяжести в каюте возросла вдвое, что застигло О'Мару врасплох — у него подогнулись ноги и он плашмя грохнулся на пол. Рев малыша в соседнем помещении, должно быть, заглушил шум падения, так как собеседники никак на него не отреагировали. О'Мара тяжело поднялся на колени и проговорил:

— Простите, мой видеофон не в порядке.

Монитор помолчал, дав тем самым понять, что разгадал его уловку и согласен пока не придавать ей значения. Наконец он произнес:

— Ну, хотя бы меня-то вы видеть можете. — И видеофон включился.

На экране появился моложавый, коротко остриженный мужчина, глаза его казались лет на двадцать старше лица. На парадном темно-зеленом мундире виднелись майорские знаки отличия, на воротничке — изображение жезла. О'Мара решил, что при иных обстоятельствах этот человек, пожалуй, пришелся бы ему по душе.

— Мне нужно кое-что сделать в соседнем помещении, — сказал он. — Я сейчас же вернусь.

Он установил антигравитационный пояс на отталкивание в два “же”, которое точно уравнило бы существующую в каюте силу тяжести и позволило бы ему без особых последствий увеличить гравитацию до четырех “же”. Дальше он намерен был дать три “же”, чтобы в результате получить суммарное тяготение, равное одному “же”.

По крайней мере таковы были его планы.

Вместо этого пояс (или решетки, или пояс и решетки одновременно) начал создавать флуктуации тяготения в половину “же”, и каюта словно взбесилась. Это напоминало подъем в скоростном лифте, который то включают, то останавливают. Частота колебаний быстро возрастала, и

О'Мару затрясло так, что у него заклацали зубы. Не успел он что-либо предпринять, как возникло новое и еще более грозное осложнение. Решетки не только непрерывно меняли силу тяжести, но и перестали действовать перпендикулярно плоскости пола. Даже застигнутый штормом корабль, пожалуй, никогда не дергался и не валился с боку на бок так, как ходуном ходил пол в каюте О'Мары. Отчаянно пытаюсь схватиться за диван, О'Мара промахнулся и тяжело ударился о стену. Прежде чем он успел выключить пояс, его швырнуло через всю каюту к противоположной стене. После чего в каюте установилась устойчивая сила тяжести, равная двум "же".

— И долго это продлится? — спросил вдруг монитор.

В суматохе О'Мара забыл о нем. Отвечая монитору, он приложил все усилия, чтобы голос его звучал естественно.

— Кто знает. Не смогли бы вы позвонить попозже?

— Я подожду, — сказал монитор.

Не обращая внимания на ушибы, от которых не спас скафандр высокой защиты, О'Мара пытался собраться с мыслями, чтобы найти выход. Он догадывался, что здесь произошло.

При одновременном включении двух антигравитационных генераторов одинаковой мощности и частоты, возникает интерференция, которая нарушает их стабильность. Решетки, установленные в каюте О'Мары, были временными и питались от генератора, сходного с генератором пояса. Обычно между ними существовал сдвиг по частоте — как раз во избежание подобной неустойчивости. Однако последние пять недель О'Мара постоянно забирался в механизм решеток, да еще лез туда всякий раз, когда устраивал малышу баню, и, по видимому, сам того не зная, изменил частоту. Он понятия не имел, в чем именно состояла его промашка, да если б и знал, то времени ее исправить у него не было. Он снова осторожно включил пояс и стал медленно наращивать мощность. Первые признаки неустойчивости появились, когда отрицательная гравитация пояса достигла трех четвертей "же".

Четыре “же” минус три четверти — это чуть больше трех “же”. Похоже, придется работать без всяких послаблений, мрачно подумал О’Мара.

5.

Торопливо нахлобучив шлем, О’Мара протянул кабель от микрофона в скафандре к коммуникатору, чтобы можно было разговаривать и при том Какстон или монитор не догадались бы, что он в скафандре. Если уж добиваться отсрочки для окончания лечения, то они не должны заподозрить, что здесь происходит нечто необычное. Он принялся за наладку воздухообмена и гравитации.

Минуты за две атмосферное давление в каюте возросло в шесть раз, а искусственное тяготение увеличилось до четырех “же” — это было предельным приближением к “обычным” худларианским условиям, какого удалось достичь. Ощущая, как напряжены и едва не рвутся мышцы плеча — ведь пояс нейтрализовал лишь три четверти “же” из четырех, — О’Мара вытащил из отверстия в настиле невероятно тяжелую и неуклюжую болванку, в которую превратилась его рука, и тяжело перекатился на спину. Казалось, его дорогой полутонный малыш навалился ему на грудь; перед глазами прыгали большие черные мушки. Сквозь эти мушки проступала небольшая часть потолка и экран видеофона под каким-то невероятным углом. Человек на экране проявлял признаки нетерпения.

— Я тут, — с трудом проговорил О’Мара. Он пытался совладать с учащенным дыханием. — Вы, наверно, хотите услышать мою версию несчастного случая?

— Нет, — ответил монитор. — Я прослушал запись, сделанную Какстоном. Меня интересует ваше прошлое, до того как вы поступили сюда. Я наводил справки, и тут что-то концы с концами не сходятся...

Беседу прервал оглушительный рев. Хотя из-за повышенного давления малыш ревел натужным басом, О’Мара понял, что тот голоден и раздражен.

С огромным трудом он перевернулся на бок, затем оперся на локти. Какое-то время неподвижно лежал в таком положении, собираясь с силами, чтобы переместить

тяжесть тела на ладони и колени. Но когда ему наконец это удалось, он обнаружил, что руки и ноги набухли и, казалось, вот-вот лопнут от давления прихлынувшей к ним крови. Задышавшись, он опустил голову. Тотчас кровь хлынула в переднюю часть тела — и перед глазами поплыли красные круги. Он не мог ползти ни на четвереньках, ни на животе. И уж конечно, при трех “же” нечего было думать, чтобы просто встать и пойти. Что же еще оставалось?

Ценой героических усилий он снова повернулся на бок, а потом перекатился на спину, помогая себе на этот раз локтями. Воротник скафандра поддерживал голову на весу, но тонкие прокладки в рукавах не предохраняли локти. От напряжения отчаянно колотилось сердце. И, что хуже всего, он снова начал терять сознание.

Должен был быть какой-то способ, позволяющий уравновесить или по крайней мере распределить вес тела так, чтобы передвигаться, не теряя при этом сознания. Он попытался представить, как располагался человек в противоперегрузочных креслах, которые применялись на кораблях до появления искусственной гравитации. И вдруг вспомнил, что в них лежали не совсем плашмя, а подняв колени...

Медлительно, отталкиваясь то локтями, то спиной, то пятками, извиваясь словно змея, О’Мара двинулся к спальне. Могучие мышцы, которыми наградила его природа, теперь особенногодились — почти всякий в таких условиях беспомощно распластался бы на полу. Но все равно ему понадобилось целых пятнадцать минут, прежде чем он добрался до распылителя, и все это под непрерывный рев малыша. Звук был таким громким и низким, что от него, казалось, вибрирует каждая косточка.

— Мне необходимо с вами поговорить! — прокричал монитор в момент короткой паузы. — Неужто нельзя заткнуть глотку этому горластому младенцу?!

— Он голоден, — ответил О’Мара, — и успокоится, только когда будет сыт.

Распылитель был укреплен на тележке, и О’Мара приспособил к нему ножную педаль; теперь обе руки были свободны для того, чтобы наводить струю в цель. Прикованного к месту учетверенной силой тяжести, малыша не нужно было удерживать. Толкнув тележку плечом, чтобы

она заняла нужное положение, О'Мара локтем нажал на педаль. Возросшая сила тяжести загибала струю пищи к полу, но все же О'Маре удалось покрыть малыша слоем пищи. А вот очистить больные участки от питательной смеси оказалось труднее. Лежа на полу, струю воды совершенно невозможно было направить точно в цель. И все же ему удалось попасть в широкое ярко-синее пятно, образованное тремя слившимися воедино пятнами, и покрывавшее едва ли не четверть тела малыша.

Покончив с гигиенической процедурой, О'Мара выпрямил ноги и осторожно опустился на спину. Невзирая на силу тяжести в три "же", он чувствовал себя неплохо, хотя битых полчаса пытался удерживать тело в полусидячем положении.

Малыш прекратил ор.

— Я хотел сказать, — строго проговорил монитор, когда установилась тишина, — я хотел сказать, что отзывы о вас с прежних мест вашей работы не согласуются со здешними. Правда, и тут и там вас характеризовали как человека беспокойного и неудовлетворенного, но прежде вы пользовались неизменной симпатией товарищей и несколько меньшей — руководства: ваше начальство иногда ошибалось, вы же — никогда...

— Я был ничуть не глупее их, — устало возразил О'Мара, — и часто доказывал им это. Но на лице у меня было написано, что я неотесанный мужик!

Как ни странно, но все эти личные неприятности были сейчас ему почти безразличны. Он не мог отвести глаз от зловещего синего пятна на боку малыша: оно потемнело и припухло в середине. Создавалось впечатление, что сверхтвердый панцирь в этом месте как бы размягчился и колоссальное внутреннее давление распирает ФРОБа изнутри. О'Мара надеялся, что теперь, когда сила тяжести и давление достигли худларианской нормы, этот процесс приостановился — если только он не является симптомом какого-то совершенно иного заболевания.

О'Мара уже подумывал о следующем шаге — распылить питательную смесь прямо в воздух возле своего подопечного. На Худларе аборигены питались мельчайшими живыми организмами, находившимися в сверхплотной атмосфере, однако в справочнике недвусмысленно говорилось

о том, что частицы пищи не должны соприкасаться с поврежденными участками кожного наружного покрова, так что повышенного давления и гравитации, по-видимому, достаточно...

— Тем не менее, — продолжал свои рассуждения монитор, — случись подобное происшествие в одном из тех коллективов, где вы работали прежде, вашу версию приняли бы с полным доверием. Даже если б это произошло по вашей вине, все сплотилось бы вокруг вас, чтобы защитить от чужаков вроде меня. Отчего же вы из дружелюбного, благожелательного человека превратились в такого...

— Мне все надоело, — лаконично ответил О'Мара.

Малыш молчал, но характерное подергивание отростков предвещало приближение очередного взрыва страстей. И он разразился. На ближайшие десять минут всякие разговоры, разумеется, были исключены.

О'Мара приподнялся на боку и снова оперся на локти, уже ободранные и кровоточащие. Он знал, в чем дело: малышу недоставало обычной послеобеденной ласки. О'Мара медлительно добрался до веревок с противовесами, предназначенными для похлопываний, и приготовился было исправить свое упущение. Но увы — концы веревок находились в полутора метрах над полом.

Опершись на один локоть и изо всех сил пытаясь приподнять мертвенную тяжесть второй руки, О'Мара утешал себя мыслью, что веревка с таким же успехом могла находиться на высоте четырех миль. Пот градом катился по его лицу, он весь взмок, пока медленно, дрожа всем телом от напряжения, дотянулся до веревки и судорожно вцепился в нее. Схватившись за веревку мертвой хваткой, он осторожно опустил на пол, потянув ее за собой.

Устройство действовало по принципу противовесов, поэтому тут не требовалось прилагать особых усилий. Тяжелый груз аккуратно опустил на спину малыша, нанеся ему ласковый шлепок. Несколько минут О'Мара отдыхал, потом уцепился за вторую веревку, груз которой, опускаясь, поднимал первый груз.

Наградив юного худлярианина восемью шлепками, О'Мара обнаружил, что не видит конца веревки, хотя и ухитряется как-то всякий раз ее найти. Его голова слишком долго была выше уровня тела, и он находился на гра-

ни обморока. Уменьшившийся приток крови к мозгу вызвал и другие последствия... О'Мара с удивлением услышал собственный голос, который, сюсюкая, приговаривал:

— Ну-ну... все в порядке... папочка сейчас приласкает... ну, сейчас... баю-бай...

Но еще удивительнее было то, что он на самом деле ощущал ответственность и безумно боялся за малыша. Для того ли он его спас, чтобы сейчас с ним случилось этакое! Быть может, воздействие тяжести в три “же”, прижимавшей его к полу, при которой от простого вздоха устаешь, словно неделю трудился не разгибаясь, а каждое ничтожное движение требует запаса всех сил, — быть может, это напомнило ему страшную картину: медлительное, неумолимое сближение двух огромных непонятных неуправляемых металлических глыб?

Несчастный случай...

В тот злополучный день О'Мара был ответственным за сборку, и только он включил предостерегающие сигналы, как увидел двух взрослых худляриан, которые гонялись за своим шаловливым отпрыском по одной из сближавшихся конструкций. Через транслятор он потребовал, чтобы они немедленно покинули площадку, предоставив ему самому поймать малыша. Габариты О'Мары были гораздо меньше габаритов взрослых ФРОБов, а потому сближавшиеся поверхности стиснули бы их прежде, а он выгадывал эти несколько лишних минут, чтобы прогнать малыша к родителям. Но то ли трансляторы у ФРОБов были отключены, то ли они боялись доверить спасение своего детеныша крохотному человеческому существу — как бы то ни было, но они оставались в зазоре до тех пор, пока не стало слишком поздно. И у О'Мары на глазах сближающиеся конструкции поймали ФРОБов в ловушку и раздавили их.

Малыш уцелел только потому, что был мал и теперь копошился возле мертвых родителей, О'Мара кинулся к нему. Прежде чем поверхности сошлись, ему удалось выловить маленького ФРОБа из зазора и выскользнуть оттуда самому. В какой-то миг О'Маре даже показалось, что он уже не выдернет из щели и ноги.

Разве здесь место для детей, сердито подумал он, глядя на дрожащего, покрытого ярко-синими шершавыми пятна-

ми малыша. Необходимо запретить взрослым, кем бы они ни были, — даже таким могучим, как худлариане, брать сюда детей.

Но вот опять раздался голос монитора:

— Насколько я могу судить по тому, что слышу, — не без ехидства начал он, — вы самым лучшим образом заботитесь о своем подопечном. То, что малыш здоров и доволен, несомненно вам зачтется...

Здоров и доволен, подумал О'Мара, снова потянувшись за веревкой. Здоров...

— Но существуют и другие соображения. — Голос звучал все также спокойно. — Может быть, в несчастном случае повинны вы, потому что по небрежности не включили предостерегающие сигналы. К тому же, вопреки прежним отзывам, здесь вы проявили себя как человек грубый и задиристый, а ваше отношение к Уорингу... — Монитор неодобрительно поморщился. — Несколько минут назад вы заявили, что вели себя так, потому что вам все обрыдло. Объясните, что вы имели в виду.

— Минуточку, монитор, — вмешался Какстон, вдруг появившись на экране рядом с Крэйторном. — Я уверен, что все не просто так. Все эти задержки с ответами, это тяжелое дыхание и всякие там приговаривания "баю-баю, малыш" — это все разыгрывается специально, чтобы продемонстрировать, какая он великолепная нянька. Полагаю, следует доставить его сюда, чтобы он лицом к лицу...

— Вовсе не следует, — торопливо перебил О'Мара. — Я готов отвечать на любые вопросы сейчас.

Его воображение уже рисовало ужасную картину: он представил себе реакцию Какстона на состояние малыша; от этих мыслей О'Мара терял всякое самообладание. Какстон не станет долго думать, искать объяснений, не задастся вопросом, можно ли поручать младенца-инопланетянина человеку, который совершенно несведущ в его физиологии. Какстон будет просто действовать — и притом весьма энергично.

Что же касается монитора...

Из истории с несчастным случаем ему, может быть, и удастся выпутаться, думал О'Мара, но если к этому у него на руках умрет малыш, то тут уж не останется никакой

надежды. Сейчас необходимо было выиграть время. Четыре-шесть часов, если верить справочнику.

Внезапно он понял, что малыш обречен. Ему становилось все хуже: он стонал и дрожал, вызывая жалость и отчаяние. О'Мара беспомощно выругался. То, что он пытался сделать сейчас, следовало сделать с самого начала, а теперь уже поздно... Можно считать, что малыш погиб, а еще пять-шесть часов — и О'Мара сам протянет ноги или станет инвалидом на всю жизнь. И поделом!

6.

Малыш дал понять, что сейчас подаст голос, и О'Мара с мрачной решимостью снова приподнялся на локтях, готовясь к очередной серии шлепков. Следовало выиграть время, чтобы завершить начатую процедуру и ответить на все настойчивые вопросы монитора. Если малыш снова заревет, сделать это будет невозможно.

— ... за ваше искреннее сотрудничество, — сухо продолжал монитор. — Прежде всего я попрошу объяснить, что произошло с вашим характером.

— Мне в самом деле все обрыдло, — упрямо повторил О'Мара. — Здесь негде развернуться. Может быть, я и на самом деле стал нытиком. А теперь меня считают подонком, и я пошел на это вполне сознательно. Я достаточно читал, чтобы стать неплохим психологом-самоучкой.

И тут разразилась беда. Его локоть скользнул по полу, и он грохнулся навзничь с высоты трех четвертей метра. При утроенной силе тяжести это было равносильно падению со второго этажа. К счастью, тяжелый скафандр и шлем с прокладками смягчили удар, так что он не потерял сознания, но, падая, невольно судорожно схватился за веревку.

И это стало роковым.

Один груз опустился, другой резко взлетел и с треском ударился о потолок, сокрушив скобу, укрепленную на легкой металлической балке. Вся сложная конструкция стала разваливаться и, увлекаемая учетверенной силой тяжести, рухнула вниз прямо на малыша. О'Мара в своем состоянии не мог определить силу удара, который достался малышу, — был ли этот удар лишь немногим сильнее обычного унеси-

стого шлепка или гораздо более сильным — но малыш сразу затих.

— Я вас в третий раз спрашиваю, — монитор повысил голос, — что там у вас происходит, черт побери?!

О'Мара пробормотал что-то нечленораздельное. Но тут вмешался Какстон:

— Там творится неладное, и я готов поклясться, что это касается малыша. Я сам должен взглянуть...

— Подождите! — в отчаянии воскликнул О'Мара. — Дайте мне еще шесть часов!

— Я буду у вас через десять минут, — заявил Какстон.

— Какстон! — еще громче рявкнул О'Мара, — если вы войдете в шлюз, вы меня прикончите! У меня внутренний люк раскрыт настежь, и, если вы откроете наружный, весь воздух улетучится, а монитор лишится своего обвиняемого.

Наступила внезапная пауза, потом монитор спокойно спросил:

— Зачем вам нужны эти шесть часов?

О'Мара попытался тряхнуть головой, чтобы отогнать дурноту, но голова его теперь весила втрое больше обычного, и он едва не свихнул себе шею. В самом деле, зачем ему эти шесть часов, внезапно удивился он, оглядевшись и увидев, что распылитель и пищевой резервуар раздроблены свалившейся на них системой полиспастов. Теперь он не мог ни накормить, ни обмыть малыша, едва видного из-под обломков. Оставалось только уповать на чудо.

— Я разберусь, — упрямо сказал Какстон.

— Нет, — возразил монитор по-прежнему вежливо, но тоном, не допускающим возражений. — Я хочу добраться до сути. Вы подождите снаружи, а я пока побеседую с О'Марой один на один. Вот так. Ну, а теперь О'Мара — что там у вас... происходит?

Все еще лежа на спине, О'Мара пытался собраться с силами. Он пришел к выводу, что разумнее всего будет рассказать монитору все, как есть, а потом просить, чтобы на эти шесть часов его оставили в покое. Только это и могло спасти малыша. Но во время исповеди О'Мара чувствовал себя прескверно, все вокруг плавало в тумане, так что временами он сам не понимал, открыты ли у него глаза или закрыты. Он заметил все же, когда кто-то подсунул

монитору записку, но Крэйторн не стал ее читать, пока О'Мара не кончил.

— Вы попали в передрыгу. — Монитор бросил на О'Мару сочувственный взгляд, но тут же добавил уже суровее: — При обычных обстоятельствах мне пришлось бы поступить так, как вы настаиваете, и дать вам эти шесть часов. В конечном счете справочник у вас и вам виднее, как поступить. Но за последние несколько минут ситуация в корне изменилась. Мне сейчас сообщили, что прибыли два худларианина, причем один из них врач. Так что, думаю, лучше вам уступить, О'Мара. Вы старались изо всех сил, но теперь предоставьте делать это квалифицированным специалистам. — Он помолчал и добавил: — Ради вашего же малыша.

Три часа спустя Какстон, Уоринг и О'Мара сидели за столом напротив монитора.

— В ближайшие дни я буду занят, — оживленно сказал Крэйторн, — так что давайте быстрее покончим с этой историей. Прежде всего — несчастный случай. О'Мара, исход вашего дела целиком зависел от того, поддержит ли Уоринг вашу версию. Мне известно, что у вас на этот счет были какие-то весьма хитрые соображения. Показания Уоринга я уже слышал, но мне хотелось бы удовлетворить собственное любопытство, узнав, что он сказал по вашему мнению.

— Он подтвердил мои слова, — измученно ответил О'Мара. — У него не было иного выхода.

Он посмотрел вниз, на свои руки; мысленно он все еще находился рядом с безнадежно больным малышом, которого оставил в своей каюте. Снова и снова говорил он себе, что не виноват в случившемся, но где-то в глубине души чувствовал, что, прояви он большую сообразительность и начни лечение в худларианских условиях раньше, малыш был бы сейчас уже вполне здоров. В сравнении с этим результаты расследования не имели сейчас для него никакого значения — равно как и показания Уоринга.

— Почему вы считаете, что у него не было иного выхода? — продолжал настаивать монитор.

Какстон только рот раскрыл, вид у него стал весьма растерянный. Уоринг залился краской, всячески избегая взгляда О'Мары.

— Приехав сюда, — устало начал О'Мара, — я стал подыскивать себе какое-нибудь занятие, чтобы убить свободное время, и тут мне попался Уоринг. Я вел себя так в интересах Уоринга. Преследование было единственным способом воздействия на него. Но для ясности я должен вернуться немного назад. Из-за известной вам аварии реактора все ребята на нашем участке считали себя в неоплатном долгу перед Уорингом. Вы, вероятно, знаете подробности? Сам же Уоринг оказался не на высоте. Физически он никуда не годился — ему приходилось делать уколы, чтобы нормализовать кровяное давление, сил у него едва хватало, чтобы управляться с приборами, и он буквально захлебывался от жалости к самому себе. Психологически он являл собой развалину. Пеллинг уверял его, что через два месяца уколы уже будут не нужны, но Уоринг убедил себя, что у него злокачественная анемия. Вдобавок он считал, что стал стерильным, — и это вопреки всем уверениям врача, — отсюда все его поведение и все разговоры, от которых у любого нормального человека волосы вставали дыбом. Такое поведение — типичная патология, а у Уоринга никакой патологии не было. Когда я увидел, как обстоят дела, я начал при каждом удобном случае поднимать его на смех. Я безжалостно преследовал его. Так что ему было за что подтвердить мою версию. У него не было иного выхода. Этого требовало элементарное чувство благодарности.

— Начинает проясняться, — заметил монитор. — Продолжайте.

— Все вокруг чувствовали себя в неоплатном долгу перед Уорингом, — продолжал О'Мара, — но, вместо того чтобы поговорить с ним всерьез, они буквально душили его своей жалостью. Уступали ему во всех стычках, играх, пикировках и вообще относились так, будто перед ними эталонный хрупкий божок. Я в этом не участвовал. Стоило ему только распустить нюни или напартачить в каком-нибудь деле, как я выдавал ему по полной, независимо от того, происходило ли это от его воображаемой, самому себе внушенной немоги или от настоящей физической слабости, с которой он действительно не мог справиться. Может, иногда я бывал даже чересчур резок, но примите в расчет, что

я в одиночку пытался исправить тот вред, который причиняли ему пятьдесят молодцов, вместе взятых. Разумеется, Уоринг был бы рад съесть меня с потрохами, но зато со мной он всегда точно знал, чего он стоит. И я никогда не играл в поддавки. В тех редких случаях, когда Уоринг побивал меня, он знал, что это на самом деле и я сделал все возможное, чтобы этого не допустить. Именно в этом он со своими страхами больше всего нуждался — ему нужен был человек, который относился бы к нему, как к равному, не делая ему никаких скидок. И когда начались все мои неприятности, я был абсолютно уверен, что он сообразит, какую услугу я ему оказал, и что элементарная признательность и порядочность не позволят ему утаить факты, которые могут меня оправдать. Я оказался прав?

— Да, — сказал монитор. Он жестом усмирил Какстона, который вскочил со стула от возмущения, и опять обратился к О'Маре:

— А теперь перейдем к вопросу о детеныше. Вероятнее всего, ваш малыш подхватил одну из тех легких, но редких болезней, которые поддаются успешному лечению только в условиях родной планеты. — Крэйторн внезапно улыбнулся. — По крайней мере так считалось до сегодняшнего дня. Но сейчас наши худларианские друзья утверждают, что надлежащее лечение уже было организовано вами, так что теперь остается только выждать пару-другую дней и малыш придет в норму. Но они в претензии к вам, О'Мара, — сказал монитор. — Они говорят, что вы смастерили специальное устройство, чтобы ласкать и успокаивать малыша, и ласкали и успокаивали его гораздо чаще, чем нужно. Они считают, что вы самым настоящим образом перекормили и разбаловали их детеныша, так что теперь он общество человека предпочитает уходу своих соплеменников.

Какстон неожиданно грохнул кулаком по столу:

— Вы не должны ему спускать все с рук! — воскликнул он, побагровев. — Уоринг не всегда отвечает за свои слова...

— Какстон, — резко оборвал его монитор, — факты, которыми я располагаю, доказывают, что О'Мара не заслуживает ни малейшего порицания — как в момент несчастного случая, так и позднее, при уходе за малышом.

Однако я хотел бы продолжить разговор с ним; полагаю, вы окажете мне любезность, оставив нас одних...

Какстон пулей выскочил из кабинета. Уоринг, помешкав, последовал за ним. У двери оператор задержался, отпустил в адрес О'Мары крепкое словцо, потом вдруг ухмыльнулся и вышел. Монитор вздохнул.

— О'Мара, — сурово сказал он, — вы опять остались без работы, я стараюсь не лезть с непрошеными советами, но мне все-таки хотелось бы вам кое о чем напомнить. Через несколько недель начнет прибывать лечебный и технический персонал Госпиталя, куда войдет представители едва ли не всех обитателей Галактики. Моя обязанность — устроить их и не дать возникнуть трениям, чтобы со временем все могли как следует сработаться. Подобных прецедентов еще не было, и когда мое руководство посылало меня сюда, мне было сказано, что для такой работы понадобится хороший прирожденный психолог, обладающий достаточной долей здравого смысла и не боящийся обоснованного риска. Думаю, не стоит пояснять, что два таких психолога лучше, чем один...

О'Мара слушал внимательно, но все еще думал об ухмылке Уоринга. Он знал, что и малыш и Уоринг отныне пойдут на поправку, и, испытывая от этого немалое удовольствие, не мог ни в чем никому отказать. Но монитор, видно, не понял причины его рассеянности.

— Черт побери, я же предлагаю вам работу! Разве вы не видите, что она прямо-таки создана для вас?! Дружище, это Госпиталь, а вы только что вылечили вашего первого пациента!

ГЛАВА II

ГЛАВНЫЙ ГОСПИТАЛЬ СЕКТОРА

1.

Словно лампочки на невидимой раскидистой новогодней елке, сверкали на фоне бледной россыпи звезд огни Главного Госпиталя двенадцатого галактического сектора.

Его иллюминаторы светились желтым, и багрово-оранжевым, и мягким прозрачным зеленым, и жестким синим цветом. А кое-где были темными. Там, за непрозрачными металлическими экранами, располагались секции, где освещение было нестерпимо ярким или было темно и холодно, потому что тамошние обитатели не переносили даже слабого мерцания звезд.

А вот для тех, кто находился в тельфианском космическом корабле, только что вынырнувшем из гиперпространства и зависшем в двадцати милях от гигантского сооружения Госпиталя, ослепительная иллюминация видимых глазу излучений на таком расстоянии была слишком тусклой, чтобы различить ее без помощи оптических приборов. Тельфиане питались, поглощая радиоактивную энергию. Корпус тельфианского лайнера окружало мерцающее голубоватое радиоактивное сияние, а во внутренних отсеках уровень жесткой радиации держался на высокой отметке, что, впрочем, по тельфианским понятиям было вполне нормальным. А вот в носовой части крошечного корабля царил хаос. Тут по всему двигательному отсеку плавали части только что взорвавшейся сердцевины ядерного реактора — небольшие обломки с критической массой — и тут было слишком “жарко” даже для тельфиан.

Коллективно мыслящее групповое единство, которое являлось одновременно и капитаном тельфианского космического корабля и его командой, включило коммуникатор ближнего действия и заговорило на языке, который применялся для общения с существами, не способными к тельфианскому психослиянию, и сводился к стремительной череде жужжаний и пощелкиваний.

— Говорит тельфианское сточленное психоединство, — произнесло оно медленно и членораздельно. — У нас имеются пострадавшие, и нам требуется срочная помощь. Наша групповая классификация — ВТКМ, повторяю — ВТКМ...

— Пожалуйста, сообщите детали и степень срочности оказания помощи, — торопливо отозвался чей-то голос как раз в тот момент, когда тельфианин уже собрался повторить свое сообщение. Вопрос прозвучал на том же языке, которым пользовался капитан. Тельфианин поспешил сообщить подробности и замолчал в ожидании дальнейшего.

Его мозг и многочленное тело состояло из сотни элементарных существ. Одни из них были слепы, глухи и, может быть, даже мертвы и не воспринимали никакой чувственной информации, но были и другие, которые излучали волны такой безмерной, мучительной боли, что коллективное сознание содрогалось и корчилося в безмолвном сочувствии. Да ответит ли он, наконец, этот голос, думали они, и, если ответит, сможет ли им помочь?

— Вам запрещается приближаться к Госпиталю более чем на пять миль, — внезапно проговорил тот же голос, — иначе вы создадите угрозу космическому транспорту, а также существам с пониженной устойчивостью к радиации.

— Понятно, — сказал тельфианин.

— Отлично, — отозвался голос. — Вам, должно быть, известно, что представители вашего вида слишком “горячи” для нас, что исключает непосредственное общение с вами. Но дистанционно управляемые механизмы уже на пути к вам и они облегчат проблему эвакуации, если вы доставите пострадавших к самому большому люку корабля. А если это вам не удастся, не стоит волноваться: мы располагаем механизмами, которые сумеют проникнуть внутрь вашего корабля и вынесут пострадавших.

Голос сообщил еще, что Госпиталь надеется помочь пациентам, хотя точный прогноз в настоящее время невозможен, и умолк.

Тельфианин подумал про себя, что скоро боль, которая терзает его мозг и многочленное тело, исчезнет, но с нею исчезнет и добрая четверть самого тела...

С ощущением счастья, которое испытываешь, только когда позади у тебя восемь часов сна, внутри — отличный завтрак, а впереди — увлекательная работа, Конвей потопился к своей палате. Строго говоря, это нельзя было назвать “своей палатой” — если бы там произошло что-либо серьезное, то самое большее, чего ожидали от него, — это призыва о помощи. Однако Конвей находился в Госпитале всего лишь два месяца, а потому не придавал этому особого значения, понимая, что ему не скоро доверят большее, чем самые простые процедуры. Всякую информацию о любой форме внеземной психики можно получить

за считанные минуты с помощью мнемограммы, но умение использовать полученные сведения, особенно в хирургии, приходит только со временем. И Конвей готов был посвящать этому свою жизнь.

В поперечном коридоре он заметил своего знакомого из класса ФГЛИ, стажера-тралтана, горбатую слоноподобную тушу на шести губчатых ногах. Сегодня короткие ноги тралтана, казалось, прогибались больше обычного, а маленькое существо ОТСБ, жившее в симбиозе с громадной тушей, пребывало в бессознательном состоянии. На радостное: “С добрым утром!” — Конвей получил в ответ переведенное транслятором и потому, конечно, невыразительное: “К-ш-ш-ш!” Он усмехнулся в ответ.

Накануне в Приемной и вокруг нее царило заметное оживление. Конвея туда не пригласили, но тралтан выглядел так, словно не успел за ночь ни отдохнуть, ни разогнуться.

Через несколько шагов Конвей встретил второго тралтана, который неторопливо шествовал рядом с маленьким существом класса ДБДГ, сходным с самим Конвеем. Впрочем, не совсем сходным: термин ДБДГ означал всего лишь групповую классификацию, которая учитывала только основные физические признаки, вроде количества рук, ног, голов и их положения на теле. Это существо было семипалым, возвышалось над полом всего лишь на четыре фута и походило на кудлатого плюшевого медвежонка.

Руки ДБДГ были сплетены за спиной, а сосредоточенно-отсутствующий взгляд устремлен вниз. Его неуклюжий спутник выглядел таким же сосредоточенным, только его взгляд был устремлен вверх — вследствие иного расположения зрительных органов. И у того и у другого были профессиональные знаки отличия — золотые шевроны на рукавах, означавшие, что их владельцы являются по меньшей мере почтенными диагностами. Поравнявшись с ними, Конвей воздержался от приветствий и даже ступать постарался как можно тише.

Вероятно, они погрузились в глубокие размышления над какой-то медицинской проблемой, но с равным успехом могли просто повздорить и намеренно игнорировали друг друга. Диагносты вообще были странными существами.

Из громкоговорителей на каждом перекрестке раздавалась какая-то вземная тарабарщина, которую Конвей слушал вполуха, но, когда диктор внезапно переключился на земной язык и он уловил собственное имя, то от удивления замер как вкопанный.

— ... к двенадцатому входному шлюзу немедленно, — монотонно повторял голос. — Доктор Конвей, немедленно отправляйтесь к двенадцатому входному шлюзу. Классификация ВТКМ-23...

В первый момент Конвей подумал, что это к нему не относится, потому что речь шла о серьезном клиническом случае, ибо цифра 23 после классификационного индекса означала количество подлежащих лечению пациентов. И вдобавок сама эта классификация была для него совершенно новой. Правда, он подозревал, что такое сочетание букв вполне возможно — так могла обозначаться некая разновидность телепатических существ, жизнедеятельность которых основана на прямом потреблении радиации, и такие организмы, как правило, существуют в виде тесно взаимодействующей группы, или психоединства. Он все еще соображал, способен ли справиться с таким случаем, а ноги уже сами несли его к двенадцатому шлюзу.

Пациенты ожидали его возле шлюза в небольшом металлическом экранированном свинцовыми брусками ящике, погруженном на самоходную тележку. Санитар кратко объяснил Конвею, что существа называют себя тельфианами и, судя по предварительному диагнозу, работать с ними придется в радиационной операционной. Благодаря портативности своих пациентов, добавил он, Конвей может сэкономить время, взяв их с собой в секцию мнемোগрамм и оставив за дверью на время, пока он сам будет впитывать там тельфианскую мнемোগрамму.

Конвей благодарно кивнул, лихо прыгнул в тележку и включил мотор, будто делал это по сто раз на день...

В той приятной и деятельной жизни, которую он вел в этом весьма необычном месте, именуемом Общим сектором, только одно претило ему, и сейчас он снова столкнулся с этим, войдя в секцию мнемোগрамм: там находился на дежурстве монитор. А мониторов Конвей не выносил. На присутствие кого-либо из них он реагировал примерно

так же, как на носителя особо страшной инфекции. Конвей считал себя существом разумным, цивилизованным, не лишенным нравственных начал, а потому не способным всерьез возненавидеть кого-либо или что-либо, однако это не мешало ему совершенно не выносить мониторов. Он знал, разумеется, что время от времени в любом коллективе случаются срывы и всегда нужны люди, которые в этом случае предпримут определенные меры, необходимые для сохранения порядка. Но испытывая отвращения ко всякому насилию, Конвей органически не мог хорошо относиться к тем, кто такие действия предпринимал.

Да и было ли что этим мониторам вообще делать в Госпитале?

Человек в темно-зеленом комбинезоне, сидевший перед контрольной панелью информатора, слышав шаг, торопливо обернулся, и Конвей испытал еще один удар. В добавление к майорским нашивкам на плечах монитора красовались значки с изображением жезла и змеи — эмблемы врача!

— Меня зовут О'Мара, — достаточно приветливо представился он. — Я главный психолог этого бедлама. А вы, полагаю, доктор Конвей?

Он улыбнулся.

Конвей заставил себя улыбнуться в ответ, прекрасно сознавая, сколь вымученная его улыбка, и опасаясь, что собеседник это тоже понимает.

— Вам нужна тельфианская мнемोगрамма? — спросил О'Мара, голос его звучал уже менее приветливо. — Ну, доктор, на этот раз вам выпал действительно фантастический случай! Только закончив работу, постарайтесь как можно скорее стереть мнемोगрамму. Поверьте, это отнюдь не те воспоминания, что хотелось бы сохранить надолго. Поставьте вот здесь отпечаток пальца и присядьте вот туда.

Пока О'Мара закреплял на его голове налобную ленту и электроды образовательной машины, Конвей старался выглядеть особенно невозмутимым и не избегать жестких и умелых рук. Короткие волосы О'Мары отливали тусклым металлическим блеском, и взгляд у него тоже был металлический, колющий. Конвей понимал, что этот взгляд сейчас фиксирует все его реакции, а острый, пронизательный ум делает соответствующие выводы.

— Ну, вот и все, — сказал наконец О'Мара, когда сеанс закончился. — Да, пока вы не ушли, доктор, вот еще что: думаю, нам с вами не мешало бы провести небольшую беседу установочного характера, если можно так выразиться. Не сейчас, конечно, сейчас у вас серьезный случай, но и особенно не откладывая.

Конвей спиной ощущал на себе его цепкий взгляд, пока шел к двери.

Как ему сказали, он должен гнать из головы лишние мысли, чтобы вновь приобретенная информация улеглась в голове соответствующим образом. Однако он неотвязно думал о назначении монитора, который относился к высокопоставленной части постоянного персонала Госпиталя, да к тому же еще был врачом. Как можно совмещать две такие разные профессии? Конвей подумал о нарукавной повязке, которую носил. На ней были изображены черный и красный круги тралтан, пылающее солнце дышащих хлором илленсиан и обвивающая чашу змея земных медиков — известные всем медицинские символы трех главных рас Галактического союза. А тут этот доктор О'Мара, чьи петлицы на воротнике свидетельствовали, что он — целитель, а нашивки на рукавах говорили, что к медицине никакого отношения не имеет.

Одно теперь было ясно: отныне Конвей не успокоится, пока не разузнает, почему главный психолог Госпиталя является еще и монитором.

2.

Конвей впервые принял внеземную мнемограмму и теперь с интересом наблюдал, как раздваивается его сознание — верный признак того, что программа “прижилась”. Подойдя к операционной, он уже ощущал себя сразу двумя существами — и земным человеком по имени Конвей, и огромным пятисотчленным тельфианским психоединством, которое должно было регистрировать все, что касалось физиологии этой расы. В таком раздвоении состоял единственный недостаток системы мнемограмм, если это можно было считать недостатком. В мозгу, прошедшем “обучение”, в равной мере запечатлевались не только фак-

ты, но и личность существа, хранившего эти факты. Не удивительно, что диагносты, порой державшие в памяти до десяти мнемोगрамм сразу, вели себя несколько странно!

Диагност — самая важная фигура в Госпитале, размышлял Конвей, облачаясь в противорадиационные одежды и готовясь к предварительному осмотру своих пациентов. Все чаще он подумывал о том, чтобы самому стать диагностом. Основная задача диагноста состояла в том, чтобы, используя свою наполненную мнемोगраммами память, вести самостоятельные исследования в области ксенологической терапии и хирургии, прибегая к консилиуму лишь при отсутствии мнемोगраммы, когда необходимо поставить диагноз и наметить курс лечения.

Рядовые простенькие болезни и травмы их не касались. Чтобы диагност удостоил пациента своим вниманием, тот должен быть уникальным больным и лежать на смертном одре. Но уже если диагност взялся за него, считай, больной выздоровел, — диагносты с методичным однообразием творили чудеса. Конвей знал, что врачи более низкой квалификации всегда боролись с искушением не стирать содержимое мнемोगраммы, а сохранить его в памяти в надежде сделать какое-нибудь оригинальное открытие, которое их прославит. Однако люди здравомыслящие, подобные ему, этим искушением и ограничивались.

Хотя Конвей исследовал своих крохотных пациентов поодиночке, видеть их он все равно не мог, даже прибегнув к зеркалам и защитным экранам. Однако он знал, как они выглядят и внутри и снаружи — ведь мнемोगрамма, в сущности, превратила его в одного из них. Этих сведений вместе с результатами обследования и историей болезни было достаточно, чтобы приступить к лечению.

Пациенты Конвея составляли часть тельфианского психоединства, управляющего межзвездным кораблем, на котором произошла авария одного из ядерных реакторов. Эти маленькие, похожие на жучков и, если брать их порознь, весьма тупые создания были пожирателями радиации, но происшедшая вспышка была слишком мощной даже для них. Болезнь можно было классифицировать как исключительно тяжелый случай переедания в сочетании с чрезмер-

ной стимуляцией всех органов чувств, в особенности болевых центров. Поместив тельфиан в антирадиационный контейнер и посадив на голодную радиационную диету (что исключено в условиях их радиоактивного корабля), Конвей уже через несколько часов, похоже, для семидесяти процентов из них успешно провел бы лечение. Даже сейчас он мог сказать, кто из его пациентов попадет в число счастливиц. Судьба остальных была трагичной: даже избежав физической смерти, они испытают более страшную участь — утратят способность к взаимослиянию разумов, а для тельфиан это равносильно превращению в беспомощного калеку. Только приобщившись к образу мышления, характеру и инстинктам тельфианина, можно было осознать истинную глубину подобного несчастья. И, судя по истории болезни, на это обречены были именно те существа, которым удалось приспособиться к ситуации и сохранить способность действовать, что позволило за несколько секунд спасти корабль от полного уничтожения.

Впрочем, способ лечения этих несчастных все же существовал — единственный способ. В процессе подготовки сервомеханизмов к предстоящей процедуре Конвей не оставляла мысль, что способ этот в высшей степени нежелателен. Это был сознательный риск — ставка здесь делалась на объективную клиническую статистику, которую не в состоянии были изменить все его усилия. Он ощущал себя чем-то вроде обыкновенного механизма.

Быстро взявшись за дело, Конвей прежде всего удостоверился, что шестнадцать из его пациентов страдают тельфианским эквивалентом острого несварения желудка. Этим особей он отделил и заключил в закрытые, поглощающие радиацию сосуды, чтобы вторичное излучение их все еще "горячих" тел не тормозило процесса лечения. Сосуды он поместил в небольшую реакторную установку с нормальным для тельфиан уровнем радиации и к каждому сосуду подсоединил детектор, рассчитанный на снятие экранировки, как только спадет избыточная радиоактивность.

Семеро остальных тельфиан нуждались в особом лечении. Он поместил их в другой реактор, и когда настраивал приборы, чтобы воспроизвести условия, возникшие внутри корабля в результате аварии, раздался сигнал коммуника-

тора. Конвей прежде закончил наладку, все проверил и только потом отозвался:

— Слушаю.

— Говорит справочная. Доктор Конвей, с тельфианского корабля поступил запрос относительно пострадавших. Можете ли вы сообщить им какие-нибудь новости?

Конвей понимал, в данных обстоятельствах его новости не так уж плохи, но ему очень хотелось, чтобы они были лучше. Разрушение или перестройка однажды сформированного тельфианского психоединства была аналогична лишь смертельной травме, и Конвей, впитав мнемोगрамму, ощущал это всем своим существом. Он говорил, взвешивая каждое слово:

— Через четыре часа шестнадцать тельфиан будут в полном порядке, а из семи оставшихся, боюсь, половина умрет, но кто именно, станет ясно только через несколько дней. Я дал им двойную норму радиации и будут постепенно снижать этот уровень до нормального. Понятно?

— Я понял.

Через несколько минут коммуникатор снова ожил:

— Тельфианин остался доволен информацией и благодарит вас. Отбой.

Наверно, следовало бы радоваться, что он так успешно справился со своим первым самостоятельным случаем, а Конвей испытывал разочарование. Теперь, когда самое страшное было уже позади, в сознании его все как-то перемешалось. Неотвязно крутилась мысль, что семь пополам — это три с половиной. Так как же быть с этой чертовой половинкой тельфианина? Он все-таки надеялся, что в живых останутся четверо, а не трое, и что у всех четверых сохранятся все их способности. Он думал о том, как хорошо, наверно, быть тельфианином, непрерывно впитывать в себя радиацию и все богатые разнообразные ощущения составного тела. От этих мыслей собственное тело стало казаться ему каким-то одиноким. Не без усилия над собой он заставил себя покинуть уютное тепло радиационной.

Закрыв дверь, Конвей сел в тележку и направился обратно к входному люку. Самым правильным было бы теперь явиться в Образовательную секцию, чтобы стереть

тельфианскую мнемограмму, собственно, ему даже приказали так поступить. Но туда не хотелось идти; перспектива встречи с О'Марой не радовала, больше того — страшила. Конвей знал, что все мониторы ему неприятны, но тут примешивалось нечто другое. Скорее всего то, как отнесся к нему О'Мара при разговоре. Конвей ощущал себя приниженным, словно О'Мара в чем-то его превосходил, а он не мог мириться с мыслью о собственной приниженности рядом с каким-то жалким монитором!

Сила этих чувств пугала его; ему, человеку воспитанному, уравновешенному, вообще должны быть чужды подобные чувства, да еще если они близки к настоящей ненависти. Испугавшись — на сей раз самого себя, — Конвей решил взять себя в руки и постараться установить контроль над собственными мыслями. Тем более, что можно было повременить с визитом в Образовательную секцию под предлогом обхода своих палат. Это была вполне обоснованная отговорка на случай, если О'Мара заговорит об опоздании, а тем временем главного психолога могут вызвать куда-нибудь или он уйдет сам. Конвей очень рассчитывал на это.

Первый вызов у него был к АУГЛу с Чалдерскола II, единственному обитателю палаты, отведенной для больных этого вида. Конвей вошел в соответствующую защитную амуницию — в данном случае легкий водолазный костюм — и сквозь люк проник в цистерну с тепловатой зеленой водой, воспроизводящей среду обитания больного. Он достал инструменты из встроенного шкафчика и громко оповестил о своем присутствии. Если чалдер действительно спит и спросонья испугается, последствия могут быть очень серьезными. Один случайный взмах этого хвоста — и в палате будут уже не один, а два пациента.

Чалдер был покрыт мощной чешуйчатой броней и напоминал сорокафутового крокодила, только вместо лап у него были похожие на обрубки ласты, а середину туловища опоясывала бахрама лентообразных щупалец. Он вяло дрейфовал у дна большой цистерны, и единственным признаком жизни в нем были периодические завихрения воды возле жабр. Конвей провел предварительный осмотр — он немного припоздал из-за тельфиан — и задал обычные

вопросы. Ответ в какой-то немыслимой форме прошел сквозь воду, достиг транслятора, и в наушниках доктора раздалась медленная лишенная интонаций речь:

— Я тяжело болен, — сообщил чалдер, — я страдаю.

Врешь ты все, подумал про себя Конвей, врешь всеми своими шестью рядами зубов! Доктор Листер, директор Госпиталя и, возможно, лучший диагност современности обследовал этого чалдера вдоль и поперек. Его диагнозом было неизлечимое состояние ипохондрии. Далее он установил, что признаки перенапряжения отдельных чешуек в панцире пациента и чувство дискомфорта объясняются просто-напросто немыслимой ленью и обжорством. Каждый знает, что живые формы с наружным скелетом могут прибавлять в весе, наращивая плоть только изнутри! Диагносты никогда в своих определениях не ходили вокруг да около.

Чалдер действительно становился больным, когда возникла угроза, что его отправят домой. Таким образом Госпиталь приобрел постоянного пациента. Впрочем, того это все не волновало. Врачи и психологи продолжали осмотры существа, его посещали интерны и сестры многочисленных рас, представленных в администрации Госпиталя. Регулярно, через короткие промежутки времени, у него брали анализы и вводили лекарства, стажеры безжалостно валтузили чалдера с разной степенью жестокости, но ему это нравилось. Госпиталь был счастлив, что все устроилось подобным образом, и так же счастлив был пациент. Больше об отправке домой уже не было речи.

3.

Подплыв к люку в верхней части огромной цистерны, Конвей на мгновение замешкался: он как-то странно себя чувствовал. Предполагалось, что следующий вызов у него будет к двум дышащим метаном существам в низкотемпературную палату, но он почувствовал, что ему жутко туда не хочется. Несмотря на теплую воду и то, что он изрядно потрудился плавая вокруг массивного пациента, ему было холодно, кроме того, он отдал бы все на свете за то, чтобы в цистерне появилась орава студентов — просто для ком-

пании. Обычно Конвей не любил столпотворений, особенно если это были стажеры, но сейчас он ощущал себя отрезанным от мира, особенно одиноким, лишенным друзей. Ощущение это было столь сильно, что даже испугало его. Он подумал, что все определенно указывает на необходимость беседы с психологом, хотя и необязательно с О'Марой.

Этот участок Госпиталя своей конструкцией напоминал порцию спагетти — изогнутых и невообразимо перекрученных спагетти. Так, например, каждый коридор с атмосферой земного типа со всех сторон через определенные промежутки пересекали другие коридоры с иной атмосферой, давлением и температурой, как правило, смертельной для человека. Это было сделано затем, чтобы в случае срочной необходимости врач мог добраться до любого пациента в наикратчайшее время — мерить Госпиталь из конца в конец в заранее надетом защитном скафандре было и неудобно, и долго. Решили, что разумнее облачаться в скафандр соответствующего типа прямо у входа в палату каждого пациента, как это только что проделал Конвей.

Вспоминая географию этой секции Госпиталя, Конвей сообразил, что может срезать часть пути, если двинется заполненным водой коридором, ведущим в операционную чалдеров, выйдет через люк в хлорное отделение, поднимется на два этажа и окажется в метановой палате. Такой маршрут позволял еще хоть немного побыть в теплой воде, а Конвея явно знобило.

В хлорном отделении мимо Конвея на своих колючих, мембрановидных отростках с шорохом прополз выздоравливающий илленсанин ПВСЖ, и Конвею вдруг отчаянно захотелось заговорить с ним — о чем угодно. Но он заставил себя пройти мимо.

Защитный скафандр для пребывания в метановой палате существ типа ДБДГ, был чем-то вроде такого небольшого самодвижущегося танка. Изнутри в нем были установлены обогреватели, чтобы врач не замерз до смерти, а снаружи — охладители, чтобы излучаемое тепло не изжарило бедных пациентов; ведь для них даже смертельнейшие дозы радиации или хотя бы светового излучения были смертельными. Конвей, например, понятия не имел, по какому принципу действует сканирующее устройство, кото-

рым он пользовался для обследования пациентов — это знали разве что помешанные на технике типы с нашивками инженеров, — но он был убежден, что устройство это работает не с помощью инфракрасных лучей — они были слишком горячими для его пациентов.

В процессе работы Конвей добавлял все больше и больше тепла в скафандр, так что в конце концов пот уже капал с него градом, но ему по-прежнему было очень холодно. Внезапно его охватил страх. Что если он подцепил какую-нибудь болезнь? Снова выбравшись наружу, на свежий воздух, он торопливо поглядел на крохотный циферблат, вшитый в кожу предплечья. Пульс, дыхание, гормональный обмен — все было в норме, если не считать небольших отклонений, вызванных испугом; в крови тоже не было никаких чужеродных тел. Что же все-таки с ним происходит?

Конвей поспешил закончить обход. Он снова ощущал смятение. Если его собственное сознание выкидывает такие шутки, необходимо предпринять соответствующие меры. Видимо, это как-то связано с тельфианской мнемोगраммой. О'Мара говорил об этом, но сейчас Конвей никак не мог припомнить, что именно. Но в комнату мнемозаписи он пойдет прямо сейчас, там О'Мара или нет.

По пути ему встретились два монитора, оба вооруженные. Конвей почувствовал к ним обычную неприязнь, его также немало шокировало, что они разгуливают по Госпиталю с оружием, и в то же время ему захотелось хлопнуть их по плечу или даже крепко обнять: он отчаянно желал, чтобы вблизи были люди, разговаривали, обменивались идеями и впечатлениями, чтобы не чувствовать себя таким до ужаса одиноким. Когда они с ним поравнялись, Конвей даже выдавил смущенное “привет”. Впервые в жизни он первым заговорил с монитором.

Один из мониторов слегка улыбнулся, другой кивнул в ответ. Оба, пройдя мимо, удивленно взглянули через плечо: зубы Конвея выбивали отчаянную дробь. Но теперь решение обратиться к психологу почему-то уже не казалось ему таким удачным. Там было холодно и мрачно, а единственным собеседником вполне мог оказаться О'Мара.

Конвею же хотелось затеряться в толпе, и чем больше была бы эта толпа, тем лучше. Он вспомнил о столовой неподалеку и свернул к ней. На пересечении коридоров ему попала на глаза табличка с надписью: “Диетическая столовая, палаты 52 — 68, существа типа ДБДЛ, ДБЛФ и ФГЛИ”. Тут он вспомнил, что страшно замерз...

Диетологи были слишком заняты, чтобы обращать внимание на посетителя. Конвей пригладел хорошо раскалившуюся плиту и улегся на нее, с наслаждением окунувшись в поток ультрафиолетовой антисептической радиации, омывавшей это импровизированное ложе, и совершенно игнорируя запах горелой ткани, издаваемый его легким костюмом. Теперь ему стало теплее, чуточку теплее, но страшное ощущение полнейшего и глубочайшего одиночества по-прежнему не покидало его. Такой одинокий, никем не любимый, никому не нужный... О, лучше бы и вовсе не появляться на свет...

Когда несколько минут спустя, наспех натянув тепловой скафандр какого-то диетолога, к нему подбежал один из встреченных им в коридоре мониторов, которые заинтересовались его странным поведением, тот увидел, что по лицу Конвея катятся крупные, тяжелые слезы...

— Вы очень везучий и очень глупый юнец, — произнес чей-то хорошо знакомый голос.

Приоткрыв глаза, Конвей обнаружил, что лежит в кресле для стирания мнемোগрамм, а над ним склонились О’Мара и еще какой-то монитор. Спина у Конвея напоминала слегка недожаренный бифштекс, а тело жгло, как от сильного солнечного ожога. Гневно глядя на Конвея, О’Мара снова заговорил:

— Везучий, потому что не обожглись всерьез и не ослепли, а глупый — ибо забыли сообщить мне существеннейшую деталь: что впервые в жизни работаете с мнемограммой...

Эти слова О’Мара произнес чуть виноватым тоном и пояснил, что, скажи ему Конвей об этом, он, О’Мара, подверг бы Конвея гипнообработке, которая позволила бы доктору отличать свои собственные желания от потребностей тельфиан, совладельцев его мозга. О’Мара лишь тогда

сообразил, что Конвей в этом деле новичок; когда заполнял его карточку с отпечатками пальцев, и будь он проклят, если ему скажут, что в таком гигантском заведении можно запомнить, кто тут новичок и кто нет. Но в любом случае, если б Конвей побольше думал о своей работе и поменьше о том, что получает программу от ненавистного монитора, ничего подобного бы не случилось.

Конвей, как ядовито продолжал О'Мара, оказался самоуверенным фанатиком и даже не пытался скрыть, что чувствует себя оскверненным, если к нему прикасается такой невежа, как монитор. У него, у О'Мары, просто не укладывается в голове, как может придерживаться подобных взглядов человек, у которого достаточно ума, чтобы получить назначение в этот Госпиталь.

Конвей чувствовал, что лицо у него пылает. Как глупо было с его стороны не сказать психологу, что он новичок! О'Маре ничего не стоило обвинить его теперь в пренебрежении личной безопасностью — а в таком многовидовом госпитале это приравнивалось к беспечности по отношению к пациенту, — и тогда Конвея вышвырнут вон.

Второй монитор, который и доставил Конвея сюда, глядел сейчас на него с веселой усмешкой. И с этим Конвеем даже труднее было примириться, чем с руганью О'Мары.

— ... а если вам все еще невдомек, что случилось, — устало продолжал О'Мара, — то, да будет вам известно, что вы — конечно по неопытности — допустили, чтобы личность тельфианина, записанная в программе, временно подавила вашу собственную личность. Тельфианская потребность в жесткой радиации, мощном потоке тепла и света и, наконец, в духовном слиянии, необходимом для группового психоединства, стала вашей собственной потребностью — разумеется, выраженной в соответствующих человеческих чувствах. Вы начали воспринимать все окружающее с позиций тельфианина, а тельфианский индивидуум — если он лишен духовных контактов со своей группой — это поистине существо несчастное!

Постепенно О'Мара успокаивался. Теперь его голос звучал почти бесстрастно:

— Вы обгорели немного сильнее, чем при солнечном ожоге. Спина ваша еще какое-то время поболит, потом на-

chnet зудеть. Так вам и надо. А теперь убирайтесь. Я не желаю вас видеть до послезавтрашнего дня. Постарайтесь прийти ко мне в девять часов утра. Рассматривайте это как приказ. Нам необходимо кое о чем потолковать, не забыли?

Снаружи, в коридоре, наряду с полным опустошением Конвей почувствовал гнев — исключительно паршивое состояние, грозящее перейти в срыв. За все двадцать три года жизни он не мог припомнить, чтобы ему было так плохо в моральном плане. Его заставили почувствовать себя маленьким мальчиком — маленьким, плохим, неприспособленным мальчиком. Это доставляло боль, ибо Конвей всегда был хорошим, воспитанным ребенком.

Он не замечал, что его спаситель по-прежнему стоит рядом с ним, до тех пор, пока тот не заговорил.

— Пусть вас не беспокоит поведение майора, — доброжелательно посоветовал монитор. — На самом деле он приятный человек, вы сами в этом убедитесь при следующей встрече. Сейчас он просто устал и немного на взводе. Понимаете, только что прибыли три экипажа мониторов и прибудут еще, но в данный момент от них мало проку. У большинства сильнейшее нервное истощение после боевых действий. Майор О'Мара со своим персоналом должны оказать им психологическую первую помощь, прежде чем...

— Нервное истощение! — воскликнул Конвей самым язвительным тоном, на какой только был способен. Он до глубины души устал от того, что ему либо устраивают разносы, либо сочувствуют те, кого он считал ниже себя и в моральном и в интеллектуальном отношении. Полагаю, — добавил он, — это значит, что они устали убивать людей?

Конвей увидел, как лицо администратора стало жестким и что-то вроде боли и гнева одновременно мелькнуло в его глазах. Монитор застыл на месте. Он открыл было рот наподобие О'Мары, чтобы разразиться обличительной речью, но передумал.

— Для человека, который пробыл здесь два месяца, у вас, мягко говоря, весьма превратное мнение о Корпусе мониторов. Я никак не могу понять: вы были слишком заняты, чтобы порасспросить людей, или на то есть еще какие-то причины?

— Нет, — холодно ответил Конвей, — но там, откуда я прибыл, мы не осуждали деятелей вашего типа, предпочли более приятные темы.

— Полагаю, — сказал монитор, — что всем вашим друзьям — если таковые, конечно, имелись — было приятно лишь похлопывать друг друга по спине.

Он развернулся и зашагал прочь.

При мысли о том, что что-то тяжелее пера коснется его обожженной, извращенной спины, Конвей невольно поморщился. Но он задумался и о предыдущих словах собеседника. Итак, его мнение о мониторах было превратным? Значит, они хотели, чтобы он простил насилие и убийства и водил дружбу с теми, кто нес ответственность за преступления? Еще он отметил прибытие нескольких экипажей мониторов. Зачем? Для чего? Его до сих пор непоколебимую самоуверенность стало подтачивать беспокойство. Что-то он здесь упустил из виду, что-то весьма важное.

Когда он впервые прибыл в Госпиталь, существо, которое давало необходимые инструкции и назначения, провело с ним небольшую ободряющую беседу. Оно сказала, что доктора Конвея рады здесь видеть после успешной сдачи множества тестов и надеются, что он обретет свое счастье в работе. Время испытаний теперь прошло, и никто не будет к нему цепляться, но если по какой-либо причине — от тренировок с соотечественниками или представителями других рас или еще каких-то проявлений ксенофобии — он будет так мучиться, что не сможет оставаться здесь долее, то с огромным сожалением его отпустят.

Конвею так же посоветовали как можно больше расширить круг своего общения с особями различных видов и добиться если не дружбы с ними, что хотя бы взаимопонимания. В конце беседы ему сказали, что если у него по неведению или по какой другой причине возникнут сложности, то достаточно обратиться к одному из двух землян, которых зовут О'Мара и Брайсон — в зависимости от характера неприятностей. Впрочем, при необходимости он мог бы обратиться к любому специалисту любой расы.

Сразу после этого он встретился с заведующим хирургическим отделением, в которое его назначили, очень способным землянином по фамилии Маннон. Доктор Маннон

еще не стал диагностом, хотя и очень к этому стремился, а посему большую часть времени вел себя вполне по-человечески. Он являлся гордым владельцем маленькой собачки, которая так к нему привязалась, что внеземные посетители были склонны предполагать наличие у них симбиотической связи. Доктор Маннон очень нравился Конвею, но теперь он начинал понимать, что его начальник — единственный из соотечественников, к кому он испытывает дружеские чувства.

Наверняка, факт был немного странным. Это заставило Конвея начать копать в себе.

После вышеупомянутого инструктажа он считал, что все идет нормально, особенно после того, когда обнаружил, как легко заводятся знакомства среди внеземных представителей персонала Госпиталя. Он не испытывал теплых чувств к своим земным коллегам — за одним исключением — из-за их склонности к легкомыслию и цинизму по отношению к той весьма важной работе, которую и он и они выполняли. Но мысль о возникновении трений была смешотворной.

Однако так было до сегодняшнего дня, пока О'Мара не заставил его почувствовать себя маленьким и глупым, не обвинил в фанатизме и нетерпимости и не разбил его эго на мелкие кусочки. Это вполне определенно указывало на возникновение трений, и Конвей понимал, что, если подобное отношение мониторов не измениться, он будет вынужден покинуть Госпиталь. Он был культурным и порядочным человеком — какое мониторы имеют право его отчитывать? У Конвея это просто не укладывалось в голове. Однако две вещи он знал наверняка: он хотел остаться в Госпитале, а чтобы сделать это, ему была нужна чья-то помощь.

4.

Неожиданно в его мыслях всплыла фамилия “Брайсон” — одна из двух, названных ему на случай неприятностей. О'Мара отпадал, а вот этот Брайсон...

Конвей никогда не встречал человека с такой фамилией, но, справившись у проходившего мимо тралтанина,

выяснил, куда следует идти. Но дошел он только до двери с табличкой “Капитан Брайсон. Корпус мониторов. Капеллан”, и рассерженный повернул обратно. Еще один монитор! Теперь оставался лишь один человек, который мог бы ему помочь — доктор Маннон. Сначала стоит попробовать этот вариант.

Но когда Конвей нашел своего начальника, тот был запечатан в операционной для ЛСВО, где ассистировал хирургу-диагносту с Тралтана при очень сложной операции. Он поднялся на смотровую галерею и стал ждать, когда освободится Маннон.

Существо ЛСВО прибыло с планеты, обладающей плотной атмосферой и ничтожным притяжением. Оно было крылатым и исключительно хрупким, поэтому притяжение в операционной почти полностью отсутствовало, а хирурги были пристегнуты к своим местам вокруг операционного стола. Маленький ОТСБ, живущий в симбиозе со слоноподобным тралтанином, пристегнут не был, но его надежно держало над столом одно из вспомогательных щупалец хозяина. Конвей знал, что ОТСБ не может терять физический контакт со своим партнером более чем на несколько минут, не нанеся при этом тяжелую травму собственной психике. Несмотря на собственные неурядицы, Конвею стало интересно, и он сосредоточился на работе хирургов.

Часть пищевого тракта пациента была вскрыта, обнажив прилепившуюся к стенке рыхлую опухоль голубоватого цвета. Без физиологической мнемोगраммы ЛСВО Конвей не мог определить, было ли состояние пациента серьезным или нет, но технически операция была безусловно сложной. Об этом можно было судить по тому, как Маннон склонился над существом, и по плотно свитым в кольца бездействующим щупальцам тралтанина. Как и обычно, маленький ОТСБ с помощью густых зарослей своих щупалец толщиной с волосок, имеющих глаза и присоски на концах, выполнял исключительно тонкую исследовательскую работу — посылал подробнейшую визуальную информацию об операционном поле своему огромному хозяину, получая в ответ инструкции, основанные на этих данных. Тралтанин и доктор Маннон уже приступили к относительно грубой работе — они что-то зажимали, перевязывали, промокали тампонами.

Собственно Маннону оставалось, в основном, только наблюдать, как хозяин управляет сверхчувствительными щупальцами паразита, но Конвей знал, что землянин горд возможностью исполнять даже такую роль. Симбиоты с Тралтана являлись величайшими хирургами, которых знала Галактика. Все хирурги были бы тралтанами, если бы не размеры и особенности организма последних, что исключало лечение ими некоторых разумных форм.

Конвей встретил хирургов у выхода из операционной. Одно из щупалец тралтана скользнуло вперед и резко хлопнуло Маннона по голове — жест, означающий глубокое одобрение, — и тут же из-за входной двери вылетел комок из меха и зубов и набросился на огромное существо, которое явно напало на его хозяина. Конвей наблюдал за этим спектаклем уже не раз, но сцена по-прежнему вызвала смех. Внеземное существо возвышалось и над Манноном и над его собакой. В то время как пес бешено облаивал его вызывая врага на смертельную дуэль, тралтанин подался назад и с притворным испугом прокричал:

— Спасите меня от этого страшного зверя!

Собачка обогнула гиганта, с лаем набрасываясь на толстый кожистый покров, защищающий шесть массивных ног. Продолжая звать о помощи и стараясь не раздавить крошечного нападающего слоноподобной ногой, тралтанин поспешно ретировался. Постепенно звуки схватки удалились в конец коридора.

Когда шум стих настолько, что Конвея можно было услышать, он произнес:

— Доктор, не могли бы вы мне помочь? Я нуждаюсь в совете или хотя бы в информации. Но дело это достаточно деликатное...

Конвей увидел, как брови Маннона поползли вверх, а уголки рта изогнулись в улыбке.

— Конечно, я буду рад вам помочь, — ответил он, — но боюсь, что в данный момент от любого моего совета будет мало толку.

Маннон скорчил противную рожу и повел сверху вниз руками.

— Я все еще нахожусь под действием мнемोगраммы ЛСВО. Вы знаете, как это выглядит: одна моя половина

думает, что я — птица, а другая находится по этому поводу в замешательстве. Но что за совет вам необходим? — продолжил он, странно склонив голову на птичий манер. — Если это особая форма помешательства, называемая влюбленностью, или другое психическое отклонение, я советовал бы повидаться с О'Марой.

Конвей поспешно покачал головой: кто угодно, только не О'Мара.

— Нет, — сказал он. — Скорее это философский вопрос, имеющий отношение к этике, возможно...

— И это все?! — воскликнул Маннон. Он собирался сказать что-то еще, но тут его лицо застыло, и он стал внимательно прислушиваться. Неожиданно он дернул рукой, указывая пальцем на ближайший настенный громкоговоритель.

— Разрешение ваших тяжких проблем придется отложить, — мягко сказал он, — вас разыскивают.

— ... доктор Конвей! — оживленно вещал громкоговоритель. — Вам надлежит пройти в комнату номер восемьдесят семь и проследить за введением стимуляторов...

— Но восемьдесят седьмая даже не в нашем секторе, — запротестовал Конвей. — Что тут происходит?..

Неожиданно Маннон помрачнел.

— Кажется, я знаю, — сказал он, — и советую вам приберечь пару доз для себя — скоро они вам понадобятся.

Он резко повернулся и заспешил прочь, что-то бормоча о необходимости побыстрее стереть мнемोगрамму, пока его тоже не вызвали.

Комната номер 87 оказалась помещением для отдыха персонала отделения скорой помощи. В креслах, на столах и даже на полу — повсюду сидели люди в зеленой форме мониторов. Когда Конвей вошел у некоторых даже не хватило сил повернуть голову в его сторону. Один из мониторов с большим усилием выбрался из кресла и подался к нему. Следом за ним — второй, с нашивками майора на плечах и змеей, обвившей чашу в петлицах.

— Максимальную дозу, — сказал он и начал закатывать рукав мундира. — Начнем с меня.

Конвей огляделся. В комнате находилось человек сто с явными признаками крайнего переутомления, да и их пе-

пельно-серые лица говорили сами за себя. Конвей по-прежнему не испытывал к мониторам особых симпатий, но эти, вне зависимости от его эмоций, были пациентами, и оказать им помощь было его прямым долгом.

— Как врач я вам этого настоятельно не советую, — отчеканил Конвей. — Очевидно, что вы и так уже приняли достаточно стимуляторов, даже более чем достаточно. Что вам необходимо, так это сон...

— Сон? — раздался откуда-то голос. — А что это такое?

— Успокойся, Тейрнан, — устало откликнулся майор и обернулся к Конвею. — Как врач я понимаю всю степень опасности. Предлагаю: давайте не терять зря время.

Быстро и профессионально Конвей сделал уколы. Представшие перед ним люди с усталыми взглядами и непослушными телами уже через пять минут с неестественным блеском в глазах упругим шагом покидали помещение. Не успел он покончить с уколами, как снова услышал свое имя — громкоговоритель приказывал ему прибыть к шестому доку и ждать там дальнейших распоряжений. Конвей знал, что шестой является вспомогательным причалом к сектору экстренной помощи.

Торопясь побыстрее добраться до места. Конвей вдруг сообразил, что он устал и проголодался, но продолжения его мыслям не дали громкоговорители, которые объявили общий вызов всем интернам в отделение скорой помощи и приказали эвакуировать прилегающие помещения куда только возможно. Объявления перемежались незнакомой речью, повторяя те же распоряжения на языках, понятных для внеземного персонала.

Стало очевидно, что отделение скорой помощи расширяется в аварийном порядке. Но почему и откуда берутся все эти пострадавшие... Мысли Конвея смешались настолько, что он даже забыл поставить знак вопроса.

5.

У дока номер шесть диагност с Тралтана что-то горячо обсуждал с двумя мониторами. При виде столь дружелюбных взаимоотношений между высококлассным специалистом и каким-то жалким администратором Конвей испытал

чувство неприязни, но тут же признался себе, что больше его уже ничто не удивит. Еще два монитора сидели перед видеопанелью прямого обзора.

— Здравствуйте, доктор! — приветливо сказал один из них и кивнул на экран. — Они разгружаются у доков номер восемь, десять и одиннадцать. Теперь хватит работенки на всех.

Большая прозрачная панель являла собой внушительное зрелище: Конвей еще никогда не видел такого количества космолетов одновременно. Более тридцати серебристых игл — от десятиместных прогулочных яхт до гулливеровских транспортов Корпуса мониторов — медлительно перемещались по сложным траекториям вокруг друг друга в ожидании разрешения на пристыковку.

— Ну и мудреная эта работа, — заметил дежурный монитор.

Для того, чтобы надежно защитить корабль от космических тел, противометеоритные экраны устанавливались на расстоянии пяти миль — еще дальше, если корабль был большим. Но космолеты находились буквально в сотне ярдов друг от друга, и единственной их защитой служило искусство пилотов. Для последних это было нелегким испытанием.

Не успел Конвей толком осмотреться, как уже прибыли три интерна-землянина. Скоро за ними последовали два покрытых рыжей шерстью ДБДГ и похожий на гусеницу ДБЛФ — все с эмблемами врачей. Раздался лязг металла о металл, и красные сигнальные огни сменились на зеленые, указывая, что очередной корабль пристыковался правильно. Открылись люки, и хлынул поток пациентов.

Мониторы вносили на носилках существ двух видов: гуманоидов ДБДГ и гусениц подобных ДБЛФ. Задачей Конвея и остальных врачей было обследовать больных и отправить их в соответствующую палату скорой помощи. Он приступил к работе. Ему ассистировал монитор, представившийся Вильямсоном и оказавшийся опытным медбратом, хотя и без соответствующей эмблемы.

Состояние первого пациента привело Конвея в шок, но не потому, что оно было серьезным, а из-за характера повреждений. Вид третьего заставил его остановиться, и монитор вопросительно посмотрел на врача.

— Что же это за несчастный случай? — взвился Конвей. — Множественные колотые раны, да еще с обожженными краями. Проникающие ранения, как от осколков взрыва. Каким образом?..

— Мы особо, конечно, не распространялись, — ответил монитор, — но я думал, что слух дошел до всех.

Губы монитора поджались, а взгляд приобрел уже знакомое Конвею выражение.

— Они решили повоевать, — продолжал Вильямсон, кивнув в сторону пострадавших. — Боюсь, что, прежде чем мы справились с ситуацией, дело зашло довольно далеко.

Война!.. — с отвращением подумал Конвей. Разумные существа, у которых так много общего, пытаются убить друг друга. Он слышал, что эпизодически такое случалось, но никогда по-настоящему не верил, что какое-либо разумное существо может лишиться разума до такой степени. Так много жертв...

Он не в такой мере погрузился в мысли о том, как отвратительны и недопустимы столь грязные дела, чтобы не отметить довольно странный факт: выражение лица монитора отражало его собственные чувства. Если Вильямсон испытывает те же чувства, что и он, то, возможно, настало время пересмотреть свои взгляды на Корпус мониторов в целом.

Неожиданно справа от Конвея возникло какое-то движение, привлечшее его внимание. Пациент-гуманоид в оскорбительном тоне категорически отказывался подчиниться интерну ДБЛФ, который пытался его обследовать. Врач был обескуражен и старался ровным тоном переубедить больного.

Дело уладил Вильямсон. Он подскочил к громко протестующему раненому и склонился над ним, так что их лица оказались в нескольких дюймах друг от друга. Раздался тихий, почти дружелюбный голос, от которого, тем не менее, по спине Конвея пробежал холодок.

— Послушай-ка, приятель, — поинтересовался монитор, — говоришь, ты отказываешься подчиняться ползучим вонючкам, что хотят тебя уколошить? Так вот крепко запомни: эта конкретная вонючка является здесь врачом. К тому же в нашем заведении не бывает войны. Поэтому заткнись, не трепыхайся и води себя хорошо. Все мы — солдаты одной армии, а ваши мундиры — пижамные куртки.

Заруби это все на своем носу — в противном случае я его отстригу.

Конвей снова принялся за работу, еще раз отметив необходимость переосмыслить свое отношение к мониторам. Станным образом, в то время как его руки занимались извращенными, покалеченными и обожженными, мысли были заняты совсем другим. Он все еще удивлялся поведению Вильямсона, подтверждавшему, что все говорившееся о мониторах — ложь. Был ли этот неутомимый, спокойный, надежный как гранит человек убийцей и садистом с низким интеллектом и отсутствием морали? В это было трудно поверить. Украдкой поглядывая на монитора, Конвей постепенно принял решение. Выполнить его было трудно. Если он не будет осторожным, у него точно что-нибудь отстригут.

Вариант с О'Марой исключался; с Брайсоном и Манноном по разумным причинам — тоже, а вот Вильямсон...

— А... э-э, Вильямсон, — неуверенно начал Конвей и закончил скороговоркой, — вы когда-нибудь убивали?

Монитор резко выпрямился, губы его слились в одну бескровную линию.

— Доктор, — сказал он без всякого выражения, — вам не страшно задавать подобные вопросы монитору?

Он заколебался, видимо, его смутило выражение лица врача, отражавшее его переживания, и любопытство явно пересилило гнев.

— Что вас гложет, док? — требовательно спросил он.

Конвей от всей души жалел, что задал свой дурацкий вопрос, но теперь отступать было уже поздно. Поначалу, запинаясь, он начал рассказывать и о своих идеалах, и о любви к профессии, и о той тревоге и озабоченности, которые возникли, когда он обнаружил, что главный психолог Госпиталя — учреждения, как он считал, которое удовлетворяет всем его высшим помыслам — является монитором, да и другие ответственные посты, возможно, тоже занимают члены их корпуса. Мол, он знает, что не все в корпусе плохо — ну вот они сейчас прислали, например, свои медицинские подразделения, чтобы помочь Госпиталю в чрезвычайной ситуации. И все же — мониторы!..

— Я нанесу вам еще один удар, — сухо заметил Вильямсон, — сообщив о таком общеизвестном факте, что о

нем никто уже не вспоминает: доктор Листер, начальник Госпиталя, тоже офицер корпуса. Конечно, он не носит форму, — поспешно добавил Вильямсон, — ибо диагносты забывчивы и не обращают внимания на мелочи. А к неаккуратности Корпус относиться неодобрительно, даже если это касается — как в данном случае — генерал-лейтенанта.

Листер — и тот монитор!

— Но почему?! — произвольно воскликнул Конвей. — Ведь всем известно, кто вы такие. Как вам удалось захватить тут власть? В этом месте? У тех, кто...

— Очевидно, никому ничего неизвестно, прервал его Вильямсон, — хотя бы потому, что это неизвестно вам.

6.

Когда, покончив с очередным пациентом, они занялись следующим, Конвей понял, что монитор больше не сердится. У него было выражение лица родителя, собирающегося поведать своему отпрыску о не самых хороших сторонах жизни.

— В основном, — начал Вильямсон, бережно стягивая полевую форму с раненого ДБЛОФ, — все ваши проблемы — да и проблемы всего вашего социума — кроются в том, что вы слишком защищены.

— Как-как? — переспросил Конвей.

— Вы защищенные существа, — повторил монитор. — Вы защищены от всех жестокостей современной жизни. Из вашего социума — не только с Земли, а и со всех миров Федерации — выходят практически все великие артисты, музыканты и ученые. Большая их часть доживает до конца своих лет в полном неведении, что, начиная с самого детства, их охраняют, что они ограждены от большинства реалий нашей так называемой межзвездной цивилизации. Что их пацифизм и этические нормы — это роскошь, которую большинство из нас просто не могут себе позволить. Вам эта роскошь дана в надежде, что в один прекрасный день на базе этого родится философия, которая позволит каждому существу в Галактике стать действительно цивилизованным и гуманным.

— Н-не знаю, — запнулся Конвей. — В-вы... вы заставляете думать меня о нас — я имею в виду о себе — как о таком беспомощном...

— Ну, конечно же, вы о многом не знали, — успокаивающе ответил Вильямсон.

Конвей был удивлен, что такой молодой человек говорит с ним, как с ребенком. Создавалось впечатление, что он почему-то имеет на это право.

— Вероятно, вы были замкнутым, неразговорчивым человеком, отгородившимся от мира своими высокими идеалами. Тут нет ничего плохого, вы же понимаете, просто вы должны допустить, что мир состоит не только из черного и белого. Наша современная культура, — продолжал он, возвращаясь к основной линии обсуждаемого вопроса, — основана на максимальной свободе личности. Человек может делать все, что ему угодно, при условии, что это не вредит окружающим. Только мониторы отказываются от этой свободы.

— А как насчет резервации для “обывателей”? — прервал его Конвей. Наконец-то монитор привел утверждение, на которое он мог определенно возразить. — Находиться под надзором мониторов и жить в определенных ограниченных районах, я не назвал бы это свободой.

— Если внимательно разобраться, — ответил Вильямсон, — то, думаю, вы поймете, что “обыватели” — то есть группы людей, которые можно найти почти на каждой планете и которые считают, что они-то в отличие от грубых мониторов и бесхребетных эстетов как раз и являются настоящими представителями своего народа — вовсе не ограничены. Напротив, они объединяются в сообщества естественным путем и именно в таких сообществах мониторам приходится быть особенно активными. “Обыватели” обладают всеми свободами, включая и право убивать друг друга, если они этого пожелают. Задача мониторов лишь проследить, чтобы не пострадали те, кто не разделяет подобные взгляды.

Кроме того, когда массовое помешательство на таких мирах достигает определенной степени, мы даже разрешаем им воевать на специально отведенных для этого планетах, устраивая все так, чтобы война не была ни долгой, ни слишком кровопролитной.

Вильямсон вздохнул.

В данном случае мы их недооценили. Война длилась долго, и крови пролилось много, — с ноткой самоосуждения заключил он.

От такой постановки вопроса в голове Конвея все смешалось. До прибытия в Госпиталь он не имел прямых контактов с мониторами, да и с какой стати? Земных “обывателей” он считал скорее фантазерами, склонными к самодовольству и хвастовству, но не более. Конечно, большую часть плохого о мониторах он слышал от них. Может быть, они были не так уж объективны и правдивы...

— Во все это трудно поверить, — возразил Конвей. — Вы утверждаете, что роль Корпуса мониторов важнее, чем роли “обывателей” и нас, класса специалистов, вместе взятых! — Он возмущенно покачал головой. — Во всяком случае сейчас не лучшее время для философских споров!

— Разговор начали вы, — произнес монитор.

Возразить тут было нечего.

Должно быть, прошло несколько часов, когда Конвей почувствовал прикосновение к плечу. Он распрямился и обнаружил за собой медсестру ДБЛФ, вооруженную шприцем.

— Стимулирующий укол, доктор? — спросила она.

Конвей как-то сразу ощутил дрожь в ногах и с трудом сфокусировал взгляд. Видимо, его движения настолько замедлились, что сестра подошла в первую очередь к нему. Он кивнул и закатал рукав усталыми пальцами, которые казались ему толстыми сосисками.

— Ой-ой! — вскрикнул он от неожиданной боли. — Вы чем там пользуетесь, шестидюймовыми гвоздями.

— Простите, — извинилась ДБЛФ, — но перед вами я сделала уколы двум врачам своего вида, а, как вы знаете, наш кожный покров толще, и тверже, чем у вас. Должно быть, не рассчитала.

Через несколько секунд усталость сняло как рукой. Несмотря на легкое покалывание в конечностях и заметный другим землистый цвет лица, сам он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, как если бы только что вышел из-под душа после десятичасового сна.

Прежде чем закончить очередной осмотр, Конвей быстро оглянулся вокруг и отметил, что число пациентов, ожидавших помощи, совсем невелико, а количество мониторов уменьшилось больше чем наполовину. Пациентов развозили по палатам, а мониторы сами становились пациентами.

Конвей видел, как они после бессонных перелетов на транспортных судах заставляли себя помогать перегруженным медикам Госпиталя, держась исключительно на уколах и на собственном упрямстве и мужестве. Один за другим они в прямом смысле слова валились с ног, истощенные настолько, что мышцы сердца и легких непроизвольно отказывали им. Их поспешно уносили в специальные палаты с аппаратом искусственного сердца и дыхания, где укладывали под капельницы. Конвей слышал, что пока скончался лишь один из них.

Воспользовавшись временным затишьем, Конвей и Вильямсон подошли к видеопанели. Казалось, рой кораблей так и не уменьшился — прибывали все новые и новые космолеты. Он не представлял себе, куда они будут размещать всех этих прибывших — даже пригодные для использования коридоры начинали переполняться. Срочно освобождались дополнительные палаты, а пациенты всех видов перегруппировывались. Но это было заботой администрации, и Конвей отдыхал, наблюдая за выходящими в космосе кораблями.

— Тревога! — неожиданно объявил громкоговоритель. — Одиночный корабль с одним существом, вид пока не установлен. Существо нуждается в срочном лечении. Оно может лишь отчасти управлять своим кораблем, связь с которым прервана. Всем находиться возле свободных люков.

Конвей подумал, что только этого им сейчас и не хватало. Внутренне он похолодел в предчувствии того, что должно произойти. У Вильямсона даже побелели костяшки пальцев на руках.

— Смотрите! — сказал он упавшим голосом.

Пришелец приближался к рою ожидавших причала кораблей на сумасшедшей скорости, рыская из стороны в сторону. Черная обрубленная торпеда достигла скопления и вторглась в него раньше, чем Конвей успел что-либо ответить. Корабли беспорядочно рассыпались в стороны, едва избежав столкновения с нею и между собой. Космолет продолжал нестись вперед. Теперь на его пути оставался лишь один корабль — мониторский транспорт, который получит разрешение на причал и медленно подплывал к

Госпиталю. Транспорт был огромным и не предназначался для акробатических номеров, у него не было ни времени, ни возможности уйти с дороги. Столкновение казалось неминуемым.

Но нет. В самый последний момент корабль вильнул, и они увидели, что он проскочил мимо транспорта. Торпедообразная форма на экране превратилась в круг, растущий со скоростью, от которой замирало сердце. Теперь корабль летел прямо на них! Конвею хотелось закрыть глаза, но несущаяся огромная масса металла оказывала какое-то завораживающее действие. Ни Вильямсон, ни он сам даже и не пытались одеть скафандры — от катастрофы их отделяли считанные секунды.

Корабль почти достиг Госпиталя, когда раненый пилот отчаянно попытался обойти огромное препятствие. Но было слишком поздно, они столкнулись.

Вначале монитор и врач ощутили через пол двойной сокрушительный удар — корабль пробил двойную обшивку Госпиталя. Затем раздались менее сильные взрывы из-за повреждения внутренних жизненно важных коммуникаций. Быстро нарастали шквал криков — землян и неземлян, а также свист, шипение и невнятные восклицания покалеченных, захлебнувшихся и задыхающихся существ. В помещение с чистым хлором проникала вода. Через отверстие в стене обычный воздух попал в палату, чьи обитатели не знали ничего, кроме вакуума и холода Трансплутона. Их смерть была страшной — при первом же соприкосновении с газом они просто растворялись. Перемешавшиеся воды, воздух и составляющие других атмосфер образовали исключительно едкую смесь грязно-коричневого цвета, которая, пузырясь и кипя, вылетала в открытый космос. Но задолго до того, как все это произошло, герметичные переборки надежно изолировали страшную пробину от неповрежденной части Госпиталя.

На мгновение показалось, что Госпиталь парализован, но уже через секунду он отреагировал на аварию. Сверху из громкоговорителя обрушился бешеный поток слов. Всем инженерам и эксплуатационникам приказывалось доложить о себе и получить распоряжения. Доктора Листера вежливо просили откликнуться.

Краем сознания Конвей отметил эту просьбу в ряду жестких приказов. Неожиданно он услышал сзади собственное имя и резко обернулся.

Это был доктор Маннон. Конвей поспешно подошел к монитору и врачу.

— Я вижу вы сейчас свободны? У меня есть для вас дело. — Маннон сделал паузу, чтобы получить утвердительный кивок Конвея, и пустился в объяснения.

Он сообщил, что корабль остановился почти в самом центре — по сути нервном центре — Госпиталя, секции, откуда осуществлялся контроль за искусственными условиями во всех помещениях. В данный момент было похоже, что кто-то из уцелевших — возможно, пациент, сотрудник или даже пилот злополучного корабля — двигается по секции и по незнанию портит механизмы контроля гравитации. Если это будет продолжаться, то вызовет ужасные разрушения в палатах и даже может привести к смерти пациентов.

Маннон хотел, чтобы они туда отправились и вытащили это существо, пока оно, само того не желая, не разрушило весь Госпиталь.

— Туда уже двинулся ПВСЖ, — добавил он, — но эти существа очень неловки в скафандрах. Поэтому я и посылаю вас двоих, чтобы ускорить дело. Хорошо? Тогда приступайте

Надев гравитаторы, они покинули Госпиталь недалеко от поврежденной секции и поплыли вдоль наружной обшивки к двадцатифутовой дыре, пробитой кораблем. Гравитаторы обеспечивали достаточную маневренность, и они не ожидали особых сложностей на предстоящем пути. Они также взяли с собой веревки и магнитные якоря, а Вильямсон — как он объяснил, только потому, что это была часть стандартного снаряжения, — прихватил еще и пистолет. У обоих был трехчасовой запас воздуха.

Поначалу передвижение было несложным. Корабль пробил сквозь палаты, палубы и даже тяжелое оборудование настоящий туннель. Конвей ясно видел содержимое коридоров, мимо которых они проплывали во время спуска, но каких-либо признаков жизни в них не было. По стенкам были размазаны останки существ, живущих при

высоком давлении, которые разрывало даже при земном, не говоря уж о вакууме. В одном из коридоров перед ними предстали свидетельства разыгравшейся здесь трагедии. Медсестра-гуманоид — существо, похожее на медвежат с рыжим мехом, — была практически обезглавлена тяжелой герметической дверью, которую она не успела вовремя проскочить. Почему-то ее вид произвел на Конвея наибольшее впечатление из всего того, с чем он столкнулся за день.

Увеличивающееся количество обломков и частей корабля замедлило их спуск. Временами им приходилось расчищать себе путь и руками и ногами.

Вильямсон находился ярдах в десяти впереди от Конвея, как вдруг исчез из виду. В наушниках раздался возглас удивления, тут же заглушенный звоном металла о металл. Конвей непроизвольно ухватился покрепче за поручень и сквозь перчатки ощутил, как тот вибрирует. Обломки задвигались! На мгновение его охватила паника, но через некоторое время вибрация стихла и все успокоилось. Тогда Конвей привязал к поручню страховочный трос и отправился на поиски монитора.

Конвей обнаружил полузасыпанного обломками Вильямсона на двадцать футов внизу, секцией ниже. Он лежал, свернувшись калачиком и уткнув лицо в руки. Тихое, судорожное дыхание монитора, доносившееся из наушников врача, свидетельствовало о том, что, сообразив прикрыть руками хрупкое стекло шлема, он тем самым спас себе жизнь. Но все зависело от силы притяжения в той секции пола, которая его присосала.

Теперь стало очевидно, что несчастный случай произошел из-за гравитационной решетки, которая несмотря на все поломки все еще действовала. Конвей был глубоко благодарен тому факту, что решетка притягивала под углом, иначе они провалились бы оба и с гораздо большей высоты.

Конвей, осторожно стравливая трос, приблизился к Вильямсону. Он по-прежнему был без сознания, а Конвею при осмотре показалось, что у того множественные переломы рук. Бережно освободив его из-под обломков, врач вдруг сообразил, что Вильямсон нуждается в немедленном лечении всеми доступными в Госпитале средствами. Мони-

тор принимал слишком много стимуляторов, и, когда он придет в сознание (если это вообще произойдет), его организм может не выдержать шока.

8.

Конвей уже собирался вызвать помощь, но в этот момент мимо его шлема пролетел искореженный кусок металла. Он резко обернулся и как раз вовремя, чтобы увернуться от еще одного обломка. Только тут он различил внеземлянина, лежащего в груди металла ярдах в десяти от него. Существо швыряло в него обломки!

Оно тут же прекратило бомбардировку, как только увидело, что Конвей его заметил. Врач приблизился к незнакомцу и увидел, что это ПВСЖ, отправившийся на поиски перед ними. Он угодил в ту же ловушку, что и неудачный монитор, но успел использовать гравитатор. Падение было мягким, но его придавило металлическими конструкциями и повредило радио.

ПВСЖ — дышащий хлором илленсанин — каким-то чудом остался невредим, но все попытки вытащить его из-под обломков оказались тщетными. Конвей обратил внимание на эмблемы, нашитые на скафандр неземянина. Чужие символы ничего ему не говорили, а вот земной знак представлял собой ... крест! Существо было священником!

Теперь у Конвея “на руках” оказались двое неподвижных. Он нажал кнопку передатчика и прочистил горло. Но не успел вымолвить и слова, как в наушниках раздался настойчивый голос доктора Маннона.

— Доктор Конвей! Монитор Вильямсон! Кто-нибудь из вас, ответьте на вызов!

— Я как раз собирался с вами связаться, — откликнулся Конвей. Он сообщил о своих трудностях и запросил помощь для монитора и священника, но Маннон поспешно его перебил.

— Извините, — стал объяснять он, — но помочь вам мы пока не можем. Гравитационные нарушения вывалили сдвиг в вашем туннеле. Ремонтники пытались пробиться, но...

— Дайте я с ним поговорю, — вмешался посторонний голос. — Доктор Конвей, говорит доктор Листер. Боюсь,

что вашей первоочередной задачей будет найти и остановить существо в помещении управления гравитацией, а потом уже займемся пострадавшими. Если понадобится, дайте ему по башке, только остановите — он разрушает Госпиталь.

Конвей сглотнул ком в горле.

— Слушаюсь, сэр, — ответил он и приступил к поискам прохода в металлических завалах.

Неожиданно он почувствовал, что его куда-то тащат, и понял: где-то ниже сработала гравитационная решетка. Неожиданно сила исчезла, но со стороны ПВСЖ раздался какой-то странный, сдавленный крик.

Гравитационный сдвиг не затронул Вильямсона — он остался лежать там, где его оставил Конвей, а вот священник провалился ниже.

— С вами все в порядке? — с беспокойством позвал врач.

— Думаю, да, — услышал он ответ. — у меня все немного затекло.

Конвей осторожно подобрался ко вновь образовавшемуся отверстию и заглянул в него. Внизу находилось очень просторное помещение. Футах в сорока виднелся пол, покрытый густой растительностью темно-синего цвета. Вид помещения озадачил Конвея, пока он, наконец, не сообразил, что это — аквариум для АУГЛов, только без воды, а растения — это водоросли, служившие пациентам пищей.

ПВСЖ крупно повезло с приземлением на мягкий ковер. Он освободился от обломков и утверждал, что чувствует себя достаточно хорошо, чтобы отправиться дальше вместе с врачом.

9.

Они спустились еще на один уровень. И тут обнаружили первые признаки присутствия того, кого искали. Тела и обломки оборудования находились в неестественном положении. С панелей была сорвана экранировка. Тут же лежали гиперпространственный двигатель и теперь уже не поддающееся классификации тело пилота. За генератором зияла еще одна дыра, пробитая одной из тяжелых частей корабля.

Конвей поспешил к отверстию и заглянул в него.

— Вот оно! — возбужденно закричал он.

Они смотрели на просторное помещение, являвшееся ни чем иным, как центром управления. Не только вдоль стен, но и посреди стояли приборы и аппаратура. Люди появлялись здесь редко. Все было предельно автоматизировано и саморемонтировалось.

Так вот на трех шкафах, служивших футлярами для особо точных приборов, разлеглось существо, которое Конвей классифицировал приблизительно как ААЦЛ. Еще девять шкафов, мигающие красными аварийными огнями, были в пределах досягаемости шести питонообразных щупалец. Щупальца достигали по крайней мере двадцати футов в длину, а когти на конце каждого, судя по разрушениям, по крепости не уступали стали.

Конвей готов был увидеть раненое, ошалевшее от страха и боли существо. Вместо этого перед ним предстал абсолютно здоровый октопоид, который яростно крушил аппаратуру, управляющую гравитацией, с той же скоростью, с какой ее восстанавливали встроенные ремонтные роботы.

Конвей выругался и стал настраиваться на радиочастоту существа. Неожиданно в наушниках раздался неприятный тонкий писк.

— Поймали, — мрачно констатировал Конвей.

Он зафиксировал волну и переключился на ПВСЖ.

— Мне кажется, — сказал священник, — что оно сильно испугано и пищит от страха, иначе транслятор выдал был связную речь. То, что, услышав вас, оно перестало пищать и двигаться, обнадеживает. Но надо быть осторожными и действовать постепенно. Похоже, оно атакует все, что движется.

— Да, падре, — согласился Конвей.

— Мы не знаем, куда оно смотрит, — добавил ПВСЖ, — поэтому предлагаю подходить с разных сторон.

Конвей кивнул. Они перенастроили радио и осторожно спустились вниз.

Роботы озабоченно устраняли повреждения, нанесенные шестью анакондами, но существо оставалось неподвижным, при этом оно молчало.

— Не надо бояться, — уже в двадцатый раз повторял падре. — Если вы ранены, то скажите нам. Мы здесь для того, чтобы вам помочь...

Но все оставалось без ответа.

Подчиняясь неожиданному импульсу, Конвей вызвал Маннона.

— Похоже, что это ААЦЛ, быстро сообщил он. — Вы можете мне сказать, что он здесь делает, или назвать какую-либо причину, по которой он не хочет или не может нам ответить?

— Я справляюсь через приемный покой, — после некоторой паузы ответил Маннон. — Но вы уверены, что это ААЦЛ? У нас не должно бы их быть, вы уверены, что это не креппелианин?..

— Это не креппелианский октопоед, — перебил его Конвей. — У этого шесть щупалец, сейчас он просто лежит неподвижно и...

Конвей резко замолчал, ибо его слова не соответствовали действительности. Существо взвилось под потолок, и врач увидел, как сверху полетели сбитые ААЦЛ приборы. Он слышал крики Маннона о гравитационных флуктуациях в до сих пор стабильных секциях и числе новых жертв.

Конвей беспомощно наблюдал, как ААЦЛ готовился к новому прыжку.

— ... Мы хотим вам помочь, — продолжал ПВСЖ в то время, как существо приземлилось в четырех ярдах от падре. Пять щупалец крепко вцепились в пол, а шестое единым мощным движением ухватило ПВСЖ и размазало того по стене. И ААЦЛ снова стал издавать писклявые звуки.

Конвей пробубнил Маннону о случившемся, услышал, как тот зовет Листера, и, наконец, до него донесся голос директора.

— Вы должны убить его, Конвей! — твердо произнес он.

— Вы должны убить его! Конвей!

Именно эти слова вернули его в нормальное состояние. Как это похоже на монитора, подумал он, решать проблемы с помощью убийства. И просить совершить его врача — человека, оберегающего жизнь. Что бы ни случилось с Госпиталем или с ним самим, он никогда не пойдет на убийство разумного существа, и Листер может орать на него до посинения...

С удивлением Конвей сообразил, что Листер и Маннон в два голоса приводят ему контрдоводы — видимо, он произвольно повторял свои мысли вслух. С гневом он отключил их волну.

Но чей-то усталый, еле слышный голос продолжал повторять то же самое в его наушниках. Через отверстие в потолке медленно вплывал Вильямсон. Как он сюда добрался со сломанными руками, было вообще не понятно — ведь он не мог управлять гравитатором. Монитор так же уговаривал его совершить убийство.

И тут Конвея прошиб холодный пот. Он увидел, что Вильямсон, который не мог остановиться самостоятельно, медленно, но неотвратно опускается прямо на ААЦЛ! Одно из щупалец шевельнулось, изготовившись к смертельному удару.

Инстинктивно — времени подумать о собственной смелости или глупости у него не оставалось — Конвей бросился к монитору. Он обхватил его ногами, чтобы руки оставались свободными для управления гравитатором. Казалось, прошли годы, прежде чем Конвей нащупал нужные кнопки, и они направились к отверстию в потолке. Когда они уже почти достигли цели, он увидел, как змееподобное щупальце ринулось в его сторону...

10.

Мощнейший удар по спине чуть было не вышиб из него дух. На какое-то мгновение он с ужасом подумал, что с него сбило баллоны, но, сделав панический вдох, Конвей ощутил, как воздух ринулся в легкие. И каким же вкусным он ему показался!

Щупальце ААЦЛ нанесло скользящий удар, и единственной потерей оказалось сломанное радио.

— Ты в порядке? — прижав свой шлем к шлему Вильямсона обеспокоенно спросил Конвей.

Ответа не было несколько минут, затем до него донесся слабый, полный боли шепот.

— Руки очень болят. Я устал, — с остановками говорил монитор. — Но когда... они меня отсюда заберут ... все будет хорошо... Если, конечно, к тому времени будет

кому меня лечить... Если ты не остановишь нашего друга там, внизу...

Внезапно Конвея охватил гнев.

— Ты когда-нибудь прекратишь, черт побери! — взорвался он. — Запомни, я никогда не убью разумное существо!

— Я все еще слышу Маннона и Листера... — Голос монитора слабел. — Там гибнут пациенты.

— Заткнись! — закричал Конвей и отодвинул голову.

Он увидел, что монитор потерял сознание. У Конвея защипало в глазах.

Теперь Конвей понимал, что Корпус мониторов делает больше хорошего, чем плохого. Но он не был монитором и никогда не пойдет на убийство. Однако О'Мара и Листер были еще и врачами. Причем один из них был известен во всей Галактике. Чем ты лучше их? Конвей почувствовал, что очень одинок.

С облегчением он заметил, что губы монитора вновь зашевелились, и поспешил приблизить шлем.

— ... Для вас это тяжело, доктор, — голос был едва слышен, — но вы должны это сделать.

— Но я не могу!..

Конвей почувствовал, что его позиции слабеют.

— У меня есть пистолет, — сказал монитор.

Доктор не помнил, как доставал оружие из кобуры и снимал его с предохранителя. Оно было у него в руках и направлено в отверстие в полу. Он хотел попробовать лишь обездвигить ААЦЛ.

Конвей тщательно прицелился в щупальце, держа пистолет двумя руками, и выстрелил.

Когда он опустил его, от существа мало что осталось. Пули оказались разрывными, а пистолет стрелял в автоматическом режиме.

Губы Вильямсона снова зашевелились, и Конвей машинально сдвинул шлемы.

— Все в порядке, доктор, — произнес монитор. — Там никого нет...

— Да, теперь там никого нет, — согласился Конвей.

Если бы в пистолете оставалась хотя бы одна пуля!

— Мы знаем, вам было трудно, доктор, — произнес майор О'Мара. — Принять такое решение под силу порой лишь самым мудрым и опытным врачам. А вы ребенок-идеалист, который не знал даже, кто такие мониторы.

О'Мара улыбнулся. Отеческим жестом он положил руки на плечи Конвея.

— Заставив себя сделать то, что вы сделали, — продолжал он, — вы рисковали и карьерой, и собственным разумом. Но теперь это не имеет никакого значения. И не чувствуйте себя виноватым. Все нормально.

Конвею хотелось снять шлем и покончить все разом. О'Мара сошел с ума! Что он говорит? Он, Конвей, нарушил первую заповедь врача, он убил разумное существо!

— Выслушайте меня, — серьезно сказал О'Мара. — Нашим связистам удалось получить изображение рубки злополучного корабля еще до столкновения. Его пилотом был не ваш ААЦЛ, понимаете? Это был, АМСО, а эти АМСО держат ААЦЛ в качестве домашних животных, которые, конечно же, не обладают разумом. Так что считайте, вы убили взбесившуюся от страха собаку. — О'Мара стал трясти Конвея за плечо так, что у того заклацали зубы. — Ну, что — полегчало?

Конвей почувствовал, как снова оживает. Он молча кивнул.

— Можете идти, — разрешил майор, — немедленно отправляйтесь спать. А что касается беседы о ваших проблемах, боюсь, у меня сейчас нет времени. Как-нибудь напомним мне об этом, если не упадет охота.

11.

За время четырнадцатичасового сна Конвея поток раненых резко снизился и пришло сообщение, что война закончилась. Инженеры и ремонтники быстро наводили порядок в поврежденных помещениях.

Через три недели Госпиталь вернулся к нормальной работе. Кроме наиболее тяжело раненых, все пациенты были переведены в местные планетарные больницы. Повреждения от столкновения с кораблем были полностью устранены. Но если в целом у Госпиталя все было в норме, то лично о Конвее так сказать было нельзя.

Неделю спустя Конвей целиком освободили от дежурства в палатах и перевели в смешанную группу стажеров, состоящую из врачей землян и инопланетян. Все они слушали курс лекций “Корабельная спасательная служба”. Конвей с удивлением узнавал, как трудно вылавливать спасшихся с потерпевших аварию кораблей, особенно с тех, на которых реакторы продолжали работать. За лекциями последовали чрезвычайно любопытные практические занятия, сравнимые разве что с головоломками, которые он каким-то чудом ухитрился одолеть, а затем — сложнейший курс сравнительной внеземной философии. Параллельно им читали цикл лекций по оказанию срочной помощи при внеземном загрязнении среды. Что предпринять, если в метановой палате образовалась трещина и температура повысилась до минус 41°? Как поступить, если хлородышащее существо подверглось воздействию кислорода или вододышащее задыхается в воздухе, и наоборот? Конвей со страхом пытался представить себе, как его коллеги по курсу делают ему искусственное дыхание — ведь некоторые из них весили до полутонны! Но, к счастью, практических занятий по этому курсу не было.

Все лекторы неизменно подчеркивали, насколько важно быстро и точно определить, к какому классу принадлежит прибывший пациент, потому что чаще всего он не способен сам дать необходимую информацию. В четырехбуквенной системе обозначений, по которой классифицировали обитателей Космоса первая буква указывала на общий характер обмена веществ, вторая — на количество и расположение конечностей и органов чувств, а остальные говорили о требуемой комбинации давления и силы тяжести, что позволяло одновременно ориентироваться в размерах и массе существа и типе его кожного покрова. Если первые буквы были А, Б или В, значит речь шла о вододышащих, Д и Ф обозначали теплокровных кислорододышащих — к этому классу относились наиболее разумные расы. К видам Ж и К относились также кислорододышащие, но насекомоподобные существа, живущие при слабой гравитации. Виды Л и М обитали на планетах со слабым притяжением, но были птицеподобны. А вот классы О и П дышали хлором. Затем шли уже вовсе невообразимые существа, которые питались радиоактивным излучением: они могли иметь ледяную кровь или были це-

ликом кристаллическими, некоторые из них способны были произвольно изменять свой физический облик, а некоторые обладали целым рядом внематериальных способностей. Телепатические разновидности, подобные тельфианам, обозначались первой буквой. В считанные секунды на экране вспыхивало изображение конечности или части кожного покрова неведомого инопланетянина, и, если стажер за это время не успевал правильно классифицировать их владельца, то заслуживал весьма нелестной оценки.

Все это было очень любопытно, но при мысли, что на исходе уже шестая неделя, а он ни разу не видел в глаза живого пациента, Конвей не на шутку забеспокоился. Он решил позвонить О'Маре и прощупать почву — разумеется, весьма осторожно.

— Я понимаю, вы просто хотите вернуться к вашим больным, — заключил О'Мара, когда Конвей наконец добрался к сути дела. — И заведующий вашим отделением с удовольствием возьмет вас обратно. Но у меня намечается для вас работа, и я не хотел бы, чтобы вы с кем-нибудь договаривались. И не убеждайте себя, будто вы зря теряете время. Вы познаете весьма полезные вещи, доктор. Надеюсь, конечно, что вы их действительно познаете!

Положив трубку интеркома, Конвей подумал, что многое из того, чему его обучали, вполне применимо и к самому О'Маре. Правда, им не читали курса, который позволил бы разобрать по косточкам главного психолога, но такой курс вполне можно было себе вообразить. К тому же не было лекции, где не ощущалось бы незримое присутствие О'Мары. И только теперь Конвей начал понимать, как он был близок к тому, чтобы вылететь из Госпиталя из-за истории с тельфианами.

О'Мара носил нашивки всего лишь майора Корпуса мониторов, но Конвей уже знал, что определить, где кончаются его обязанности в Госпитале, было бы весьма затруднительно. Как главный психолог он отвечал не только за душевное здоровье всего персонала, столь разнообразного по видам и типам, но и за то, чтобы между ними не возникало никаких трений.

Даже при предельной терпимости и взаимном уважении, которые проявляли в своих взаимодействиях сотрудники, бывали случаи, когда подобные трения возникали. Порой ситуа-

ции, таившие в себе такую опасность, возникали по неопытности или по недоразумению, а иногда у кого-нибудь мог проявиться ксенофобный синдром, который нарушал работоспособность или душевное равновесие или то и другое одновременно. Одни из врачей-землян, например, неосознанно боявшийся пауков, не мог заставить себя проявить по отношению к пациенту-илленсанину ту объективность, которая необходима для нормального лечения. Задача О'Мары заключалась в том, чтобы обнаруживать и вовремя устранять подобные неприятности либо — если все другое не помогало — удалять потенциально опасного индивидуума, прежде чем трения перерастут в открытый конфликт. Борьба с нездоровым, ошибочным или нетерпимым отношением к иным существам была его обязанностью, и он исполнял ее с таким рвением, что — Конвей сам слышал — его сравнивали с древним Торквемадой.

О'Мара не отвечал за психические отклонения у пациентов, но, поскольку порой непросто отличить, где кончается боль физическая и начинается психосоматическая, с ним часто консультировались и по этим вопросам.

Тот факт, что главный психолог отстранил Конвея от работы в палатах, мог означать либо повышение, либо наказание. Но коль скоро заведующий отделением предложил ему вернуться, значит, работа, на которую наемкнул О'Мара гораздо важнее. Поэтому Конвей был абсолютно уверен, что со стороны О'Мары осложнений не будет, — и сознавать это ему было весьма приятно. Но зато теперь его снедало любопытство.

А на следующее утро он получил приказ явиться в кабинет главного психолога...

ГЛАВА III СЛУЧАЙНЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

1.

Хотя Госпиталь располагал огромными медицинскими и техническими возможностями, что выдвинуло его на первое место среди заведений подобного рода в цивилизован-

ной Галактике, случалось, прибывшему туда пациенту уже ничем нельзя было помочь. В данном случае пациент относился у типу СРТТ — такие в Госпитале еще не появлялись. Он напоминал амебу и мог вытягивать конечности, органы чувств или защитные приспособления, что было нужно в зависимости от обстановки, и обладал совершенно фантастической приспособляемостью, так что трудно было представить, как он вообще может заболеть.

Больше всего удивило полное отсутствие симптомов заболевания. Не было ни столь обычных для внеземных форм особо беспокоящихся явно видимых органических нарушений, ни намек на присутствие вредных микроорганизмов. Пациент попросту таял — тихо, без волнений и шума, словно кусок льда в теплой комнате. Перепробовали все средства, но ничто не помогало. Диагносты и младшие врачи, следившие за больным, мало-помалу приходили к печальному выводу, что бесконечная вереница медицинских процедур, с унылым однообразием проводимых в Двенадцатом секторе Госпиталя, вскоре будет не нужна.

— Полагаю, лучше начать с самого начала, — сказал доктор Конвей, стараясь не смотреть на радужные, не совсем атрофировавшиеся крылья своего нового ассистента. — Начнем с Приемного покоя.

И они направились к Приемному покою. Конвей ждал, как ассистент отреагирует на его слова. Он предпочел идти шага на два впереди своего спутника — не из невежливости, а потому что боялся, приблизившись, нанести ассистенту тяжелые физические увечья.

Ассистент относился к типу ГЛНО. Он был шестиногим панцирным, похожим на насекомое, обитателем планеты Цинрусс. Сила тяжести на его родной планете была в двенадцать раз меньше земной. Поэтому насекомые там достигли таких размеров и стали господствующей формой жизни. На ассистенте было два антигравитационных пояса — без них его давно бы раздавило. Возможно, ему хватило бы и одного, но Конвей не мог осуждать его за желание подстраховаться. Ассистент был тонким, неловким и на удивление хрупким. Звали его доктор Приликла.

Конвей знал, что Приликла не новичок в медицине — у него был опыт работы и на своей планете, и в галакти-

ческих госпиталях, но масштабы Главного госпиталя, естественно, подавляли его. В обязанности Конвея входило не только руководить Приликлой, но и заботиться о нем, а затем, когда срок работы Конвея в детском отделении истечет, передать его Приликле. Очевидно, директор Госпиталя решил, что существа, выросшие в условиях низкого давления, обладают повышенной чувствительностью и тонкостью ощущений, а потому лучше других способны опекать инопланетных детенышей.

И это справедливо, подумал Конвей, метнувшись в сторону, чтобы прикрыть собой Приликлу от пропавшего по коридору на шести слоновьих ногах практиканта-тралтана. Сможет ли Приликла вообще сотрудничать со своими массивными и неуклюжими коллегами?

— Конечно, вы понимаете, — сказал Конвей, подводя Приликлу к Контрольному центру Приемного покоя, — что порой доставка больного в Госпиталь чрезвычайно сложна. С маленькими пациентами все просто, но вот с тралтанами или сорокофутовыми АУГЛами с Чалдерско-ла... — Конвей прервал себя на полуслове и заключил: — Вот мы и пришли.

Сквозь широкую прозрачную стену секции виднелись три контрольных пульта. За одним из них сидел похожий на красного медвежонка нидианец. Индикаторы на пульте показывали, что он установил контакт с приближающимся к Госпиталю кораблем.

— Послушайте... — начал Конвей.

— Пожалуйста, сообщите, кто вы, — произнес нидианец на своем быстром, лающем языке, который, пройдя сквозь транслятор Конвея, превратился в английский. Приликла услышал эту же фразу на гладком, лишенном эмоций цинрусскинском языке. — Кто вы? Пациент, гость или сотрудник? Ваша физиологическая принадлежность?

— Гость, — последовал ответ с корабля. — Человек.

После небольшой паузы дежурный, подмигнув стоявшим за прозрачной стеной Конвею и Приликле, произнес:

— Будьте любезны сообщить вашу физиологическую характеристику. Все разумные существа называют себя людьми, а нелюдьми считают остальных. Так что ваша информация лишена смысла...

Конвей почти не слышал дальнейшего разговора, пытаясь представить, как может выглядеть СРТТ — существо с такой физиологической характеристикой. Двойное Т означало, что его форма и физиологические данные могут изменяться, Р — что оно способно выдерживать высокие температуры и давление, а уж С... Не найдись это существо вблизи Госпиталя, Конвей никогда бы не поверил, что оно вообще может существовать.

К тому же гость оказался важной персоной — рангом не ниже диагноста. Дежурный поспешно передавал сообщения о его прилете медицинскому персоналу Госпиталя, и Конвею захотелось поглядеть на это в высшей степени необычное существо, однако его остановила мысль, что, поглядывая, он тем самым подает плохой пример Приликле. К тому же Конвей еще недостаточно знал своего ассистента: а если он принадлежит к тем особенно чувствительным существам, которые считают, что, глядя на них ради любопытства, им наносят тяжкое оскорбление?

— Если это не станет помехой для более важных дел, — послышался из аппарата ровный голос Приликлы, — я бы хотел посмотреть на нового гостя.

Слава Богу, с облегчением подумал Конвей, но сделал вид, что колебался. Наконец он сказал:

— В обычных обстоятельствах я бы на это не согласился, но поскольку шлюз, через который СРТТ попадает в Госпиталь, находится неподалеку отсюда и мы имеем немного свободного времени, думаю, что могу удовлетворить ваше любопытство. Прошу вас, доктор, следуйте за мной.

Помахав на прощанье мохнатому дежурному, Конвей подумал, как хорошо, что транслятор не сможет передать Приликле иронию его последних слов, иначе ассистент мог догадаться, как кстати пришлось его предложение. И тут Конвея осенило. Он вспомнил, что Приликла является эмпатом. С момента их знакомства он был немногословен, однако все его высказывания удивительным образом соответствовали чувствам Конвея. Нет, Приликла не был телепатом — он не мог читать мыслей, — но он улавливал чувства и эмоции и, конечно же, ощутил любопытство Конвея.

Конвей досадовал на себя — как он мог забыть об эмпатических способностях ассистента. Еще неизвестно, кто кого использовал тут в своих интересах, подумал он.

Шестой шлюз, через который должен был войти СРТТ, находился в нескольких минутах ходьбы от них, если идти коротким путем — по заполненному водой коридору, мимо операционной АУГЛов и через хирургическое отделение хлордышащих ПВСЖ. Но тогда пришлось бы одевать легкие водолазные костюмы. Для Конвея тут проблем не было, но он весьма сомневался, быстро ли справится с этим многоногий Приликла. Пришлось выбрать кружной путь и поторопиться.

Их обогнали тралтанин с золотым шевроном диагноста и инженер с Земли. ФГЛИ катился, словно атакующий танк, и человек торопливо семенил сзади, чтобы не отстать. Конвей с Приликлой прижались к стене, уступая дорогу уважаемому диагносту (а также не рискуя попасть под него), затем продолжили свой путь. Из разговора обогнавших они поняли, что тралтан с инженером входят в комиссию по встрече СРТТ, а судя по недовольному тону земного инженера, могли заключить, что гость прибыл раньше, чем на то рассчитывали.

Повернув за угол, они остановились неподалеку от громадного входного шлюза. Конвей едва сдержал улыбку при виде того, как по всем трем коридорам, сходящимся на этом уровне, как и по коридорам высшего и низшего уровней, соединенным покатыми пандусами, к шлюзовой камере спешили члены комиссии. Кроме тралтанина и человека, которые их обогнали, у люка собрались еще один тралтан, две гусеницы ДБЛФ и тонкий, покрытый мембранами илленсанин в прозрачном защитном скафандре, только что появившийся из смежного, заполненного хлором коридора в секции ПВСЖ. Все они устремились к открывающемуся люку. Это позабавило Конвея — ему представилось, как все они столкнутся в одной точке..

Но пока он улыбнулся собственным мыслям, совершенно неожиданно комедия превратилась в трагедию.

Когда люк открылся и гость ступил на площадку, глазам Конвея предстало крокодилообразное существо со щупальцами, на концах которых были роговые наконечники.

Ничего подобного Конвею видеть не доводилось. И вдруг существо метнулось на ближайшую из спешащих к нему фигур. Жертвой оказался маленький ПВСЖ. Казалось, все закричали одновременно, так что трансляторы из-за перегрузки издали лишь пронзительный визг.

Увидев перед собой зубы и роговые щупальца напавшего гостя, илленсанин ПВСЖ, без сомнения, подумал, о непрочности искусственной оболочки, которая защищала его от воздуха, и бросился к люку, что отделял его от собственной секции. На пути гостя оказался тралтанин, пытавшийся его усмирить, но гость отогнал его и метнулся к тому же люку.

Люки между коридорами, как правило, были оборудованы автоматикой: первая дверь раскрывалась в то самое мгновение, когда вторая закрывалась, чтобы не ждать, пока в переходной камере сменится воздух. ПВСЖ, преследуемый взбесившимся гостем, решил, что его скафандр поврежден клыками СРТТ и ему угрожает отравление кислородом. Очевидно, в испуге он не придал значения тому, что гость не успевает войти в первую дверь, как откроется вторая, и тогда первой дверью прибывшего разрежет пополам...

В сумятице Конвей не заметил, кто именно догадался нажать запасную кнопку, открывавшую обе двери одновременно, и тем самым спас жизнь гостю. СРТТ был спасен, но сквозь открытые двери вырвались густые желтоватые облака хлора. И, прежде чем Конвей успел что-либо предпринять, датчики атмосферы на стенах коридора включили сигнал тревоги и одновременно задраили все двери вокруг, так что собравшиеся у шлюза оказались в ловушке.

В первый миг Конвей едва подавил в себе желание кинуться к герметической двери и колотить по ней кулаками. Однако, одумавшись, решил пробиться сквозь ядовитый туман к межсекционному люку. Но тут он увидел, что туда же устремились инженер и одна из гусениц ДБЛФ. Однако клубы хлора там были столь густыми, что Конвея охватило сомнение, не погибнут ли они, прежде чем успеют надеть скафандры. Удастся ли ему самому добраться до люка, думал Конвей. Там, в переходной камере, согласно правилам находились шлемы с десятиминутным автономным питанием. Но чтобы добраться до шлема, придется на

три минуты задержать дыхание и зажмуриться — стоит вдохнуть газ или открыть глаза и потеряешь способность двигаться. Но в то же время как, ничего не видя перед собой, пробраться сквозь шевелящуюся массу тралтанских ног и щупалец, перекрывших коридор?

Вдруг он услышал голос Приликлы:

— Простите, но атмосфера хлора для меня смертельна.

С Приликлой происходило что-то странное. Его длинные многосуставчатые ноги приплясывали и дергались, словно в диком ритуальном танце, а два из четырех манипуляторов (обладание ими и принесло его расе славу хирургов) орудовали предметами, похожими на рулоны прозрачного пластика. Конвей не успел разглядеть, как это случилось, но вдруг его ассистент оказался закутанным в прозрачную оболочку. Из нее высовывались шесть ног и два манипулятора, которые быстро заклеивали отверстия вокруг всех конечностей. Все тело Приликлы вместе с крыльями и двумя другими манипуляторами оказалось в герметичной оболочке, которая раздулась.

— Я и не знал, что вы... — начал было Конвей, и тут у него родилась надежда: — Послушайте, — взмолился он, — сделайте то, что я вам скажу. Достаньте мне шлем. И побыстрее...

Однако прежде чем он успел объяснить все своему ассистенту, надежда его умерла так же внезапно, как и возникла. Конечно, Приликла мог найти шлем, но как ему пробраться к люку через эту массу тел на полу? Случайный удар может оторвать ему ногу или раздавить панцирь. Он не имеет права просить Приликлу — это равносильно убийству.

Конвей хотел было уже отказаться от просьбы, сказав Приликле, чтобы тот отошел в сторону и позаботился о своем спасении, как друг ассистент пересек хлора. Только тут Конвей вспомнил, что у многих насекомых имеются присоски на ногах, и к нему вновь вернулась надежда. Теперь он снова обратил внимание на то, что творится вокруг.

Динамик поблизости сообщал на весь Госпиталь, что в районе шестого шлюза произошло отравление атмосферы; сигнальное устройство, мигая красным огнем, издавало резкий звенящий звук: в Отделении обслуживания стара-

лись узнать, есть ли кто-нибудь в отравленной зоне. Конвей схватил микрофон:

— Тише! — крикнул он. — Слушайте! Говорит Конвей, я рядом с шестым шлюзом. Два ФГЛИ, два ДБЛФ, один ДБДГ отравлены хлором, но пока еще живы. Один ПВСЖ в поврежденном скафандре и отравленный кислородом, возможно, ранен, и один...

Внезапное жжение и резь в глазах заставили Конвея бросить микрофон. Он отступил назад, пока не уперся спиной в герметичную дверь, глядя, как желтый туман подползает все ближе. Ему не было видно, что происходит в коридоре, и показалось, что прошла вечность, прежде чем на потолке над головой появилась странная фигура Приликлы.

2.

Принесенный Приликлой шлем на самом деле был кислородной маской — кислород выделялся, как только маску плотно прижимали к лицу. Кислорода в ней хватало минут на десять, но, надев маску и избавившись от смертельной опасности, Конвей обнаружил, что может мыслить куда трезвее.

Прежде всего он проник в открытый люк, что вел в хлорную секцию. ПВСЖ лежал неподвижно у самой двери, и по его телу расплзались серые пятна — ранняя стадия рака кожи. Для ПВСЖ кислород был крайне опасен. Конвей осторожно оттащил илленсанина в глубь секции, к ближайшему складскому помещению. Давление здесь было несколько выше, чем в кислородных отсеках, и для ПВСЖ воздух бы достаточно чист. СРТТ нигде не было видно.

Прихватив с собой несколько плетеных пластиковых матов, заменявших в этой секции простыни, Конвей вернулся в коридор. Он поделился с Приликлой своим планом действий. Затем пробрался сквозь груды неподвижных или едва шевелящихся тел к шестому шлюзу и открыл его. Внутри, в камере, стояли в ряд баллоны с кислородом. Взяв два из них, он выбрался наружу и тут увидел инженера, которому как-то удалось надеть скафандр. Но инженер был ослеплен и, заходясь в кашле, брел по коридору. На помощь его рассчитывать не приходилось.

Приликла уже покрыл пластиковым матом одного из пострадавших. Конвей отвинтил кран баллона с кислоро-

дом, сунул его под мат и следил, как пластиковая простыня раздувается пузырем и подрагивает под давлением воздуха. Это была самая примитивная кислородная палатка, но ничего лучше в этот момент он придумать не мог. Конвей отправился за новыми баллонами.

В третий раз вернувшись с баллонами, Конвей заметил тревожные признаки. Его бросило в пот, голова раскалывалась, а перед глазами плясали черные точки — запас воздуха в маске подходил к концу. Давно пора было сорвать шлем, сунуть голову под простыню и ждать появления спасателей. Он сделал несколько шагов к покрытой простыней фигуре... и пол метнулся ему навстречу. Сердце оглушительно колотилось в груди, легкие жгло, и не было сил сорвать шлем...

Из глубокого обморока Конвея вывела боль: что-то с силой нажимало ему на грудь. Стараясь превозмочь боль, он открыл глаза.

— Слезьте с меня, черт возьми! Со мной все в порядке, — выдавил Конвей.

Могучий практикант, с энтузиазмом делавший ему искусственное дыхание, поднялся на ноги и сказал:

— Когда мы добрались до этого шлюза, ваш кузнечик сказал, что вы уже отдали концы. Я было испугался. То есть... чуть-чуть испугался. — Он усмехнулся и добавил: — Если вы в состоянии двигать ногами и языком, с вами хотел бы поговорить О'Мара.

Что-то пробурчав, Конвей поднялся. Вентиляторы и фильтрующие установки в коридоре быстро очищали воздух последних следов хлора, пострадавших эвакуировали — некоторых на носилках, прикрытых кислородными палатками, остальные ушли сами, поддерживаемые спасателями. Конвей потрогал ссадину на лбу — практикант слишком резко сорвал шлем, — а потом несколько раз глубоко втянул свежий воздух, чтобы убедиться, что кошмар позади.

— Благодарю, доктор, — прочувствованно сказал он.

— Не за что, доктор, — ответил практикант.

Они нашли О'Мару в Научном секторе. Главный психолог не стал тратить времени на вступление. Он указал Конвею на стул, Приликле на нечто вроде сюрреалистической корзины для бумаг и рывкнул: .

— Что там произошло?!

В комнате был полумрак, только поблескивали огоньки на пульте и перед О'Марой горела настольная лампа. Конвей видел лишь сильные кисти рук, высовывающиеся из темно-зеленых форменных рукавов, и серые холодные глаза на затененном лице. Кисти рук не шевельнулись, и, пока Конвей говорил, О'Мара ни на миг не отвел глаз от его лица.

Когда Конвей кончил, О'Мара вздохнул и несколько секунд молчал. Затем произнес:

— У шестого шлюза находились четверо из наших ведущих диагностов. Это куда больше, чем Госпиталь может позволить себе потерять. Решительные действия, предпринятые вами, спасли жизнь по крайней мере троим из них. Так что вас можно считать героями. Однако я не заставляю вас краснеть и не стану останавливаться на этом. Более того, — сухо добавил он, — я не намерен смущать вас вопросом, почему вы там вообще оказались.

Конвей кашлянул.

— Но что бы мне хотелось знать, — проговорил он, — так это почему взбесился СРТТ? Проще всего предположить, что он перепугался, увидев бегущих навстречу. Но ни одно разумное существо не стало бы так себя вести. Сюда допускаются лишь члены правительств или специалисты — ни тех, ни других не испугаешь внешним видом инопланетных существ. Кстати, почему так много диагностов явилось его встречать?

— Они явились потому, — ответил О'Мара, — что им хотелось увидеть, как выглядит СРТТ в тот момент, когда не пытается казаться похожим на что-то другое. Эта информация могла пригодиться им для лечения пациента, которым они сейчас занимаются. Кроме того, сталкиваясь с совершенно неизвестной формой жизни, невозможно предугадать, как именно поступит то или иное существо. И наконец, наш гость не относится к числу обычных посетителей. Нам пришлось нарушить правила, потому что его родитель находится в Госпитале на излечении. И положение его безнадежно.

— Понятно, — тихо сказал Конвей.

Лейтенант мониторов, войдя в комнату, поспешил к О'Маре.

— Простите, — перебил он. — Мне удалось обнаружить кое-что, что может помочь нам в поисках. Медсестра ДБЛФ сообщила, что видела ПВСЖ, который удаляется от места происшествия как раз во время инцидента. С точки зрения гусениц ДБЛФ, эти ПВСЖ красотой не отличаются, но сестра уверяет, что ей попался на глаза просто урод. Такой урод, что сестра решила, будто он — пациент, страдающий черт знает чем...

— Вы проверили, нет ли среди пациентов ПВСЖ, пораженного этой болезнью?

— Да. Такого не обнаруживалось.

О'Мара внезапно помрачнел.

— Хорошо, Карсон, вы знаете, что надо делать. — Он кивнул, отпуская офицера.

Во время разговора Конвей с трудом сдержался. Когда лейтенант ушел, он выпалил:

— У существа, что вышло из шлюза, были щупальца... и... в любом случае он ничуть не был похож на ПВСЖ. Я знаю, что СРТТ может изменять свою физиологическую структуру, но так радикально и с такой быстротой...

О'Мара резко поднялся.

— Мы в сущности ничего не знаем об этой форме жизни, — сказал он, — не знаем ни его желаний, ни требований, ни возможностей, ни эмоциональных реакций — и нам предстоит это срочно выяснить. Я намерен сесть на шею Колинсону из Отдела связи. Посмотрим, что он сможет откопать. Надеюсь удастся узнать что-нибудь о его образе жизни, эволюции, культурных, социальных влияниях и так далее. Нельзя же, чтобы наш гость носился по Госпиталу, — он может наделать бед, не ведая, что творит.

— Вот чего я хочу от вас двоих, — продолжал О'Мара. — Следите, не появятся ли странные пациенты или детеныши в Детском отделении. Карсон только что отправился в Узел связи, чтобы объявить об этом по интеркому. Если вы найдете кого-нибудь, кто напомнит вам сбежавшего СРТТ, обращайтесь с ним нежно. Приближайтесь к нему осторожно, избегая резких движений, не сбивайте его с толку, не говорите с ним все хором. И немедленно поставьте меня в известность.

Выйдя от О'Мары, Конвей решил, что может отложить обход палат еще на час, и отправился с Приликлой в громадное помещение, служившее столовой для теплокровных, кислорододышащих сотрудников Госпиталя.

3.

После обеда Конвей пригласил Приликлу в одну из палат, которая была у него под особым наблюдением. По дороге он продолжал вводить ассистента в курс дела. Госпиталь состоял из трехсот восьмидесяти четырех уровней, и в нем были тщательно воссозданы условия жизни шестидесяти восьми различных форм разумной жизни, известных Галактической Федерации. Конвей не стремился подавить Приликлу громадой Госпиталя или хвастать своей работой в столь прославленном учреждении, хотя он был несказанно горд этим. Он не был уверен, что ассистент подготовлен к условиям, в которых ему предстоит работать...

Тем временем настенные динамики периодически сообщали о ходе поисков пропавшего СРТТ. Его все еще не нашли, хотя уже неоднократно задерживали ни в чем не повинных прохожих и все чаще кому-нибудь казалось, что он видел гостя. Совсем было забыв о СРТТ, Конвей теперь все больше беспокоился при мысли о том, что беглец может натворить в детском отделении, а также о том, что могут сделать с ним кое-кто из детенышей. Если бы только побольше знать о СРТТ! Конвей решил позвонить О'Маре.

— Мы получили информацию, что СРТТ эволюционировали на планете, имеющей эксцентрическую орбиту, — сказал ему главный психолог. — Геологические, климатические и температурные колебания там настолько велики, что ее обитатели выработали невероятную приспособляемость. До возникновения цивилизации основным способом защиты у жителей этой планеты была особого рода мимикрия — способность наводить страх или копировать внешний вид своих врагов. Постепенно мимикрия сделалась настолько привычной, что СРТТ стали менять свой внешний вид бессознательно. Живут они очень долго — вот, пожалуй, все, что удалось выяснить из доклада тех, кто открыл эту планету. Известно еще, что эти существа никогда не болеют.

— Понятно, — кивнул Конвей.

— Кстати, у них есть обычай: при смерти родителя непременно должен присутствовать не старший, а самый младший по возрасту ребенок, — продолжал О'Мара. — Между родителями и последним из его детей существует весьма сильная эмоциональная связь. Масса и размеры нашего беглеца указывают на то, что он очень молод. Не младенец, но и далеко не взрослая особь.

После паузы О'Мара продолжал:

— С точки зрения противопоказаний, метановая секция для нашего беглеца слишком холодна, а радиоактивные палаты слишком "горячи". Вряд ли он сунется и в "турецкую баню" на восемнадцатом уровне — там ему пришлось бы дышать перегретым паром. Зная это, вы теперь можете предположить, где он скорее всего может объявиться.

— Хорошо бы взглянуть на родителя СРТТ, — сказал Конвей. — Это возможно?

О'Мара молчал, потом ответил:

— Это нелегко сделать. Пациента окружает столько диагностов и специалистов высокого класса... Заходите ко мне после обхода, я постараюсь что-нибудь сделать?

— Спасибо. — Конвей отключил связь.

Он все еще ощущал беспокойство, связанное с гостем.

Раз не удалось поймать беглеца, значит, СРТТ не настолько молод и глуп, чтобы не знать, как открываются люки между секторами...

Стараясь заглушить тревогу, Конвей принялся рассказывать Приликле о пациентах, помещенных в следующей палате и мерах, которые приходится принимать, чтобы с ними управиться.

В палате было двадцать восемь детенышей ФРОБов — приземистых, на редкость мощных существ, оболочка которых представляла собой подвижную броню. Взрослые ФРОБы из-за своей массивности двигались медленно и были неуклюжи, но малыши могли передвигаться чрезвычайно быстро. В этой палате требовались скафандры высокой защиты, врачи и сестры входили туда только в случае крайней необходимости. Пациентов для осмотра поднимали с помощью крана под самый потолок, где их анестези-

ровали раньше, чем разжимались захваты. Наркоз вводился длинной и очень крепкой иглой, которую приходилось втыкать в одно из немногих незащищенных мест — между задней ногой и животом.

— Боюсь, вы переломаете немало игл, прежде чем приспособитесь колоть ФРОБов, — сказал Конвей. — Но не беспокойтесь об этом и не думайте, что вы тем самым причиняете им боль. У этих крошек такие крепкие нервы, что, взорвись рядом бомба, они и бровью не поведут.

Врачи быстро направились к палате ФРОБов. Казалось, тоненькие ножки Приликлы заполняют все помещение, однако он умудрился ни разу не задеть Конвея. Конвей уже избавился от ощущения, будто идет по тонкому льду, и больше не боялся дотронуться до ГЛНО, опасаясь, что ассистент рассыплется, стоит его только коснуться. Приликла уже не раз демонстрировал свое умение избегать нежелательных контактов и столкновений и делал это не без известной грации.

Все-таки человек может работать с кем угодно, подумал Конвей.

— Вернемся к нашим толстокожим пациентам, — сказал он. — Они крепкие, но в детстве сопротивляемость микроорганизмам и вирусным инфекциям у них невысокая. С возрастом они вырабатывают необходимые антитела, и взрослые ФРОБы, как правило, здоровы, но малыши...

— ... с легкостью подхватывают любую болезнь, — вставил Приликла, — и стоит только открыть новую, как они тут же заболевают и ею.

Конвей засмеялся.

— Я совсем забыл, что вам, наверно, уже приходилось сталкиваться с ФРОБами и вы знаете — болезни у них редко приводят к смертельному исходу, но их лечение представляет собой столь длительный, сложный и неблагодарный процесс, потому что они немедленно заболевают чем-нибудь еще. Здесь нет ни одного тяжелого случая, и мы держим всех тут, а не в обычном госпитале, потому что надеемся создать сыворотку, предохраняющую их от этой инфекции, и выработать у них иммунитет, раньше чем... Стойте! — вдруг прошептал Конвей. Приликла замер, широко расставив длинные ноги, и уставился на существо, которое появилось на перекрестке коридоров.

На первый взгляд существо казалось илленсанином. Бесформенное тонкое тело с сухими, шуршащими мембранами, соединяющими нижние и верхние конечности, без сомнения, принадлежало дышащему хлором ПВСЖ. Но при этом у него имелись щупальца, будто пересаженные от ФГЛИ, покрытая мехом грудь, как у ДБЛФ, и, подобно им, он дышал воздухом, насыщенным кислородом.

Это мог быть только беглец.

Вопреки всем законам физиологии Конвей почувствовал, как его сердце отчаянно забилося в горле, и, вспомнив строгий наказ О'Мары не испугать беглеца, лихорадочно пытался какие-нибудь добрые успокаивающие слова. Но СРТТ, заметив доктора и ассистента, бросился бежать, и Конвею ничего не оставалось, как крикнуть:

— Скорей, за ним!

Они кинулись к перекрестку и повернули в коридор, где скрылся СРТТ. Приликла бежал по потолку, чтобы не попасться под ноги Конвею. Но, увидев, входной люк в палату ФРОБов, последний, забыв о всех приказах О'Мары, закричал:

— Стой, идиот! Не смей туда ходить!..

Беглец подбежал к палате ФРОБов, и преследователи в растерянности смотрели, как он открыл внутреннюю дверь и, подхваченный силой тяжести, вчетверо превышающей земную, пропал из виду. Затем внутренняя дверь автоматически закрылась, и Конвей с Приликлой вошли в шлюзовую камеру, чтобы переодеться.

Конвей быстро влез в скафандр высокой защиты, который извлек из шкафа, и переставил указатель на своем антигравитационном поясе. Проверяя клапаны на скафандре и ругаясь на чем свет стоит, Конвей взглянул в окошко внутренней двери и содрогнулся.

СРТТ в облике илленсанина лежал распластанный на полу. Он слегка вздрагивал, и один из малышей ФРОБов уже приближался к нему, чтобы исследовать это странное существо. Широкая ступня малыша, должно быть, задела СРТТ, потому что он дернулся и стал быстро и невероятно изменяться. Слабые мембранообразные отростки ПВСЖ превращались в костлявое тело ящерицы, из которого высовывались заостренные щупальца — их Конвей уже видел

у шестого шлюза. Очевидно, эта была самая страшная форма, которую только мог принять СРТТ.

Однако малыш ФРОБ был по меньшей мере впятеро массивнее чудовища и ничуть не испугался. Наклонив мощную голову, он боднул СРТТ. Тот отлетел футов на двадцать и ударился о бронированную стену. Не иначе, ФРОБ решил поиграть с гостем.

Тем временем доктор с ассистентом уже успели выбраться из камеры и забраться на галерею над залом, откуда лучше было наблюдать за происходящим. СРТТ вновь изменялся. При четырех “же” тело ящерицы оказалось неподходящим и не смогло противостоять юному бегемотику, и потому СРТТ попытался изобразить что-нибудь новое.

ФРОБ подошел поближе и как зачарованный смотрел на него.

4.

— Доктор, вы можете управлять захватами? — спросил Конвей. — Отлично. Идите к пультам...

Пока Приликла пробирался к контрольному пульту, Конвей перевел антигравитационный пояс на нуль и крикнул:

— Я буду подавать команды снизу!

Оказавшись в состоянии невесомости, он оттолкнулся и поплыл к полу. Но маленькие ФРОБы отлично знали Конвея, хотя не любили его, а может, он им просто надоел: ведь он мог играть только в одну игру — колотиться большими иглами, пока тебя держат, чтобы ты не вырвался. Поэтому малыш полностью игнорировал все крики и жесты Конвея. А вот остальные обитатели палаты проявили известный интерес, правда, не к Конвею, а к гостю, который продолжал изменяться.

— Не смей! — закричал Конвей, увидев, во что превращается СРТТ. — Остановись! Немедленно прекрати!..

Но было поздно. Вся палата с восторженными воплями: “Кукла! Кукла! Какая кукла!” — бросилась к СРТТ.

Взлетев повыше, чтобы не попасть под ноги малышам, Конвей взглянул сверху на колышашуюся массу ФРОБов, и его затошнило от мысли, что незадачливый СРТТ теперь явно распростится с жизнью. Но беглец каким-то образом

умудрился выскочить из-под топочущих ног и, прижавшись к стенке, уклонился от тянущихся к нему морд. Он выбрался из толпы, помятый, полузадушенный, все еще сохраняя принятую форму. Его едва не погубила мысль, что ФРОБы не нападут на их собственную уменьшенную копию.

Конвей крикнул Приликле:

— Хватай! Быстрее!

Приликла не терял времени. Массивные захваты приемника уже нависли над оглушенным СРТТ; по знаку Конвея они опустились и схватили беглеца. Конвей вцепился в один из тросов и, поднимаясь вместе с грузом, проговорил:

— Спокойно. Ты в безопасности. Не волнуйся. Я хочу тебе помочь...

В ответе СРТТ забился с такой силой, что едва не раскрыл захваты, и неожиданно превратился в слизистую мягкую массу, которая проскользнула между захватами подъемника и шлепнулась на пол. ФРОБы радостно завопили и снова набросились на беглеца.

На этот раз ему не вырваться, с ужасом и жалостью, подумал Конвей. Существо, которое испугалось в момент прибытия в Госпиталь и с тех пор находилось в бегах, обуревала такая паника, что едва ли что могло его спасти. Захваты не оправдали себя, правда, оставалось еще одно. Надо думать, О'Мара заживо сдерет с него за это кожу, но по крайней мере Конвей спасет беглецу жизнь, если даст ему убежать.

Напротив входного люка в стене имелась дверь, через которую впускали больных ФРОБов. Это была самая простая дверь, поскольку давление в коридоре было таким же, как и в палате. Конвей перелетел через палату к контрольному щиту и распахнул ее. СРТТ, не настолько потрепавший рассудок от страха, чтобы не заметить пути к отступлению, проскользнул туда и исчез. Конвей захлопнул дверь, не дав игривым малышам последовать за жертвой, а затем поднялся к контрольному пульту, чтобы доложить обо всем О'Маре. Ситуация была гораздо хуже, чем они полагали. В противоположном конце палаты Конвей успел заметить то, что невероятно затрудняло поимку, беглеца. Конвей понял, почему СРТТ не реагировал на его уговоры — транслятор был разбит и приведен в негодность.

Конвей уже занес руку, чтобы включить интерком, как вдруг услышал голос Приликлы:

— Простите, сэр, но вам не претит моя способность улавливать чувства? Может, вам неприятно, когда я говорю вслух о том, что вас волнует?

— Я бы ответил на оба вопроса отрицательно, — сказал Конвей. — Хотя, по поводу второго должен заметить, что мне не доставит удовольствия, если вы станете рассказывать кому-то о ваших наблюдениях. А почему вы спрашиваете?

— Я почувствовал, как вы взволнованы тем, что СРТТ может сделать с вашими пациентами, — ответил Приликла. — Мне не хотелось усиливать ваше беспокойство рассказом о силе тех эмоций, что я уловил в мозгу беглеца.

Конвей вздохнул.

— Валяйте. Все и так обстоит слишком плохо...

Но оказалось, что это еще не самое худшее.

Когда Приликла кончил рассказ, Конвей как ужаленный отдернул руку от интеркома.

— Нельзя говорить об этом по интеркому! — воскликнул он. — Стоит только узнать кому-то еще, будь то пациенты или обслуживающий персонал, как начнется паника. Бежим, мы должны разыскать О'Мару!

Главного психолога не оказалось ни в кабинете, ни в секции мнемोगрафии. Но им удалось узнать, где он, и они поспешили на сорок седьмой уровень в лабораторию N 3.

Это была большая палата, где температура и давление годились для теплокровных, кислородосодержащих существ. Доктора, лечившие ДБДГ, ДБЛФ и ФГЛИ, исследовали здесь наиболее редкие и экзотические случаи. Если условия в палате не подходили пациенту, то он дожидался своей очереди в одном из больших прозрачных боксов, которые располагались вдоль стен. В Госпитале эту палату прозвали испытательным полигоном, и Конвей увидел здесь медиков самых разных размеров и форм, толпившихся вокруг стеклянного бака посреди палаты. Должно быть, в нем и находился умирающий старый СРТТ.

Конвей заметил О'Мару у пульта связи и поспешил к нему.

О'Мара выслушал его молча, хотя несколько раз порывался открыть рот, как бы желая перебить, но каждый раз

упрямо поджимал губы. Когда же Конвей сказал о сломанном трансляторе, О'Мара жестом остановил его и резко нажал кнопку вызова.

— Соедините меня со Скемптоном из Технического управления! — рявкнул он. — Скемптон, наш беглец находится в детском отделении ФРОБов. Но возникло одно осложнение: он лишился транслятора... — Переведя дыхание, О'Мара продолжил: — Я плохо представляю, как вы сможете успокоить его теперь, но продолжайте делать все, что в ваших силах, а я попробую поговорить со связистами.

Он отключился, затем снова нажал на кнопку и сказал:

— Колинсона, пожалуйста... Это О'Мара. Попрошу вас, свяжитесь с группой, что исследовала планету СРТТ. Пусть они подготовят текст на их языке. Сейчас я дам вам его, чтобы им продиктовать. Нам совершенно необходимо это послание. Я объясню вам почему...

СРТТ принадлежат к долгожителям объяснял О'Мара, и воспроизводятся без участия особей другого пола. Дети рождаются у них очень редко, роды крайне мучительны, и потому между родителем и ребенком существуют крепкие родственные узы, но и, что крайне важно в нашем случае, сохраняется особая связь. Кроме того, при всех изменениях внешнего облика у этих существ органы речи и слуха, позволяющие им поддерживать связь с близкими, сохраняются неизменными.

Пусть кто-либо из взрослых СРТТ сделает выговор малышу, который плохо ведет себя; если этот текст будет передан в Госпиталь и потом через динамики — беглецу, врожденное послушание старшим поможет успокоить малыша.

— Таким образом мы справимся с этим маленьким кризисом. Думаю, на это понадобится несколько часов, — закончил О'Мара и выключил интерком. Но, заметив обеспокоенность Конвея, он тихо спросил:

— Что-нибудь еще?

— Доктор Приликла эмпат, и он уловил эмоции СРТТ. Психическое состояние беглеца оставляет желать лучшего. Все у него перемешалось: и печаль по умирающему родителю, и испуг, пережитый им у шестого шлюза, когда все

на него набросились, и трепка, которую он получил в палате ФРОБов. СРТТ еще молод, неопытен, ну и... — Конвей облизнул пересохшие губы, — кому-нибудь пришлось в голову подумать о том, когда СРТТ в последний раз ел?

О'Мара сразу понял, как это важно. Он тут же нажал на кнопку связи и схватил микрофон.

— Скемптона мне, срочно!.. Скемpton?.. Мне не хотелось бы разыгрывать мелодраму, но будьте любезны включить глушитель вашего аппарата. Возникло еще одно осложнение...

Выйдя от О'Мары, Конвей не знал, что делать, — пойти ли взглянуть на умирающего СРТТ или поспешить обратно, в свое отделение: Приликла уловил в мозгу беглеца острый голод, смешанный со страхом и растерянностью, и Конвей, а потом О'Мара и Скемpton поняли, какую опасность для окружающих представляет он теперь. Дети разумных существ обычно эгоистичны, жестоки и отнюдь не разумны. Движимый чувством голода, этот ребенок может напасть на разумное существо. Он сейчас не в состоянии оценить свои действия, но от этого его жертвам легче не будет.

К тому же подопечные Конвея такие маленькие, беззащитные и... аппетитные.

Оставалась надежда, что при виде старшего СРТТ Конвей поймет, как обуздать детеныша.

Он стал осторожно пробираться к баку, стараясь не задеть стоявшего поблизости доктора-землянина, но тот обернулся и спросил раздраженно:

— Куда вы лезете, черт возьми?.. А, привет, Конвей. Намерены внести еще одно дикое предложение?

Оказалось, что это Маннон. Конвей некогда был у него под началом. Теперь Маннон стал старшим терапевтом и метил в диагносты. Когда Конвей впервые попал в Госпиталь, Маннон пригласил новичка так как, по его словам, всегда жалел заблудившихся щенков, котят и практикантов. Доктору Маннону позволили держать в голове одновременно три мнемोगраммы — тралтановского эксперта по микрохирургии и двух хирургов для ЛСВО и МСВК, специализировавшихся на операциях при низком давлении. Так что большую часть дня он вел себя как человек. Он посмотрел на обходившего толпу Приликлу.

Конвей начал было объяснять, что представляет собой его новый ассистент, но Маннон прервал его:

— Хватит, приятель. Ты словно нотариус, читающий завещание. Легкость передвижения и эмпатические способности — великое дело в вашей работе. Но ты умеешь подбирать себе друзей: то летающие шары, то насекомые, то динозавры, то еще кто-нибудь еще более невообразимый на вид. Согласись, все это — престранный народ. За одним исключением: вполне разделяю твое восхищение медсестрой на двадцать третьем уровне.

— Скажите, вам удалось как-то продвинуться с лечением взрослого СРТТ? — спросил Конвей, намеренно переходя к главному предмету разговора. Маннон — замечательный человек, лучший в мире, но у него мерзкая привычка шпынять собеседника своими шуточками до тех пор, пока того затошнит.

— Ничего положительного, — признался Маннон. — И говоря о диких предложениях, я не шутил. Все мы питаемся здесь догадками. Обычные методы диагностики никому не годятся. Ты только погляди на него!

Маннон чуть отодвинулся, и Конвей ощутил мягкое прикосновение — это Приликла тянулся вперед, чтобы взглянуть на СРТТ.

5.

Описать существо, что лежало в баке, было невозможно, очевидно, когда началось растворение, оно пыталось одновременно принять несколько форм. Тут были конечности с суставами и без, куски кожи, шерсть, панцирные пластины покрывали тело; морду перечеркивало подобие рта с жабрами по сторонам. Все было перемешано, словно в кошмаре. При этом ни одна часть тела не имела четких очертаний, это была хлипкая, пораженная болезнью масса, словно что-то слепили из воска и забыли на солнце. Тело больного постоянно выделяло влагу, и уровень жидкости в баке поднялся уже дюймов на шесть.

— Зная высокую приспособляемость этих существ, — начал Конвей, — то, как легко они переносят физические травмы, и видя, сколь неестественную форму приняло его

тело, я склонен предположить, что заболевание вызвано причинами психического характера.

Маннон с поддельным ужасом медленно смерил его взглядом, а затем уничижительно произнес:

— Так, значит психического?! Глубокая мысль! Ну, а что же еще, скажите на милость, может быть причиной болезни у того, кто не боится ни физических повреждений, ни бактериального заражения? Что еще может довести его до такого состояния, если не мозги? Но, может быть, вы соизволите более точно выразить свою мысль?

Конвей почувствовал, как зарделись его уши и шея. Он промолчал.

Хмыкнув, Маннон продолжил:

— Он превращается в воду, именно в воду, содержащую лишь некоторое количество безвредных бактерий. Мы испробовали все известные физиологические и психологические методы лечения. И с нулевым результатом! Только что кто-то предложил его заморозить — чтобы прекратить таяние и чтобы у нас было время подумать. Предложение было отвергнуто большинством голосов, потому что в таком состоянии пациент немедленно отправится на тот свет. Мы обратились к коллегам-телепатам, чтобы они попробовали подействовать на него соответствующим образом, а О'Мара вообще прибегнул к древней методике, применив электрошоковую терапию, но все тоже безрезультатно. Все вместе и каждый в отдельности мы испробовали все возможные медицинские подходы, известные в обитаемой Галактике, и до сих пор не понимаем, чем же он болен...

— Если это связано с психикой, то, полагаю, телепаты... — начал Конвей.

— Нет, — перебил его Маннон, — у СРТТ мозг распределен равномерно по всему телу, а не сосредоточен в черепной коробке, иначе эти существа не могли бы так реинкарнироваться. У нашего пациента мозг исчезает, тает вместе с телом, делится на все меньшие и меньшие частицы — настолько малые, что телепаты не могут с ними работать.

И в самом деле, эти СРТТ невероятные существа, — задумчиво продолжал Маннон. — Естественно, они вышли из моря, но затем на суше начались вспышки вулканической деятельности, землетрясений. Сера и еще черт знает

что покрыли всю поверхность планеты. К тому же стало угасать их солнце. В результате планета превратилась в пустыню и останется ею и поныне. Для того, чтобы выжить, им пришлось приспособливаться. При их способе воспроизведения себе подобных от взрослой особи отпочковывается новорожденный, а родитель теряет значительную часть своей массы. И это весьма любопытно, ибо дитя рождается с частью клеток родителя. Память и сознательный опыт отца к нему не переходят, но он подсознательно сохраняет способность адаптироваться к новым условиям...

6.

Следовало как-то заставить беглеца перебраться в палату для выздоравливающих ДБЛФ, где установили ловушки. Однако прежде надо было убрать его из палаты АУГЛов. Двенадцать мониторов в тяжелых скафандрах барахтались в воде, проклиная все на свете, пока не загнали СРТТ туда, откуда был один выход — в люк, ведущий в палату ДБЛФ.

Конвей, Приликла и группа охранников поджидали его в коридоре.

Беглец еще раз изменил вид: на этот раз инстинкт самосохранения подсказал ему принять облик человека.

СРТТ медленно бежал по коридору на мягких ногах, которые гнулись в самых необычных местах. Чешуйчатая серая кожа, которая до сих пор была у него, подергивалась, морщилась и снова расправлялась, приобретая цвет человеческого тела, облаченного в белый халат. Конвей мог спокойно смотреть на любое внеземное существо, страдающее самой отвратительной болезнью, однако вид СРТТ, который на бегу пытался превратиться в человека, вызвал в нем приступ тошноты.

Неожиданно беглец кинулся в коридор МСВК, это застало преследователей врасплох, и, толкая друг друга, они сгрудились возле соединительного шлюза. МСВК были трехногими существами, внешне напоминающими журавлей, и могли существовать лишь в условиях малого притяжения; ДБДГ, как и Конвею, трудно было к ним быстро приспособиться. Однако, пока Конвей все еще медленно

плыл по помещению, тренированные мониторы встали на ноги. СРТТ снова бросился в кислородный сектор.

После нескольких неприятных минут Конвей с облегчением подумал, что, задержись беглец здесь, его нелегко было бы отыскать в плотном тумане, который называли атмосферой. Если он пропадет на этой стадии поисков... Нет, Конвей предпочитал не думать об этом.

Теперь палата для ДБЛФ была почти рядом, и СРТТ направился прямо туда. Он вновь изменился, превратившись в нечто низкое и тяжелое, передвигающееся на четырех конечностях. Казалось, он сжимается, и на спине его образовалось нечто вроде черепашьего панциря. Тут из-за угла с криком, размахивая руками, выскочили два монитора и загнали его в коридор, куда выходили палаты...

Но в коридоре никого не оказалось.

Конвей выругался с досады. Шестеро мониторов должны были перекрыть коридор, но погоня добралась сюда слишком быстро, так что они не успели подготовиться — наверно, все еще устанавливали в палате оборудование.

Но Конвей недооценил реакции Приликлы. Ассистент мигом разобрался в ситуации. Он подбежал к потолку, обогнал СРТТ и спрыгнул на пол. Конвей попытался было предостеречь Приликлу, крикнуть, что хрупкое насекомое не может остановить СРТТ, превратившегося в громадного и проворного бронированного краба. Это же самоубийство! И тут его глазам предстало удивительное зрелище.

Перед СРТТ футак в тридцати в стене коридора была ниша, где стояли самоходные носилки. Конвей увидел, как Приликла замер у ниши, включил носилки и запустил их навстречу беглецу. Ассистент не отличался безумной храбростью, просто он соображал, что было куда важнее.

Носилки, промчавшись по коридору, столкнулись с СРТТ. Раздался грохот металла, взвились клубы желтого и черного дыма. И, прежде чем вентиляторы очистили воздух, помощники Конвея окружили оглушенного СРТТ и загнали его в палату для выздоровления.

Не прошло и нескольких минут, как к Конвею приблизился офицер мониторов. Он кивком головы указал на приборы, принесенные в помещение, а также на людей в

темно-зеленой форме, которые стояли вдоль стен. Они наблюдали за СРТТ, который медленно кружил по комнате, выискивая, куда бы скрыться. Без сомнения, офицер сгорал от любопытства, но голос его был сдержан:

— Вы доктор Конвей? Так что же от нас требуется?

Конвей облизнул губы. До сих пор ему некогда было подумать об этой стадии операции. Но теперь в нем проснулась жалость к беглецу. В конце концов это был всего лишь ребенок, от горя и страха утративший способность рассуждать. Если этот номер не пройдет...

Конвей стряхнул с себя сомнения и неуверенность и резко сказал:

— Видите этого зверя посреди комнаты? Напугайте его до смерти.

Разумеется, ему пришлось уточнить, но мониторы быстро сориентировались и с энтузиазмом пустили в дело припасенное оборудование. Конвей мрачно наблюдал, как самые разные предметы и приборы, предназначенные для очистки воздуха и связи, а также посуда из диетической столовой выполняют отнюдь не свойственные им функции. Одни издавали резкий свист или гудение, будто огромные сирены, другие бряцали и звенели. Этот грохот сопровождали вопли и крики людей, орудовавших страшными предметами.

И СРТТ испугался. Приликла регулярно докладывал о его эмоциональном состоянии.

— Ти-ше! — неожиданно перекрыл шум голос Конвея. — А теперь — беззвучная атака.

Чудовищная какофония была лишь увертюрой. Сейчас в бой вступало по-настоящему страшное оружие, но при этом все должно было проходить в полной тишине — что-то был слышен каждый звук, исходящий от СРТТ.

Вокруг существа взметнулись языки пламени, оно было ярким, но не обжигающим. Одновременно силовые лучи принялись толкать жертву, гонять ее, приподнимать и даже подбрасывать к потолку. Силовые лучи работали по тому же принципу, что и гравитационные пояса, но их можно было концентрировать в одной точке. Операторы метали в парящего в воздухе и сопротивляющегося беглеца ракеты и шаровые молнии, меняя в последний момент их направление.

Теперь СРТТ был на самом деле перепуган, перепуган так, что это чувствовали даже люди, лишённые эмпатических способностей. Он принимал такие обличья, что Конвею были обеспечены ночные кошмары на много недель вперед.

Конвей включил микрофон:

— Есть ли реакция?

— Пока нет, — загремел из стенного динамика голос О'Мары. — Придется подналечь.

— Но он находится в состоянии крайнего возбуждения, и расстро... — начал Приликла.

Конвей обернулся к ассистенту:

— Если вам трудно, уходите. Можете вы как-то усилить давление на него? — спросил он у стоявшего рядом офицера.

— Некоторых существ, способных вынести все, — сдержанно сказал офицер, — полностью выводит из строя вращение...

Так ко всем пыткам, которым подвергался СРТТ, было добавлено вращение. Но не просто вращение, а дикое, неравномерное, сумасшедшее движение, на которое даже глядеть было тошно. Светящиеся ракеты и молнии вспыхивали и крутились над СРТТ, словно сошедшие с ума луны над дикой планетой. Собравшиеся почти утратили первоначальный энтузиазм, а Приликла покачивался на своих шести тонких ногах, охваченный эмоциональной бурей, грозившей унести его как былинку.

Не следовало тащить сюда Приликлу, досадуя на себя, подумал Конвей. Для эмпата такое переживание подобно аду. Наверно, он, Конвей, ошибся. Придумать это было само по себе жестокостью, садизмом, да и вряд ли могло достичь цели. Он хуже любого чудовища...

Вертящийся, дергающийся бурый комок посреди комнаты, в который превратился маленький СРТТ, издал резкий, высокий, горловой звук ужаса. И тут страшный грохот потряс стенные динамики; в нем смешались вопли, крики, шум ломаемой мебели, топот бегущих ног, и все это перекрывал низкий нескончаемый вой. Слышно было, как О'Мара старается кому-то что-то объяснить, затем неизвестный голос крикнул:

— Ради всего святого, прекратите! Папаша проснулся и рушит все вокруг!

Люди кинулись к СРТТ, осторожно остановили его и опустили его на пол. Из динамиков по-прежнему доносились крики и грохот. Вскоре они достигли апогея, а затем начали стихать. Люди замерли у стен, глядя друг на друга, на хныкающего СРТТ, на стенные динамики. Они ждали. И дождались.

Раздался звук, похожий на тот, что недавно передавали в записи, но он был чистым, без космических помех. Трансляторы были у всех, так что все поняли, о чем речь.

Это был голос старшего СРТТ, который снова стал единым целым. Ласково и строго он обращался к своему ребенку. Он говорил, что малыш плохо ведет себя, что он должен немедленно прекратить беготню и не доставлять больше беспокойства окружающим. И чем скорее малыш послушается, тем скорее они с отцом уедут домой.

Для маленького беглеца это была страшная экзекуция. Может быть, они даже переборщили, подумал Конвей. Он напряженно следил за тем, как СРТТ, все еще напоминающий сразу и рыбу, и птицу, и зверя, пополз к стене. И когда он осторожно и покорно начал тереться головой о колено одного из мониторов, в комнате поднялось такое шумное веселье, что малыш чуть было снова не убежал.

— Приликла объяснил мне, в чем заключается болезнь старшего СРТТ, и я понял, что лечение должно быть радикальным, — обратился Конвей к диагностам и старшим терапевтам, собравшимся вокруг стола О'Мары.

Сам факт, что его допустили в столь высокое общество, означал, что его действия одобрили, и все-таки Конвей не мог побороть волнения.

— Я решил использовать тесную физическую и эмоциональную связь, существующую между взрослым СРТТ и его младшим отпрыском, — продолжал Конвей. — Все вышло, как мы и рассчитывали. Старший СРТТ не мог лежать спокойно, когда его дитя находилось в опасности. Родительская любовь и привязанность победили и вернули больного к реальности.

— Вы проявили явные способности к дедукции, доктор, — сердечно сказал О'Мара, — вы достойны...

В этот момент загудел интерком. Мэрчисон сообщала, что у всех трех АУГЛов проявились признаки окостенения, и просила доктора Конвея немедленно прийти в палату. Конвей попросил выдать ему и Приликле-мнеограммы АУГЛов и с сожалением подумал, что звонок Мэрчисон испортил ему триумф.

— Не расстраивайтесь, доктор, — весело проговорил О'Мара, словно прочитав его мысли. — Позвони она минут на пять позже, и ваша голова так распухла бы от похвал, что в ней не осталось бы места для мнеограммы...

Два дня спустя Конвей в первый и последний раз поспорил с Приликлой. Он утверждал, что только эмпатические способности ассистента и преданность сестры Мэрчисон помогли вылечить трех маленьких АУГЛов. Доктор Приликла возразил, что, хотя спорить с начальником не в его правилах, в данном случае доктор Конвей глубоко заблуждается. Мэрчисон не ответила, что рада оказаться полезной.

Конвей продолжил спор с Приликлой. Он был совершенно уверен, что без помощи маленького эмпата не смог бы спасти АУГЛов. Спор, если так можно назвать дружескую перепалку, затянулся на несколько дней. И никто не подозревал, что тем временем к Госпиталю приближается потерпевший крушение корабль, а в нем — некое существо.

Не знал Конвей и того, что две недели спустя весь персонал Госпиталя будет его презирать.

ГЛАВА IV

ПАЦИЕНТ СО СТОРОНЫ

1.

Сторожевой крейсер “Шелдон” вынырнул из гиперпространства в пятистах милях от Главного Госпиталя. Его появление тут было вызвано аварией корабля в зоне действия поля надпространственных генераторов. Громадное, сверкающее огнями сооружение Госпиталя на таком расстоянии казалось светлым пятнышком, но капитан не решился сразу приблизиться к нему. В потерпевшем аварию корабле находился член экипажа, нуждавшийся в срочной

медицинской помощи. Капитан крейсера был привержен соблюдению правил и опасался, как бы не причинить вред случайным “прохожим”. Под прохожими в данном случае он имел в виду обитателей крупнейшего в Галактике межзвездного Госпиталя.

Связавшись с его приемным покоем, капитан объяснил положение и его заверили, что пострадавшим займутся немедленно. Убедившись в поддержке, капитан решил приступить к исследованию потерпевшего аварии корабля, который в любой момент мог разлететься на части.

Неловко примостившись в слишком мягком кресле в кабинете главного психолога, доктор Конвей через заваленный бумагами стол смотрел на квадратное, с резкими чертами лицо О’Мара.

— Расслабьтесь, доктор, — проговорил вдруг О’Мара, как всегда угадав его мысли. — Если бы я вызвал вас для разноса, то предложил бы кресло пожестче. Но я получил указание погладить вас по шерстке. Вы, доктор, получили повышение. Поздравляю вас. Отныне вы — старший терапевт.

Не успел Конвей и рта раскрыть, как О’Мара поднял большую квадратную ладонь.

— Что касается меня, то я уверен, что произошла досадная ошибка, — продолжал он. — Однако ваш успех с растворявшимися СРТТ явно произвел впечатление на руководство. Они вообразили, что все решили ваши способности, а везение тут ни при чем. Что же касается меня, — ухмыльнулся он, — то я не доверил бы вам вырезать даже свой аппендикс.

— Вы очень любезны, — сухо сказал Конвей.

О’Мара улыбнулся.

— А вы ожидали, что я буду вас нахваливать? Суть моей работы в том, чтобы мылить шеи, а не почесывать за ушком. Теперь я подарю вам минутку, чтобы вы привыкли к сиянию собственной славы...

Конвей прекрасно понимал, что означает для него это повышение. Разумеется, он был польщен, он не рассчитывал получить это звание раньше, чем года через два. Однако это его и несколько испугало.

Отныне на рукаве у него будут красоваться красные шевроны, он получит преимущество перед всеми, кроме коллег того же звания и диагностов, и сможет по своему усмотрению пользоваться любыми приборами и оборудованием Госпиталя. В то же время он будет нести полную ответственность за всякого доверенного ему пациента, переложить которую нельзя будет ни на кого. Да и свободного времени будет меньше. Придется читать лекции сестрам, проводить практикумы, почти наверняка его втянут в какое-нибудь коллективное исследование. Надо будет постоянно пользоваться мнемограммой, а то и двумя. Все это не очень веселило.

— Поскольку вы теперь старший терапевт, — сказал О'Мара, — я поручу вам одно дело. Поблизости от нас находится потерпевший аварию корабль с раненым на борту. Доставить раненого в Госпиталь обычным путем мы не можем. Физиологические особенности существа неизвестны, не удалось определить, и откуда летел корабль. Так что мы не знаем, чем наш будущий пациент дышит, что ест и даже как выглядит. Я прошу вас туда отправиться, выяснить, что к чему, и принять меры к транспортировке пострадавшего. Известно, что он почти не подает признаков жизни, — поспешно закончил он, — так что задание это экстренное.

— Хорошо, — Конвей вскочил с кресла. У двери он на мгновение задержался. Позднее он сам удивился, как у него хватило наглости сказать это главному психологу, не иначе подействовало неожиданное повышение:

— Кстати, ваш проклятый аппендикс находится у меня, — торжествующе заявил он. — Три года назад его вам вырезал Келлерман и сохранил в банке. А потом проиграл мне в шахматы. Так что ваш аппендикс стоит у меня на книжной полке...

О'Мара лишь слегка склонил голову, словно благодарил за комплимент.

В коридоре Конвей подошел к ближайшему коммуникатору и вызвал транспортный отдел.

— Говорит доктор Конвей. У меня срочный вызов. Прошу предоставить катер и медсестру, которая умеет обращаться с анализатором и, если можно, обладает опытом

спасательных работ. Через несколько минут я буду у внешнего восьмого шлюза.

Как только он добрался до восьмого шлюза, от приподнятого настроения не осталось и следа. Там его поджидала медсестра ДБЛФ — покрытое мехом многоногое существо. При виде Конвея существо стало покрикивать и присвистывать. Транслятор Конвея исправно превращал звуки чужого языка в английские слова, как он делал это со всеми прочими хмыканьями, скрипеньями и курлыканьями, что раздавались в Госпитале.

— Я тут уже более семи минут, — заявила сестра. — Мне было сказано, что задание очень срочное, но вы отнюдь не торопитесь... — Транслятор не способен передавать эмоции. Так что ДБЛФ могла шутить, посмеиваться или просто констатировать факт без всякого желания уязвить. Правда, в последнем Конвей сомневался, но он знал, что выходить из себя бессмысленно.

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Я мог бы сократить ваше ожидание, если бы всю дорогу бежал. Но я противник беготни — излишняя спешка в моем положении производит дурное впечатление. Окружающие решат, что я поддался панике, не будучи уверен в себе. Так что прошу запомнить. — Он перешел на официальный тон: — Я не медлил, а шел нормальным шагом.

Звук, который издала ДБЛФ в ответ на эту тираду, не поддавался переводу.

Конвей направился к переходному туннелю, и через несколько секунд они отчалили. Масса огней Главного Госпиталя в заднем обзорном экране стала тускнеть и сжиматься, и Конвей ощутил беспокойство и потребность разделить с кем-нибудь ответственность, хотя бы с доктором Приликлой.

Сестра ДБЛФ, сообщившая, что ее зовут Курседд, все время полета испытывала терпение Конвея. Она была совершенно лишена такта, так что выдержать ее было нелегко.

Курседд, как и все ДБЛФ, не обладала телепатическими способностями, но, наблюдая за собеседником, могла довольно точно угадать его мысли, а полное отсутствие у

этой расы дипломатических начал постоянно ставило общавшихся с ее представительницей в тупик.

Наконец они приблизились к сторожевому крейсеру и пришвартованному к нему аварийному кораблю. Корабль был ярко-оранжевого цвета и особенно не отличался от других потерпевших аварию судов. Конвей подумал, что корабли, как и людей, насильственная смерть лишает индивидуальности. Он приказал Курседд раз за разом облететь пострадавшее судно, а сам прильнул к иллюминатору.

Корабль оказался разорванным пополам. По яркой окраске корпуса Конвей мог судить о характере зрительных органов построивших его существ, а также о плотности и прозрачности их атмосферы. Решив, что визуальный осмотр больше ничего не даст, Конвей велел причаливать к "Шелтону".

Переходная камера крейсера была невелика и казалась еще меньше от того, что туда набились мониторы, которых он узнал по темно-зеленой форме. Они столпились вокруг странного механизма, очевидно, снятого с погибшего корабля. Специалисты перебрасывались техническими терминами, и никто не обратил внимания на вновь прибывших. Конвею пришлось дважды громко кашлянуть, прежде чем худой седоголовый офицер отделился от толпы и приблизился к ним.

— Саммерфилд, — представился он, — капитан крейсера.

Капитан говорил быстро, не отрывая заинтересованного взгляда от того, что лежало на полу.

— Насколько я понимаю, вы медицинское начальство из Госпиталя?

Конвей ощутил раздражение. Он мог понять интерес этих людей: разбитый корабль с другой планеты, принадлежащий неизвестной культуре, — редкая находка, технологический клад, ценность которого трудно переоценить. Но ведь самое важное — спасение живого существа. Поэтому он сразу перешел к делу.

— Капитан Саммерфилд, — резко сказал он. — Необходимо как можно скорее и на катере, и в Госпитале воссоздать для пострадавшего привычные условия жизни.

Прошу вас выделить мне провожатого на корабль. Желательно, опытного офицера, знакомого с...

— Разумеется... — перебил его Саммерфилд. Казалось, он хотел еще что-то добавить, но раздумал, пожал плечами и позвал:

— Гендрикс!

К ним подошел молодой человек с несколько растерянным выражением лица, начавший было натягивать на себя скафандр. Капитан коротко представил ему врачей.

Гендрикс понимал, что время не терпит.

— Нам понадобятся скафандры высокой защиты, — сказал он. — Для вас, доктор, я подберу один, но вот что касается доктора Курседд...

— Не беспокойтесь, — прервала его медсестра. — Мой скафандр в катере. Я буду готова через пять минут.

— Известно, что здесь произошло? — поинтересовался Конвей, с любопытством оглядываясь вокруг. — Несчастный случай, столкновение?

— Мы пришли к заключению, — ответил Гендрикс, — что по какой-то причине отказала одна из двух вар гиперпространственных генераторов. В результате корабль расколот надвое. Одну его половину тут же отбросило в нормальное пространство, то есть скорость ее стала значительно ниже скорости света. Другая, с отказавшими генераторами, какое-то время двигалась; так как после аварии оставшаяся пара генераторов еще несколько секунд продолжала работать. Автоматика ликвидировала повреждения и загерметизировала кое-какие отсеки, но, так как корабль в сущности развалился, мало что можно было сделать. К счастью, нам удалось поймать автоматический сигнал бедствия, и, когда мы отыскили корабль, в одном из отсеков, похоже, оставался воздух — мы услышали, как там кто-то двигался. Но мне не дает покоя мысль — что случилось со второй половиной корабля, — закончил Гендрикс. — Автоматический сигнал бедствия там не сработал, иначе бы мы его непременно услышали. Но ведь там тоже кто-то мог остаться в живых.

— Давайте спасать хотя бы этого, поторопил Конвей. — Как к нему пробраться?

Гендрикс проверил гравитационные пояса на своем скафандре, взглянул на показания приборов.

— Вам не удастся это сделать, — сказал он. — По крайней мере сейчас. Следуйте за мной, и вы поймете почему.

Когда О'Мара предупредил, что до пациента трудно добраться, Конвей решил, что на корабле, как это часто бывает, обломками завалило отсек. Но при всей компетентности мониторов оказалось, что дело куда сложнее.

И все же, когда они ступили на корабль, выяснилось, что внутренние помещения вовсе не загромождены. По каютам летали предметы, но никаких завалов не было. Только приглядевшись к окружающему, Конвей осознал размах катастрофы. Вокруг не сохранилось ни одной целой, нетреснувшей, не сдвинутой с места трубы, гайки или секции. В дальней стене отсека Конвей увидел тяжелую дверь, а в ней выпиленное лазером отверстие, в которое был вставлен временный люк.

— В случае аварии все герметические двери закрываются автоматически, — пояснил Гендрикс в ответ на вопросительный взгляд Конвея, — но, когда корабль в таком состоянии, закрытый люк вовсе не означает, что по другую его сторону имеется давление. Мы разобрались в ручном управлении, но вовсе не уверены, что, открыв одну дверь, не откроем тем самым все остальные двери на корабле. А тогда пострадавший погибнет...

Конвей услышал в наушниках короткий грустный вздох. Промолчав, Гендрикс продолжил:

— Пришлось поэтому установить на каждой двери герметические шлюзы, тогда, если в отсеке сохранилось давление, после того как мы прорежем в двери отверстие, оно почти не упадет. Но это потребует немало времени, а форсировать работы невозможно, не рискуя жизнью пострадавшего.

— Тогда следует увеличить число спасательных команд, — предложил Конвей. — Если вас недостаточно, мы пришлем спасателей из Госпиталя. Это сократит время, которое требуется...

— Нет, доктор, — горячо возразил Гендрикс. — Мы не случайно затормозили в пятистах милях от Госпиталя. Есть данные, что где-то на корабле имеется запас энергии. И, пока мы не знаем, что это за энергия и где она, следует действовать осторожно. Да, мы хотим спасти инопланетянина, но так, чтобы при этом самим не взлететь на воздух. Разве в Госпитале вам об этом не сказали?

Конвей покачал головой.

— Возможно, не хотели меня волновать.

Гендрикс засмеялся.

— Я тоже не хочу вас волновать. Откровенно говоря, опасность взрыва невелика, если не пренебрегать мерами предосторожности. Но, если куча людей набросится на корабль и станет растаскивать его по кускам, опасность станет реальной.

Тем временем они миновали еще два отсека и короткий коридор. Конвей заметил, что каждое помещение покрашено в свой цвет. Видно, раса, построившая этот корабль, подумал он, очень чувствительна к цвету.

— Как скоро рассчитываете вы добраться до пострадавшего? — спросил Конвей.

— Ответить на этот вопрос не так-то просто, — отозвался Гендрикс. — Живое существо обнаружили по шуму, вернее, по вибрации корабля, вызванной его движениями. Однако аварийное состояние самого корабля и то, что неизвестное существо двигается все меньше, не позволяет определить его положение. Наши люди режут переборки, продвигаясь к центру. Скорее всего именно там сохранился неповрежденный отсек. К тому же шум, который производят спасатели, не позволяет прислушиваться к движениям пострадавшего. Полагаю, все это займет от трех до семи часов. А ведь после того, как спасатели доберутся до отсека, надо будет еще взять образец воздуха, подвергнуть анализу и воспроизвести атмосферу, определить давление и силу тяжести, естественные для этих существ, оказать пострадавшему первую помощь и подготовить к эвакуации в Госпиталь.

— Слишком долго. — Конвей был расстроен. — Вряд ли пострадавший столько продержится. Придется готовить

помещение, не дожидаясь пациента. Другого выхода нет. Вот что мы будем делать...

Конвей приказал сорвать настил на полу, чтобы обнажить гравитационные установки. Сам он почти не разбирался в этом, но надеялся, что Гендрикс сможет хотя бы приблизительно определить их мощность. Во всей Галактике был известен лишь один способ регулировать гравитацию. Если инопланетяне пользовались каким-то другим способом — придется сдаваться.

— Физические характеристики всякого существа, — продолжал Конвей, — можно определить по образцам пищи, размеру гравитационных установок и составу воздуха. Собрав эти данные, мы сможем воссоздать условия его жизни

— Какие-то из летающих вокруг объектов могут окататься контейнерами с пищей, — предположила вслух Курседд.

— Это мысль, — согласился Конвей. — Но в первую очередь следует определить состав атмосферы, которая была на корабле. Тогда мы узнаем и кое-что об обмене веществ пострадавшего и выясним, какие из контейнеров содержат пищу, а какие краску...

Не откладывая, они занялись поисками образца воздуха. В любом помещении на всяком корабле имеется множество труб, но количество их здесь даже в самых маленьких отсеках удивило Конвея. Если все отсеки разделяли герметические двери, то и трубы, подающие в них воздух, должны иметь на входе и выходе клапаны, решил он. Пришлось проследивать отрезок каждого трубопровода до его разрыва, чтобы убедиться, что он не принадлежит к воздушной системе. Работа оказалась долгой, кропотливой, и Конвей со злостью глядел на механическую головоломку, от решения которой зависела жизнь пациента.

Через часа два круг его поисков, наконец, сузился до толстой трубы, которая, судя по всему, служила для отвода отработанного воздуха, и пучка тонких труб, по которым составляющие атмосферы поступали в отсек.

Этих питающих труб было семь!

— Существо, которому требуется семь различных химических... — Гендрикс растерянно замолчал.

— Только по одной трубе подается основной компонент воздуха, — пояснил Конвей. — По остальным идут необходимые добавочные элементы и инертные компоненты, подобные азоту в нашем воздухе. Если, когда упало давление, регулирующие клапаны в отсеке не были перекрыты, мы сможем сказать, из чего состоял воздух.

Конвей говорил уверенным тоном, но сам не чувствовал такой уверенности. Больше того, его мучили мрачные предчувствия.

Тут на первый план выступил Курседд. Она достала из рабочей сумки маленький электрорезак, включила, сфокусировала пламя и осторожно подвела игольчатую струю к одной из семи входных трубок. Конвей, подойдя ближе, склонился с открытой пробиркой и инстинктивно отшатнулся, когда из трубы вырвалась струя желтоватого пара. В пробирку почти ничего не попало, однако того, что в ней оказалось, для анализа было достаточно. Курседд принялась за следующую трубу.

— Судя по всему, это хлор, — сказала ДБЛФ, продолжая работу. — И если он является основным компонентом их атмосферы, мы можем поместить пострадавшего в модифицированную палату для ПВСЖ.

— Боюсь, что все не так просто... — отозвался Конвей.

Не успел он закончить, как из второй трубы вырвался фонтан белого пара, туманом окутавший комнату. Курседд, не выпуская резака, отпрянула назад. Пар, соприкасаясь с пламенем, превращался в дымящиеся шарики прозрачной жидкости, которые плавали вокруг. С виду они казались капельками воды. Конвей набрал этих капелек в другую пробирку. Пламя резака, попав в струю газа, вырвавшегося из третьей трубы, ярко вспыхнуло. Ошибиться было нельзя.

— Кислород, — заключила Курседд, подтвердив мысль Конвея. — Или газ с высоким содержанием кислорода.

— Образование воды меня не смущает, — заметил Гендрикс. — Но ведь кислород с хлором — смесь, малоприспособная для дыхания.

— Согласен, — отозвался Конвей. — Всякое существо, дышащее кислородом, в секунды погибает от хлора и наоборот. Но, может быть, один из этих элементов составляет лишь незначительную примесь в атмосфере. А может, оба эти газа — лишь незначительные примеси, основной же составляющей атмосферы мы пока не нашли.

Разрезав последние четыре трубы, они собрали образцы газов. Все это время Курседд напряженно обдумывала слова Конвея и прежде чем отправиться на катер для анализа образцов, заговорила:

— Если эти газы представляют собой только примеси, — бесстрастно перевел ее слова транслятор, — тогда почему здесь не только инертные элементы, но и кислород не смешиваются заранее, как для всех других существ, а поступают в отсек по отдельным трубам? Ведь выходят они по одной трубе.

Конвей хмыкнул. Его тоже мучил тот же вопрос, ответ на который он не находил.

— В настоящий момент мне нужен анализ образцов, — резко сказал он, — я прошу вас не задерживаться. Тем временем мы с Гендриксом постараемся вычислить размеры этого существа и соответственно подходящую для него силу тяжести. И не беспокойтесь, — добавил он сухо, — всякая тайна имеет разгадку.

— Будем надеяться, что мы откроем ее при лечении, — парировала Курседд, — а не зафиксируем в заключении о смерти.

Не дожидаясь указаний, Гендрикс стал открывать пластины пола, чтобы добраться до гравитационных установок. Конвей видел, что он знает свое дело, и отправился искать какую-нибудь мебель.

2.

Обычно на космическом корабле при катастрофе все предметы, как движимые, так и те, что принято считать неподвижными, срываются с мест и летят в направлении удара. Здесь же авария разорвала связующие силы корабля, нарушив положение каждой гайки, каждого шва. Мебель в таких условиях пострадала больше всего.

Стул или постель могут рассказать многое о форме, количестве конечностей и весе того, кто ими пользуется.

Важно и то, что предпочитает владелец вещей — твердое покрытие или мягкую подстилку. Изучение материалов и формы мебели позволяет также рассчитать нормальную для ее владельца силу тяжести.

Но Конвею не везло.

Если плавающие обломки и были остатками мебели, то составить из них целый предмет оказалось задачей неразрешимой трудности — так их измолотило и перемешало при ударе. Конвей, отчаявшись, решил было вызвать О'Мару, но вовремя отказался от этой мысли: вряд ли главному психологу интересно знать, как старший терапевт не справляется со своими трудностями.

Конвей копался в обломках того, что когда-то, похоже, было шкафом, в надежде отыскать какую-нибудь одежду или даже наткнуться на сокровище в виде фотографии любимой девушки, когда его вызвала Курседд.

— Анализ закончен, — сообщила медсестра. — Составляющие атмосферы нельзя назвать необычными, но смесь их смертельна для любого существа, наделенного органами дыхания. В какой пропорции их ни смешивай — результат одинаково ядовит.

— Выражайтесь конкретнее, — перебил сестру Конвей. — Мне нужны факты, а не мнения.

— Составляющие газы, — ответила Курседд, — это аммиак, двуокись углерода и два инертных газа. Вместе с уже известными элементами они образуют непрозрачную атмосферу, тяжелую и ядовитую...

— Такого не может быть! — оборвал сестру Конвей. — Вы видели, как расписаны каюты корабля? Они любят тонкие цвета, разнообразные оттенки. Существа, живущие в непрозрачной атмосфере, не обладают чувствительностью к оттенкам...

— Доктор Конвей, — послышался извиняющийся голос лейтенанта, — я проверил гравитационные установки. Они рассчитаны на гравитацию в пять “же”.

Притяжение, которое впятеро превышало земное, означало высокое атмосферное давление. Следовательно, существо дышит густым ядовитым сиропом. Это сулило крайне опасные осложнения.

— Передайте спасателям, — сказал Конвей Гендриксу, — чтобы они приближались к пострадавшему особенно осторожно, но не теряя времени. Любая тварь, живущая при пяти “же”, обладает мышцами. А существа, попавшие в подобную передрыгу, нередко теряют рассудок.

— Понятно, — встревоженный Гендрикс исчез за переборками.

Конвей возвратился к Курседд.

— Вы слышали, что сказал Гендрикс? — спросил он ее. — Испробуйте комбинации этих элементов при высоком давлении. И помните, что нам нужна прозрачная атмосфера.

— Я подчиняюсь, после длительной паузы проговорила медсестра. — Но вынуждена добавить, что ненавижу попусту тратить время, даже если это приказ.

Несколько минут Конвей молча боролся с собой, чтобы не сорваться и не наговорить лишнего. Но постепенно гнев его на тупость и упрямство наглой сестры начал стихать. Возможно, Курседд и не была такой уж тупой. Возможно, она была и права в своем выводе о непрозрачности атмосферы. Но что это давало? Факты противоречили один другому.

Весь этот корабль полон противоречий, устало подумал Конвей. И форма его, и конструкция свидетельствовали о том, что его хозяева не привыкли к большой силе тяжести, а гравитационные установки были рассчитаны на пять “же”. Судя по окраске помещений, зрение их обитателей почти не отличалось от зрения самого Конвея, однако, если верить Курседд, в такой атмосфере нужен скорее радар, чем глаза. А уж о неоправданно сложной системе воздухоснабжения и ярко-оранжевой окраске корпуса и говорить не приходится.

В который раз Конвей мысленно пытался нарисовать себе разумную картину из данных, какими располагал, но тщетно. Может, стоит иначе подойти к проблеме...

Он резко включил рацию.

— Гендрикс, соедините меня, пожалуйста, с Госпиталем, — попросил он. — Мне нужно поговорить с О’Марой. Я хотел бы, чтобы при разговоре присутствовали вы, капитан Саммерфилд и Курседд. Можно это устроить?

Гендрикс хмыкнул.

— Подождите минутку, — проговорил он.

Конвей слышал, как прерываемый звонками, щелчками и разрядами голос Гендрикса вызывал радиста на “Шелдоне”, тот связывался с Госпиталем и просил капитана Саммерфилда немедленно пройти в рубку. Радисту отозвался ровный, бесстрастный голос транслятора, переводивший инопланетного оператора в Госпитале. Через минуту сумятица вызовов стихла, и знакомый голос О’Мары произнес:

— Главный психолог слушает. Говорите.

Конвей коротко изложил ситуацию на погибшем корабле.

— Спасатели пробиваются к центру корабля, — продолжал он, — потому что там наиболее вероятно обнаружить живое существо. Но не исключено, что оно скрывается где-то в боковых отсеках, если там сохранилось давление. В таком случае нам придется обшарить и отсеки, пока мы не найдем его. Это займет не один день. Если пострадавший еще жив, то он явно в тяжелом состоянии. У нас попросту нет времени.

— И что вы намерены делать, доктор?

— Трудно сказать, — уклонился от прямого ответа Конвей. — Могут помочь некоторые общие данные. Возможно, капитан Саммерфилд поделится какими-то сведениями: при каких обстоятельствах был найден корабль, в каком положении, куда направлялся, что еще не отметил. Не поможет ли направление полета определить планету, с которой корабль стартовал...

— Боюсь, что нет, доктор, — послышался голос Саммерфилда. — Мы пытались проследить путь корабля, должно быть, он миновал солнечную систему, которая была обследована нами более столетия назад и зарегистрирована как возможный объект для колонизации, что, как известно, означает отсутствие там разумной жизни. Ни одна цивилизация не может за сто лет пройти путь от нуля до космических полетов, значит, корабль стартовал не оттуда. Продолжение этой линии вело в пустоту — в межгалактическое пространство. Видимо, катастрофа вызвала резкое изменение курса, так что положение корабля ни о чем не говорит.

— Что ж, придется отбросить эту мысль, — с грустью произнес Конвей и добавил уже более уверенно: — Где-то находится вторая половина корабля. Если бы удалось ее обнаружить и если там сохранились тела других членов экипажа, это помогло бы разрешить все проблемы. Я понимаю, такой путь может показаться кружным, но в нашем положении он может стать самым быстрым из возможных. Я просил бы начать поиски второй половины корабля.

Конвей замолчал в ожидании бури. Первым отреагировал капитан Саммерфилд.

— Это невозможно! Вы плохо представляете, о чем говорите! Потребуется мобилизовать добрых две сотни кораблей — весь флот сектора, чтобы прочесать этот участок пространства. И все это ради того, чтобы найти каких-то мертвецов и приступить к лечению еще одного космонавта, который к этому времени тоже станет мертвецом. Мне известно, что для вас жизнь любого существа важнее материальных соображений, — продолжал Саммерфилд несколько спокойнее, — но ваше предложение граничит с безумием. Кроме того, я не имею права не только начать, но даже и предложить такую операцию...

— Таким правом обладает Госпиталь, — вмешался О'Мара. — Вы, доктор, рискуете головой. Если вы найдете вторую половину корабля и в результате пострадавший космонавт будет спасен, мне наплевать, сколько это будет стоить и какой шум из-за этого поднимется. Мониторы будут даже рады, если вы сможете обнаружить неизвестную ранее цивилизацию. Но если пострадавший умрет или он уже умер, вся ответственность, доктор, падет на вас.

Откровенно говоря, Конвей не знал, заинтересован ли он больше обычного в спасении пациента. Им руководило не столько любопытство, сколько неосознанное ощущение того, что противоречивые факты составляют часть единого целого, куда большего, чем погибший корабль и его единственный пассажир. Инопланетяне никогда не строят кораблей специально, чтобы привести в замешательство земных докторов, и эти противоречивые факты явно должны были что-то означать.

На какое-то мгновение Конвей решил, что нашел ответ. В его сознание промелькнул туманный нечеткий

образ... Но его тут же стер взволнованный голос Гендрикса:

— Доктор, мы его нашли!

Через несколько минут Конвей обнаружил, что между отсеками уже установлен временный шлюз. Гендрикс и спасатели разговаривали, не пользуясь радио. Но тут же Конвея поразила туго натянутая мембрана люка — в отсеке было давление!

Включив радио, Гендрикс сказал:

— Входите, доктор. Оказывается, можно было просто открыть дверь, а не резать ее. — Он указал на мембрану и добавил: — Давление в отсеке примерно двенадцать фунтов.

Не так много, подумал Конвей, если учесть, что нормальная сила тяжести здесь пять “же” и соответствующая плотность воздуха. Он надеялся, что воздуха внутри достаточно, чтобы поддерживать жизнь пациента. Скорее всего после аварии воздух постепенно уходил из отсека. Но, может быть, внутреннее давление существа смогло компенсировать падение наружного давления.

— Срочно передайте образец воздуха Курседд! — приказал Конвей. Как только будет известен его состав, нетрудно увеличить давление и на катере, который доставит пострадавшего в Госпиталь, подумал он. Пусть четверо спасателей находятся у катера. Чтобы извлечь пациента из отсека нам может потребоваться специальное оборудование.

Конвей миновал люк, следом прошел Гендрикс, он проверил запоры и закрыл внешнюю дверь. Поскрипывание скафандра свидетельствовало, что давление ворвавшегося из отсека воздуха превышает наружное. Воздух был совершенно прозрачен, и отнюдь не походил на предсказанный Курседд густой ядовитый туман. Герметическая дверь открылась.

— Не входите, пока я вас не позову, — тихо сказал Конвей и ступил внутрь. В наушниках послышалось, как согласно буркнул Гендрикс, а потом Курседд объявила, что включает запись.

Войдя, Конвей увидел лишь неясные очертания этой новой формы жизни. Надо было с чем-то сопоставить пред-

ставшее его взору существо, чтобы как-то определить его, а на это требовалось время.

— Конвей! — прозвучал резкий голос О'Мара. — Вы заснули там, что ли?

Конвей совсем забыл, что его сообщения ждут О'Мара, Саммерфилд и все те, кто подключен к его рации. Он коротко откашлялся и начал:

— Существо имеет кольцеобразную форму, похоже на надутую автомобильную камеру. Диаметр кольца около девяти футов, толщина — два или три фута. Масса его, очевидно, вчетверо превышает мою. Пока не заметил ни движения, ни следов физических повреждений. — Он перевел дух и продолжил: — Его внешний покров гладкий, блестящий, серого цвета, с толстыми коричневыми прожилками и коричневыми пятнами. Пятна покрывают более половины наружного покрова, они похожи на раковые образования, но могут быть естественным камуфляжем. Однако они могли возникнуть и в результате декомпрессии.

На внешней стороне кольца видны два ряда коротких щупальцеобразных конечностей, в настоящий момент тесно прижатых к телу. Всего щупалец пять пар, пока о их специализации сказать ничего не могу. Не вижу и наружных органов. Придется подойти поближе.

Существо никак не отреагировало на его приближение, и Конвей уже начал беспокоиться, не опоздали ли спасатели. Он все еще не видел ни глаз, ни рта, но разглядел нечто вроде жаберных щелей и ушных отверстий. Протянув руку, он осторожно дотронулся до одного из щупалец.

Существо словно взорвалось.

Конвей отлетел в сторону. Правая рука онемела от удара, который, не будь на нем тяжелого скафандра, разможил бы кисть. Он поспешно включил гравитационный пояс, чтобы не взлететь к потолку, и отступил к двери.

Из града вопросов, посыпавшихся из наушников наконец удалось выделить два: почему он вскрикнул и что за шум в отсеке?

Голос Конвея дрожал:

— Я... я установил, что пациент жив... — проговорил он.

Гендрикс, наблюдавший за происходящим через люк, поперхнулся от смеха.

— Клянусь, в жизни не видел более живого пациента! — восторженно воскликнул он.

— Можете вы объяснить, что произошло?! — взревел О'Мара.

Ответить было непросто, глядя, как пострадавший катается по отсеку. Физический контакт с Конвеем привел пациента в паническое состояние, а теперь столкновения с полом, стенами, предметами, что плавали в воздухе, вызвали цепную реакцию. Пять пар сильных, гибких конечностей взмывали вверх на два фута, какой бы частью тела существо ни касалось предметов.

Улучив благоприятный момент, Конвей успел юркнуть в переходную камеру. Существо, беспомощно взлетев в воздух посреди отсека, медленно вертелось вокруг оси, напоминая одну из старинных космических станций. Оно постепенно приближалось к стене, и надо было принять меры, прежде чем оно снова начнет метаться по помещению.

— Нам нужна тонкая крепкая сеть номер пять, — быстро произнес Конвей, — пластиковый мешок, в который он может поместиться, и несколько насосов. В настоящий момент не исключено содействие пациента. Поймав его в сеть и спрятав в мешок, мы накачаем туда насосами воздух и в таком виде доставим пострадавшего на катер. Давайте скорее сеть!

Конвей не мог понять, как существо, живущее при такой силе тяжести, могло столь бурно двигаться в разреженном воздухе.

— Курседд, есть ли результаты анализа? — неожиданно спросил он.

Сестра медлила с ответом, и Конвей уже было решил, что она не расслышала его, но тут раздался ее бесцветный спокойный голос:

— Анализ закончен. Состав воздуха в отсеке позволяет вам, доктор, спокойно снять шлем и дышать полной грудью.

Вот оно, самое главное противоречие, подумал Конвей. Наверняка Курседд так же растеряна, как и он сам. И тут он рассмеялся, представив, что сейчас творится с медсестрой...

3.

Несмотря на отчаянное сопротивление, спустя шесть часов пациент был доставлен в палату 310-Б, небольшое помещение неподалеку от Главной операционной ДБЛФ. К тому времени Конвей уже не знал, чего он больше хочет: вылечить пациента или не медля, прикончить его на месте. Судя по всему, спасатели и Курседд, транспортировавшая пациента, испытывали те же чувства. Конвей провел предварительный осмотр, насколько это позволяли сеть и прозрачный мешок, и взял для анализа кровь и соскреб с наружного покрытия пострадавшего. Образцы он отправил в Лабораторию патологии, наклеив на них красные этикетки "Крайне срочно". Курседд сама отнесла их в лабораторию, не доверив пневматической трубе: когда дело касалось цвета этикетки, работники лаборатории вдруг обретали удивительную слепоту. Наконец, Конвей приказал сделать рентгеновские снимки и, оставив пациента под наблюдением Курседд, отправился к О'Маре.

Когда Конвей закончил свой рассказ, О'Мара с облегчением заключил:

— Ну, самое трудное позади. Полагаю, вам хочется довести это дело до конца? — спросил он.

— Н... н... не думаю, — отозвался старший терапевт. О'Мара нахмурился.

— Если вы отказываетесь от пациента, так прямо и скажите. Не терплю уверток.

Конвей втянул носом воздух, а затем медленно и раздельно проговорил:

— Я хочу продолжать это дело. Мои сомнения относятся к вашему ошибочному утверждению, будто самое трудное позади. Самое трудное впереди. Я провел предварительный осмотр больного и, как только будут готовы результаты анализов, проведу более подробное исследование.

Завтра при осмотре больного я хотел бы, если возможно, видеть докторов Маннона, Приликлу, Скемптона и вас.

О'Мара поднял брови.

— Станный набор талантов, — сказал он. — Не могли бы вы уточнить, доктор, зачем мы все вам понадобились?

Конвей покачал головой.

— Мне пока не хотелось бы говорить об этом.

— Хорошо, мы придем. — О'Мара явно заставлял себя быть вежливым. — И я прошу прощения, что не так истолковал ваше невнятное бормотание, когда не мог разобрать более одного слова из каждых трех. Идите, доктор, и выспитесь, прежде чем я снова наброшусь на вас.

Только тут Конвей понял, как устал. Кое-как доплелся до своей комнаты, и его походка напоминала стариковское шарканье, а вовсе не спешную, уверенную поступь старшего терапевта.

На следующее утро Конвей два часа провел возле своего пациента, прежде чем собрался консилиум, о котором он накануне просил О'Мару. Нового выяснить ему почти не удалось, он только лишний раз убедился, что ничего не сможет сделать без специалистов.

Первым появился доктор Приликла. О'Мара и Скемптон, главный инженер Госпиталя, пришли вместе. Последним появился доктор Маннон, задержавшийся в операционной ДБЛФ. Ворвавшись в палату, он притормозил, а затем медленно дважды обошел вокруг пациента.

— Похоже на баранку с маком, — сказал он.

Все поглядели на него.

— Увы, это не мак, — вздохнул Конвей. — Совсем не так просто и безвредно. — Он подкатил к пациенту рентгеновскую установку. — Парни из Лаборатории патологии считают, что это злокачественные образования. А сам пациент, если вы присмотритесь внимательней, не имеет ничего общего с баранкой. Физиология, характерная для ДБЛФ, — цилиндрическое тело со слабо выраженным скелетом и сильной мускулатурой. Ложное впечатление создается тем, что по одному ему известной причине он старается проглотить собственный хвост.

Маннон внимательно взгляделся в изображение на экране рентгеновской установки и, выпрямившись, развел руками.

— Типичный заколдованный круг, — произнес он и добавил:

— Поэтому-то вы и пригласили О'Мару? Подозреваете, что у пациента не все дома?

Конвей пропустил вопрос мимо ушей и продолжил:

— Поражение наиболее значительно там, где смыкаются рот и хвост пациента. В сущности, эти области настолько поражены, что трудно разглядеть границу между ними. Очевидно, опухоли весьма болезненны или по меньшей степени вызывают неодолимый зуд — вот почему он буквально вгрызается в свой собственный хвост. С другой стороны, такое положение тела может объясняться произвольным сокращением мышц, которое вызвано либо поражением, либо чем-то вроде эпилептической судороги...

— Второе мне кажется реальней, — вмешался Маннон. — Чтобы поражение успело перейти с хвоста на ротовую часть, или наоборот, нужно, чтобы челюсти были сомкнуты длительное время.

И на этот раз Конвей, казалось, не слышал замечания.

— На погибшем корабле существовала искусственная гравитация, — продолжал он, — но я установил, что условия жизни пациента близки к нашим. Жаберные щели по обе стороны головы, не затянутые еще опухолью, служат для дыхания. Отверстия меньшего размера, частично прикрытые мышечными выростами, служат ушами. Пациент может слышать и дышать, но не может есть. Надеюсь, вы согласны, что сначала следует освободить рот?

Маннон и О'Мара согласно кивнули. Приликла развел четырьмя манипуляторами, что означало примерно то же самое, а Скемптон глазел в потолок, размышляя, наверно, о том, не напрасно ли его пригласили. Однако именно к нему и обратился Конвей. Пока они с Манноном будут согласовывать ход операции, Приликле и главному инженеру придется взять на себя вопросы связи. В то время как Приликла будет изучать эмоциональную реакцию пациента, Скемптон с помощниками проведут ряд звуковых опытов. Как только будет установлен слуховой барьер пациента,

следует модифицировать транслятор, и сам больной поможет врачам установить диагноз, а это упростит лечение.

— Здесь и так многовато народу, — деловито сказал Скемптон. — Я и один справлюсь. — Он подошел к интеркому, чтобы заказать необходимое оборудование. Конвей обернулся к О'Маре.

— Молчите, я хочу сам догадаться, — сказал старший психолог, прежде чем Конвей раскрыл рот. — Мне достанется самая легкая работа: как только мы найдем способ общения с пациентом, убедить его, что эти мясники — я имею в виду вас с доктором Маннон — не причинят ему вреда.

— Совершенно верно, — улыбнулся Конвей и поспешил переключить его внимание на пациента.

Конвею доводилось видеть злокачественные образования и на земных больных, и на инопланетных, а потому он понимал, что справиться с этим будет нелегко.

Словно плотная волокнистая древесная кора, поражение совершенно скрывало место соединения ротовой полости с хвостом. Ко всем трудностям кости челюсти не просматривались на рентгеновской установке, так как опухоль была почти непрозрачна для рентгеновских лучей. Под корой скрывались и глаза пациента, что также требовало особой осторожности при операции.

Указав на расплывчатый силуэт на экране, Маннон с чувством произнес:

— Пусть бы он хоть почесался. Он так стиснул зубы, что едва не лишился собственного хвоста! Совершенно очевидно — это состояние эпилептического характера. Или же умственное расстройство...

— Ну и ну! — с досадой воскликнул О'Мара.

Тут прибыло оборудование Скемптона и он с Приликом принялся калибровать транслятор. Испытания потребовали немалых усилий, так как больной находился в бессознательном состоянии, и Конвею с Манноном пришлось перейти в Главную операционную, чтобы решить, что предпринять дальше.

Появившийся через полчаса Приликла сказал, что уже можно поговорить с пациентом, хотя тот пока не вполне оправился. Все поспешили в палату. О'Мара постарался

внушить пациенту, что рядом с ним друзья, что пациент им симпатичен и что они сделают все, что от них зависит, чтобы ему помочь. Он тихо говорил в свой транслятор, а из аппарата, расположенного возле головы пациента, раздавались непонятные щелчки и скрипы. В паузах Приликла докладывал о моральном состоянии пострадавшего.

— Растерянность, злость и страх, — говорил ГЛНО через свой собственный транслятор.

Эмоциональные реакции пациента не менялись.

Конвей решил предпринять следующий шаг.

— Передайте, что я собираюсь войти с ним в физический контакт, — сказал он О'Маре. — Возможно, ощущения будут не из приятных, но я не собираюсь причинить ему вред.

Он взял длинный заостренный щуп и осторожно дотронулся до наиболее пораженного участка тела.

Приликла сообщил, что никакой реакции не последовало. Значит, существо впадало в ярость, только когда дотрагивались до непораженных участков. Наконец-то намечился какой-то прогресс.

— Вот на это я и надеялся, выключив транслятор, проговорил Конвей. — Если пораженные участки нечувствительны к боли, нам удастся с помощью самого пациента освободить его рот, не прибегая к анестезии. Кроме того, мы не знаем, каков его обмен веществ настолько, чтобы решиться дать наркоз, не рискуя убить пациента. А вы уверены, что он слышит и понимает то, что мы говорим? — спросил он Приликлу.

— Да, доктор, — подтвердил ГЛНО, — он понимает все, когда вы говорите медленно и четко.

Конвей снова включил транслятор.

— Мы собираемся вам помочь, — раздельно сказал он. — Вначале мы хотим освободить ваш рот, а затем мы удалим злокачественные...

Внезапно сеть вздрогнула. Пять пар щупалец метнулись в разные стороны. Конвей отскочил, чертыхнувшись, в сторону. Он был зол на пациента, но еще больше на себя — за то, что слишком поспешил.

— Страх и гнев, — констатировал Приликла и добавил: — Существо, похоже, имеет все основания для такой реакции.

— Но почему? Я же намерен ему помочь...

Судороги пациента достигли невиданной ранее силы. Хрупкое тело Приликлы дрожало от эмоциональной бури, разразившейся в мозгу пациента. Одно из щупалец на пораженном участке его тела запуталось в сети и оторвалось.

Слепая, иррациональная паника, устало подумал Конвей. Но Приликла сказал, что пациент имеет для паники все основания. Конвей чертыхнулся. Даже мозг у этого существа работал необычно.

— Ну! — требовательно сказал Маннон, когда пациент немного утихомирился.

— Страх, гнев, ненависть переполняют его, — доложил ГЛНО. — Я уверен, что наша помощь ему нежелательна.

— Нам попался очень больной зверюга, — заключил О'Мара.

Слова главного психолога, казалось, ударами молота отдавались в мозгу Конвея все громче и настойчивей. В них был какой-то особый смысл. Разумеется, О'Мара имел в виду моральное состояние пациента, но это не играло роли. Очень больной зверюга — в этих словах крылась отгадка ребуса, и остальные части его начали проясняться. Чего-то все же не хватало, но и то, что Конвей понял, испугало его больше, чем что-либо прежде.

Заговорив, он с трудом узнал собственный голос:

— Благодарю вас. Я подумаю над другим подходом к нему и дам вам знать...

Конвею хотелось, чтобы все ушли и дали ему подумать. Ему хотелось где-нибудь скрыться, хоть вряд ли во всей Галактике нашлось бы место, где он мог бы спрятаться от того, чего опасался.

Присутствующие смотрели на него со смешанным чувством удивления, тревоги и растерянности. Пациенты часто не хотят принимать помощи, но это вовсе не значит, что при первом же признаке сопротивления врач прекращает лечение. Они явно решили, что он струсил, не желая проводить неприятную, технически сложную операцию, и каждый старался его переубедить, как мог. Даже Скемптон предлагал различные выходы из положения.

— Вас беспокоит проблема анестезии? — говорил он. — А разве патологи не смогут создать наркотические средства на основании данных, полученных от мертвого или пострадавшего существа? Я думаю о предложенной вами программе... И мне кажется, что у нас есть все основания заказать...

— Нет!

Теперь они уже во все глаза глядели на Конвея. У О'Мары проснулся профессиональный интерес.

— Я забыл сказать, что разговаривал с Саммерфилдом, — поспешно произнес Конвей. — Он считает, что доставшаяся нам половина корабля пострадала больше другой. Вторая половина не уничтожена, как можно было предположить, и, по-видимому, сможет добраться до дома своим ходом, так что поиски ее ни к чему не приведут.

Конвей отчаянно надеялся, что Скемптон не станет настаивать на проверке этой информации. Саммерфилд и в самом деле говорил с Конвеем, но его выводы не были столь категоричны, как их представил старший терапевт. Одна мысль о кораблях мониторов, рыскающих в этом секторе пространства, теперь заставила его покрыться холодным потом.

Но Скемптон только кивнул и переменял тему. У Конвея немного отлегло от сердца, и он быстро сказал:

— Доктор Приликла, я хотел бы побеседовать с вами относительно эмоционального состояния пациента в последние минуты. Нет, не сейчас, несколько позднее. Еще раз спасибо за вашу помощь и советы...

Он их буквально вытолкнул из комнаты и по выражениям их лиц догадывался, что они понимали это, — наверняка ему потом придется ответить за все. Но в тот момент Конвей не думал о возможных неприятных вопросах О'Мары. Он попросил Курседд осматривать пациента каждые полчаса и вызвать его как только произойдут какие-то изменения. Затем он направился в свою комнату.

4.

Конвей порой ворчал на тесноту каморки, где спал, хранил свои немногочисленные пожитки и изредка потчевал коллег. Но сейчас именно ее теснота успокаивала его.

Он сел — ходить было негде — и постарался прояснить картину, вспыхнувшую в его мозгу, когда они были в палате.

С самого начала все было очевидно. Во-первых, гравитационные установки: Конвей непростительно упустил из виду, что их можно регулировать, устанавливая любую силу тяжести от нуля до пяти “же”. Затем сложная система подачи воздуха: она была противоречивой, только если считать ее предназначенной для одного вида существ. А если для нескольких? Наконец, физическое состояние пациента и ярко-оранжевая окраска корпуса. Земные корабли такого типа обычно окрашены в белый цвет.

Потерпевший аварию корабль был “каретой скорой помощи”!

Но межпланетный корабль такого типа мог быть продуктом исключительно развитой цивилизации, охватывающей множество звездных систем. Значит, создавшая его культура достигла высокого уровня. В Галактической цивилизации такой ступени достигли лишь культуры Илленсы, Тралтана и Земли. Как же могло случиться, что культура такого масштаба оставалась неизвестной?

Конвей поежился. У него был ответ и на этот вопрос.

Саммерфилд полагал, что найденная половина была наиболее поврежденной, и остальная часть корабля могла продолжить путь к ближайшей ремонтной базе. Таким образом, секция с пациентом оторвалась во время аварии и передвигалась в пространстве тем же путем, что и корабль до катастрофы.

Следовательно, корабль шел с планеты, зарегистрированной как необитаемая, но за сто лет кто-то основал там базу или даже колонию. И “каreta скорой помощи” следовала с той планеты в межгалактическое пространство...

Цивилизация, способная преодолевать межгалактическое пространство и создавать базы на окраине другой галактики, внушала уважение и мысль о мерах предосторожности в обращении с ней. Особенно если учесть, что единственного ее представителя пока при всех стараниях нельзя было отнести к сговорчивым существам. Его соотечественникам, искушенным в области медицины, не по душе придется, если кто-то станет плохо обращаться с их зане-

могшим собратом. Да и вообще при таком положении дел они вряд ли хорошо отнесутся к кому бы то ни было или к чему бы то ни стало.

Неожиданно загудел коммуникатор. Курседд сообщала, что пациент спокоен, но раковое поражение быстро распространяется, угрожая одному из дыхательных отверстий. Конвей ответил, что сейчас придет. Он вызвал к себе доктора Приликлу и снова уселся на диванчик.

Он не решался сообщить кому-либо о своем открытии. Сделать это — означало послать в межзвездное пространство сторожевые корабли, которые могут установить преждевременный контакт — преждевременный, с точки зрения Конвея. Он опасался, что первая встреча двух цивилизаций может кончиться недоразумением, а спасение пациента смягчит обстановку, если, конечно, Федерации удастся вылечить его.

Естественно, не исключено, что пациент не типичен для расы, что у него, по предположению О'Мары, умственное расстройство. Однако вряд ли в глазах инопланетян это может быть достойным оправданием, чтобы не принять все меры для его спасения. Любопытно, что страх пациента был связан с ненавистью к лицу, старавшемуся его вылечить. На какое-то мгновение Конвею пришла в голову дикая мысль: не существует ли во Вселенной антитезной логики, согласно которой помощь вызывает не благодарность, а ненависть. Даже тот факт, что существо было обнаружено в "скорой помощи", не мог развеять сомнений. Для людей, подобных Конвею, "скорая помощь" — олицетворение альтруизма, милосердия и тому подобного. Но многие расы, среди них и входящие в Федерацию, относились к болезни как к проявлению физической неполноценности.

Покидая комнату, Конвей все еще не представлял себе, каким образом примется за лечение пациента. Не знал он, и сколько времени отпущено ему на это. Капитан Саммерфилд, Гендрикс и те, кто исследовал корабль, были сейчас слишком поглощены множеством загадок, которые тот преподнес, чтобы подумать о чем-либо ином. Но придет время и они задумаются над тем же, над чем ломал голову Кон-

вей. Их отделяло от этого всего лишь несколько дней, а может, и часов.

Затем мониторы вступят в контакт с неизвестными, а те, естественно, захотят узнать о судьбе их больного брата, который к тому времени либо совсем выздоровеет, либо будет выздоравливать.

Или же...

Конвей всеми силами пытался отогнать мысль: "А что, если он умрет?"

Прежде чем приступить к очередному исследованию, он расспросил Прикликлу об эмоциональном состоянии пациента, но не узнал ничего нового. Существо было неподвижно и, по-видимому, находилось без сознания. Однако как только Конвей обратился к нему с помощью транслятора, больного снова охватил страх, хотя, как уверял Прикликла, он понимал, о чем говорит Конвей.

— Я не причиню вам вреда, — медленно и четко выговаривая слова, Конвей приближался к пациенту. — Но мне необходимо до вас дотронуться. Поверьте, я не желаю причинять вам вред. — Он вопросительно посмотрел на Прикликлу.

ГЛНО сказал:

— Страх и... беспомощность. И еще покорность наряду с угрозой... нет, с предупреждением. Он явно верит вам, но пытается о чем-то вас предупредить.

Ну, так-то лучше, подумал Конвей: существо не возражало против прикосновения. Он подошел к нему и дотронулся рукой в перчатке до участка чистой кожи.

Руку его снова отбросило сильнейшим ударом. Охнув, он отскочил в сторону и, потирая руку, выключил транслятор, чтобы дать выход своим чувствам.

Чуть помолчав для приличия, Прикликла счел нужным пояснить:

— Нам удалось получить очень важную информацию, доктор Конвей. Бурная физическая реакция пациента ничуть не изменила отношения его к вам.

— Ну и что из того?! — раздраженно воскликнул Конвей.

— А то, что реакция была произвольной.

Конвей подумал над выводом Приликлы и сказал без горечи:

— Значит, общая анестезия исключена, даже если бы у нас и был подходящий наркоз — сердцем и легкими управляют произвольные сокращения мышц. А это еще одно осложнение. Мы не можем его анестезировать, а он не собирается нам помочь...

Конвей подошел к контрольному пульта и нажал несколько кнопок. Замки сети раскрылись, и сеть оттянуло в сторону.

— Он сам себе наносит травмы, — пояснил Конвей, — бьется о сеть. Вы видите, он почти лишился второго щупальца.

Приликла возражал против того, чтобы убрать сеть, он считал, что, оказавшись на свободе, пациент может нанести себе более серьезные повреждения. Конвей возразил, что пострадавший в его положении вряд ли сможет свободно передвигаться. Ему пришла мысль, что поза, принятая существом, идеальна для обороны. Она напомнила позу кота во время драки, который опрокидывается на спину, чтобы пустить в ход все четыре лапы. Вот и этот десятилапый мог защитить себя от нападения с любой стороны.

Инстинктивные реакции существа были продуктом эволюции. Иначе зачем ему принимать эту оборонительную позицию, не подпуская к себе никого именно тогда, когда оно нуждается в помощи?..

И тут Конвея словно озарило — он нашел ответ на свой вопрос! Нет, поправил он себя, стараясь успокоиться; он уверен, что нашел ответ.

Все их выводы относительно сущности болезни изначально были неверными. Они пришли к ложному заключению, казалось, простому и единственному, — отсюда и диагноз. Если изменить этот диагноз, становятся объяснимыми физическое и моральное состояние пациента, истоки его враждебности. Тогда нащупывается и единственно верный метод лечения. Больше того, появляются основания полагать, что пациент отнюдь не так злобен и враждебен, как это могло показаться.

Единственным слабым местом в теории Конвея была вероятность того, что она могла оказаться ложной.

Конвей не мог ни с кем обсудить намеченный курс лечения — это привело бы к служебным неприятностям. Вздумай он настаивать на этом лечении, в случае неудачи и смерти пациента его бы, как лечащего врача, просто уволили.

Конвей снова приблизился к пациенту и включил транслятор. Он знал наперед, какой будет реакция пациента — ведь то, что он собирается сделать, было жестоким испытанием для больного, но Конвей не мог поступить иначе. Он сказал:

— Не беспокойтесь, молодой человек, мы вас быстро вернем в нормальное состояние...

Реакция пациента была настолько бурной, что доктору Приликле, который следил за чувствами пациента, пришлось покинуть палату.

И лишь тогда старший терапевт принял окончательное решение.

Три следующих дня Конвей регулярно посещал пациента. Он отмечал, с какой скоростью растет жесткий покров, охвативший уже две трети тела пациента. Не было сомнений, что поражение распространяется чрезвычайно быстро, и опухоль становится все толще. Он отослал образцы в Лабораторию патологии. Оттуда ответили, что пациент страдает весьма активной формой рака кожи, и запрашивали, возможно ли хирургическое вмешательство или лечение радиоактивными изотопами. Конвей отвечал, что и то и другое исключено, так как усилит опасность для жизни пациента.

Конвей распорядился, чтобы никто не смел утешать больного ибо он и так уже достаточно пострадал от такой доброжелательной тупости. Если бы Конвей мог запретить доступ в палату всем, кроме себя, Курседд и Приликлы, он сделал бы это, не задумываясь. Однако Конвею все время приходилось убеждать себя, что он поступает правильно.

Со дня первого консилиума он сознательно избегал доктора Маннона, не желая обсуждать с ним ход болезни, —

старый друг был слишком умен и его невозможно было провести, а правду Конвей не мог сказать даже ему. Он страстно желал, чтобы капитан Саммерфилд был с головой занят делами на корабле, чтобы О'Мара и Скемптон забыли о существовании Конвея, а Маннон не совал нос не в свое дело.

Однако этого не случилось.

Когда утром пятого дня Конвей вторично зашел в палату, его там поджидал доктор Маннон. Согласно всем правилам хорошего тона, он попросил разрешения взглянуть на пациента. Затем, покончив с формальностями, сказал:

— Послушайте, юный наглец, мне надоело смотреть, как вы разглядываете свои ботинки или потолок, стоит мне только подойти к вам. Не будь у меня такой же непробиваемой кожи, как у тралтана, я бы не выдержал подобного пренебрежения. Известно, что вновь назначенных старших специалистов первые недели работы прямо-таки распирает от самомнения, но ваше поведение переходит все границы.

Подняв руку, он остановил попытку Конвея ответить, и продолжил:

— Принимаю ваши извинения. Теперь перейдем к делу. Я говорил с Приликлой и с ребятами из патологии. Они сказали мне, что поражено все тело, что новообразование непроницаемо для рентгеновских лучей безопасной концентрации, а потому о состоянии внутренних органов можно только догадываться. Удаление наростов исключено — для этого требуется парализовать щупальца, а это в свою очередь может остановить сердце. При действующих щупальцах операцию тоже нельзя провести. В то же время пациент слабеет день ото дня, но вы не можете накормить его, не освободив ему рот. К тому же последние анализы свидетельствуют, что опухоль распространяется не только вширь, но и вглубь, и есть основания полагать, что, если не провести операцию немедленно, хвост полностью срастется со ртом. Разве не так?

Конвей кивнул.

— Допустим, — переведя дух, продолжил Маннон, — вы ампутируете конечности и удалите опухоль с головы и

хвоста, заменив кожу подходящим синтетическим материалом, а как только пациент достаточно окрепнет, повторите эту операцию на остальных участках тела. Согласен, этот путь невероятно сложен, но в настоящих условиях он предоставляется единственно возможным. Конечно, можно создать ему искусственные конечности...

— Нет! — с чувством воскликнул Конвей. Если его теория правильна, то всякая операция на этой стадии окажется роковой. Если же нет и если пациент на самом деле такой злобный и непреодолимо враждебный, как представляется с первого взгляда, и если друзья его разыщут...

Чуть успокоившись, Конвей пояснил:

— Представьте, ваш друг с заболеванием кожи попал в руки к инопланетному доктору и тот не придумал ничего лучшего, как заживо содрать с него кожу и оторвать ему руки и ноги. Обнаружив его в таком состоянии, вы придете в негодование. Даже если предположить, что вы цивилизованное, терпимое и готовое на компромиссы существо — а эти качества мы пока не можем приписать нашему пациенту, — я беру на себя смелость предположить, что вы выйдете из себя.

— Это же неспорно, вы же отлично понимаете! — горячо возразил Маннон. — Порой приходится рисковать. Перед нами как раз такой случай.

— Нет, — ответил Конвей.

— Может быть, у вас есть лучшие предложения?

Конвей не спешил с ответом, тщательно взвешивая каждое слово:

— У меня есть одна идея, но пока я не хотел бы ее обсуждать. Если что-нибудь получится, вы узнаете об этом первым. Если не получится — все равно узнаете. Узнают все.

Пожав плечами, Маннон направился к двери, но, не дойдя до нее, остановился.

— Что бы вы ни делали, — произнес он, — это достаточно серьезно, раз вы решили держать все в секрете. Однако, если вы поделитесь этим со мной, в случае неудачи я разделю с вами и вину...

Все-таки есть настоящие друзья, подумал Конвей. Сомнительно было бы поделиться с Манноном — он был

дотошным, добрым и весьма знающим специалистом, чрезвычайно серьезно относившимся к своей профессии, хотя и имел обыкновение подшучивать над собой. Однако вряд ли он сможет делать то, о чем его попросит Конвей, и вряд ли он будет хранить тайну, если этим Конвей займется сам.

И Конвей с сожалением покачал головой.

5.

Когда Маннон ушел, Конвей возвратился к своему пациенту. Теперь больной напоминал не просто баранку, а баранку, ссохшуюся и изрезанную морщинами. Конвею трудно было убедить себя, что с того дня, как пациент прибыл в Госпиталь, прошла всего неделя. Его задетые опухолью щупальца напряженно торчали под разными углами, подобно засохшим сучьям на мертвом стволе. Понимая, что опухоль закроет дыхательные пути, Конвей вставил в них трубки, чтобы обеспечить нормальное дыхание. Трубки помогли, однако дыхание пациента замедлилось и утратило глубину. Биение сердца участилось, удары его ослабли.

Неуверенность изматывала Конвея.

Он записал в историю болезни пульс и частоту дыхания больного и решил, что пришло время чаще его осматривать, а также договориться с Приликлой, чтобы делать это вместе.

Курседд не спускал с Конвея глаз. Он не стал предупреждать ее, чтобы она молчала, так как это породило бы еще больше разговоров и сплетен. Конвей и так стал уже притчей во языцех у медсестер, а в последнее время обратил внимание, что старшие медсестры отделения стали относиться к нему с заметной прохладой. Но, если повезет, руководство еще несколько дней не будет знать об этом.

Три часа спустя он вернулся в палату вместе с Приликлой. Сам снова проверил пульс и дыхание, а ГЛНО выяснил эмоциональное состояние пациента.

— Он очень ослабел, — задумчиво сказал Приликла. — Жизнь в нем еле теплится. Дыхание почти неощутимо, а пульс частый и слабый... — Мысль о смерти была особенно

невыносима для эмпата, и чувствительный Приликла не смог заставить себя закончить фразу.

— Убедить его мы ни в чем не можем, — размышлял вслух Конвей. — Питаться он не способен, запасов энергии почти не осталось...

Конвей продолжил осмотр, но его неожиданно прервали.

Существо, что с трудом протиснулось в дверь, было тралтаном. Трудно отличить одного тралтана от другого, но этого Конвей узнал. Это явился не кто иной, как Торннастор, диагност, заведующий лабораторией патологии.

Выпучив глаза на Приликлу, он загудел:

— Выйдите, пожалуйста. И вы, сестра. — Затем он обратил все четыре глаза на Конвея.

— Я решил поговорить с вами один на один, — сказал Торннастор, когда Приликла и медсестра вышли. — Так как мои отдельные замечания будут касаться вашего профессионального поведения, я не хочу смущать вас присутствием свидетелей. Но начну я с добрых вестей. Нам удалось подобрать средство, останавливающее разрастание опухоли. Оно не только прерывает рост злокачественного образования, но и размягчает уже пораженные участки, а также регенерирует ткани и поврежденные сосуды.

Черт побери, подумал Конвей, а вслух воскликнул:

— Замечательное достижение! — И это было правдой.

— Мы не добились этого, если бы не направили на погибший корабль нашего сотрудника с инструкциями исследовать все, что касается обмена веществ пациента, — продолжал диагност. — Совершенно очевидно, что вы недооценили этот источник информации, ибо занялись им лишь однажды, впервые ступив на корабль. И потому вам удалось найти лишь малую долю того, что там было. Позвольте сказать вам, что я считаю это вашим просчетом, доктор, больше того: лишь ваши прошлые заслуги спасли вас от понижения в должности и отстранения от пациента... Наш успех оказался возможен только потому, что мы обнаружили весьма прилично оборудованную аптечку. Ее содержимое, а также другие принадлежности среди оборудования корабля подтолкнули нас к выводу, что корабль этот

был специализированным медицинским судном. Офицеры монитора были весьма взволнованы, когда мы им это сообщили...

— Когда? — резко спросил Конвей. Все его построение рухнуло в мгновение ока. Конвей почувствовал, как у него похолодели руки. Но, может быть, еще не поздно? — Когда вы сказали им, что это медицинский корабль?

— Такого рода информация не может представлять для вас особый интерес. — Торннастор извлек из сумки большую колбу, помещенную в футляр. — Вы должны интересоваться в первую очередь пациентом. Вам понадобится вот это средство и в большом количестве. Мы принимаем все меры, чтобы ускорить его синтез. Однако и того, что я даю, достаточно для пораженных участков головы. Проводите инъекции согласно инструкции. Эффект скажется примерно через полчаса.

Конвей осторожно взял колбу. Стараясь потянуть время, он спросил:

— А каковы побочные эффекты?.. Не хотелось бы рисковать...

— Доктор, — перебил его Торннастор, — мне кажется, ваша осторожность граничит с глупостью, даже преступлением. — Голос диагноста звучал в трансляторе монотонно, но, я не будучи эмпатом, можно было догадаться, что собеседник крайне разгневан. Последние сомнения Конвея рассеялись, когда он увидел, как яростно посетитель протопал к двери.

Терапевт мрачно выругался. Вот-вот и мониторы вступят в контакт с колонией, если они это уже не сделали. Еще немного — и соотечественники пациента окажутся в Госпитале и будут справляться, что же сделали с больным. И если их собрату будет плохо, возможны неприятности, какими бы доброжелательными ни оказались пришельцы. Но еще скорее следует ожидать неприятностей в самом Госпитале — Конвею не удалось убедить Торнастора в своей профессиональной пригодности.

Конвей сжимал в руке колбу, содержимое которой могло помочь пациенту. В любом случае оно уничтожит внешнюю причину его болезни. Поборов минутное колебание, Конвей упрямо решил держаться своей линии — ре-

шения, принятого им несколько дней назад. Он поспешил спрятать колбу, прежде чем вернулся Приликла.

— Послушайте меня внимательно, — проговорил Конвей прерывающимся голосом. — Я знаю, на что иду, но, если я ошибаюсь и вы примете участие в этом эксперименте, ваша репутация пострадает. Вы понимаете меня?

Приликла заговорил, все шесть его тонких ног дрожали. Дело было даже не в словах, а в чувствах, охвативших доктора. Конвей понимал, что исходящие от него эмоции не могут благотворно действовать на Приликлу.

— Понимаю, — сказал Приликла.

— Отлично. Теперь вернемся к работе. Я хочу, чтобы вы вместе со мной проверили дыхание и пульс больного, не прекращая следить за его эмоциями. Я ожидаю изменений в его состоянии и не хотел бы пропустить нужный момент.

Два часа кряду они неотрывно следили за пациентом, однако никаких изменений не происходило. Только на некоторое время Конвей позволил себе отвлечься, стараясь связаться со Скемптоном. Но ему ответили, что тот три дня назад спешно покинул Госпиталь, оставив координаты пункта своего назначения, однако установить с ним контакт пока не представляется возможным.

Конвей опоздал, не сумев помешать мониторам установить контакт с цивилизацией своего пациента. Единственное, что ему теперь оставалось — вылечить его.

Если только ему позволят...

Настенный динамик, прохрипев, произнес:

— Доктора Конвея просят немедленно пройти в кабинет главного психолога.

Конвей подумал, что это Торннастор, не теряя времени, успел уже пожаловаться. В этот момент Приликла подал голос:

— Дыхание почти исчезло. Пульс нерегулярный.

Схватив микрофон интеркома, Конвей крикнул:

— Говорит Конвей! Передайте О'Маре, что я занят! — Затем он обернулся к Приликле. — Вы правы. Как насчет эмоций?

— При перебоях пульса эмоциональное излучение несколько возрастает, но теперь вошло в норму. Организм продолжает слабеть.

— Понятно. Будьте внимательны.

Конвей взял пробу воздуха из жабр и пропустил через анализатор. Даже при разряженности дыхания результат анализа не оставлял сомнений. Конвей почувствовал себя увереннее.

— Дыхание почти исчезло, — сказал Приликла.

Прежде чем Конвей ответил, в дверь ворвался О'Мара. Почти вплотную подойдя к Конвею, он нарочито спокойно произнес:

— Чем же вы так заняты, доктор?

Конвей едва не перебирал ногами от нетерпения.

— Ваше дело не может подождать? — умоляюще спросил он.

— Нет.

Да, ему не отделаться от психолога, не объяснив как-то свое поведение. Но так нужно было, чтобы хотя бы еще час ему не мешали! Он быстро подошел к пациенту и, не глядя на О'Мару, в двух словах высказал главному психологу свои соображения относительно инопланетной "скорой помощи" и колонизованной планеты, откуда она стартовала. Он закончил тем, что попросил О'Мару задержать Скемптона, пока не удастся получить больше сведений о состоянии пациента.

— Значит, вам известно было все уже неделю назад и вы мне ни слова не сказали... — задумчиво проговорил О'Мара. — Я способен понять ваши побуждения. Но мониторы не впервые устанавливают контакт и обычно справляются с этим отлично. Это люди, специально подготовленные для таких встреч. Вы же действовали как страус — спрятали голову под крыло и ждали, что проблема разрешится сама собой. Что же касается цивилизации, способной преодолеть межгалактическое пространство, — тут никак нельзя уклониться. Подобную проблему следует решать быстро и позитивно. Идеальной демонстрацией наших добрых чувств было бы — вернуть им больного выздоровевшим...

Тут О'Мара перешел на яростный шепот, приблизившись к Конвею так, что тот почувствовал на своей шее его горячее дыхание.

— При первом же осмотре пациента вы убежали в свою комнату, никак не облегчив его участи. Это позорно с профессиональной точки зрения, но я отнесся к этому снисходительно. Впоследствии доктор Маннон предложил лечение, хотя и рискованное, но вполне допустимое и явно показанное пациенту. Вы отказались что-либо предпринять. Патологи разработали вещество, способное за считанные часы вылечить пациента, но вы не захотели использовать даже это средство!

Обычно я не обращаю внимания на слухи и сплетни в Госпитале. — О'Мара повысил голос. — Но когда эти слухи становятся столь настойчивыми, особенно среди медсестер, которые знают, о чем говорят, я вынужден обратить на них внимание. Мне стало совершенно ясно, что, несмотря на постоянное наблюдение, частые осмотры, многочисленные образцы, что отправлялись вами в патолого-диагностическую лабораторию, вы ровным счетом ничего не сделали для пациента. Он умирал в то время, как вы делали вид, что лечите его. Вы были так перепуганы возможными неблагоприятными последствиями для себя, что оказались не в состоянии принять простейшее решение.

— Нет, — возразил Конвей. Обвинение задело его, хотя и было необоснованным из-за недостатка информации. Гораздо хуже слов было выражение лица О'Мары — на нем читались гнев, скорбь и разочарование в человеке, которому он доверял и как профессионалу, и как другу и который его так жестоко подвел. О'Мара корил себя не меньше, чем Конвея.

— Осторожность можно довести до абсурда, — продолжал он почти грустно. — Иногда приходится быть смелым, если надо принять рискованное решение, вы должны принять его и стоять на своем, как бы...

— А что же, вы полагаете, черт возьми, яростно воскликнул Конвей, — я делаю?!

— Ничего, — ответил О'Мара. — Ровным счетом ничего!

— Правильно! — крикнул Конвей.

— Дыхание исчезло... — тихо сказал Приликла.

Конвей повернулся к пациенту и нажал кнопку звонка, вызывая Курседд. Затем спросил:

— Сердце? Мозг?

— Пульс участился. Эмоциональное излучение несколько усилилось.

Появилась Курседд, и Конвей начал давать указания. Ему нужны были инструменты из соседней операционной ДБЛФ. Он уточнил: никакой асептики, не нужна и анестезия. Лишь большой набор режущих инструментов. Сестра исчезла. Конвей вызвал лабораторию патологии и спросил, какой коагулянт они могут рекомендовать для пациента, если потребуется длительная операция. Они обещали прислать препарат через несколько минут. Как только Конвей отошел от интеркома, О'Мара заговорил снова:

— Вся эта ваша бурная деятельность — одно очковительство, она ничего не доказывает. Пациент перестал дышать. Если он еще не мертв, то настолько близок к этому, что здесь почти нет разницы. И вы за это в ответе.

Конвей покачал головой.

— Я не могу сейчас объяснить вам всего, но буду очень признателен, если вы свяжетесь со Скемптоном и попросите его не торопиться. Мне нужно время, но сколько именно — не знаю.

— Не знаете, когда поставите на этом крест, — зло сказал О'Мара, но тем не менее подошел к интеркому. Пока он добивался связи, Курседд вкатила столик с инструментами. Конвей установил его рядом с пациентом, затем через плечо бросил О'Маре:

— Подумайте вот над чем: последние двенадцать часов из легких пациента выходил совершенно чистый воздух... Пациент дышит, не видоизменяя состав воздуха в организме...

Наклонясь к больному, он приложил стетоскоп. Удары сердца участились, тоны усилились, но пульс оставался нерегулярным. Доносившиеся сквозь толстую твердую оболочку, покрывшую коркой все тело, звуки казались гулкими и искаженными. Конвей не был уверен, биение ли это сердца или что-то еще. Он не знал, нормальное ли это состояние или нет.

— Что вы несете?! — прервал ход его мыслей О'Мара. Конвей понял, что размышляет вслух. — Не хотите ли вы сказать, что пациент вовсе не болен?..

— Мать перед родами может страдать, но ее не назовешь больной... — рассеянно отозвался Конвей.

— Конвей! — О'Мара с таким шумом втянул воздух, что слышно было по всей палате. — Я вышел на связь с кораблем Скемптона. Они уже установили контакт с той цивилизацией. Сейчас Скемптон подойдет к микрофону... Я усилю звук — вы тоже услышите, что он скажет.

— Не слишком громко, — предупредил Конвей. Затем обернулся к Приликле: — Каково эмоциональное излучение?

— Повысилось. Я снова улавливаю различные эмоции. Подавленность, нетерпение, страх — возможно, клаустрофобия, — состояние, близкое к панике.

Конвей внимательно, не спеша осмотрел неподвижного пациента и отрывисто произнес:

— Дальше мы не можем рисковать. Может быть, он слишком ослабел, чтобы справиться самому. Ширму, сестра.

Ширма была предназначена лишь для того, чтобы О'Мара не мог следить за ходом операции. Если бы главный психолог мог следить за тем, что намерен делать Конвей, он пришел бы к еще более ложным выводам и прибегнул бы в отношении Конвея к силе.

— Растет беспокойство, — внезапно произнес Приликла. — Ощущение боли отсутствует, но начались интенсивные схватки...

Конвей кивнул. Он взял скальпель и начал резать опухоль, стараясь установить ее толщину. Она была похожа на пробку и легко поддавалась ланцету. На глубине восьми дюймов он обнаружил нечто похожее на сероватую, маслянистого вида податливую мембрану, однако никакой жидкости в операционном поле не появилось. Конвей с облегчением вздохнул, убрал скальпель и сделал следующий разрез. На этот раз мембрана была зеленоватой и слегка вибрировала. Он продолжал резать.

Оказалось, что толщина опухоли достигает в среднем восьми дюймов. Работая с лихорадочной быстротой, Конвей сделал надрезы в девяти местах, примерно на равном расстоянии друг от друга по всему кольцу тела. Затем вопросительно посмотрел на Приликлу.

— Гораздо хуже, — сказал тот. — Невероятная моральная подавленность, отчаяние, страх, чувство... удушья. Пульс учащается и остается нерегулярным — большая нагрузка на сердце. Пациент снова теряет сознание...

Не успел эмпат договорить, как Конвей взмахом скальпеля соединил разрезы в одну глубокую рану. Он жертвовал всем ради быстроты. При всем желании его действия нельзя было назвать хирургической операцией — любой мясник с помощью тупого топора провел бы ее аккуратней.

Закончив, он какое-то время смотрел на пациента. Не уловив никакого движения, Конвей отбросил скальпель и начал руками рвать кору.

Внезапно палату заполнил голос Скемптона, который возбужденно рассказывал о посадке в иногалактической колонии и об установлении связи с ее обитателями.

— ... Послушайте, О'Мара, — продолжал он, — социологическая структура тут невероятная. Ни о чем подобном я не слышал. У них две различные формы...

— Принадлежащие к одному и тому же виду, — вставил Конвей, не прерывая работы. Пациент явно оживал и начинал помогать врачу. Конвею хотелось кричать от возбуждения, но он продолжал: — Одна форма — десятиногий друг, что лежит здесь. Правда, ему не положено совать хвост в рот. Но это лишь переходная ступень... Другая форма, это... это... — Конвей замолчал, вглядываясь в появившееся на свет существо. Куски "опухоли" падали на пол. Отчасти ее срезал Конвей, а отчасти сбрасывал и сам новорожденный.

— Кислорододышащее, — продолжал Конвей. — Яйценосное. Длинное, гибкое тело, снабженное четырьмя ногами, как у насекомого, манипуляторами, обычными органами чувств и тремя парами крыльев. Внешне напоминает стрекозу. Похоже, что первая форма, судя по примитивным щупальцам, приспособлена для тяжелого труда. До тех пор, пока она не минует стадию "куколки" и не пре-

вернется в более подвижное, изящное существо, она не может считаться полностью сформировавшейся и готовой к исполнению ответственной работы. Полагаю, это и ведет к созданию сложного общества...

— Я как раз собирался сказать, — в голосе Скемптона звучало разочарование человека, которого лишили возможности произвести сенсацию, — что два таких существа находятся на борту нашего корабля и они возьмут на себя заботу о пациенте. Они настаивают, чтобы с пациентом ни в коем случае ничего не делали...

Тем временем О'Мара проник за ширму. Он во все глаза смотрел на пациента, расправлявшего крылья, затем с трудом взял себя в руки.

— Полагаю, вы примете мои извинения, доктор, — сказал он. — Но почему вы никому ничего не сказали?..

— У меня не было никаких доказательств своей правоты, — ответил Конвей. — Когда пациента при попытке ему помочь охватывала паника, я предположил, что его опухоль — нормальное состояние. Всякая гусеница будет противиться попыткам содрать с нее оболочку куколки, потому что это ее убьет. Были у меня и другие соображения. Отсутствие органа для приема пищи, защитная позиция с вытянутыми щупальцами, сохранившаяся с тех дней, когда естественные враги угрожали новому существу, спрятанному внутри медленно твердеющей оболочки. Наконец-то, что в последней стадии воздух, выходящий из легких, не был видоизменен, значит, легкие и сердце, которые мы прослушивали, не имели уже прямой связи с организмом.

Конвей рассказал, что на первых порах он вовсе не был уверен в своей теории, но все же не последовал советам Маннона и Торннатора. Он исходил из того, что состояние пациента является нормальным или относительно нормальным и лучшим решением будет выждать, ничего не предпринимая. Так он и поступил.

— Наш Госпиталь горд тем, что в нем все делается для блага пациента, — продолжал Конвей. — И я не мог представить, чтобы доктор Маннон, я сам или кто-либо из наших коллег мог бы бездействовать, когда у него на глазах умирает больной. Возможно, кто-то и принял бы мою те-

орию и согласился бы сотрудничать со мной, но я в этом сильно сомневался.

— Хорошо, хорошо, — перебил его О'Мара, подняв руки. — Вы гений, доктор, или что-то в этом роде. Что же дальше?

Конвей почесал подбородок и задумчиво сказал:

— Мы должны были помнить, что наш пациент находился на борту “скорой помощи”, значит с ним было что-то не так. Он нуждался в помощи — видно, сам оказался слишком слаб, чтобы пробить кокон. Возможно, в этом и заключалась его болезнь. Если он страдает еще чем-нибудь, то теперь дело за Торннастором и его сотрудниками, они мигом вылечат его, тем более, что могут получить квалифицированный совет от его соотечественников. Если только наши первоначальные ошибочные действия не вызвали в нем психических сдвигов, — добавил он обеспокоенно.

Включив транслятор, он пожевал губами и обратился к пациенту:

— Как вы себя чувствуете?

Ответ был кратким, но конкретным и совершенно успокоил взволнованного доктора:

— Я голоден, — сказал пациент.

ЗВЕЗДНЫЙ ХИРУРГ

STAR SURGEON

London, Corgi Books, 1967

ГЛАВА I

На самой окраине галактики, где свет редких звездных скоплений едва различим в крошечной космической тьме, располагался Главный госпиталь Двенадцатого сектора. На его трехсот восьмидесяти четырех уровнях были в точности воспроизведены природные условия всех тех планет, что входили в состав Галактической Федерации. Формы жизни на этих планетах были чрезвычайно разнообразными: от созданий, дышавших метаном, через тех, кто дышал кислородом или хлором, и до весьма экзотических существ, которые получали жизненную энергию за счет поглощения и преобразования жесткого излучения. С приближающихся к нему звездолетов госпиталь выглядел этакой громадой, цилиндрической новогодней елкой, ибо тысячи его иллюминаторов сверкали в вечной ночи подобно лампочкам необычайной гирлянды.

Он являлся чудом инженерного мастерства и психологии. За его обеспечение всем необходимым отвечал Корпус Мониторов — если можно так выразиться, дающая и руководящая длань федерального законодательства; администрация госпиталя состояла также из мониторов, однако никаких недоразумений между военными и гражданскими, в отличие от общепринятого мнения, не возникало, как не

случалось и серьезных разногласий среди десятитысячного с хвостиком медицинского персонала, объединявшего шестьдесят с лишним форм жизни, причем у всех у них были свои особые повадки, запахи и взгляды на бытие. Пожалуй, единственным общим для всех врачей, вне зависимости от их размера, облика и количества ног, было стремление исцелить больных.

Иными словами, штат госпиталя составляли преданные делу, однако порой довольно-таки легкомысленные существа, проявлявшие поистине фанатическую терпимость ко всем формам разумной жизни, — впрочем, иначе они вряд ли оказались бы в стенах этого почтенного медицинского учреждения. Они гордились тем, что для них не бывало слишком сложных, незначительных или безнадежных случаев. Совета и помощи врачей госпиталя добывались медики всей галактики. Будучи по натуре поцифистами, они, тем не менее, вели непрерывную войну со страданиями и болезнями отдельных индивидуумов или даже целых планет.

Но время от времени лечение больной межзвездной культуры, которое предусматривало хирургическое вмешательство для удаления пустивших глубокие корни предрассудков и извращенных этических ценностей, как правило, без согласия или при противодействии пациента, приводило, несмотря на тот самый пацифизм, к столкновениям и сражениям в исконном, так сказать, боевом смысле этих слов.

Пациент, которого привезли в приемное отделение, представлял собой достаточно крупный образец — весом, прикинул на глаз Конвей, около тысячи фунтов — и сильно напоминал гигантскую, поставленную торчком грушу. От узкой головы отходили пять толстых, похожих на щупальца отростков, могучие мускулы шеи свидетельствовали о змеином, причем вовсе не обязательно медленном, способе передвижения. По состоянию кожи можно было заключить, кто-то пытался жесткой щеткой содрать с существа его шкуру.

Однако Конвей не удивился и не испугался, шесть лет, проведенных на борту Главного госпиталя, приучили его

ко всякому. Он принялся осматривать пациента. Монитор в чине лейтенанта, который сопровождал тележку, доставившую того в приемное отделение, тоже сделал шаг вперед. Стараясь не обращать внимания на то, что ему дышат в спину, Конвей продолжил осмотр.

Под каждым из пяти щупалец существа помещался большой рот. Четыре рта изобиловали зубами, в пятом же находился голосовой аппарат. Сами щупальца демонстрировали высокую степень специализации: три выполняли хватательные движения, на четвертом располагались глаза, а последнее заканчивалось увесистым кулаком с длинным костяным шипом посередине. Голова пациента, начисто лишенная лица как такового, служила, по всей видимости, исключительно вместилищем мозга.

Таковы были результаты наружного осмотра. Конвей повернулся, чтобы взять зонд, и наступил на ногу монитору.

— Скажите, лейтенант, — буркнул он, — вам никогда не говорили, что медицина — не игрушки?

Лейтенант покраснел. Румянец, выступивший на его скулах, резко контрастировал с темно-зеленым цветом мундира.

— Этот пациент — преступник, — отчеканил он. — Мы подозреваем, что он убил и съел своего товарища по экипажу. Хотя он в бессознательном состоянии, мне приказано никуда от него не отлучаться. Постараюсь больше не мешать вам, доктор.

Конвей сглотнул, перевел взгляд на внушительный, окровавленный кулак, при помощи которого, неведомое существо и его сородичи пробивали, должно быть, себе путь на верхушку древа эволюции, и сказал сухо:

— Смотрите, лейтенант, не переусердствуйте.

Используя собственные глаза и портативный рентгеноскоп, Конвей осмотрел пациента снаружи и изнутри, взял несколько образцов, в том числе — кусочки поврежденной кожи, и отослал их в патологию, присовокупив три листка со своими замечаниями, потом выпрямился и почесал в затылке.

Существо было теплокровным, дышало кислородом и обитало в условиях практически стандартных силы тяже-

сти и давления, что, учитывая форму и размеры, определяло его в класс ЭПЛХ. Судя по всему, оно страдало прогрессирующей эпителиомой. Симптомы были настолько очевидны, что, пожалуй, следовало приступить к лечению, не дожидаясь заключения из лаборатории. Однако обычно раковые заболевания кожи обмороками не сопровождаются.

Значит, возможны какие-то осложнения психического характера, а тогда не обойтись без посторонней помощи. Лучше всего подошел бы кто-либо из телепатов, но им крайне редко удастся устанавливать контакт с представителем не своей расы. И вообще, телепатия, как выяснилось, — крайне ограниченная форма общения. Остается эмпат-ГЛНО, доктор Приликла...

Размышления Конвея прервал вежливый кашель лейтенанта.

— Когда вы закончите, доктор, с вами хотел бы побеседовать О'Мара.

Конвей кивнул.

— Вот только решу, кому поручить приглядывать за пациентом, — ухмыльнулся он, — чтобы не спускал с него глаз, как вы с меня.

Выйдя из приемного отделения, Конвей отыскивал медсестру с Земли — очень симпатичную медсестру с Земли — и проинструктировал ее. Сначала он собирался приставить к больному тралтана-ФГЛИ, мясистую тушу с шестью ногами, рядом с которым земной слон показался бы хрупким сильфом, но затем подумал, что должен хоть как-то подбодрить обруганного им лейтенанта.

Двадцать минут спустя, сменив три защитных костюма и миновав хлорный отсек, заполненную водой палату АУГЛ и холодильные камеры метановых форм жизни, Конвей предстал перед майором О'Марой.

Как главный психолог Космического госпиталя, зависшего в черном пространстве на окраине галактики, майор отвечал за душевное здоровье десятитысячного персонала, в который входили разумные существа восьмидесяти семи рас. О'Мара был одним из основных винтиков административной системы, а вдобавок, по его собственным уверениям, самым доступным руководителем госпиталя. Он частенько провозглашал, что ему безразлично, кто и когда

хочет его видеть, но если у тех, кто донимает его своими пустяковыми проблемами, нет к тому веских оснований, пускай они не рассчитывают, что сумеют легко отделаться. К врачам майор относился как к пациентам, и, по общему мнению, именно страх, который О'Мара наводил на порой весьма обидчивых инопланетян удерживал их от размолвок и ссор с коллегами. Однако сегодня майор пребывал в почти благодушном настроении.

— В пять минут мы не уложимся, так что садитесь, доктор, — проговорил он, глядя на стоящего у стола Конвея. — Я догадываюсь, вы уже познакомились с нашим каннибалом?

Конвей утвердительно кивнул и сел. Он кратко изложил свои выводы относительно ЭПЛХ, упомянув и о подозрении насчет осложнений психического характера.

— У вас есть о нем какие-нибудь сведения, кроме, разумеется, каннибализма? — справился он.

— С гулькин нос, — отозвался О'Мара. — Его обнаружил патрульный корабль мониторов, он находился на звездолете, который не имел внешних признаков повреждений, но передавал сигналы бедствия. Наверно, нашему приятелю стало плохо, и он понял, что не может сладить с управлением. Больше на борту никого не было, однако, поскольку ЭПЛХ для нас — совершенно новый вид, спасательная команда облазила весь звездолет и установила, что на нем имелся еще один член экипажа. Об этом свидетельствовали записи в дневнике ЭПЛХ, показания индикаторов в шлюзе и прочие подробности, которые нас сейчас не интересуют. Итак, на борту звездолета было двое существ; если герить дневнику, то жизнь второго оборвали лапы и зубы вашего пациента.

О'Мара сделал паузу, чтобы перелистать лежавшие у него на коленях бумаги. Конвей пригляделся: похоже, копия судового журнала. По тексту выходило, что жертвой ЭПЛХ стал корабельный врач. Прочитать дальше Конвей не успел — О'Мара возобновил рассказ.

— Нам ничего не известно о его родной планете, мы знаем лишь то, что она находится в другой галактике. То есть, ввиду того, что мы и свою изучили всего на четверть, шансы найти дом ЭПЛХ ничтожны.

— А что иане? — спросил Конвей. — Они нам не помогут?

Иане принадлежали к цивилизации, которая развилась в соседней галактике, но основала колонию в том же секторе пространства, что приютил госпиталь. Их классификация была ГКНМ: в юности они проходили через стадию куколки и превращались из десятиногих гусениц в очаровательных крылатых существ. Три месяца назад один ианин был у Конвея на излечении. Он давно уже отправился восвояси, но двое врачей ГКНМ, помогавших Конвею в исцелении их сородича, остались в госпитале — подучиться и поучить.

— Не уверен, — в голосе майора не слышалось и намека на энтузиазм. — Попробуйте, поговорите с ними. А что касается пациента, то настоящие трудности начнутся после того, как вы его вылечите. Понимаете, доктор, все указывает на то, что он совершил деяние, которое любыми известными нам разумными созданиями считается преступным. А потому мониторы, будучи федеральным полицейским формированием, обязаны принять меры. Они обязаны допросить и на основании полученной информации покарать или объявить невиновным. Но как нам быть с этим типом, если мы ничего о нем не знаем? Отпустить его мы, естественно, не имеем права...

— А почему? — осведомился Конвей. — Почему бы не отослать его в том направлении, откуда он явился, и дать на прощанье, фигурально выражаясь, хороший пинок?

— Проще будет позволить ему умереть, — усмехнулся О'Мара. — Так мы разом избавимся от всех неприятностей.

Конвей промолчал. Собеседник прибегнул к нечестному доводу, сознавая, что поступает недозволенным образом. Однако и Конвей и О'Мара понимали, что никому не удастся убедить мониторов, будто существует определенное различие между исцелением больного и наказанием злоумышленника.

— Мне от вас нужно вот что, — подытожил майор. — Разузнайте все, что возможно, о вашем пациенте. Ваше мягкосердечие, вернее простодушие, сделалось в госпитале притчей во языцех, а потому я не сомневаюсь, что вы с

ним столкнетесь и произведете себя в его адвокаты. Это ваши заботы, я ничуть не возражаю, если только вы сумеете выяснить что-либо полезное для нас. Вопросы?

Конвей отрицательно мотнул головой.

Выждав равно три секунды, О'Мара произнес:

— Надеюсь, вы не собираетесь весь день проторчать в кресле...

Покинув кабинет главного психолога, Конвей незамедлительно связался с отделением патологии и попросил прислать до обеда отчет об исследовании образцов кожи, потом пригласил пообедать вместе двух ГКНМ и договорился с Приликлой насчет консультации, после чего отправился в обход по своим палатам.

В следующие два часа думать о новоприбывшем пациенте ему было попросту некогда, поскольку помимо пятидесяти трех больных под его началом состояли шестеро врачей самой разной квалификации и множество медсестер; к тому же в этой пестрой компании насчитывалось одиннадцать непохожих друг на друга физиологических типов. Для осмотра инопланетян применялись специальные приборы и инструменты, а когда Конвея сопровождал стажер, чьи физические параметры не соответствовали установленным в той или иной палате давлению и силе тяжести, процедура весьма ощутимо усложнялась.

Но Конвей не пренебрег ни единым пациентом и добросовестно осмотрел даже тех, кто явно выздоравливал, и тех, чье лечение можно было бы доверить стажеру. Он вполне отдавал себе отчет в том, что подобная практика только загружает его ненужной работой, но здесь, видимо, сказывалось то, что его совсем недавно назначили старшим врачом и он не успел еще отвыкнуть от привычки справляться с любым делом собственными силами.

Закончив обход, Конвей направился в учебный класс, где ему предстояло прочесть лекцию по введению в акушерство группе медсестер ДБЛФ. Мохнатые многоножки, напоминавшие внешне гусениц-переростков, ДБЛФ обитали на планете Келгия, атмосфера которой ничем не отличалась от земной. Значит, скафандр не понадобится, что само по себе просто замечательно; а потом, объяснение столь элементарных вещей келгианкам, которые рожают

лишь раз в жизни четверых близнецов, по два того и другого пола, — не требовало от него умственных усилий и позволяло сосредоточиться мыслями на каннибале, что ожидал в приемном отделении.

ГЛАВА II

Полчаса спустя Конвей сидел вместе с двумя ианами в главной столовой госпиталя — той, которая обслуживала тралтанов, келгиан, землян и прочих теплокровных кислорододышащих, — и поедал неизменный салат. Чересчур уж сильного отвращения к зелени он не испытывал, поскольку ему приходилось употреблять в пищу и куда менее аппетитно выглядевшие кушанья, но вот ветер, который поднимали за обедом его коллеги, действовал ему на нервы.

ГКНМ, обитатели планеты Иа, были крупными крылатыми существами и отдаленно походили на стрекоз. Стержневидные, однако гибкие тела, четыре лапки, манипуляторы, обычные органы чувств и три пары громадных крыльев. Их поведение за столом нельзя было назвать несообразным, если не считать того, что они не сидели, а парили в воздухе. Должно быть, помимо того, что являлось условным рефлексом, поглощение пищи на лету способствовало ее усвоению.

Конвей положил на стол лабораторный отчет и, чтобы не сдуло его, придавил сахарницей.

— Из прочитанного мной, — сказал он, — вы можете заключить, что случай крайне прост, даже слишком прост. У пациента не обнаружено и следа болезнетворных бактерий. Симптомы указывают на эпителиому, но откуда тогда бессознательное состояние? Впрочем, быть может, положение прояснится, когда мы узнаем побольше о нем самом и о его планете. Вот почему я хотел побеседовать с вами. Нам известно, что он прибыл сюда из вашей галактики. Можете ли вы рассказать мне о нем хотя бы что-нибудь?

ГКНМ, что парил справа от Конвея, отлетел на несколько дюймов от стола и проговорил в транслятор:

— Боюсь, что я не до конца освоился с вашей системой классификации, доктор. На что он похож?

— Прощу прощения, — извинился Конвей и пустился было в описание ЭПЛХ, но быстро остановился и принялся рисовать на обратной стороне лабораторного отчета. Через пару минут он смог показать ианам свое творение.

Обе стрекозы грохнулись на пол.

Конвей, который никогда не видел, чтобы ГКНМ перестал есть или летать во время еды, был потрясен.

— Выходит, вы знаете их? — спросил он.

ГКНМ, что находился справа издал невнятный звук, который транслятор Конвея воспроизвел в виде отрывистого лая — инопланетного эквивалента заикания, а потом выдавил:

— Да, мы знаем о них, но ни разу не встречали, не имеем представления, где находится их планета, и до сегодняшнего дня сомневались в их существовании. Они... Они боги, доктор.

Чокнулся, обреченно подумал Конвей. Ему приходилось сталкиваться со спятившими пациентами, и всегда лечение давалось с немалым трудом.

— Мой коллега слегка преувеличивает, — подал голос второй ианин. Обычно Конвей не замечал между ними никакой разницы, однако сейчас ему показалось, что в движениях второй стрекозы сквозит этаким цинизм от утомления мирской суетой. — Наверно, мне лучше поведать вам то немногое, что нам известно, чем распространяться о досужих домислах...

По словам ианина, раса, к которой принадлежал новый пациент, была сравнительно малочисленной, однако полностью подчинила соседнюю галактику своему влиянию. Ее представители были весьма сведущи в социальных и психологических науках и как отдельные личности обладали невероятно развитым интеллектом. По каким-то причинам они предпочитали одиночество, и не было такого, чтобы на какой-либо планете в один и тот же промежуток времени квартировали двое или больше ЭПЛХ.

Они правили теми мирами, в которых появились, применяя метод то пряника, то кнута, — впрочем, последний по истечении столетия или около того оказывался тем же пряником, но в ином обличьи. Они использовали разумных существ, населения целых планет и даже межзвездные культуры для достижения целей, которые ставили сами.

Едва цель достигалась, они улетали. По крайней мере такое впечатление о них сложилось у не совсем беспристрастных наблюдателей.

Доносившийся из транслятора голос ианина был ровным и лишенным всяких эмоций.

— Легенды утверждают, что их в путешествиях сопровождают товарищи, которые относятся к совершенно другому виду. Прилетев на планету, они постепенно преодолевают недоверие местных жителей и начинают приобретать богатство и власть. Переход к их единоличному правлению осуществляется медленно, но им спешить некуда, поскольку они, разумеется, бессмертны.

Вилка Конвея упала на пол. Прошло несколько минут, прежде чем он сумел унять дрожь в руках и справиться с сумятицей в мыслях.

Среди образовавших Федерации миров имелись такие, обитатели которых жили достаточно долго, а большинство продвинутых в медицинском отношении культур, включая земную, научилось продлевать срок жизни посредством процедур омоложения. Однако о бессмертии речи и не шло, и до сих пор никто и слыхом не слыхивал о существах, наделенных таким даром. А теперь Конвею подсунали пациента, о котором нужно заботиться, которого следует вылечить и, прежде всего, дотошно расспросить. Правда... Но ГКНМ — врач, а если врач рассуждает о бессмертии, значит, он разумеет не долгожительство.

— Вы уверены? — прохрипел Конвей.

Ответ ианина растянулся во времени, ибо охватывал множество фактов, теорий и легенд о существах, которые соглашались править не меньше чем планетами. Хотя однозначного подтверждения Конвей не услышал, он все же вынужден был признать возможность бессмертия ЭПЛХ.

— Быть может, мне не стоит спрашивать, — проговорил он с запинкой, — но скажите, по-вашему, способны ли эти существа на убийства и каннибализм?

— Нет, — решительно заявил один ианин.

— Ни в коем случае, — поддержал его второй.

Конечно, их голоса из транслятора прозвучали по-механически сухо, но так громко, что все, кто обедал в столовой, подняли головы.

Вскоре Конвей остался в одиночестве. Иане попросили разрешения взглянуть на легендарного ЭПЛХ и умчались, преисполненные восторга и благоговейного трепета. Неплохие они ребята, подумал Конвей, вот только салатом чересчур увлекаются. Он отодвинул от себя тарелку с “лакомством для кроликов” и заказал бифштекс с двойным гарниром.

Похоже, денек будет напряженный.

Когда Конвей возвратился в приемное отделение, ГКНМ там уже не было, а пациент пребывал все в том же состоянии. Лейтенант, настойчиво охранявший дежурную медсестру, при появлении Конвея почему-то зарделся. Конвей кивнул ему, отпустил сестру и принялся было пересчитывать лабораторный отчет, но ему помешал приход доктора Приликлы.

Приликла был паукообразным существом класса ГЛНО, которому приходилось постоянно носить на себе устройства ликвидации силы тяжести, поскольку гравитация, привычная для многих других, была для него смертельной. Он снискал всеобщую любовь своей компетентностью в медицинских вопросах и тем, что, будучи эмпатом, просто не мог ни с кем ссориться. Кроме того, он, хотя и обладал парой больших переливчатых крыльев, во время еды сидел за столом, пользовался вилок и не брезговал спагетти. Короче, Конвею Приликла пришлось весьма и весьма по душе.

Конвей кратко описал состояние ЭПЛХ и поделился с Приликлой сведениями, которые почерпнул из рассказа ГКНМ.

— Я знаю, — закончил он, — вам трудно работать, когда больной без сознания, но я надеюсь...

— Мне кажется, доктор, тут какое-то недоразумение, — прервал его эмпат, употребив фразу, смысл которой состоял в том, что Конвей ошибается. — Пациент в сознании...

— Назад!

Предупрежденный излучением мыслей Конвея о том, что может сделать с хрупким тельцем Приликлы увесистый кулак на щупальце пациента, и громким окриком, ГЛНО поспешно отскочил. Лейтенант придвинулся ближе. Несколько секунд никто не шевелился. Наконец Конвей взглянул на Приликлу. Открывать рот ему не пришлось.

— Я уловил эмоциональный фон, который исходит лишь от бодрствующего сознания, — сообщил Приликла. — Мыслительные процессы представляются мне замедленными и, учитывая размеры больного, ослабленными. Он излучает чувства страха, беспомощности и смятения, а еще у него есть какая-то основополагающая цель.

Конвей вздохнул.

— Выходит, придуривается, — пробормотал себе под нос лейтенант.

Тот факт, что пациент притворяется, обеспокоил Конвея куда меньше, чем монитора. В распоряжении врача имелось многочисленное диагностическое оборудование, но он придерживался того мнения, что самый надежный помощник — разговорчивый и желающий помочь пациент. Однако как прикажете заводить разговор то ли с божеством, то ли с чем-то близким к этому?..

— Мы... мы хотим вылечить вас, — проговорил Конвей. — Вы понимаете меня?

Пациент по-прежнему оставался недвижим.

— Он никак не отреагировал на ваши слова, доктор, — сказал Приликла.

— Но если он в сознании... — Конвей оборвал себя и пожал плечами.

Вооружившись инструментами, он вновь, теперь при содействии Приликлы, осмотрел ЭПЛХ, обращая особое внимание на органы зрения и слуха. Но, несмотря на мигающие огни и немилосердные уколы и щипки, какая-либо реакция, будь то физическая или эмоциональная, отсутствовала. Органы восприятия были, по всей видимости, в полном порядке, однако пациент продолжал игнорировать все внешние стимулы. Физически он был без сознания, не чувствовал ни единого раздражителя, а вот психически — здесь Конвей вынужден был полагаться на утверждения Приликлы.

Что за сумасшедший полубог, подумал он. Вечно О'Мара подсовывает ему всяких психопатов!

— Единственное объяснение, какое я могу предложить, — сказал он вслух, — состоит в том, что мозг больного утратил контакт с органами чувств. Причина этого кроется, на мой взгляд, в психическом расстройстве. Мне кажется,

пациент нуждается в срочной психиатрической помощи. Однако, — добавил он, — “психам” будет гораздо легче общаться с физически здоровым существом, поэтому нам следует сперва очистить его кожу...

Против той формы эпителиомы, которой страдал пациент, в госпитале было разработано лекарство, и в лабораторном отчете давалось “добро” на его применение: оно соответствовало метаболизму ЭПЛХ и не должно было вызывать никаких побочных эффектов. Конвей быстро отмерил дозу и ввел ее пациенту подкожно. Приликла встал у операционного стола, чтобы воочию узреть одно из чудес медицины: лекарство начинало действовать через считанные секунды после попадания в организм.

Прошло десять минут — ничего не случилось.

— Крепкий орешек, — пробормотал Конвей, вводя максимально допустимую дозу.

Почти сразу кожа вокруг места укола потемнела, трешинки на ней исчезли. Темное пятно увеличивалось на глазах, одно из щупалец слабо дернулось.

— О чем он думает? — поинтересовался Конвей.

— В общем, о том же самом, — отозвался Приликла, — но последний укол его обеспокоил. Я чувствую, как он принимает... принимает решение...

Приликла задрожал с головы до ног — верный признак того, что эмоциональное излучение пациента усилилось. Конвей хотел было спросить еще о чем-то, но не успел. Послышался треск. ЭПЛХ ворочался под ремнями, которые удерживали его на столе. Два ремня лопнули. Существо удалось высвободить щупальце — то, которое заканчивалось кулаком...

Конвей сумел увернуться. Кулак просвистел в дюйма от его виска. А лейтенанту не повезло: уже на излете кулак врезался ему в плечо. Удар был такой силы, что монитора отшвырнуло к противоположной стене. Приликла, для которого трусость была необходимым условием выживания, не тратил времени даром. Он висел на потолке, надежно вцепившись в него присосками шести своих ног.

Лежа на полу, Конвей услышал, как лопнули другие ремни. ЭПЛХ размахивал теперь тремя щупальцами. Вскоре он вырвется на волю — и что тогда? Конвей встал на

четвереньки, потом собрался и прыгнул на буйствующего пациента. Обхватив руками его тело у оснований щупалец, он постарался закрепить в таком положении и едва не оглох от рева, раздавшегося изо рта по соседству с его ухом. Транслятор перевел этот рев как: "Помогите! Помогите!" Одновременно щупальце с кулаком на конце обрушилось вниз, и в полу, на том месте, где Конвей находился несколько мгновений назад, появилась трехдюймовая вмятина.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что вести себя подобным образом — чистой воды безумие, но Конвей знал, что делает. Прильнув к телу ЭПЛХ, он очутился вне досягаемости яростно дергающихся щупалец.

И тут он увидел лейтенанта.

Тот полулежал-полусидел у дальней стены. Одна его рука была вывернута под неестественным углом, а другая стискивала рукоятку зажато между коленями пистолета; прищуренный левый глаз словно подмаргивал Конвею, а правый был устремлен на мушку. Конвей закричал, но его крик потонул в реве, который издавал пациент. Конвей со страхом ожидал, что могучее тело под ним вот-вот содрогнется от вонзившихся в него пуль. Парализованный ужасом, он не мог пошевелиться.

И вдруг все кончилось. Пациент перевернулся на бок, обмяк и замолчал. Лейтенант сунул пистолет в кобуру и кое-как поднялся, а Приликла спустился с потолка. Конвей разжал объятия.

— Уф, — произнес он, — неужели бы вы стали стрелять? Вы бы прикончили меня.

Лейтенант покачал головой.

— Я хороший стрелок, доктор. Вам можно было не волноваться. А этот... Он как заладил свое "Помогите!" Тут у кого угодно рука дрогнет...

ГЛАВА III

Минут через двадцать или около того — лейтенант по настоянию Приликлы отправился на перевязку, а Конвей с ГЛНО занялись заменой ремней у операционного стола

на более крепкие, — они заметили, что темное пятно на коже пациента пропало. Состояние больного как две капли воды напоминало то, в котором он находился до укола. Судя по всему, максимальная доза лекарства оказала лишь временное воздействие — надо признать, весьма своеобразное. Раньше такого не случалось.

С того момента, как к нему присоединился Приликла, Конвей был убежден, что корни заболевания ЭПЛХ — психического характера. Он знал, что расстроенный мозг способен причинить немалый вред телу, в котором помещается. Но этот вред во всех предыдущих случаях является чисто физическим, равно как и исправление его по методу, одобренной и постоянно совершенствуемой отделением патологии. Никакой мозг, вне зависимости от его мощи и серьезности повреждения, не может полностью игнорировать, пренебрегать физическими явлениями. Иначе нарушаются законы мироздания.

У Конвея было два объяснения всему происшедшему. Либо существо на операционном столе было на деле божеством и потому не обращало внимания на его потуги, либо кто-то кого-то пытается одурачить. В глубине души он был сторонником второй теории, ибо первая шла вразрез с его воззрениями на природу вещей. Ему отчаянно хотелось, чтобы его пациент оставался пациентом с маленькой буквы...

Тем не менее по выходе из приемного покоя Конвей взглянул к капитану Брайсону, капеллану корпуса мониторов, и довольно долго беседовал с ним, не задавая, впрочем, конкретных вопросов. Потом он встретился с полковником Скемптоном, ответственным за материально-техническое обеспечение госпиталя и связь. Конвей попросил у полковника полную копию судового журнала ЭПЛХ — до сих пор ему удалось прочесть только то, что напрямую было связано с предполагаемым убийством. Скемптон любезно согласился переслать копию в каюту Конвея. Далее Конвей побывал в театре АУГЛ, где продемонстрировал некоторые приемы, полезные при оперировании водных форм жизни, после чего провел два часа в отделении патологии и выяснил интересные подробности относительно бессмертия своего больного.

Вернувшись в каюту, он обнаружил на письменном столе кипу документов толщиной чуть ли не в два дюйма.

Подумав о положенном ему по расписанию шестичасовом отдыхе и о том, как он его использует, Конвей застонал. Внезапно ему отчетливо представилось, как бы он желал использовать эти шесть часов — посвятить их все толковой и потрясающе красивой медсестре Мэрчисон, за которой он в последнее время ухаживал. Но Мэрчисон была на дежурстве в родильной палате ФГЛИ, а совпадения периодов отдыха ранее, чем через две недели, не ожидалось.

Быть может при сложившихся обстоятельствах оно и к лучшему, решил Конвей и принялся за чтение.

Мониторы, которые обследовали звездолет ЭПЛХ предпочли, похоже, не ломать головы над переводом временных единиц пациента в земные и ограничились тем, что установили следующее: многие записи были сделаны несколько столетий назад, а некоторые были занесены в журнал за два с лишним тысячелетия до сегодняшнего дня. Конвей начал с наиболее древних. Он довольно быстро понял, что журнал представляет собой не столько дневник — замечания личного свойства попадались в нем сравнительно редко, — сколько перечень заумных технических сведений. Куски, в которых говорилось об убийстве, он оставил напоследок. Они поражали своей драматичностью.

“Мой врач изводит меня, — гласил заключительный отрывок, — он убивает меня. Нужно что-то предпринять. Он никудышний врач, раз позволил мне заболеть. Я должен как-то от него избавиться...”

Конвей аккуратно положил листок поверх стопки, вздохнул и приготовился принять позицию, более располагающую к творческому мышлению, то есть, закинул ноги на стол и извернулся так, что его голова легла на сиденье кресла.

Суший бред, подумал он.

Составные элементы загадки — по крайней мере большинство из них были налицо, и требовалось только собрать из воедино. Состояние пациента в госпитале опасных не внушало, но в иных условиях, несомненно, привело бы к его гибели. Рассказ двух иан о расе богоподобных, жадных до власти, но в целом благорасположенных существ и об их товарищах совершенно другого вида, которые всегда сопутствуют им и живут вместе с ними. Эти спутники меняются, потому что они, в отличие от ЭПЛХ,

стареют и умирают. Лабораторные отчеты: первый, письменный, который он получил перед обедом, и второй, устный, услышанный от заведующего отделением патологии, диагноста-ФГЛИ Торннастора. По мнению Торннастора, ЭПЛХ нельзя назвать бессмертным в строгом смысле слова, а мнение диагноста лишь немногим отличалось от неоспоримого факта. Однако, хотя теория о бессмертии ЭПЛХ была отвергнута, тесты показали, что его организм регулярно проходил омоложение.

К тому же было еще эмоциональное излучение которое Приликла улавливал до и в ходе неудачной попытки вылечить эпителиому. Приликла утверждал, что пациент излучает страх, беспомощность и смятение. Но, получив второй укол лекарства, ЭПЛХ впал в бешенство, а сила его мысленного излучения была такова, что оно, по словам Приликлы, едва не выжгло мозги маленького эмпата. Разъединить этот “залп” на отдельные эмоции Приликла не смог в основном потому, что его сознание было настроено на прежний, более миролюбивый уровень излучения, однако он согласился с предложением о наличии у пациента нестабильности шизоидного типа.

Конвей вжался в кресло, зажмурил глаза и позволил составным элементам загадки скользнуть на свои места.

Все началось на планете, где ЭПЛХ были доминирующей формой жизни. С течением времени у них развилась цивилизация, которая существенно продвинула медицинскую науку и открыла дорогу в космос. Продолжительность их существования увеличилась настолько, что сравнительно недолговечные существа вроде иан стали воспринимать их как бессмертных. Вполне извинительное заблуждение. Однако ЭПЛХ пришлось заплатить высокую цену: первым, должно быть, пропало стремление к воспроизводству рода, естественное желание смертных индивидов обессмертить свою расу. Затем распалась цивилизация как таковая, оставив после себя кучку межзвездных бродяг-индивидуалистов. А в итоге, когда миновала угроза чисто физического вырождения, наступил черед загнивания сознания.

Бедные полубоги, подумай Конвей.

Они избегали друг друга потому, что устали от однообразия. Представьте себе: из века в век видеть те же фи-

гуры с теми же ужимками и повадками! Они ставили перед собой столь внушительные по масштабам социологические задачи — подтягивание отсталых или заплутавших в своем развитии планетарных культур и прочая филантропия, — ибо обладали исключительными умственными способностями, имели в достатке времени, вынуждены были непрерывно сражаться со скукой и — главное — были, вероятно, весьма и весьма приличными ребятами. А из-за того, что частью цены за долголетие был постоянно растущий страх перед смертью, они обзавелись личными врачами, которое были всегда при них и, вне всякого сомнения, являлись для ЭПЛХ медицинскими светилами.

Но Конвей никак не мог понять того, почему ЭПЛХ так странно реагировал на попытки вылечить его. Впрочем, рано или поздно это наверняка выяснится. Что ж, теперь он знает, как ему поступить.

Торннастор заявил, что на любую болезнь найдется свое лекарство, но Конвей был не согласен с диагностом и намеревался применить хирургию — и применил бы ее, если бы не отвлекался на домыслы насчет того, кто его пациент, что он и откуда. И его не должно было тревожить ни то, что он имеет дело с полубогом-убийцей, ни остальные особенности этого случая.

Конвей вздохнул и поставил ноги на пол. Ему было так хорошо, что он решил поскорее лечь в постель из боязни заснуть прямо в кресле.

На следующее утро, сразу после завтрака, Конвей принялся готовиться к операции. Он распорядился перевезти в операционную необходимое оборудование, дал четкие указания относительно стерилизации — пациент уже сожрал одного врача за то, что тот довел его кожу до нынешнего состояния, и может проглотить кого-нибудь еще, разобидевшись на несоблюдение асептических процедур, — и попросил, чтобы ему помогал хирург-тралтан. За полчаса до начала операции он позвонил О'Маре.

Главный психолог выслушал Конвея, не перебивая, а потом проговорил:

— Конвей, вы рассуждаете, какими могут быть последствия, если эта тварь вырвется на волю? По вашим словам, она вот-вот спятит, если уже не спатила. Сейчас она

без сознания, но из того, что вы мне рассказали, можно вывести, что ей ничего не стоит слопать нас всех — в прямом и переносном смысле. По правде говоря, меня очень беспокоит, что будет, когда она очнется.

На памяти Конвея О'Мара впервые признавался в своем беспокойстве. Впрочем, если доверять слухам, несколько лет назад, когда в госпиталь врзался угнанный звездолет и шестнадцать уровней превратились в подобие ада, майор тоже выказал озабоченность...

— Я, стараясь не думать об этом, — отозвался Конвей, — предпочитая не отвлекаться.

О'Мара шумно втянул в себя воздух и медленно выдохнул его через нос, — такая манера стоила двадцати язвительных фраз.

— Кто-то должен думать о подобных вещах, доктор, — произнес он холодно. — надеюсь, вы не возражаете против моего присутствия на операции?

На столь вежливый, но все-таки приказ не могло быть иного ответа кроме как:

— Так точно, сэр.

Когда они вдвоем появились в палате, "ложе" пациента было уже поднято на удобную для операции высоту, а самого ЭПЛХ надежно стягивали ремни. Тралтан занял свое место у записывающего и анестезирующего оборудования. Одним глазом он глядел на пациента, другим — на оборудование, а двумя оставшимися — на Приликлу. Участниками его стали двое хлородышащих ПВСЖ, поэтому интерес ассистента Конвея мог быть исключительно академическим, но обсуждение шло весьма живо. Завидев О'Мару, тралтан немедленно умолк, и Конвей дал знак начинать.

Наблюдая за тем, как пациента подвергают анестезии, Конвей размышлял о природе тралтанов. Некоторые из них являлись, по сути, не одним существом, а двумя, эталкой комбинацией ФГЛИ и ОТСБ. Громоздкий, слоноподобный тралтан исполнял роль скакуна, а крошечный, едва ли разумный симбиот — наездника. На первый взгляд ОТСБ представлялся мохнатым мячиком с длинным хвостом, но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что этот хвост состоит из множества манипуляторов, большинство которых снабжено органами визуального восприятия.

Благодаря тесной связи между тралтаном и его симбиотом пары ФГЛИ-ОТСБ были лучшими хирургами в галактике. Далеко не все тралтаны соглашались на симбиоз, но медики-ФГЛИ носили ОТСБ на себе как эмблему принадлежности к штату госпиталя.

Внезапно ОТСБ перебежал по спине тралтана на его голову и пристроился между стебельчатыми глазами, свесив хвост по направлению к пациенту. Это означало, что ФГЛИ весь внимание.

— Операция коснется только кожи, — проговорил Конвей. Теперь каждое его слово фиксировалось звукозаписывающим оборудованием. — Как вы видите, кожа выглядит омертвелой и высохшей. Во время взятия начальных образцов никаких трудностей не возникло, но далее кожа не желала отставать — по причине крохотного корня длиной около четверти дюйма, невидимого невооруженным глазом. По крайней мере моим невооруженным глазом. Ясно, что болезнь вступает в новую фазу, распространяется вглубь, поэтому чем скорее мы приступим к операции, тем лучше.

Он продиктовал номера лабораторных отчетов, свои собственные предварительные замечания и продолжил:

— Поскольку пациент по не установленным пока причинам не реагирует на медикаменты, я предлагаю удалить поврежденную ткань, очистить зараженный участок и нарастить искусственную кожу. Извлечение подкожных корней возлагается на руководство тралтаном ОТСБ. Операция будет несложной, но займет достаточно времени, ибо поражен большой участок...

— Прошу прощения, — перебил Приликла, — пациент по-прежнему находится в сознании.

Между тралтаном и маленьким эмпатом разгорелся спор, вежливость в котором соблюдал лишь Приликла. Он утверждал, что ЭПЛХ о чем-то думает и излучает эмоции, а тралтан твердил, что ввел столько анестетика, что пациент просто обязан отключиться как минимум на ближайшие шесть часов. Спорившие, похоже, совсем было собрались перейти на личности, а потому Конвей счел за лучшее вмешаться в перебранку.

— Мы с этим уже сталкивались, — сказал он. — Физически пациент пребывал в бессознательном состоянии с

момента своего прибытия в госпиталь, не считал пары-тройки минут вчера, однако Приликла определил наличие исходящего от него под наркозом. Объяснений у меня нет, для того, чтобы они появились, необходимо, пожалуй, хирургическое исследование мозга ЭПЛХ, чего мы себе позволить пока не можем. Но важно то, что пациент не способен двигаться и ощущать боль. Поэтому мы начинаем. — Повернувшись к Приликле, он добавил: — Продолжайте прислушиваться — так, на всякий случай...

ГЛАВА IV

Минут двадцать никто не подавал голоса, хотя операция вовсе не требовала исключительной сосредоточенности. Она напоминала прополку огорода: все, что росло, относилось к сорнякам и подлежало безжалостному выдиранию. Конвей надрезал кожу ЭПЛХ, тонкие щупальца ОТСБ проникали под нее, хватались за корни и выдергивали их, и так раз за разом. Конвею подумалось, что он проводит самую скучную за всю свою карьеру операцию.

— Я чувствую нарастание тревоги, — сообщил Приликла, — она становится всепоглощающей.

Конвей фыркнул. Иной реакции у него не нашлось.

Пять минут спустя тралтан произнес:

— Доктор, мы достигли участка, где корни сидят гораздо глубже.

Конвей отозвался через две минуты:

— Но я вижу их! На какой они глубине?

— Четыре дюйма, — ответил тралтан, — и удлиняются на глазах.

— Невозможно! — воскликнул Конвей. — Что ж, попробуем в другом месте.

На лбу его выступили капли пота. Хрупкое тельце Приликлы задрожало — но отнюдь не от мыслей пациента. Те перебивало эмоциональное излучение Конвея, которое вряд ли кому показалось бы приятным: на трех новых местах результат был тем же. Корни, выраставшие из кусочков кожи ЭПЛХ, явно норовили забраться поглубже в плоть.

— Хватит, — хрипло проговорил Конвей.

Какое-то время все молчали. Приликла трясся так, словно по палате гулял буйный ветер. Тралтан возился с оборудованием, устремив взгляд на один из регуляторов. О'Мара пристально разглядывал Конвея, будто прикидывая, виноват тот в случившемся или нет. Впрочем, в его серых глазах читалось и сочувствие — он мог понять состояние хирурга.

— Что произошло, доктор? — спросил майор.

Конвей раздраженно помотал головой.

— Не знаю, вчера пациент не реагировал на лекарства, сегодня он не принимает хирургии. Должно быть, он попросту спятил! Наша попытка помочь ему увенчалась тем, что корни принялись расти в длину со скоростью, при которой за пару минут доберутся до жизненно важных органов, а вам известно, к чему это может привести...

— Беспокойство пациента стихает, — доложил Приликла, — однако он все еще о чем-то думает.

— Я заметил одну особенность, — сказал тралтан. — У моего симбиота чрезвычайно острое зрение, и он передал мне, что щупальца, или корни, больной кожи как будто приросли с обоих концов, так что нельзя определить, то ли кожа цепляется за плоть, то ли плоть держится за кожу.

Конвей покачал головой. Похоже, случай представляет собой нагромождение противоречий и несообразностей. Во-первых, до сих пор никому не удавалось сопротивляться действию лекарства, способного исцелить за какие-нибудь полчаса самого тяжелого пациента. И разве не естественно было ожидать, что существо с поврежденной кожей постарается сбросить ее и заменить новой? Однако и тут все вышло наоборот. Нет, это невозможно, невозможно!

А ведь поначалу все виделось в розовых тонах, и Конвея больше заботило не состояние пациента, а его происхождение. Должно быть, он что-то упустил, дал маху, и из-за его ошибки ЭПЛХ, может статься, не заживется на белом свете. Наверно, он поставил не тот диагноз, потому что был чересчур уверен в себе, слишком — преступно — небрежен.

Терять пациента всегда больно, к тому же, в госпитале подобное случалось крайне редко. Вдобавок, потерять того, чье состояние в любой клинике цивилизованного пространства сочли бы легко излечимым... Конвей замысловато вы-

ругался, но не успокоился, ибо не сумел подыскать для себя подходящих эпитетов.

— Не переживай так, сынок, — по-отечески посоветовал О'Мара, кладя ладонь на плечо Конвею. Несмотря на нахлынувшее отчаяние, тот нашел в себе силы удивиться. Он привык видеть в главном психологе вечно недовольного тирана с зычным голосом, привык к тому, что майор когда к нему обращались за помощью, ограничивался тем, что посиживал в кресле, отпуская саркастические замечания, а утопающему приходилось самому выкарабкиваться на сушу. Должно быть, подумалось Конвею, дело и впрямь плохо, раз О'Мара неожиданно подобрел. Значит, перед ним, Конвеем, встала проблема, которую он не способен разрешить самостоятельно. Однако в выражении лица О'Мары было нечто такое, что заставляло предполагать, будто майор доволен тем, как развиваются события. Не то чтобы Конвей считал О'Мару жестоким — ему прекрасно было известно, что на его месте майор предпринял бы все возможное, чтобы спасти пациента, и чувствовал бы себя теперь ничуть не лучше. Но как главный психолог он не мог не волноваться при мысли о побеге из палаты существа, наделенного, по-видимому, непознанным могуществом и, судя по всему, умственно неуравновешенного. И потом, он, вероятно, догадывался, что рядом с живым и здоровым ЭПЛХ будет выглядеть сущим мальчишкой, который и в школу-то еще не ходил...

— Давайте подумаем вместе, — предложил О'Мара. — Вы не выявили у него склонности к самоуничтожению?

— Нет, — бросил Конвей, — как раз наоборот. Он жаждет жить. Он подвергался процедуре полного омоложения, то есть клетки его тела время от времени целиком обновлялись. Поскольку процесс запоминания в памяти является результатом действия мозговых клеток, то его память после каждого омоложения оставалась практически чистой...

— Вот почему в судовом журнале столько технических данных, — проговорил О'Мара. — Именно поэтому. Однако я, пожалуй, предпочту наш способ, пускай мы живем меньше и восстанавливаем лишь поврежденные органы. Зато мозг в неприкосновенности.

— Ну да, — перебил Конвей, попутно спрашивая себя, почему обычно молчаливый О'Мара вдруг разговорился. Уж не пытается ли он упростить проблему тем, что рассуждает о ней как непрофессионал и принуждает к тому же Конвея? — Но, как вы знаете, одним из последствий омоложения организма является возрастающий страх перед смертью. Он становится все сильнее, несмотря на одиночество, скуку и, в общем-то, нетипичные условия существования. Вот из-за чего ЭПЛХ путешествуют со своими личными врачами, они опасаются заболеть или угодить в аварию, которая закончится гибелью. Признаться, я сочувствую нашему больному: ведь врач, который должен был заботиться о его здоровье, позволил ему захворать. Хотя это, конечно, не оправдывает его...

— Так, — сухо подытожил майор, — вы на его стороне.

— Он сумеет защититься и без меня, — отрезал Конвей. — Я говорил, что он боялся умереть и потому искал себе самого лучшего врача... О!

— Что? — немедленно спросил О'Мара.

Ему ответил Приликла:

— Доктора Конвея только что посетила мысль.

— Какая-такая мысль? Не вздумайте что-либо от меня утаивать! — отеческие нотки в голосе О'Мары исчезли без следа и, судя по блеску глаз майора, он был тому весьма рад. — Что стряслось?

Счастливым, возбужденным и в то же время неуверенным в себе, Конвей подошел к интеркому, заказал по нему довольно-таки странный комплект оборудования, проверил крепость ремней, удерживающих пациента на его ложе, и наконец сказал:

— Я считаю, что пациент находится в здравом рассудке, а мы пошли не по тому пути. Суть проблемы в том, что он съел.

— Я догадывался, что вы произнесете что-нибудь это-кое, — отозвался побледневший О'Мара.

Прибыло заказанное оборудование — длинный деревянный кол с заостренным концом и механизм, который направлял кол вниз под определенным углом и с заданной скоростью. С помощью тралтана Конвей установил агрегат над операционным столом, выбрал на теле пациента место,

где, под шестидюймовым слоем мускулов и жира, находились несколько жизненно важных органов, и привел механизм в действие. Кол прикоснулся к шкуре ЭПЛХ и принялся углубляться в нее со скоростью около двух дюймов в час.

— Да что вы, черт возьми, творите? — гаркнул майор. Вампира лечите, что ли?

— Разумеется, нет, — ответил Конвей. — Я выбрал деревянный кол для того, чтобы пациент мог защищаться. Или, по-вашему, он устоял бы против стального стержня? — Он жестом подозвал тралтана и принялся наблюдать за погружением кола в тело ЭПЛХ. Приликла периодически сообщал об эмоциональном излучении, О'Мара расхаживал по палате, что-то бормоча себе под нос.

Острие вонзилось примерно на четверть дюйма, когда проявились первые признаки утолщения и отвердевания кожи. Ороговение происходило в окружности диаметром около четырех дюймов, центром которой была ранка, нанесенная острием кола. В сканнер Конвей увидел, что под кожей, на глубине где-то в полдюйма, образуется слой тканей, отдаленно напоминающий губку. Этот слой набух на глазах, сделался полупрозрачным, а через десять минут превратился в жесткую костяную пластинку. Кол начал гнутья. Похоже было, что он вот-вот сломается.

— Мне кажется, защитные резервы ЭПЛХ все тут, — сказал Конвей, следя за тем, чтобы его голос прозвучал ровно, — и я предлагаю их удалить.

Вдвоем с тралтаном они быстро вырезали костяную пластину и сразу же поместили ее в стерильный контейнер с крышкой. Конвей приготовил инъекцию того же лекарства, которое пытался применить накануне — но отнюдь не максимальную дозу, — и ввел ее пациенту, а потом помог ФГЛИ обработать и зашить рану. На это ушло минут пятнадцать, по истечении которых ни у кого не осталось сомнений в том, что лекарство подействовало и пациенту лучше.

Тралтан поздравил Конвея, О'Мара сыпал проклятиями и угрозами, требуя немедленного ответа на свои вопросы. Приликла сказал:

— Доктор, вы ввели лекарство, но тревога больного не уменьшилась. Он на грани истерики.

Конвей с усмешкой покачал головой.

— Пациент под наркозом и ничего не чувствует. Однако я согласен, что в настоящий момент, — он кивнул на стерильный контейнер, — его личный врач не слишком доволен своей участью.

А в контейнере творилось вот что: извлеченная кость начала размягчаться, из нее потекла лиловая жидкость, которая перемещалась по дну контейнера, словно наделенная сознанием — как, впрочем, оно и было на деле.

По настоянию О'Мары Конвей отправился к нему в кабинет. Майор говорил комплименты, правда, в таких выражениях, что порой трудно было разобрать любезность это или оскорбление. Но таков уж был О'Мара; до Конвея постепенно доходило, что главный психолог вежлив только с теми, кто представляет для него профессиональный интерес.

Вопросы О'Мары еще не иссякли.

— Разумная, амебная форма жизни, упорядоченный набор субмикроскопических, вирусоподобных клеток, — ответил Конвей на один из них. — Лучшего доктора не найти. Он обитает внутри пациента и, обладая необходимыми познаниями, лечит его от всех болезней. А существу, которое патологически боится смерти, иного и не нужно. Такой врач — совершенство, каковым, кстати говоря, он и является, ибо заболевание ЭПЛХ — не его вина. Оно возникло из-за невежества пациента в своей собственной физиологии. По-моему, он прошел процедуру омоложения достаточно рано, то есть не стал дожидаться зрелого возраста или старости. Но в последний раз, то ли запамятавав, то ли по небрежности, он пропустил свое обычное время омоложения, отсюда кожное заболевание. Как уверяют патологи, для ЭПЛХ эта болезнь типична. В нормальных условиях они попросту сбрасывают кожу, и все проходит. Но наш пациент, поскольку его память стерлась, не имел о том никакого представления, а значит, его личный врач тоже находился в неведении.

Этот, так сказать, внедренный врач знал о своем подопечном крайне мало, но его девизом было всеми силами поддержать статус-кво. Когда кожа ЭПЛХ начала отваливаться, он принял меры к тому, чтобы удержать ее на месте, не сознавая, что вмешивается в естественный процесс,

вроде выпадения волос или сбрасывания кожи рептилиями. К тому же, ЭПЛХ, вероятно, донимал его жалобами. И вот между организмом пациента и врачом развернулась жестокая борьба. Кроме того, не стоит забывать, что ЭПЛХ винил врача в своем заболевании, так что последнему пришлось погрузить “хозяина” в беспамятство, чтобы заняться тем, что он считал необходимым.

Он нейтрализовал наши первые инъекции, поскольку они были для него посторонней субстанцией, проникшей в тело пациента. Что случилось при попытке хирургического вмешательства, вы наблюдали собственными глазами. Лишь когда мы стали угрожать жизненно важным органам деревянным колом и вынудили врача бросить все остальное...

— Знаете, — проговорил О’Мара, — когда вы попросили прислать деревянный кол, я решил надеть на вас смирительную рубашку.

Конвей усмехнулся.

— Мне кажется, ЭПЛХ можно вернуть его врача, — сказал он. — В патологии его просветили насчет физиологии того, кого он чуть было не угробил, и теперь он будет лучшим из личных врачей, а ЭПЛХ, по-моему, сумеет разобратся в ситуации.

О’Мара тоже улыбнулся.

— А я-то опасался, каких он дел натворит, придя в сознание! Судя по всему, он парень вовсе неплохой, дружелюбный.

Поднимаясь, чтобы уйти, Конвей обронил:

— Он отличный психолог. Любезен со всеми и всегда...

Ему удалось захлопнуть за собой дверь до того, как майор обрел дар речи.

ГЛАВА V

В скором времени больной-ЭПЛХ — Лонвеллин, выпи-сался из госпиталя, и Конвей забыл о нем за несконча-емым потоком хворых инопланетян. Он не знал, вернулся ли ЭПЛХ в свою родную галактику или по-прежнему бо-роздит эту в поисках приключений, и, по правде гово-ря, ему это было все равно. Однако, как выяснилось, Конвей

распрощался с ЭПЛХ не навсегда. Вернее, Лонвеллин не навсегда распрощался с Конвеем...

— Как вы смотрите на то, чтобы отлучиться из госпиталя на несколько месяцев, доктор? — справился О'Мара, когда Конвей явился по вызову к нему в кабинет. — Так, небольшая прогулочка, вроде отпуска.

Смутные страхи Конвея обернулись паническим ужасом. У него имелись причины личного свойства в ближайшие несколько месяцев ни за что не покидать госпиталь.

— Ну... — протянул он.

Главный психолог поднял голову и словно пригвоздил Конвея к месту взглядом своих серых глаз, которые говорили так много и в которых светился ум такой силы, что общавшиеся с майором невольно начинали подозревать в нем телепата.

— Не благодарите меня, — произнес О'Мара сухо. — Сами виноваты, что вы лечиваете столь влиятельных пациентов. Задание серьезное, доктор, но работа вам предстоит в основном канцелярская. Обычно мы посылаем кого-либо из диагностов, но этот тип, Лонвеллин, сейчас трудится на планете, которая, как он уверяет, нуждается в срочной медицинской помощи. Лонвеллин запросил врачей и мониторов и настаивает на том, чтобы за медицину отвечали вы. По всей видимости, блестящих способностей там не требуется, а необходимо умение смотреть на вещи под непривычным углом...

— Вы слишком добры ко мне, сэр, — проговорил Конвей.

— Я же говорил вам, — ухмыльнулся О'Мара, — что мое дело остужать горячие головы, а не подбрасывать дров в огонь. Вот вам отчет о положении на планете. — Пододвинув Конвею папку с документами, которую просматривал до его прихода, он встал. — Прочитаете на борту. Звездолет "Веспасиан", шлюз шестнадцать, старт в 21.30. До тех пор можете заниматься чем угодно. И ради всего святого, Конвей, не стройте из себя убитого горем. Она почти наверняка вас дождется, а нет, так вам останутся еще двести семнадцать самок ДБДГ — наухаживаетесь вдоволь.

Покинув кабинет О'Мары, Конвей прикинул, как ему лучше распорядиться шестью оставшимися до вылета часами. Через десять минут надлежало встретить группу но-

вичков и провести для них обзорную экскурсию по госпиталю. Перекаладывать эту обязанность на другие плечи было уже поздно, значит, три часа долой, может статься, даже четыре, ибо сегодня ему явно не везет. Затем час на инструктаж медсестер и на обед. Что ж, если постараться, можно успеть. Конвей бегом устремился к шлюзу семь на сто восьмидесятом уровне.

Он очутился у шлюза в тот самый миг, когда открылся внутренний герметичный люк, и, переводя дыхание, принялся рассматривать новоприбывших и определять про себя их классификацию. Две гигантских гусеницы с серебристым мехом — ДБЛФ с Келгии; ПВСЖ с Илленсы — едва различимый в хлористой дымке внутри скафандра; АМСЛ — вододышащий крепелианский осьминог, чей скафандр издавал громкие хлюпающие звуки; пятеро ААЦП, существ, чьи далекие предки были разновидностью мигрирующих овощей, — они носили на себе резервуары с углекислым газом; еще один келгианин... Наконец люк закрылся, и Конвей заговорил. Он задал совершенно ненужный вопрос — сознательно, чтобы разрушить холодок первого знакомства:

— Все здесь?

Ответом ему был раздавшийся из транслятора многоголосый вой. Он вздохнул, представился, поздравил коллег с успешным перелетом и, лишь покончив с формальностями, обмолвился о том, что хотел бы напомнить собравшимся о принципах работы транслятора и о необходимости говорить по очереди, чтобы не перегружать прибор.

У себя дома все новички были признанными медицинскими светилами, а потому для некоторых из них переход из разряда знаменитостей в число учеников представлял известную трудность, то есть от встретивших требовался немалый такт. Позднее, когда новички немного обживутся, их можно будет в свое удовольствие пошпынять за промахи и ошибки.

— Я предлагаю начать с Приемного Покоя, — сказал Конвей. — Там пациентов регистрируют и проводят предварительный осмотр. Затем мы посетим те палаты, пребывание в которых не окажется пагубным ни для вас, ни для больных. Если у вас возникнут вопросы, не стесняйтесь и

задавайте. По пути в Приемный покой мы можем оказаться в людных коридорах. Со временем вы изучите сложную систему пропускания вперед себя тех, кто старше вас по званию, а пока постарайтесь запомнить одно-единственное правило: если к вам приближается существо, которое превосходит вас размерами, посторонитесь.

Он хотел было добавить, что ни один врач госпиталя намеренно не затопчет коллегу, но потом передумал. У большинства инопланетян чувство юмора отсутствовало начисто, и подобного рода шуточка, понятая буквально, могла привести к непредвиденным последствиям. Поэтому Конвей просто предложил новичкам следовать за ним.

Он шагал впереди, за ним семенили пятеро ААЦП, уступавшие всем остальным в скорости передвижения, далее ковыляли келгиане с ПВСЖ, а замыкал процессию крепеллианский осьминог, хлюпанье скафандра которого позволяло Конвею судить о том, не растерял ли он свой пятидесятиардовый "хвост".

При таком построении объяснять что-либо не имело смысла, и потому первая часть пути — три пандуса и пара то прямых, то извилистых коридоров — прошла в молчании. Им навстречу попался только нидианин с нарукавной повязкой врача-интерна. Средний рост нидиан четыре фута, поэтому никакой опасности быть затоптанными насмерть не возникло. Потом они достигли внутреннего шлюза перед секцией вододышащих.

Конвей пронаблюдая за тем, как облачаются в защитные костюмы келгиане, а затем последовал их примеру сам. ААЦП заявили, что их метаболизм предусматривает долгое пребывание под водой безо всякой защиты. Илленсану в его скафандре не страшны были ни ядовитая кислородная атмосфера, ни не менее ядовитая вода. Крепеллианин же, будучи вододышащим, пожелал выбраться из скафандра на том основании, что ему нужно размять ноги. Но Конвей воспротивился и настоял на своем, поскольку всем им предстояло находиться в воде не более пятнадцати минут.

Шлюз открывался в главную палату АУГЛ, огромный бассейн с тепловатой зеленой водой, пятисот футов в поперечнике и двухсот — глубиной. Конвею быстро стало ясно, что провести новичков от одного шлюза до противопо-

ложного — все равно что прогонять стадо трехмерного скота сквозь зеленый клей. За исключением крепеллианина, все они потеряли ориентацию в первые же секунды свободного плавания. Конвей кружил около них, отчаянно жестикулировал и кричал в транслятор; неудивительно, что вскоре, несмотря на наличие в скафандре сушильных и холодильных элементов, ему показалось, будто он попал в турецкую баню. Несколько раз он выходил из себя и посылал своих подопечных вовсе не к желанному шлюзу.

А тут еще пациент-АУГЛ, сорокафутовый, бронированный, рыбоподобный абориген Челдерскола-2, направился в их сторону. Он приблизился на расстояние в пять ярдов, распугал ААЦП, изрек: “Студент!” и отправился восвояси. Конвей не стал отвечать, сделав скидку на общеизвестную невоздержанность подростков-чалдерцев на язык, но настроение у него отнюдь не улучшилось.

Он был уверен, что путешествие заняло гораздо больше пятнадцати минут. Когда вся компания собралась наконец в шлюз, он сказал:

— Через триста ярдов по коридору — шлюз в кислородную секцию Приемного покоя. Там те из вас, на ком водозащитные скафандры, снимут их, а остальные проследуют прямо в Приемный покой.

Плывя по коридору, крепеллианин сказал одному из ААЦП:

— У нас грешников мучают перегретым паром, но на такую казнь обрекают лишь за тяжкие преступления.

— У нас в аду тоже горячо, — отозвался ААЦП, — зато нет ни капли влаги.

Конвей подумывал о том, чтобы извиниться за свою резкость — он опасался, что оскорбил ненароком кого-нибудь из обидчивых инопланетян, — однако они, похоже, не приняли его слов всерьез.

ГЛАВА VI

Из-за прозрачной стены, отделявшей его от обзорной галереи, Приемный покой виделся просторным, затемненным помещением с тремя пультами управления, из кото-

рых сейчас был занят лишь один. За ним сидел нидианин — крохотный гуманоид с семью пальцами на руках и “шубой” из густого красного меха. Световые индикаторы на пульте указывали, что только что была установлена связь с приближающимся к госпиталю кораблем.

— Слушайте, — проговорил Конвей.

— Ваши позывные, пожалуйста, — произнес красный медвежонок на своем лающем языке, который транслятор Конвея преобразовал в лишенный эмоций английский, а трансляторы других существ — в их родные наречия. — Кто вы, гость или штатный сотрудник, и к какому виду относитесь?

— Пилот и пассажир-пациент. Мы люди.

— Будьте любезны, дайте свою физиологическую классификацию или включите видеофон, — попросил нидианин после короткой паузы и очень по-человечески подмигнул наблюдателям на галерее. — Все разумные существа называют себя людьми. Нас интересует именно классификация, а не ваше самоназвание...

Приглушив громкость интеркома, из которого доносился разговор между оператором и звездолетом, Конвей сказал:

— Вот удачный повод объяснить нашу физиологическую классификацию. Разумеется, в общих чертах, подробности вы узнаете из специальных лекций. — Откашлявшись, он продолжил: — В четырехбуквенной классификации первая буква обозначает степень физического развития, вторая — тип и расположение членов и органов чувств, а две последние характеризуют метаболизм и привычные давление и силу тяжести, что, в свою очередь, сообщает о физической массе существа и плотности наружного покрова. Кстати говоря, если кто-либо из вас недоволен своей классификацией, учтите, что степень физического развития не имеет никакого отношения к степени разумности...

Из объяснений Конвея следовало, что классы с первыми буквами А, Б и В описывали вододышащих существ. На большинстве планет жизнь зародилась в океане, и многие создания стали разумными, не покидая водной среды. Буквы от Д до Ж относились к теплокровным, которые дышали кислородом: к их числу принадлежали почти все галактические расы. З и К означали также кислорододыша-

ших, но насекомоподобных, Л и М — крылатых существ, обитающих в условиях слабой гравитации. Те, кто дышал хлором, попадали под буквы О и П, а дальше шли совершенно экзотические типы: питающиеся радиацией, льдистокровные, кристаллические, способные по желанию изменять свою физическую структуру. Те, кто обладал экстрасенсорными возможностями, благодаря которым у них не было необходимости в ногах и хватательных отростках, составляли класс с первой буквой Ч, независимо от размеров и формы.

Конвей признал, что система имеет определенные недостатки, но отнес их на счет отсутствия воображения у тех, кто ее создавал. Взять хотя бы ААЦП с их овощным метаболизмом. Обычно первое А обозначало вододышащих существ, то есть рыб и рыбоподобных, и это был нижний уровень системы. Однако ААЦП были разумными овощами, а овощи, как известно, проще рыб.

Особое внимание уделялось обеспечению быстрой и точной классификации вновь поступающих пациентов, поскольку зачастую они просто не могут ничего о себе сообщить.

В идеале вы должны научиться определять класс, к которому принадлежит то или иное существо, с одного взгляда на его конечности или наружный покров. Взгляните-ка сюда.

Над пультом в Приемном покое зажглись три экрана, индикаторы рядом с ними сообщали дополнительные сведения. На первом экране виден был шлюз три, в котором находились двое землян-санитаров и большие самодвижущиеся носилки. Санитары были в скафандрах высокой защиты с антигравитационными поясами, что ничуть не удивило Конвея, ибо в шлюзе три и на прилегающих к нему уровнях поддерживалась сила тяжести в 5g и соответствующее давление. На другом экране виднелся наружный люк того же шлюза и зависший у причального устройства звездолет, а на третий экран передавалось изображение с корабля.

— Вы видите, — продолжал Конвей, — что это грудное существо с шестью конечностями, которые служат ему и руками и ногами. Шкура у него толстая и очень прочная, вся во вмятинах, покрытая местами бурой порошкообразной субстанцией, которая отслаивается, когда существо передвигается. Советую вам обратить внимание на эту субстанцию и на те признаки, которые якобы отсутствуют.

Индикаторы говорят нам о кислорододышащем теплокровном, привычном к гравитации в 4 g. Кто-нибудь попробует классифицировать его?

Наступило продолжительное молчание, которое в конце концов прервал крепеллианин-АМСЛ. Дернув шупальцем, он сказал: — ФРОЛ, сэр.

— Почти точно, — похвалил Конвей. — Однако мне известно, что воздух, которым дышит пациент, представляет собой плотную полупрозрачную взвесь, весьма похожую на суп. Ее сходство с супом усиливается еще и тем, что в нижних слоях обитают крошечные летучие организмы, которыми питается наш новый больной. Но в космических полетах пищу приходится распылять по поверхности его тела, отсюда та бурая субстанция...

— ФРОБ, — быстро поправился крепеллианин.

— Верно, — одобрил Конвей. Интересно, подумалось ему, АМСЛ на деле сообразительнее остальных или просто менее робок? Он решил в дальнейшем не выпускать из виду эту группу стажеров. Ему очень пригодился бы сообразительный помощник.

Помахав на прощанье медвежонку-нидианину, Конвей повел своих подопечных в палату ФГЛИ, расположенную пятью уровнями ниже. Оттуда они прошли в другие палаты и ходили так, пока Конвей не решил, что пришла пора ознакомить новичков с важнейшим отделением госпиталя, на котором, собственно, держалась вся работа и без которого не выжили бы ни пациенты, ни персонал.

Иными словами, Конвей здорово проголодался, а потому отвел стажеров в столовую.

ААЦП по-своему: во время сна они самосажались в удобренную почву и поглощали из нее питательные вещества. Расставшись с ними, Конвей проводил ПВСЖ в шумное помещение, где помещалась столовая хлородышащих, и остался с двумя ДБЛФ и АМСЛ.

Самая крупная столовая госпиталя, в которой питались те, кто дышал кислородом, находилась как раз неподалеку. Конвей усадил келгиан к их сородичам, кинул голодный взгляд на стол, отведенный для старших врачей, и занялся крепеллианином.

До секции, в которой кормили вододышащих, было пятнадцать минут пути по людным коридорам. Мимо ше-

ствовали, ковыляли, плелись и передвигались всеми остальными способами самые разные существа. Конвей привычно уклонялся от слоноподобных тралтанов и осторожно переступал через хрупких ЛСВО, но вот крепеллианин вел себя так, словно его заковали в броню и заставили ступить на выложенный яйцами пол. Порой казалось, что АМСЛ боится шевельнуться. Хлюпанье его скафандра сделалось громче.

Конвей попытался отвлечь его рассказом о собственных впечатлениях от госпиталя, но не слишком преуспел. Потом они свернули за угол, и Конвей увидел, что из палаты выходит его старый друг доктор Приликла. АМСЛ пронзительно хлюпнул и беспорядочно задрыгал щупальцами. Одно из них ударило Конвея под коленки, и он плюхнулся на пол. Продолжая хлюпать, осьминог устремился в обратном направлении.

— Что за черт?! — воскликнул Конвей, с трудом удержавшись от более крепких выражений.

— Простите меня, — проговорил Приликла, подбегая к нему. — Я напугал вашего спутника. Вы не ушиблись, доктор?

— Вы напугали его?..

— Да, боюсь, что так. Удивление в сочетании с глубоко укоренившимся ксенофобическим неврозом вызвало у него паническую реакцию. Он сильно напуган, но головы не потерял. Вы не ушиблись, доктор?

— Нет, только удивился, — проворчал Конвей, вставая и бросаясь вдогонку за крепеллианином, который уже почти скрылся из вида.

Его продвижение в погоне за АМСЛ происходило по ломаной линии.

Он то стартовал, то переходил на шаг, извинялся перед теми, кто был старше его по званию, а прочим кричал: "Дорогу!" Он быстро настигал АМСЛ, что лишний раз доказывало превосходство двух ног как средств передвижения по сравнению с восемью, но тот вдруг — видимо с перепугу — кинулся в перевязочную. Конвей резко затормозил, вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Почему вы убежали? — спросил он настолько спокойно, насколько позволяло сбившееся дыхание.

АМСЛ разразился длинной речью. Транслятор отсеивал все эмоции, но по одной только скорости, с которой

крепеллианин произносил фразы, было ясно, что он на грани истерики. Слушая осьминога, Конвей все больше убеждался в правоте Приликлы. Он столкнулся с типичным случаем ксенофобического невроза. Да, подумалось ему, если ты не справишься, то О'Мара расправится с тобой.

Даже при тех терпимости и взаимоуважении, которые существовали в госпитале, время от времени возникали трения на почве межрасовых отношений. Причинами их могли быть невежество, непонимание или ксенофобия в той степени, которая мешала исполнению служебных обязанностей или воздействовала на рассудок, а порой — и то и другое. Например, врач-землянин с подсознательной боязнью пауков не сможет заставить себя как следует взяться за лечение пациента с планеты Цинрусс. А если одному из цинрусскиан, тому же Приликле, придется лечить такого землянина... Устранение подобных трений входило в компетенцию О'Мары. Если ничто иное не помогало, он вправе был отослать из госпиталя потенциально опасных личностей; ему вменялось в обязанность не допускать открытых конфликтов. Конвей не представлял, как О'Мара отнесется у огромному АМСЛ, который удрал, испугавшись хрупкого доктора Приликлы.

Когда поток слов крепеллианина иссяк, Конвей поднял руку, призывая осьминога помолчать, и сказал:

— Теперь я понимаю, что доктор Приликла напомнил вам хищника-амфибию, который обитает на вашей родной планете, и что в юности вы из-за этих хищников едва не погибли. Но доктор Приликла — не животное, и всякое сходство в данном случае является чисто внешним. По совести говоря, вы можете убить Приликлу одним неосторожным прикосновением. Итак, ответьте мне: убежите ли вы от него при новой встрече?

— Не знаю, — признался АМСЛ. — Могу.

Конвей вздохнул. Он не мог не вспомнить первые недели своего пребывания на борту Космического госпиталя и существ, которые превращали его сны в кошмары. Те становились еще жутче от того, что отвратительные существа были отнюдь не воображаемые, а настоящими из плоти и крови, и находились чуть ли не в соседних каютах. Правда, он не бегал от чудовищ, которые со временем ста-

ли его учителями, коллегами и друзьями, но, если быть откровенным, храбростью своей был обязан тому, что страх парализовывал его мышцы.

Мне кажется, доктор, вам нужна помощь психолога, — посоветовал он крепеллианину, — но я бы не рекомендовал идти к главному психологу прямо сейчас. Подождите недельку-другую, адаптируйтесь, а уж потом обращайтесь к нему. Вот увидите, ваша выдержка произведет на него благоприятное впечатление.

А потому, прибавил Конвей мысленно, он вряд ли отправит тебя домой как непригодного к работе, в Космическом госпитале.

Долго убеждать крепеллианина не пришлось. Ему вполне хватало заверений Конвея в том, что в настоящий момент Приликла — единственный ГЛНО в госпитале и не похоже, чтобы их пути скрещивались чаще одного раза на дню. Десять минут спустя АМСЛ погрузился в резервуар, служивший столовой для воднодышащих, а Конвей поспешил туда, где его поджидал честно заработанный обед.

ГЛАВА VII

Конвею повезло: он застал в столовой доктора Маннона, кроме которого за столом старших врачей никого не было. Землянин Маннон был когда-то начальником Конвея, а теперь готовился к производству в диагносты. Ему позволялось сохранять в памяти три мнемोगраммы — специалиста по микрохирургии тралтанов-ФГЛИ, а также хирургов ЛСВО и МСВК, — однако он продолжал вести себя в общем и целом по-человечески. В тот миг, когда Конвей увидел его, он меланхолично поедал салат, возведя очи горе, то бишь к потолку столовой, с тем, чтобы не видеть зеленой массы в своей тарелке. Конвей уселся напротив него и сочувственно кивнул.

— Мне достались сегодня тралтан и ЛСВО, причем оба сложные, — ворчливо сообщил Маннон. — Вы знаете, каково это. Если бы только чертовы тралтаны не были вегетарианцами, а ЛСВО не выворачивало бы наизнанку ото всего, что выглядит не как птичий корм. А вы сейчас кто?

— Я сам. Вы не возражаете, если я закажу бифштекс?

— Нет, если вы не будете о нем говорить.

— Не буду, — Конвею на собственном горьком опыте известны были те малоприятные последствия — сумятица в мыслях, как бы двойное зрение, столкновение эмоций, — которые возникали, когда врач слишком уж свыкался с той или иной мнемограммой. Всего лишь каких-то три месяца назад он безнадежно влюбился — именно влюбился — в коллегу, прилетевшую в составе группы специалистов с Мелфа-4. Мелфиане относились к классу ЭЛНТ, то есть были шестиногими крабоподобными амфибиями; одна половина мозга твердила ему, что пора перестать валять дурака, а другая предавалась размышлениям о том, какие прелестные разводы на панцире у любимой. С подачи второй половины его порой подмывало повалять на луну.

Мнемограммы являлись, по сути, палкой о двух концах, однако применения их диктовалось насущной необходимостью, ибо никакому врачу не под силу было удержать в памяти все сведения, которые требовались для лечения пациентов Космического госпиталя. Поэтому и решено было использовать мнемограммы, или иначе образовательные ленты, которые представляли собой записи мозговой деятельности медицинских светил различных видов. И когда, например, врачу-землянину предстояло лечить келгианина, он вооружался лентой для класса ДБЛФ, которая по окончании лечения стиралась из его памяти. Но старшим врачам, поскольку в их обязанности входило еще и преподавание, рекомендовалось сохранять ленты достаточно продолжительное время, и они подчинялись, испытывая при этом далеко не радостные чувства. Впрочем, они находились в выигрышном положении по сравнению с диагностами: те составляли госпитальную элиту. Звание диагноста носили немногочисленные существа, сознание которых считалось вполне стабильным для того, чтобы принимать в себя до десяти мнемограмм. Усилия поистине могучего интеллекта диагностов направлялись на исследования в области ксенологической медицины и на сражение с болезнями неизученных форм жизни. По госпиталю ходило присловье, пущенное, по слухам, в оборот О'Марой, которое гласило, что любое разумное на первый взгляд суще-

ство, желающее стать диагностом, на самом деле спятило. Ведь ленты передавали не только физиологические данные, но и воспоминания и черты характера того, кому они принадлежали и с кого делалась запись. А в результате получалось, что диагност добровольно соглашался страдать осложненной формой множественной шизофрении: личности, населявшие его мозг, зачастую отличались друг от друга настолько, что не совпадали даже их логические системы.

Конвей принудил себя вслушаться в рассуждения Маннона.

— Я заметил любопытную вещь, — говорил тот. — Никто из моих альтер эго не обращает внимания на вкус салата. На вид — пожалуйста, но не на вкус. Не то чтобы они были от него в восторге, однако он не вызывает у них отвращения. А есть и такие, что не могут жить без салата. Кстати, о “не могу жить”: как поживает Мэрчисон?

Маннон столь неожиданно перескакивал в разговоре с одной темы на другую, что Конвею всякий раз казалось, будто он слышит скрежет сцепления.

— Спрошу, если увижу ее, — ответил он осторожно. — Мы с ней просто хорошие друзья.

— Ха, — хмыкнул Маннон.

Конвей не менее жестоко переключился на иной предмет обсуждения и пустился рассказывать о своем новом назначении. Маннон был отличным парнем, но имел гнусное обыкновение изводить человека шуточками и прозрачными намеками. Как бы то ни было, Конвею удалось до конца обеда не оказаться на тонком льду.

Расставшись с Манноном, он направился к ближайшему интеркому и перекинулся по нему несколькими словами с теми врачами, которыми предстояло заниматься вместо него со стажерами, а потом взглянул на часы. До старта “Вемпсiana” оставалось около часа. Конвей двинулся по коридору, причем шагая чуть быстрее, чем подобало старшему врачу...

Над дверью было написано: “Рекреационный уровень, классы ДБДГ, ДБЛФ, ЭЛНТ, ГКНМ ИФГЛИ”. Конвей вошел внутрь, сменил халат на плавки и отправился на поиски Мэрчисон.

Хитроумное освещение и впечатляющие пейзажи создавали на рекреационном уровне ощущение неохватного

простора. Из раздевалки вы попадали в тропическую бухточку: песчаный пляж, скалы, а в проходе между ними и до самого горизонта, смутно различимого за легкой дымкой, — голубое море. Небо было синим и безоблачным — Конвей говорили, что облака воспроизвести крайне трудно, — а вода отливала бирюзой. Волна за волной накатывались на пологий берег, песок которого обжигал босые ступни. Лишь искусственное солнце, с краснотой которого инженеры, по мнению Конвея, явно переусердствовали, да инопланетная растительность на скалах и вокруг пляжа разрушали иллюзию возвращения на Землю. Однако в госпитале трудились и лечились не только земляне, а потому творцы рекреационного уровня вынуждены были пойти на известные отступления от земной действительности. Важнее всего было то, что на этом уровне сила тяжести поддерживалась в пределах половины нормальной. Половина *g* означала, что те, кто устал, смогут полнее отдохнуть, а те, кому некуда девать энергию, кисло подумал Конвей, смогут ее растратить и поднабраться новой. Очередная волна обдала его брызгами и замочила ноги до колен. Турбуленция в бухте была естественной, но зависела от размеров, количества и энтузиазма купальщиков.

На одной из скал располагалась вереница трамплинов, соединенных между собой пробитыми в камне туннелями. Конвей взобрался на самый высокий, пятидесятифунтовый трамплин, и принялся высматривать с него самку ДБДГ в белом купальнике.

Мэрчисон не было ни в ресторане на противоположном утесе, ни на отмели, ни в воде под трамплинами. Пляж во множестве усеивали крупные, крохотные, кожистые, чешуйчатые, мохнатые и прочие тела, но Конвей сразу выделял из общей массы землян-ДБДГ, поскольку они, единственные среди народов Федерации, соблюдали табу на наготу. Так что любое существо в одежде, вне зависимости от аббревиатуры, принадлежало к числу сородичей Конвея.

Внезапно он заметил белое пятно, которое окружали два зеленых и одно желтое. А вот и Мэрчисон! Сориентировавшись, Конвей поспешил вниз.

При его появлении компания вокруг Мэрчисон — двое мониторов и интерн с восьмьдесят седьмого уровня — с видимой неохотой распалась.

— Привет, — поздоровался Конвей, злясь на себя за то, что голос дрожит, — извините за опоздание.

Мэрчисон взглянула на него, заслонив глаза рукой от солнца.

— Я сама только что пришла, — улыбнулась она. — Ложитесь.

Конвей улегся на песок, оперся на локоть и стал рассматривать девушку. Физические характеристики, которыми она обладала, регулярное купание в богатых ультрафиолетом лучах искусственного солнца придали ее коже бронзовый оттенок, выгодно подчеркивал белый купальник. Дышала она медленно и глубоко, как тот, кто либо полностью расслабился, либо спит; грудь ее вздымалась и опадала, и в такт оной двигались мысли Конвея. Он подумал вдруг, что, будь Мэрчисон телепаткой, она бы не нежилась сейчас на песочке, а бежала бы с пляжа без оглядки...

— У вас такой вид, — проговорила она, приоткрывая один глаз, — словно вы вот-вот закричите и начнете колотить себя по мужественной, чисто выбритой груди.

— Она не бритая, — запротестовал Конвей, — просто волосы там не растут. Я хочу сказать вам кое-что серьезное. Может, мы побеседуем с вами наедине...

— Мужские груди меня не интересуют, — отозвалась Мэрчисон, — так что не переживайте.

— Не буду, — уверил ее Конвей. — Давайте уйдем отсюда... Берегись!

Одной ладонью он прикрыл глаза девушки, другой — свои собственные. Двое тралтанов, загребая двенадцатью ножищами, промчались по пляжу и плюхнулись в воду. Песок и брызги разлетелись в радиусе пятидесяти ярдов. В условиях малой гравитации тяжеловесные и малоподвижные ФГЛИ резвились как ягнята, а песчаная пыль, которую они поднимали, еще долго висела в воздухе. Наконец, убедившись, что взвесь осела до последней крупинки, Конвей убрал было руку с глаз Мэрчисон, но потом, робко и немного неуклюже, провел пальцами по щеке девушки, коснулся подбородка и несильно дернул за прядь золотистых волос. Он почувствовал, как Мэрчисон напряглась — и снова расслабилась.

— Теперь вы понимаете, — выдавил он. — Конечно, может, вам нравится, когда швыряют песком в лицо...

— Мы останемся наедине, — со смехом перебила Мэрчисон, — когда вы пойдете провожать меня.

— Ну да, фыркнул Конвей. — Опять вы за свое! Мы подкрадемся на цыпочках к вашей двери, чтобы не разбудить вашу подругу, которой утром на дежурство, а затем заявится этот чертов робот... — Он попытается изобразить механический голос устройства: — “Я определил, что вы относитесь к классу ДБДГ и принадлежите к различным полам, а также что вы находились в тесном соприкосновении в течение двух минут сорока восьми секунд. При данных обстоятельствах я должен напомнить вам правило двадцать первое, подраздел три, где говорится о порядке приема гостей медсестрами секции ДБДГ...”

— Извините меня, — проговорила Мэрчисон, задыхаясь от смеха, — вам, должно быть, было неприятно.

Когда человеку сочувствуют, подумалось Конвею, над ним не смеются. Он придвинулся поближе и положил руку на плечо девушки.

— Было и есть, — сказал он. — Я хочу поговорить с вами, а проводить вас сегодня у меня не получится. Но давайте уйдем, здесь вы вечно прячетесь от меня в воде. Я хочу загнать вас в угол, в прямом и переносном смысле, и задать вам несколько вопросов. Знаете, это “будем друзьями” не для меня...

Мэрчисон покачала головой, сняла его руку со своего плеча, пожала ее и сказала:

— Пойдемте поплаваем.

Направляясь следом за ней в воду, Конвей размышлял о том, нет ли у нее на деле телепатических способностей. Во всяком случае бежала она быстро.

При половине г плавание было занятием, требовавшим определенных навыков. Высокие, крутые волны будто зависали в воздухе, брызги переливались на солнце всеми оттенками красного. Неудачный нырок кого-либо из тяжеловесов — особенно этим грешили ФГЛИ — мог вызвать в бухточке этакое подобие шторма. Карабкаясь на волну, поднятую бултыхнувшимся исполином, Конвей слышал свое имя из громкоговорителя на скале:

— Доктор Конвей, доктор Конвей, вы приглашаетесь на посадку в шлюз шестнадцать.

Они вдвоем шли вдоль пляжа, когда Мэрчисон произнесла:

— Я не знала, что вы улетаете. Я переоденусь и провожу вас.

У шлюза их встретил монитор. Увидев, что Конвей не один, он спросил:

— Доктор Конвей? Стартуем через пятнадцать минут, сэр, — и вежливо удалился.

Конвей остановился около переходника. Мэрчисон взглянула на него, но он не смог ничего прочесть на ее лице, таком прекрасном и желанном. Он закончил рассказ о важности своей миссии, говорил сбивчиво и глотая слова, а когда в переходнике послышались шаги возвращавшегося монитора, притянул Мэрчисон к себе и крепко поцеловал. Он не понял, отозвалась ли она на поцелуй. Все произошло так внезапно, так грубо...

— Я улетаю месяца на три, — сказал он, одновременно объясняя и извиняясь. Потом принужденно улыбнулся и добавил: — И наутро в содеянном не раскаюсь.

ГЛАВА VIII

В каюту Конвея проводил офицер. На рукаве его кителя, помимо знаков различия, имелась нашивка врача. Звали майора Стиллменом. Он разговаривал тихо и вежливо, но у Конвея создалось впечатление, что майор не из тех людей, которых можно чем-либо ошеломить. Стиллмен сказал, что капитан корабля рад будет принять доктора в холодной рубке после первого прыжка и лично приветствовать на борту.

Немного позже Конвей встретился с капитаном звездолета полковником Уильямсоном, который разрешил ему свободно передвигаться по кораблю. Подобными привилегиями пользовались отнюдь не все, а потому Конвей искренне поблагодарил полковника, но вскоре оказалось, что, хотя никто не подал вида, в рубке он лишний, а отправившись изучать звездолет, он дважды заблуждался. Тяжелый крейсер "Веспасиан" был гораздо больше, чем Конвею показалось с первого взгляда. Очутившись с помощью

монитора, наделенного слишком уж равнодушной физиономией, в известной ему части корабля, Конвей решил провести остаток пути в своей каюте и ознакомиться в подробностях с предстоящим заданием.

Полковник Уильямсон снабдил его копиями свежих отчетов, поступивших по каналам Корпуса мониторов, но начал Конвей с изучения материала, который вручил ему О'Мара.

ЭПЛХ Лонвеллин, проходивший курс лечения в Космическом госпитале, направлялся, как выяснилось, на планету, о которой ходили малоприятные толки, в практически неисследованной области Малого Магелланова Облака. Выздоровев, он возобновил прерванное путешествие, а несколько недель спустя вышел на связь с мониторами. Лонвеллин утверждал, что условия жизни на планете с социологической точки зрения неимоверно сложные, а с медицинской — варварские и просил совета опытного врача, без которого отказывался приступать к изменению ситуации в этом поистине несчастном мире. Он также запрашивал мониторов, могут ли они прислать ему на помощь группу существ класса ДБДГ, которые действовали бы как сборщики необходимой информации, поскольку аборигены представляют тот же класс и чрезвычайно враждебно относятся к инопланетянам, что весьма затрудняет деятельность Лонвеллина.

Уже сам факт, что Лонвеллин, с его могучим интеллектом и искушенностью в решении сложных социологических проблем, обращается за помощью, вызывал по крайней мере удивление. Видимо, все пошло шиворот-навыворот, и Лонвеллина хватало только на то, чтобы защищаться.

Согласно его отчету, он некоторое время наблюдал за планетой из космоса, слушал через транслятор местные радиопередачи и сразу же обратил внимание на планете космопорта. Собрав и проанализировав все сведения, какие считал нужными, Лонвеллин выбрал место для посадки. По его мнению, планета, которую аборигены называли Этлой, была когда-то процветающей колонией, но потом экономическое развитие застопорилось, и сейчас контактов с метрополией почти нет. Это “почти” означало, что первый шаг Лонвеллина — заставить аборигенов доверять свалившемуся с неба чужаку довольно-таки устрашающего вида — существенно упрощается. Обитатели Этлы должны были

иметь представление об инопланетянах. Так что Лонвеллин прикинулся бедным, перепуганным, слегка туповатым существом, совершившим вынужденную посадку из-за неисправности звездолета. Для ремонта он предполагал потребовать совершенно ненужные куски камня и железа и притвориться, будто с трудом понимает, о чем говорят этлане. В обмен на бесценный хлам он готовился предложить нечто более полезное и рассчитывал, что предприимчивые аборигены, которые наверняка найдутся, клюнут на его удочку.

Он ожидал, что тут его начнут безжалостно эксплуатировать, но не имел ничего против, поскольку постепенно положение должно было измениться. Вместо полезных вещей он будет предлагать еще более полезные услуги. Он известит всех в округе, что корабль починить невозможно, и со временем местные примут его как своего. Дальнейшее же — вопрос времени, а здесь Лонвеллину торопиться было некуда.

Так, он приземлился рядом с дорогой, соединявшей два городка, и вскоре получил возможность явить себя аборигену. Тот, несмотря на осторожность Лонвеллина и многократные призывы через транслятор, бежал. Несколько часов спустя с неба посыпались примитивные ракеты с химическими боеголовками. Лесистая местность, в которой совершил посадку Лонвеллин, оказалась зараженной летучими химикатами. Забушевал пожар.

Лонвеллин не мог продолжать работу, не выяснив, почему этлане, знакомые с космическими перелетами, проявляют такую вражду к инопланетянам. Поскольку сам он на роль интервьюера не годился, то запросил помощи землян. Вскоре на Этлу прибыли специалисты Корпуса мониторов по первому контакту, оценили ситуацию и принялись действовать — судя по всему, в открытую.

Они установили, что аборигены боятся инопланетян потому, что считают их переносчиками болезней. Любопытно, однако, что их не пугали гости из космоса, принадлежавшие к той же расе, что и они сами, хотя вполне естественно было бы обвинить в распространении заболеваний именно их; ведь медициной признано за факт, что заразные болезни инопланетян не передаются существам других видов. И тем, кто путешествует в пространстве, следовало бы это знать, подумал Конвей. Он попытался разобраться

в странном противоречии, напрягая утомленный мозг и загадывая иногда в материалы о колониальной политике Федерации, но его оторвал — чему он был несказанно рад — приход майора Стиллмена.

— Мы прибудем на Этлу через три дня, доктор, — проговорил майор, — и, по-моему, самое время вам потренироваться в методике “плаща и кинжала”. Я имею в виду умение носить этланскую одежду. У них там принят весьма своеобразный наряд, я бы даже сказал, привлекательный, хотя не с моими коленками расхаживать в килте...

Стиллмен объяснил, что мониторы на Этле действовали двумя различными способами. Первая группа проникла на планету тайно, предварительно изучив язык и облачившись в национальные костюмы. Большого не требовалось, поскольку физиологическое сходство землян и этлан было поразительным. Эти агенты сообщают наиболее ценные сведения, и пока никто из них не попался. Вторая группа явилась с официальным визитом и переговоры вела через трансляторы. Ее члены заявили, что узнали о бедствиях населения Этлы и прилетели оказать медицинскую помощь. Этла — не позволили им остаться, упомянув, что они — не первые, что раз в десять лет на планету садится имперский звездолет с грузом новейших лекарств на борту, однако ситуация продолжает ухудшаться. Мониторам разрешили попробовать ее исправить, но ненавязчиво дали понять, что воспринимают их как залетных шарлатанов.

Разумеется, когда речь зашла о Лонвеллине, мониторы продемонстрировали полное неведение.

По словам Стиллмена, положение было исключительно сложным, о чем свидетельствовали доклады тайных агентов. Но у Лонвеллина имелся замечательный по своей простоте план вмешательства. Узнав его суть, Конвей пожалел, что столь старательно лечил Лонвеллина. Если бы он не пыжился перед ЭПЛХ, то сидел бы сейчас в госпитале, а не мотался по космосу. Этот тип с претензиями на исцеление населения планеты вызывал у Конвея смешанные, но далеко не теплые чувства.

Этла изнемогла от болезней и от суеверий. Отношение аборигенов к Лонвеллину было яркой иллюстрацией их нетерпимости к тем, кто разнился с ними внешне. Первые две

характеристики усугубляли третью, а она, в свою очередь, влияла на них. Лонвеллин надеялся разорвать порочный круг, добившись излечения значительного числа болящих, причем такого, которое не смогли бы отрицать даже самые бестолковые и фанатичные аборигены. После чего мониторам надлежало объявить, что всеми их действиями руководил ни кто иной, как Лонвеллин. Этлане устыдятся своей ненависти и станут, хотя бы на какое-то время терпимее к инопланетянам. Лонвеллин рассчитывал, что сумеет тогда завоевать их доверие и постепенно осуществит свой замысел превращения Этлы в разумный, счастливый, процветающий мир.

Конвей сказал Стиллмену, что он не эксперт в подобных вопросах, но ему план представляется толковым.

— Да, — ответил майор, — если работает.

За день до выхода в расчетную точку капитан пригласил Конвея заглянуть на пару тройку минут в ходовую рубку. Там как раз производились вычисления для последнего прыжка. Звездолет пролетал сравнительно близко от двойной системы, одна звезда которой представляла собой нестабильную переменную. Потрясенному Конвею подумалось, что такого рода зрелища заставляют людей ощущать свою слабость и одиночество, побуждают искать компании и говорить, говорить, чтобы тебя не расплющило всмятку это грозное величие. Все барьеры рухнули, и нотки, прозвучавшие вдруг в голосе капитана Уильямсона, подсказали Конвею, что капитан тоже человек и что на затылке у него тоже растут волосы, которые время от времени встают дыбом.

— Э... Доктор Конвей, — произнес капитан, — мне не хотелось бы, чтобы вы решили, что я критикую Лонвеллина, тем более, что он был вашим пациентом и, возможно, вы с ним подружились. Я также не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что меня, командира крейсера Федерации, раздражает положение мальчика на побегушках. Дело в другом...

Уильямсон снял фуражку и разгладил морщинку. Конвей заметил редкие седые волосы и морщины на лбу, обычно скрытом под козырьком. Капитан надел фуражку и вновь стал выдержанным и деловитым старшим офицером.

— Буду с вами откровенен, доктор, — продолжал он. — Я бы назвал Лонвеллина талантливым дилетантом. Такие, как он, постоянно мутят воду, перебегают дорогу профессии-

оналам, ломают расписания и так далее. В общем-то, это не страшно, ибо ситуация на Этле требует срочного принятия мер. Но вот к чему я клоню: мониторы, выполняющие задачи разведки, колонизации и обеспечения порядка, обладают известным опытом в разгадывании социологических головоломок наподобие этланской, при том, разумеется, что среди нас не найти ровни Лонвеллину с его способностями. Да и плана лучше, чем его, у нас в настоящий момент нет...

Интересно, мелькнула у Конвея мысль, капитан рассуждает о чем-то конкретном или попросту выпускает пар? По прежним встречам с Уильямсоном Конвей не замечал за ним склонности плакаться кому-либо в жилетку.

— Поскольку в руководстве операцией вы второе лицо после Лонвеллина, — закончил капитан, — вам, на мой взгляд, следует знать не только то, что мы делаем, но и то, о чем мы думаем. На Этле действует в два раза больше наших агентов, чем мы думаем. На Этле действует в два раза больше наших агентов, чем известно Лонвеллину, и мы сейчас направляем туда дополнительные силы. Лично я очень уважаю нашего приятеля-долгожителя, однако не могу отделаться от ощущения, что он не вполне отдает себе отчет в запутанности ситуации.

Помолчав, Конвей сказал:

— Я удивился тому, что для культурной миссии был выбран такой корабль как “Веспасиан”. По-вашему, ситуация... гм... чревата опасностью?

— Да, — ответил капитан.

Внезапно громадная двойная звезда исчезла с обзорного экрана, на котором появилось изображение солнца класса G; в десяти миллионах миль от него виднелась серебристая искорка — планета назначения. Прежде чем Конвей успел задать хотя бы один из неожиданно возникших у него вопросов, капитан Уильямсон сообщил, что корабль вышел из гиперпространства и что теперь, до посадки, он будет очень занят, а потом вежливо выпроводил Конвея из рубки, посоветовав на прощание как следует выспаться. Конвей вернулся к себе в каюту и разделся, причем, как с удовлетворением отметила некая часть его сознания почти машинально. Вдвоем со Стиллменом они последние несколько дней носили традиционные этланские костюмы —

блузу, килт, пояс с сумкой, берет и длинный, до икры, кинжал, — и Конвей настолько свыкся со своим нарядом, что даже обедал в нем в офицерской кают-компании. Раз-облачаясь, он размышлял над словами капитана.

Уильямсон полагал, что ситуация на Этле опасна и усматривал причину направления туда тяжелого крейсера именно в мнимом сгущении туч. Но в чем он разглядел эту опасность? Никакой военной угрозы, разумеется, не существовало. Нападение на корабль Лонвеллина причинило вред разве что благим намерениям ЭПЛХ. Значит, тут что-то другое. И вдруг Конвея будто осенило. Империя!..

Упоминание о ней содержалось в отчетах представителей Федерации на Этле и в Агентурных сведениях, но прямого контакта до сих пор установить не удалось, что было неудивительно, поскольку, не будь Лонвеллина с его проектом, разведочные звездолеты мониторов проникли бы в этот сектор галактики лишь через пятьдесят лет. Об Империи известно было только то, что ее власть распространяется на Этлу и что раз в десять лет она присылает на планету медицинскую помощь. Состав помощи и интервалы между поступлениями очередных ее порций, по мнению Конвея, прекрасно характеризовали тех, кто отвечал за ее отправку. С медициной в Империи, вероятно, туго, иначе лекарства, которые они переправляли на Этлу, рано или поздно справились бы с частью болезней. Похоже, что и с деньгами дела обстоят не лучше, ибо в противном случае корабли прилетали бы чаще. Скорее всего, загадочная Империя — ничто иное, как метрополия с немногочисленными колониями вроде Этлы. Главное, однако, заключается в том, что Империя, которая регулярно помогает окраинному миру, вряд ли может быть угрозой Федерации. Пожалуй, отчеты убеждали в обратном. И капитан Уильямсон, подумал Конвей, укладываясь в постель, волнуется понапрасну.

ГЛАВА IX

“Веспасиан” сел. На обзорном экране в радиорубке Конвей увидел серую бетонную площадку около полумили в поперечнике. Растительность и космодромные постройки

скрывались за дымкой испарений. Пыльный бетон устила-ла опавшая листва, по очень похожему на земное небо мчались облачка. Кроме крейсера, на космодроме имелся один-единственный корабль — космический бот, стоявший поблизости от этланской базы мониторов, группы пустующих строений, которые власти Этлы сдали Федерации в аренду.

— Вы, конечно, понимаете, доктор, — раздался из-за спины Конвея голос Уильямсона, — что Лонвеллин не может покинуть свой звездолет и что на данном этапе физический контакт между ним и нами испортит наши отношения с аборигенами. Но вот большой экран. Простите...

Послышался щелчок, и взгляду Конвея предстала ходовая рубка корабля ЭПЛХ вместе с хозяином в натуральную величину.

— Приветствую вас, друг Конвей, — прогудел Лонвеллин. — Рад снова встретиться с вами.

— Я тоже, сэр, — отозвался Конвей. — Надеюсь, вы в добром здравии?

Его вопрос был не просто проявлением вежливости. Он хотел узнать, не случилось ли за прошедшее время нового “непонимания” на клеточном уровне между Лонвеллином и его личным врачом — разумной и организованной колонией вирусов, которая обитала в теле ЭПЛХ. Врач Лонвеллина как-то устроил в госпитале настоящий переполох, да такой, что там все еще спорили, куда его причислить — к врачам или к заболеваниям.

— Я совершенно здоров, доктор, — ответил Лонвеллин и, посчитав, видимо, что с формальностями покончено, перешел прямо к делу. Конвей заставил себя сосредоточиться.

Ему предстояло координировать работу медиков, а поскольку медицинский и социологический аспекты этланской проблемы были взаимосвязаны, Лонвеллин посоветовал Конвею не ограничиваться исключительно врачебной деятельностью. Судя по последним отчетам, в социологическом плане проблема продолжает осложняться, поэтому Лонвеллин выразил надежду, что интеллект, закаленный в столкновениях с трудностями функционирования Космического госпиталя, сумеет разобраться в здешнем нагромождении несуразностей. Доктор Конвей, несомненно, знает напряженность положения и наверняка рвется в бой...

— Мне нужны сведения о землянине по имени Кларк, агенте в секторе тридцать пять, — перебил сам себя Лонвеллин, — чтобы я мог верно оценить его сообщения...

В разговор вступил капитан Уильямсон. Стиллмен постучал Конвея по плечу и кивком головы указал на дверь. Двадцать минут спустя они сидели в крытом кузове грузовика, катившего к периметру. Лоб и ухо Конвея обмотаны были бинтами, и он чувствовал себя неловко, если не сказать глуповато.

— Когда выедем из космопорта, пересядем к водителю, — проговорил Стиллмен. — Сегодня этлане, путешествующие с нашими людьми, вовсе не редкость, но кто-то мог видеть, как мы выходили из корабля, а лишних подозрений возбуждать не стоит. Мы минуем базу и отправимся напрямиком в город. Я думаю, вам не терпится узреть ваших пациентов.

— Знаете, я догадываюсь, что симптомы психосоматические, — пробормотал Конвей, — но мои ноги словно оледенели...

Стиллмен засмеялся.

— Не беспокойтесь, доктор, — сказал он. — Транслятор в ухе позволит вам следить за всем, что происходит вокруг, а говорить вам не придется, поскольку я объясню, что вас ударили по голове и вы временно потеряли дар речи. Позднее, когда вы немного освоитесь с языком, я рекомендую вам притвориться заикой. Подобного рода дефекты обычно извиняют человека за незнание местной идиомы или за акцент, ибо большой, серьезный недостаток перекрывает малые. Отнюдь не все наши тайные агенты обладают способностями к языкам, так что не тушуйтесь. Не задерживайтесь слишком долго в одном месте, чтобы никто не усмотрел других ваших “странностей”, и все будет в порядке.

Тут водитель крикнул в окошко, что по обочине идет блондинка, рядом с которой он задержался бы до конца своих дней. Стиллмен продолжил:

— Если не брать в расчет предложения монитора Бригса, то наилучшую защиту нам обеспечивает, пожалуй, наш подход к работе, то есть тот факт, что мы действуем исключительно из благородных побуждений. Если бы мы злоумышляли против этлан, занимались саботажем или собирали разведданные, нас, вероятно, давным-давно бы уже

поймали. Мы бы постоянно были настороже, а значит, постоянно фальшивили и совершали бы ошибки.

— Вашими бы устами... — вздохнул Конвей. Но на душе у него полегчало.

Водитель высадил их в центре города, и они отправились на пешую прогулку. Первое, что бросилось Конвею в глаза, было незначительное количество высотных домов и новостроек, но он заметил, что даже за старинными домами тут присматривают, и что у этлан имеется чудесная привычка украшать дома снаружи цветами. Он глядел на людей и заставлял себя думать о них как о людях, мужчинах и женщинах, занятых своими повседневными делами, а не как об инопланетянах. Он видел скрюченные конечности, костыли, изуродованные болезнями лица, глазом специалиста определял признаки заболеваний, косивших население Федерации столетие тому назад. И везде и всюду ему открывалось зрелище, привычное для того, что когда-нибудь работал или был в больнице: те, кому было легче, бескорыстно помогали тяжелобольным. Внезапное осознание того, что он находится не в больничной палате, а на городской улице, потрясло Конвея и вынудило остановиться.

— Меня поражает то, — сказал он, оправившись, — что многие заболевания вполне излечимы, многие, а может, и все. С эпилепсией мы не сталкивались лет этак сто пятьдесят...

— И вы уже готовы бегать по улицам со шприцем, — угрюмо усмехнулся Стиллмен, — и колоть страждущих направо и налево? Не забывайте, что эпидемиями охвачена целая планета, и что исцеление нескольких больных остальных на ноги не поставит. У вас слишком много подопечных, доктор.

— Я читал отчеты, — ответил Конвей сухо. — Но цифры одно, а действительность — совсем другое.

Они подошли к перекрестку. Конвей недоумевал, почему пешеходы и транспортные средства вдруг замерли. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что по мостовой движется большой красный фургон, задрапированный красного же цвета тканью. Из его бортов, через правильные промежутки, торчали короткие ручки, и за каждую ручку держался

этланин. Совместными усилиями они медленно катили фургон вперед. Стиллмен сорвал с головы берет, и Конвей последовал его примеру, сообразив, что перед ним — катафалк.

— Предлагаю посетить местную клинику, — сказал Стиллмен, когда катафалк проехал мимо. — Если нас окликнут, я заявлю, что мы ищем больного родича по имени Менномер, которого положили на лечение на прошлой неделе. Быть Менномером на Этле все равно, что Смитом в Англии. Но вряд ли нас станут расспрашивать, потому что практически все этлане оказывают посильную помощь больницам и тамошний персонал привык к непрерывному потоку людей. А при встрече с врачом из Корпуса мы его просто не узнаем. Что касается вашей повязки, — добавил он, словно прочитав мысли Конвея, — то у ваших этланских коллег хлопот полон рот и без того, чтобы отвлекаться на обработанные раны.

Они провели в больнице два часа, так и не поведав никому трогательной истории о хвором Менномере. Стиллмен свободно ориентировался в коридорах и палатах, должно быть, он какое-то время практиковал здесь, но из-за того, что их постоянно окружали этлане, Конвею так и не удалось выяснить истину. Раз он заметил медика-монитора: тот наблюдал, как врач-этланин очищает плевральную плоскость от эмпиемы; по выражению его лица чувствовалось, что он с трудом воздерживается от того, чтобы не закатать рукава темно-зеленого халата и не взяться за дело самому.

Здесьние хирурги носили вместо белых светло-желтые одежды, часть применявшихся ими при операциях процедур граничила с варварством, а мысли об отдельных палатах или об особом режиме ухода за пациентами их, по-видимому, даже не посещали — а если и посещали, подумал Конвей, стараясь быть объективным, то представлялись досужими домыслами из-за поистине фантастической переполненности больниц и клиник. Откровенно говоря, с учетом имевшегося в распоряжении врачей оборудования и сложности стоявших перед ними проблем, эту больницу смело можно было отнести к разряду очень хороших. Конвей восхищался самоотверженностью персонала.

— Отличные ребята, — сказал он. — Я не понимаю, как они могли подобным образом обойтись с Лонвеллином. Непохоже на них.

— Факт остается фактом, — мрачно отозвался Стиллмен. — Они ненавидят всех, у кого не два глаза, два уха, две руки и две ноги, а также тех, у кого эти органы и конечности в неположенных местах. Они усваивают ненависть заодно с алфавитом. Хотел бы я знать почему.

Конвей предпочел промолчать. Он думал о том, что его прислали сюда, чтобы организовать медицинскую помощь, и что расхаживание по городу в весьма странном наряде мало способствует выполнению поставленной перед ним задачи. Пора приступить к настоящей работе.

Как будто снова прочитав его мысли, Стиллмен сказал:

— Нам лучше вернуться. Где вам будет удобнее, док, на базе или на корабле?

Из Стиллмена, подумалось Конвею, вышел бы отличный адъютант.

— Пожалуй, на базе, — ответил он. — На корабле слишком легко заблудиться.

Вот так Конвей получил в свое распоряжение маленький кабинет с большим столом, на котором имелась кнопка для вызова Стиллмена и прочая, менее значительная аппаратура связи. В этом кабинете он делил свои трапезы со Стиллменом и в нем же спал — когда представлялась такая возможность. Дни текли сплошной чередой, глаза Конвея покраснели от напряжения и бессонницы, Стиллмен подбрасывал все новые отчеты, которые Конвей обсуждал вместе с врачами-мониторами, находившимися как в столице, так и в провинции — к последним приходилось летать.

Отчеты большей частью его не касались, ибо посвящены были в основном чисто социологическим проблемам. Он читал их походя, из-за того, что они могли-таки чем-то пригодиться; иногда так и случалось, но чаще они лишь добавляли Конвею растерянности.

Начали поступать результаты различных анализов. Их немедленно пересылали на курьерском боте — одном из трех — в госпиталь, диагностику отделения патологии. Тот сообщал свои выводы на "Веспасиан" по гиперсвязи, а че-

рез несколько дней на стол Конвея ложились отпечатанные документы. Конвей использовал также главный компьютер крейсера, вернее, те его блоки, которые не обеспечивали поддержку множества трансляторов, и постепенно план действий стал приобретать зримые очертания. Правда, все равно выходила какая-то бессмыслица. Даже к концу пятой недели своего пребывания на Этле Конвей не мог сообщить Лонвеллину ничего утешительного. Тот, впрочем, не подгонял, поскольку являлся, вероятно, самым терпеливым существом на свете. Время от времени Конвей задавался вопросом, можно ли причислить к таковым Мэрчисон.

ГЛАВА X

Майор Стиллмен явился на вызов. Под глазами у него набрякли мешки, всегда аккуратная форма выглядела слегка помятой. Он уселся в кресло и зевнул. Конвей последовал его примеру, потом сказал:

— В ближайшие дни у меня будут сведения по системе распределения поставок. Все мало-мальски серьезные болезни сведены в таблицу, где указаны еще возраст пациента, его пол, местонахождение и необходимые дозы лекарств. Но прежде чем давать добро на операцию, я хотел бы, в конце концов, выяснить, откуда тут что взялось. Откровенно говоря, мне не по себе. Я боюсь, что в итоге нас обвинят в том, что мы заменили разбитую посуду целой, не позаботившись вывести из лавки слона.

Стиллмен кивнул — то ли согласился, то ли был уже не в силах держать голову прямо.

Почему, подумалось Конвею, почему на планете, которую иначе чем рассадником заразы и не назовешь, столь низкий уровень детской смертности? Почему дети здоровы, а взрослые сплошь и рядом заболевают? Ну да, среди новорожденных достаточно слепых и страдающих от наследственных болезней, но умирает-то меньшинство! Со своими уродствами и физической неполноценностью они без труда доживают до зрелого возраста и лишь затем, как подтверждает статистика, отходят в мир иной. Та же ста-

тистика, между прочим, свидетельствует, что у этлан вовсю развивается эксгибиционизм. На планете свирепствуют эпидемии, которые сопровождаются кожными заболеваниями и деформацией тел, а этлане по-прежнему щеголяют в своих костюмчиках, несмотря на то, что ничего не скрывают. Временами они напоминали Конвею мальчишек, которые хвастаются перед приятелями ободранными коленками...

Конвей сообразил вдруг, что размышляет вслух. Стилмен перебил его:

— Вы ошибаетесь, доктор! Они не мазохисты. В чем бы не заключалась причина создавшегося положения, они пытались бороться с ней. Эта борьба продолжается больше века, и не вина этлан, что они терпят поражение за поражением. Меня удивляет то, как вообще им удалось уцелеть. А костюмы свои они носят потому, что верят в целительную силу свежего воздуха и солнечного света, и тут в правоте им не откажешь. Эта вера прививается им в раннем детстве, подобно ненависти к инопланетянам и убеждению в том, что нет необходимости при лечении инфекционных заболеваний применять карантин. Хотя она, разумеется, опасна: ведь они считают, что в сражениях между вирусами двух болезней слабеют обе стороны... — тут Стилмен вздрогнул и умолк.

— Я отнюдь не умаляю заслуги этлан, — отозвался Конвей. — Просто разумных ответов мне на ум не приходит, поэтому я цепляюсь за всякий вздор. Однако вы упомянули об отсутствии помощи Этле от Империи. Мне хотелось бы прояснить ситуацию. Может, побеседовать с имперским представителем? Вы его отыскали?

Стилмен покачал головой.

— Помощь Империи, — заметил он язвительно, — ничуть не похожа на посылки с продуктами. Они обычно ограничиваются рецептами подходящих к случаю новейших препаратов, а сами лекарства производятся здесь — каким образом, мы сейчас устанавливаем.

Из объяснений майора следовало, что раз в десять лет на Этле совершает посадку звездолет, который, будучи встреченным имперским представителем, разгружается и немедленно улетает. По всей видимости, подданные Импе-

рии не очень-то рвались побыть на Этле подольше, что было вполне понятно. А имперский представитель, которого называли Телтреном, получив груз, принимается его распределять. Но вместо того, чтобы передать информацию по каналам связи, Телтреном оставлял ее при себе до личной встречи с тем или иным врачом, а тогда вручал как дар славного императора, причем толика славы последнего доставалась и ему, ибо он был посредником. И вот сведения, которым надлежало бы распространиться по планете в течение трех месяцев, попадали к местным врачам по кусочкам в промежутке до шести лет.

— Шесть лет?! — воскликнул Конвей.

— Да, в избытке рвения Телтреном не упрекнешь, — буркнул Стиллмен. — Положение осложняется тем, что на Этле вследствие недостатка оборудования — тут нет даже микроскопов — практически не проводится научных исследований. А Империя почему-то никаких приборов не шлет. Все сводится к тому, что в медицинском отношении Этла полностью зависит от своей Империи, а в той с этим тоже не все в порядке.

— Интересно было бы узнать, как сказывается прибытие помощи на числе больных, — проговорил Конвей. — Сможете выяснить?

— У меня имеется отчет, который может оказаться полезным, — ответил Стиллмен. — Он подготовлен клиникой на Северном континенте. Телтреном привез туда литературу по акушерству и препарат против болезни, которую мы определяем как Б-восемнадцать. Через две-три недели количество больных ею резко снизилось, однако начала развиваться Ф-двадцать один.

Код “Б-восемнадцать” обозначал сильный грипп, который для детей и подростков заканчивался смертью в четырех случаях из десяти. А под “Ф-двадцать один” скрывалась лихорадка средней степени тяжести, которая длилась три-четыре недели и при которой на лице, теле и конечностях появлялись серповидные рубцы. Потом они приобретали лиловатый оттенок и оставались с человеком до конца его жизни.

Конвей раздраженно помотал головой.

— Такого представителя надо гнать в три шеи, — бросил он.

— Мы тоже не прочь пообщаться с ним, — проговорил Стиллмен, вставая, — и объявили о том по радио и в газетах. Судя по всему, Телтрени от нас прячется. Быть может, его мучает совесть. Однако по просьбе Лонвеллина мы, по слухам, составили психологический портрет этого типа. Если хотите, я закажу копию.

— Спасибо, — поблагодарил Конвей.

Стиллмен кивнул, зевнул и ушел. Конвей щелкнул переключателем, связался с “Веспасианом” и попросил установить контакт с кораблем Лонвеллина. Его грызли сомнения, и он жаждал излить кому-нибудь душу.

— Вы неплохо поработали, друг Конвей, — заявил Лонвеллин, выслушав его. — Мне повезло с тем, что у меня столь опытные и надежные помощники. Мы завоевали доверие атланских врачей и скоро приступим к их инструктажу. Ваше задание выполнено, и вы можете возвращаться в госпиталь, но мне будет жаль, если вы вернетесь туда без чувства удовлетворения. Ваши опасения необоснованны. Впрочем, предложение заменить Телтрени кем-либо другим представляется разумным, я и сам пришел к такому же выводу. Ко всему прочему, у меня есть доказательства его причастности к раздуванию ненависти к инопланетянам. Предположение же, что виновник ненависти — не Телтрени, а Империя, возможно, подтвердится, но не исключен и противный вариант. Как бы то ни было, я считаю преждевременным поиск Империи, на котором вы настаиваете. — Голос Лонвеллина в трансляторе звучал размеренно и сухо, но Конвею показалось, будто он различает сердитые нотки. — Я рассматриваю Этлу как отдельный мир, находящийся в карантине. Поэтому мы можем обойтись без рассуждений о влиянии Империи, которые лишь сильнее нас запутают. То, что нас с вами тревожит, — пустяк в сравнении с излечением целой планеты. Ваше допущение, что всплески заболеваемости имеют какое-то отношение к кораблю, который прилетает сюда раз в десять лет на несколько часов, является беспочвенным. Мне думается, что вы, скорее всего, бессознательно, уделяете этому факту такое внимание потому, что не видите иного способа узнать что-либо об Империи.

Да, ты попал в самую точку, мелькнула у Конвея мысль, но прежде чем он успел ответить, ЭПЛХ продолжил:

— Я предпочитаю разбираться с одной Этлой. Привлечение Империи, которая также может нуждаться в медицинской помощи, значительно затруднит нашу деятельность. Однако, чтобы вы успокоились, я советую вам сообщить существу по имени Уильямсон, что даю ему разрешение на поиски Империи. Если он обнаружит ее, то не должен ставить ее власти в известность о том, что происходит на Этле, до завершения операции.

— Я понял, сэр, — Конвей отключился. Странно, подумал он, Лонвеллин вроде бы упрекнул его за чрезмерное любопытство и тут же дал разрешение на разведочный полет. Неужели влияние Империи заботит Лонвеллина сильнее, чем он стремится показать, или ЭПЛХ попросту расчувствовался?

Конвей вызвал капитана Уильямсона. Тот внимательно выслушал доктора, дважды хмыкнул и сказал с нескрываемым раздражением:

— Наши люди разыскивают Империю вот уже два месяца. Одному посчастливилось. Это медик, который никак не связан с этланским проектом, а потому знать не знает о том, что здесь творится. Поэтому его отчет вряд ли вам пригодится, но я пришлю все документы плюс материал на Телтрэнна. — Деликатно кашлянув, Уильямсон добавил: — Лонвеллина, разумеется, придется известить, но когда именно — оставляю на ваше усмотрение.

Конвей неожиданно расхохотался.

— Не волнуйтесь, полковник, я вас прикрою. Ну а если попадетесь сами, скажите Лонвеллину, что хороший слуга предугадывает распоряжения хозяина.

Уильямсон отсоединился. Конвей продолжал смеяться, удивляясь собственному поведению. На Этле он чуть было не забыл, что такое веселье, и отнюдь не из-за того, что стал отождествлять себя со здешними страдальцами — преступления подобного рода не совершит ни один хоть сколько-нибудь приличный врач, сердце которого не ожесточилось. Дело заключалось в том, что на Этле вообще мало кто смеялся. Планету словно окутывала атмосфера безнадежности, которая с каждым днем становилась все гуще. Будто в палате, где лежит умирающий пациент; подумал Конвей, но даже там наверняка найдется, над чем похихикать...

Он начал скучать по госпиталю и откровенно обрадовался тому, что улетает, и все чаще вспоминал Мэрчисон. До сих пор он, можно сказать, пренебрегал ею, отправив за все время лишь два послания, которые приложил к образцам для исследования. Конвей не сомневался в том, что главный патолог госпиталя Торннастор передаст послания по назначению, хотя почтенный диагност и был всего-навсего ФГЛИ, весьма слабо заинтересованным в эмоциях и увлечениях землянок-ДБДГ. А вот что касается Мэрчисон... Она могла решить, что ответ придаст Конвею излишней самоуверенности или что доктор воспринял эпизод с поцелуем у шлюза как нечто серьезное. Да, ее реакцию предсказать было невозможно. Всегда сосредоточенная, деловая, совершенно не думающая о мужчинах.

Впервые она согласилась на то, чтобы он проводил ее, после того, как Конвей в компании врачей и медсестер отпраздновал успешную операцию, да и то потому, что раньше, при совместной работе, он не позволял себе никаких вольностей. Потом он сделался ее постоянным провожатым и предметом зависти мужской половины ДБДГ в госпитале. Однако никто и не догадывался, что завидовать, по сути, нечему...

Размышления Конвея были прерваны появлением монитора с папкой.

— Материалы по Телтренну, доктор, — доложил тот. — Другой отчет является конфиденциальным, поэтому капитан Уильямсон отдал его для копирования своему личному писцу. Вы получите его в течение пятнадцати минут.

— Благодарю вас, — сказал Конвей и, проводив монитора взглядом, принялся за чтение. Будучи колониальным миром и не имея возможности развиваться естественным путем, Этла не располагала ни государственными границами, ни вооруженными силами. Полицейский корпус планеты составляли солдаты Империи под командой Телтренна. Именно они нападали на корабль Лонвеллина. Телтренн, говорилось в отчете, гордец, который жаждет власти, но жестокости, обычно присущей такого рода личностям, в его характере не отмечено. В обращении с туземным населением — имперский представитель родился не на Этле —

Телтрени выказывал разумность и справедливость. Конечно, он относился к аборигенам достаточно снисходительно — глядел свысока, словно они существенно уступали ему в развитии. Но он не презирал их, по крайней мере в открытую, и не издевался над ними.

Конвей отшвырнул папку. Очередная чушь! Внезапно он понял, что Этла ему опротивела. Он поднялся и вышел в приемную, с грохотом захлопнув за собой дверь. Стилмен дернулся и посмотрел на него.

— Бросьте свои бумаги до утра! — велел Конвей. — Сегодня мы будем улаживать плоть. Ляжем спать в наших каютах...

— Спать? — перебил Стилмен и ухмыльнулся. — А что это такое?

— Не знаю, — сказал Конвей. — Я думал, может, вам известно. Слышал только, что это новое ощущение — непередаваемое счастье, к которому быстро привыкнешь. Вы не против рискнуть?

— После вас, — отозвался Стилмен.

Снаружи было прохладно. На горизонте виднелось рваное облако, а над головами ярко сверкали звезды. Этла находилась посреди звездного скопления, что подтверждалось ежеминутно чертившими небосвод метеорами. Зрелище одновременно вдохновляло и успокаивало, но Конвея не отпускала тревога. Он был уверен, что упустил нечто крайне важное, и под ясным небом беспокойство его только усилилось. Вдруг ему захотелось как можно скорее прочитать доклад об Империи.

— У вас не было такого, — спросил он Стилмена, когда вы о чем-то думаете и вам неожиданно становится чертовски стыдно за подобные мысли?

Стилмен фыркнул, видимо, сочтя вопрос риторическим, и они зашагали было к звездолету, но внезапно остановились.

На юге словно всходило солнце. Небо приобрело бледно-голубой оттенок, который дальше переходил через бирюзу в черноту, а нижние слои облаков окрасились розовым и золотистым. Прежде чем земляне успели сообразить, что к чему, новоявленное солнце поблекло и превратилось в алое пятно на горизонте. Земля под ногами дрог-

нула, а немного времени спустя в отдалении как будто прогремел гром.

— Корабль Лонвеллина! — крикнул Стиллмен.

Они побежали.

ГЛАВА XI

Рубка “Веспасиана” представляла собой подобие водоворота, в центре которого находился капитан. Когда появились Стиллмен и Конвей, уже были отданы распоряжения загрузить на курьерский бот и имеющиеся в наличии вертолеты дезактивирующие средства и спасательное оборудование и отправляться к месту взрыва. На то, что уцелели этлане, которые окружали корабль Лонвеллина, рассчитывать, естественно, не приходилось, но поблизости были хутора и одна крохотная деревушка. Спасателям предстояло сразиться с радиацией и справиться с паникой: этлане ведать не ведали о том, что такое ядерный взрыв, и наверняка воспротивятся эвакуации.

На поле космодрома, увидев взметнувшееся к звездам пламя и осознав, что произошло, Конвей испытал приступ слабости. А теперь, вслушиваясь в четкие приказы Уильямсона, он почувствовал, как у него выступает на лбу и катится струйками по спине холодный пот. Облизнув губы, он проговорил:

— Капитан, я хочу вам кое-что предложить...

Он не повышал голоса, но в его тоне было что-то такое, что заставило Уильямсона оглянуться.

— Гибель Лонвеллина означает, что руководство проектом переходит к вам, доктор, — произнес капитан. — Вы тут главный.

— Тогда, — сказал Конвей тем же негромким голосом, — вот мой приказ. Отзовите спасателей и верните на корабль людей, всех до единого. Мы должны взлететь до того, как начнется бомбардировка...

Все, кто был в рубке, уставились на него — потные лица, испуганные глаза, — и он понял, что его слова неправильно истолкованы. Уильямсон выглядел разгневанным и полностью сбитым с толку, но через несколько се-

кунд оправился, повернулся к офицеру рядом, что-то ему приказал и перевел взгляд обратно на Конвея.

— Доктор, — сообщил он сухо, — я распорядился установить дополнительный противометеоритный щит. Всякий твердый объект диаметром крупнее дюйма, который будет приближаться к кораблю с любого направления, немедленно попадет под наблюдение на расстоянии в сто миль, а затем отражатели переведут его на безопасную для нас траекторию. Поэтому могу вас уверить, что нам не страшна гипотетическая атака ракет с ядерными боеголовками. Позвольте сказать также, что ваша идея, доктор, смехотворна. На Этле попросту нет атомного оружия. Наши приборы... Ну, да вы должны были прочитать отчет. Я предлагаю, — закончил капитан таким тоном, словно советовал младшему навигатору подправить курс, — оказать всю возможную помощь тем, кто выжил после взрыва, который произошел, вероятно, из-за неисправности реактора на корабле Лонвеллина.

— Да не было у него никакой неисправности! — хрипло воскликнул Конвей. — Лонвеллин, подобно прочим долгожителям, панически боялся смерти, и с прожитыми годами страх этот становился все сильнее. Он завел себе личного врача, чтобы ни одна болезнь не смогла подточить его организм изнутри, а звездолет его, по моему глубокому убеждению, был надежнейшим чудом техники. Лонвеллина убили, — подытожил он угрюмо, — а причина, по которой они подорвали первым его корабль, а не наш, состоит, должно быть, в том, что они ненавидят инопланетян. Приятно сознавать, что крейсер защищен, но если мы стартуем прямо сейчас, они, может статься, не повторят залп, а следовательно, останутся в живых и наши люди и этлане...

Бесполезно, подумал Конвей устало. Уильямсон, похоже, заупрямился: злится на очевидно бессмысленные приказы, недоумевает, ибо Конвей, по его мнению, ведет себя как перепугавшаяся старуха, артачится, потому что считает правым себя, а никак не Конвея. Да соберись ты с мыслями, полоумный осел! — мысленно прикрикнул Конвей на капитана. Вслух он эту фразу произнести не решился: все-таки перед ним был монитор в чине полковника, ок-

руженный вдобавок младшими офицерами. И потом, уж кем-кем, а ослом Уильямсон не был. Он был рассудительным, толковым боевым офицером, у которого просто не было времени правильно оценить ситуацию. Он не имел ни медицинского образования, ни присущей Конвейю подозрительности...

— Вы готовили для меня отчет по Империи, — сказал Конвей. — Могу я на него взглянуть?

Уильямсон кинул беглый взгляд на обзорные экраны, на которых всю кипела бурная деятельность: один вертолет собирался взлететь, второй, явно перегруженный, едва оторвался от площадки, к шлюзу курьерского бота цепочкой тянулись люди со средствами дезактивации.

— Сейчас?

— Да, — ответил Конвей — и покачал головой: ему на ум пришло другое. До того он безуспешно старался вынудить Уильямсона к старту, оставляя объяснения на потом, а теперь вдруг сообразил, что ему лучше объясниться, и поскорее. — У меня есть теория, которую должен подтвердить ваш отчет. Но если я перескажу вам, не читая, содержание отчета, поверите ли вы мне настолько, чтобы послушаться меня и улететь?

Оба вертолета медленно поднимались в ночное небо, на курьерском боте закрывали шлюз, вдоль периметра сновали наземные транспортные средства — как мониторов, так и этлан. Конвей знал, что добрая половина экипажа “Веспасиана” там, снаружи, вместе с мониторами с базы, и что все они направляются к месту взрыва и расстояние между ними и крейсером увеличивается с каждой секундой.

Не дождавшись ответа Уильямсона, он сказал:

— Моя догадка такова: мы столкнулись именно с империей, а не со свободной федерацией вроде нашей собственной. Это подразумевает наличие многочисленного войска для удержания покоренных в повиновении; правительства на отдельных мирах по необходимости также будут составлены из военных. Все подданные Империи — ДБДГ, как этлане, так и мы сами, — по большому счету, ничем особым не отличаются, за исключением вражды к инопланетянам, с которыми до сих пор встречались очень редко. — Он глубоко вздохнул. — Жилищные условия и технологи-

ческий уровень развития, вероятно, соответствуют нашим. Налоги, скорее всего, высокие, но правительство наверняка контролирует средства массовой информации, а значит, убеждает людей в обратном. Я полагаю, Империя достигла порядочных размеров и включает в себя от сорока до пятидесяти населенных миров...

— Сорок три, — удивленно проговорил Уильямсон.

— ... Все обитатели которых знают о бедственном положении Этлы и сочувствуют этланам. Быть может, они наложили на планету постоянный карантин, но пожертвуют всем, чтобы помочь ей...

— Верно! — перебил Уильямсон. — Наш человек пробыл на одной из окраинных планет, прежде чем его отправили в метрополию на встречу с главным заправилкой, всего два дня. Но этого времени ему вполне хватило, чтобы узнать отношение людей к Этле. Куда бы он ни посмотрел, всюду висели фотографии страдающих этлан. Порой их количество превышало даже число рекламных щитов. Словом, имперское правительство на деле проявляет милосердие. Судя по всему, доктор, они приличные ребята.

— Разумеется, капитан, — отозвался Конвей. — Но не кажется ли вам немного странным подобное милосердие: сорок три обитаемых планеты — и один корабль раз в десять лет?

Уильямсон раскрыл рот, потом сжал губы и задумался. В рубке установилась тишина, которую нарушали лишь поступавшие по радио доклады. Внезапно стоявший за спиной Конвея Стиллмен выругался и буркнул:

— Я понимаю, куда он клонит, сэр. Надо взлетать!

Уильямсон перевел взгляд с Конвея на Стиллмена и обратно и побормотал:

— Когда помешался один, не страшно, а вот если двое...

Три секунды спустя всем членам экипажа было приказано вернуться на борт. Срочность распоряжения удостоверялась ревом сирены общей тревоги. Отозвав все свои приказы, отданные какие-то минуты назад, Уильямсон вновь повернулся к Конвею.

— Продолжайте, доктор, — попросил он. — Сдается мне, я догадываюсь, на что вы намекаете.

Конвей облегченно вздохнул и пустился в объяснения.

Этла начинала как обычная колония, с одним-единственным космопортом, чтобы принимать оборудование и колонистов, затем на ней выросли поселения, а жителей заметно прибавилось. А следом, должно быть, нахлынула первая волна болезней, угрожавшая уничтожить все живое. Прослышав о беде, Империя встрепетнулась, как то бывает с людьми, когда их друзья страдают от невзгод, и вскоре Этла получила помощь.

На первых порах она, скорее всего, поступала мелкими партиями, но постепенно возрастала в объеме по мере того, как вести о постигшем этлан несчастье достигали окраин Империи. Впрочем, этланам-то как раз из нее доставались сущие крохи. Сумма пожертвований была настолько внушительной, что от этого дела не могли отмахнуться ни имперское правительство, ни сам император. Но они и не стали отмахиваться. Уже в те дни могучая галактическая Империя потихоньку гнила изнутри. Требовалось все больше и больше денег на содержание императора и его двора и на управление бесчисленными провинциями. Естественно, правительство присвоило себе львиную долю пожертвований, а впоследствии широко разрекламированная помощь Этле сделалась одним из важнейших источником государственного дохода.

Вот так все и началось. Этлу поместили в строгий карантин, хотя и без того полететь на нее соглашались разве что умалишенные. И тут, видимо, этлане стали выздоравливать сами по себе. Источник доходов грозил высохнуть, поэтому следовало незамедлительно принять меры. Чиновники без зазрения совести обрекли население Этлы на вымирание: сперва отнимали деньги, а теперь додумались до того, что время от времени принялись заражать этлан сравнительно неопасными болезнями — естественно, такими, какие должны были еще сильнее разжалобить мягкосердечных простаков на остальных мирах, например, теми, которые делали человека уродом или инвалидом. Но прирост населения не должен был уменьшиться ни в коем случае, поэтому-то на Этле были так хорошо поставлены гигиена и забота о детях. Для наблюдения за положением дел на планете на нее был назначен специальный

представитель с характером, вполне соответствовавшим столь ответственной должности. Этлане перестали быть людьми и превратились в ценных своими болячками животных. Похоже, представитель императора относился к ним именно так.

Тут Конвей выдержал паузу. Капитан и Стилмен выглядели так, словно внезапно захворали. Конвей и сам чувствовал себя не в своей тарелке с момента взрыва Лонвеллинова звездолета — момента, который расставил все по своим местам.

— В распоряжении Телтрэнна находится отряд, способный отогнать от планеты или уничтожить случайных гостей, — сказал он. — Из-за карантина всякий гость почти наверняка окажется инопланетянином, отсюда та ненависть: аборигенов научили ненавидеть инопланетян вне зависимости от размеров, количества или намерений.

— Но как... как они могут быть такими жестокими? — выговорил Уильямсон.

— Может статься, — устало ответил Конвей, — чиновники того и не хотели, все получилось как бы само собой. Мы же, вмешавшись, чуть было не покончили с весьма выгодным имперским рэккетом. Поэтому теперь Империя постарается покончить с нами.

В этот миг старший связист доложил Уильямсону, что экипажи обоих вертолетов возвратились на борт вместе со всеми, кто находился в пределах слышимости сирены — то есть в городе не осталось практически никого из землян. Тем, кто не успевал, приказано было уйти в укрытие и дожидаться прибытия корабля-разведчика, который чуть позже заберет их с Этлы. Едва дослушав офицера, капитан отдал команду на взлет, и Конвей ощутил секундное головокружение — это заработали антигравитационные установки, сохраняя нормальную силу тяжести при старте с максимальным ускорением. “Веспасиан” стрелой рванулся в небо, а следом, десять секунд спустя, стартовал курьерский бот.

— Должно быть, вы посчитали меня глупцом... — сказал Уильямсон. Продолжить ему помешали руководители спасательных партий, который явились к капитану с докладами. Один из вертолетов был обстрелян, людям, кото-

рые работали в городе, велено было не покидать его. Приказ исходил лично от имперского представителя и предписывал убивать всех, кто попытается бежать. Однако между этланскими полицейскими и мониторами существовала если не дружба, то уважение, и потому этлане нарочно целились поверх голов.

— Да, хуже некуда, — проговорил Стиллмен. — Мне кажется, в том, что произошло с кораблем Лонвеллина, а также во всех смертях и разрушениях обвинят не кого-нибудь, а нас. Наши поступки будут намеренно искажены и нас назовут злодеями. И готов поспорить, после нашего отлета на Этле вспыхнут новые эпидемии, что, разумеется, поставят в вину тоже нам! — Он выругался и прибавил: — Вы знаете, как в Империи смотрят на Этлу. Бедная, несчастная сестра-горемыка и гадкие чужаки, которые осмелились причинить ей зло...

Слушая майора, Конвей снова вспотел. Он пришел к своим выводам, обобщив все известные медицинские сведения, и занимал его только медицинский аспект, поэтому ни о чем другом он какое-то время просто не мог думать. Но теперь...

— Это же война! — воскликнул он.

— Верно, — согласился Стиллмен, — и, быть может, имперскому правительству именно того и надо. Судя по тому, что они творят с Этлой, Империя прогнила до основания. Через несколько десятилетий она, возможно, распадется, и вряд ли кто о том пожалеет. А чтобы объединить разваливающуюся Империю, нет ничего лучше войны, причем войны якобы за справедливость. Если они не напортачат, то их Империя просуществует еще сотню лет.

Конвей ошарашенно покачал головой.

— И как я не догадался, — пробормотал он. — Если бы мы открыли глаза этланам...

— Не корите себя, доктор, — перебил капитан, — без вас мы бы до сих пор торчали на той планете. А открывать глаза нужно не только этланам, но и всем остальным, иначе это гиблая затея...

— Говорит старший артиллерист, — раздался голос из динамика. — Сэр, мы засекли след в секторе двенадцать-тридцать один. Сейчас передадим изображение на экран

пять. Судя по излучению, объект прикрывается противоракетным щитом и использует радар. Распоряжения, сэр?

Уильямсон взглянул на пятый экран.

— Первыми не начинайте, — проговорил он и вновь вернулся к Стиллмену с Конвеем. Его твердый, спокойный голос был голосом старшего офицера, который принимает на себя и несет полную ответственность, который советует подчиненным не волноваться, ибо он — с ними.

— Не стоит так переживать, господа, — сказал капитан. — Угроза галактической войны существовала всегда, и к отражению ее готовились. По счастью, у нас достаточно времени, чтобы развернуть наши боевые порядки. С пространственной точки зрения Империя — этакий крошечный сгусток миров, а Федерация охватывает половину галактики. Наша задача — обшарить звездное скопление, где обитаемые планеты имеются у одного солнца из пяти. По сравнению с Империей мы в выигрышном положении, ибо они могут найти нас не раньше, чем года через три, и то, если им повезет, а если нет — то лет через двадцать. Повторяю, времени у нас достаточно.

Конвея его выкладки отнюдь не убедили. По-видимому, капитан заметил это и принялся отвечать на еще не прозвучавшие вопросы.

— Да, им может помочь наш агент. Он может по доброй воле, поскольку не знает о конфликте, поведать им о Федерации, об организации и силе Корпуса мониторов. Но ведь он медик, следовательно, его сведения заведомо будут неполными или неточными, и Империя, сделав ставку на него, здорово просчитается. Узнать же наше местонахождение они смогут, лишь захватив в плен навигатора или звездолет, на котором не позаботились уничтожить карты, а против подобного исхода мы, уверяю вас, примем все меры предосторожности. Наши агенты имеют гуманитарное или медицинское образование. Их познания в астронавигации равны нулю. Разведочные корабли, которые доставляют их к месту назначения, немедленно возвращаются на базу, как того требуют правила безопасности. Так что проблема, конечно, серьезная, но с решением ее можно не торопиться.

— Разве? — поинтересовался Конвей.

Уильямсон и Стиллмен воззрились на него, пристально и настороженно, словно он был бомбой, которая, взорвавшись полчаса назад, похоже, собирается повторить свое выступление. Конвей даже пожалел их за то, что им предстояло разделить с ним страх и беспокойство, которые пока снесли только его одного. Он облизал губы и произнес негромко, но внятно:

— Что касается меня, то я знать не знаю координат Тралты, Илленсы, Земли или той земной колонии, где родился. Однако есть такой набор цифр, который известен и мне, и любому другому врачу в нашем секторе. Координаты госпиталя! По-моему, у нас совсем нет времени.

ГЛАВА XII

Единственное, что Конвей сделал полезного на пути от Этлы к госпиталю, это то, что он налег на сон. Правда, сны его настолько часто омрачались кошмарными видениями грядущей войны, что приятнее было бы не спать вообще. Периоды, когда бодрствовал, он проводил к дискуссиях с Уильямсоном, Стиллменом и прочими старшими офицерами “Веспасиана”. Уильямсон, судя по всему, пребывал под впечатлением событий последнего получаса на Этле и обращался к Конвею за советом по всякому поводу, хотя что мог понимать врач, даже такой опытный, в разведке, тыловом обеспечении и маневрах космофлота?

Однако беседы проходили интересно и напоминали Конвею его сны — были какими угодно, но только не приятными.

Полковник Уильямсон утверждал, что завоевательная галактическая война — сущий бред, а вот обыкновенная война на уничтожение — штука несложная и в ней могут участвовать все, у кого в достатке сил и кого не пугает мысль об убийстве разумных существ. Сил у Империи хватает, а что до страха, то Корпусу мониторов еще предстоит вселить его в сердца обитателей сорока трех имперских миров.

Если бы позволяло время, агенты Корпуса могли бы проникнуть в Империю. Мониторам известно было место-

нахождение одной из планет, а поскольку между ней и остальными поддерживалась постоянная связь, они быстро определили бы координаты других. Собрали бы необходимые сведения и... Работа подразделения пропаганды Корпуса никогда не вызывала нареканий. В подобной ситуации, когда противник не стесняется прибегать к откровенной лжи, мониторы наверняка позаимствовали бы его уловки. По своей сути Корпус являлся полицейским формированием, в обязанности которого входило не столько ведение войны, сколько обеспечение мира. А раз он был полицейским формированием, свобода его действий ограничивалась темы последствиями, которые могли затронуть невинных — в данном случае подданных Империи наравне с населением Федерации.

Вот почему планом по подрыву Империи следовало воспользоваться, хотя он вряд ли мог принести какие-либо результаты до первой стычки. Уильямсон искренне надеялся — точнее, молился, чтобы было так, — что агент, угодивший в руки Империи, не знает, а потому не сможет раскрыть врагу координат госпиталя. Полковник был реалистом и отдавал себе отчет в том, что если агенту что-либо известно, это “что-либо” рано или поздно из него извлекут. Однако даже при самом неблагоприятном исходе Империя узнает лишь местоположение госпиталя, а значит, оборонять придется только его, если, правда, императору не взбредет в голову разослать свой флот по галактике в поисках миров Федерации — на что мониторы в определенной степени рассчитывали.

Конвей пытался не думать о том, что произойдет, когда у госпиталя появятся мобильные вражеские силы.

За несколько часов до тревоги Корпус получил очередной доклад агента, который сейчас находился в имперской столице. Первому на то, чтобы достичь Этлы, понадобилось девять дней, зато второй, с пометкой “Совершенно секретно”, дошел за восемнадцать часов.

Агент сообщал, что в метрополии к инопланетянам относятся терпимее, чем на Этле и на прочих планетах. Жители столицы считают себя космополитами, и порой на улице можно нос к носу столкнуться с инопланетянином. Однако по целому ряду признаков можно заключить, что

эти существа имеют дипломатический статус и являются уроженцами миров, с которыми у Империи имеются мирные договоры — видимо, она намерена в будущем присоединить вышеназванные миры к себе. Лично с ним, продолжал агент, обращаются просто наилучшим образом, через несколько дней его обещал принять сам император. Однако, как следовало из отчета, он пребывал в некоторой растерянности. Конкретных фактов он привести не мог, ибо был врачом, которому дали задание “подготовить почву”, а не специалистом по культурным контактам. Тем не менее, у него сложилось впечатление, что в отдельных случаях его рассказы об устройстве Федерации и ее целях не поощрялись, тогда как в другое время — наоборот, приветствовались. Еще его беспокоило то, что ни в одном из виденных им выпусков новостей не было упомянуто о его прилете. Здесь агент замечал, что если бы в столицу Федерации прилетел представитель Империи, это событие обсуждалось бы в средствах массовой информации в течение дней, если не недель. Он попутно задавался вопросом, не слишком ли распускает язык, и выражал сожаление относительно того, что приемник гиперсвязи не такой маленький, как передатчик, а потому инструкций по нему не запросишь.

Больше об этом агенте никто не слышал.

Возвращение Конвея в госпиталь было совсем не таким, каким он представлял его себе несколько недель назад. Тогда он воображал себя этаким героем, с честью выполнившим задание, ему мнились приветственные возгласы коллег и Мэрчисон, поджидавшая его с распростертыми объятиями. Хотя последнее было довольно сомнительно, но в мечтах Конвей воспарял и на такую высоту. А на деле — он вернулся с проваленного задания, тихо уповая на то, что коллеги не станут его ни о чем расспрашивать; Мэрчисон встретила его в шлюзе дружелюбной улыбкой, однако отнюдь не торопилась раскрывать объятия. Да, подумал Конвей кисло, чем не встреча двух верных друзей после долгой разлуки — и ничего больше. Мэрчисон сказала, что рада его видеть, он ответил, что взаимно, а когда она собралась было что-то спросить, он заявил, что сейчас у

него куча дел, но потом он ее найдет, и улыбнулся, словно только что назначил ей свидание. Но улыбка вышла кривой и неискренней, и Мэрчисон, заметив ее фальшивость, сказала: “Да, конечно” — и быстро удалилась.

За время, проведенное вдали от нее, Мэрчисон не утратила для Конвея ни красоты, ни желанности, тем не менее он явно оскорбил ее в лучших чувствах — однако Конвею, признаться, было все равно. Его мысли были заняты предстоящей встречей с О’Марой. А когда, чуть погодя, он явился в кабинет главного психолога, ему почудилось, что начали сбываться его наихудшие предчувствия.

— Садитесь, доктор, — буркнул О’Мара. — Итак, вы все же умудрились втравить нас в галактическую войну?

— Не смешно, — пробормотал Конвей.

О’Мара пристально поглядел на него. Этот взгляд зафиксировал и выражение лица Конвея, и его позу, и положение рук. О’Мара не придавал серьезного значения чинопочитанию, но, несомненно, отметил, что Конвей не прибавил “сэр”, и приплюсовал данный прискорбный факт к остальным. На анализ ситуации у психолога ушло около двух минут, и в течение их он ни разу не моргнул. Он сидел совершенно неподвижно, не загибал пальцы, не вертел чего-либо в руках, а черты его отличались выразительностью, свойственной разве что замшелому валуну. Неожиданно он соорудил почти благодушную гримасу и произнес:

— Вы правы, ничуть не смешно. Но вам прекрасно известно, что мы всегда считались с возможностью того, что какой-нибудь докторишка с благими намерениями втянет нас в заваруху. В госпитале частенько появляются существа самых различных пород, которые требуют срочного лечения, и как правило, у нас нет времени на поиски их друзей, какие могли бы подсказать нам, верно мы поступаем или нет. Возьмите, к примеру, ианскую хризалиду, над которой пришлось трудиться вам. Официального контакта с ианами тогда еще установлено не было, и, если бы не вы со своим диагнозом — перед нами, мол, растущая куколка, а не злокачественная опухоль, которую нужно немедленно удалить — что наверняка погубило бы пациента, — у нас наверняка возникли бы неприятности.

— Так точно, сэр, — ответил Конвей.

— Можете думать, что я сделал вам комплимент — вернее, не вам, а вашей догадливости. Быть может, и зря, Ну, ну! Если вы надеетесь, что я извинюсь, значит, вы верите в чудеса. Расскажите-ка мне об Этле. Учтите, — добавил О'Мара, — на моем столе и в мусорной корзинке полным-полно всяких отчетов, в которых излагаются возможные последствия. Я хочу услышать от вас оценку собственным действиям.

Конвей пустился рассказывать, избегая вдаваться в подробности, и понял, что ему мало-помалу становится легче. Мысль о грядущей войне и о том, чем она грозит миллионам разумных существ, госпиталю и ему самому, по-прежнему страшила его, однако он уже не ощущал себя ответственным за то, что все сложилось именно так. О'Мара сперва обвинил его как раз в том, что он и сам полагал своей виной, а потом без лишних слов сумел доказать смехотворность подобного обвинения. Но когда Конвей упомянул о взрыве корабля Лонвеллина, то вновь почувствовал себя виноватым. Если бы он раньше сообразил, что к чему, Лонвеллин не погиб бы...

О'Мара, должно быть, уловил изменение в настроении Конвея, однако позволил ему закончить и лишь затем изрек:

— Меня удивляет, что Лонвеллин с его-то способностями и возможностями не различил того, что углядели вы. Кстати, о способностях. По-моему, вы достаточно успешно справляетесь со своими обязанностями, поэтому я приготовил для вас новую работу. Она не такая сложная, как этланское задание, госпиталь вам покидать не придется, и провалить вы ее не должны. Я хочу, чтобы вы организовали эвакуацию госпиталя.

Конвей судорожно сглотнул.

— Что вы устались на меня будто оглушенный? — рявкнул О'Мара. — Или вас и впрямь чем-нибудь стукнуть? Где ваша хваленая догадливость? К моменту появления имперских сил в госпитале не должно остаться ни единого пациента, равно как и штатских, кроме тех, кто вызовется добровольцами. И потом, следует удалить отсюда тех, кто имеет представление о местоположении любой

из планет Федерации. Я поручаю это вам потому, что у вас налицо склонность командовать старшими по званию, судя по тому, как вы гоняли бедного полковника...

Конвей почувствовал, как краснеет, прикинулся, что не уловил намека на Уильямсона, и проговорил:

— Я полагал, что эвакуация будет полной.

— Нет, — ответил О'Мара сухо, — госпиталь слишком ценен для нас со стратегической, финансовой и даже сентиментальной точек зрения. Мы думаем поддерживать в рабочем состоянии несколько уровней, где будут лечить раненых. В случае чего обращайтесь за помощью к полковнику Скемптону. Вы по какому времени живете, доктор?

Конвей сказал, что не отвык еще от корабельного, но помнит, что сошел с "Веспасиана" часа через два после завтрака.

— Отлично, — заявил майор. — Свяжитесь со Скемптоном — и за работу. Мне, честно говоря, давно пора соснуть, но я прикорну прямо здесь, чтобы вы или полковник смогли сразу найти меня. Спокойной ночи, доктор.

Он снял китель, аккуратно сложил его, стряхнул с ног ботинки и улегся на койку. Не прошло и минуты, как его дыхание сделалось глубоким и ровным. Конвей рассмеялся.

— Лицедреть главного психолога в таком виде! — фыркнул он, — это не может не травмировать. Боюсь, сэр, наши отношения уже не будут прежними.

— Ну и хорошо, — пробормотал О'Мара сонно. — Иначе вы меня вгоните в гроб своей кислой физиономией.

ГЛАВА XIII

Семь часов спустя Конвей окинул усталым взглядом заваленный бумагами стол, потер глаза и взглянул на стол напротив. На какой-то миг ему почудилось, будто он вновь на Этле и сейчас утомленный майор Стиллмен поднимет голову и спросит, что ему нужно. Но вместо майора голову поднял не менее утомленный полковник Скемптон.

— Расписание эвакуации составлено, — подытожил Конвей с ноткой торжества в голосе. — Пациенты разбиты

на группы по видам, указано необходимое количество кораблей, обозначены условия, которые следует создать внутри каждого. Размещение отдельных видов потребует изменений в конструкции звездолетов, что займет немало времени. А группы разбиты на подгруппы по степени сложности заболевания, что определяет порядок эвакуации...

А как, подумалось Конвею, быть, если перемещение пациента с места на место подвергает опасности его жизнь? Таких надо будет эвакуировать в последнюю очередь, а значит, с ними задержится и медицинский персонал, который иначе мог бы улететь значительно раньше, а тут еще угроза появления имперских звездолетов с их ракетами... Нет, все идет наперекосяк.

— Затем подразделение майора О'Мары займется обработкой врачей и обслуживающего персонала, — продолжал Конвей. — Откровенно говоря, когда мы летели сюда, я думал, что госпиталь уже подвергся нападению. Я не знаю, как поступить: объявить срочную эвакуацию в течение сорока восьми часов, которая наверняка погубит больше пациентов, чем спасет, или не гнать лошадей?

— На первый вариант не хватит транспорта, — буркнул Скемптон и снова уткнулся в бумаги. Он отвечал за обеспечение жизнедеятельности госпиталя, и работы у него сейчас было по горло.

— Я хотел бы узнать ваше мнение, — сказал Конвей. — Сколько у нас времени в запасе?

— Извините, доктор, — отозвался полковник. — Я забыл передать вам прогноз, который мне принесли. — Взяв листок с одной из стопок, он начал читать вслух.

Из обобщенных фактов, говорилось в прогнозе, можно сделать вывод, что между моментом, когда Империя узнает точные координаты госпиталя, и прибытием ее кораблей возникнет известный временной разрыв. Вероятно, пробным шагом будет разведка, которой постараются помешать крейсера мониторов, расположившиеся вокруг госпиталя. Вне зависимости от успеха разведки следующим шагом Империи будет, скорее всего, мощная атака, на подготовку которой понадобится не один день. А к тому времени к мониторам подойдет подмога...

— Скажем, дней восемь, — произнес Скемптон, — а если повезет, то недели три. Но вот повезет ли?

— Спасибо, — поблагодарил Конвей и вернулся к работе.

Он подготовил инструкции для медиков на ближайшие шесть часов, особо оговорив необходимость быстрой, упорядоченной эвакуации, которая никоим образом не должна была превратиться в паническое бегство, и посоветовал лечащим врачам побеседовать со своими пациентами. В случае серьезного заболевания врачу предписывалось решить, как эвакуировать пациента — в сознании или под наркозом. Конвей упомянул также, что вместе с больными госпиталь покинет и часть медицинского персонала, а потому всем врачам и медсестрам следует ожидать сигнала на посадку. Он отправил этот документ на распечатку. Все, кого он касался, получают его примерно в одно и то же время. По крайней мере, подумал Конвей, такова теория. Однако, как он прекрасно знал, важные новости расходились по госпиталю в течение буквально нескольких минут.

Затем он взялся за инструкции по транспортировке пациентов. Теплокровных кислорододышащих можно было сажать в корабли на любом уровне, но вот существа, привычные к высокой силе тяжести, представляли собой некоторое затруднение, не говоря уж о МСВК и ЛСВО, вододышащих исполинах АУГЛ и прочих, в особенности — о дюжине существ с уровня тридцать восемь, которые дышали перегретым паром. По прикидкам Конвея, эвакуация пациентов займет пять дней, персонала — еще два; действовать придется быстро, следовательно, санитары должны будут проходить через уровни с чужеродной средой, и тут возможны кислородное загрязнение хлорных палат, утечка хлора и проникновение его в отделение АУГЛ и затопление всего госпиталя водой. Нужно будет принять меры, чтобы не отказали холодильники метановых форм жизни, не поломались антигравитаторы хрупких ЛСВО и не лопнули скафандры илленсанов. Но главная опасность — отравление, отравление кислородом, хлором, метаном, водой, холодом, жарой или радиацией. Во время эвакуации обычные системы безопасности — герметичные люки и шлюзы, устройства наблюдения и тревоги — будут работать с немалой перегрузкой. Необходимо также проверить

корабли: в точности ли воспроизведены в них условия обитания того или иного вида.

Неожиданно и сразу мозг Конвея отказался от дальнейших размышлений на эту тему. Конвей зажмурился и опустил голову на ладони: видимый мысленным взором стол медленно расплылся и канул в красноту. Все, хватит! Он терпеть не мог бумажной работы, но с тех пор, как получил этланское задание, только ею и занимался: отчеты, доклады, сообщения, инструкции... В конце концов, он врач или канцелярская крыса? Если второе, то стоило ли для того столько лет изучать медицину!

Он встал, хрипло извинился перед полковником и вышел из кабинета. Ноги сами собой понесли его к палатам. Там как раз произошла смена персонала, а до кормежки пациентов оставалось всего полчаса; обыкновенно в такое время старшие врачи обходов не затевали. Паника, которую вызвало его появление, при иных обстоятельствах показалась бы Конвею забавной. Он вежливо поздоровался с дежурным интерном и слегка изумился тому, что им оказался тот самый крепеллианский осьминог, который начинал стажироваться у него два месяца назад, потом ощутил раздражение — АМСЛ попросил разрешения сопровождать ему при обходе. Так поступали все младшие врачи, но в тот миг Конвею хотелось остаться наедине со своими пациентами и мыслями. Особенно он рвался встретиться и поговорить с порой загадочными и всегда удивительными инопланетными пациентами-новичками, ибо все существа, которых он лечил до отлета на Этлу, давным-давно уже выписались из госпиталя. Он не стал изучать истории болезней, ибо испытывал сейчас неодолимое отвращение к печатному слову, а принялся подробно, где-то даже жадно, выпрашивать их о симптомах заболеваний, условиях обитания и происхождения. Некоторые больные были польщены вниманием старшего врача, у других его настойчивое любопытство вызвало обеспокоенность. Но он не мог вести себя иначе. Он хотел быть врачом. Хотел лечить инопланетян...

Космический госпиталь разваливался на глазах. Огромная, сложная система, предназначенная для облегчения мучений страждущих и развития ксенологической медицины, погибала, умирала подобно больному, который не в

силах больше сопротивляться терзающей его хвори. Завтра или послезавтра палаты начнут пустеть. Пациентов с их экзотическими физиологией, метаболизмом и жалобами будет становиться все меньше. Конструкции, которые служили им койками, приткнуться к стенам печальными сюрреалистическими призраками. А с уходом пациентов и медиков отпадет необходимость поддержания жизненных условий, станут не нужны трансляторы и физиологические ленты, которые позволяли одному инопланетянину лечить другого. Но полностью крупнейший госпиталь галактики не умрет — по крайней мере не в ближайшие недели. Мониторы не имеют опыта звездных войн, но уверены, что знают, чего ожидать. Потери в экипажах звездолетов будут весьма значительными, а среди раненых, как можно предсказать заранее, будут пострадавшие от декомпрессии, облучившиеся или переломавшие кости. Под их размещение следует выделить два или три уровня, ибо если стороны применяют ядерное оружие — а с чего бы им его не применить? — больше места не понадобится: ни о какой переполненности палат не возникнет и речи. Эвакуация будет продолжаться и после атаки имперских сил обязана продолжаться. Конвей не причислял себя к тактикам, однако не представлял, каким образом можно защитить от врага громадный госпиталь. Скорее, его используют как наживку. Огромная металлическая гробница...

Внезапно на Конвея в некоем едином порыве нахлынули разнообразные чувства — горечь, печаль, злость. Он зашатался под их наплывом. Кое-как покинув палату, он побрел по коридору, не зная, чего ему сильнее хочется — заплакать, выругаться или кого-нибудь поколотить. Впрочем, решение оформилось как бы само собой: свернув за угол у отделения ПВСЖ, он столкнулся с Мэрчисон. Столкновение было не слишком ошутимым, но все же оно привело к тому, что направление мыслей Конвея резко изменилось. Он понял вдруг, что должен поговорить с Мэрчисон — по той же причине, которая повлекла его к пациентам. Быть может, они с ней видятся в последний раз.

— О... Простите; пожалуйста, — выдавил он, потом прибавил: — Утром я торопился, и мне было не до разговоров. Вы на дежурстве?

— Только что сменилась, — ответила Мэрчисон ровным голосом.

— О, — повторил Конвей. — А вы... были бы не против...

— Я не прочь искупаться, — сказала она.

— Чудесно, — воскликнул Конвей.

Они отправились на рекреационный уровень, переоделись и встретились на песчаном пляже. Шагая к воде, Мэрчисон сказала:

— Доктор, признайтесь, когда вы посылали мне свои письма, вам не приходило в голову вложить их в конверты и надписать мое имя и номер каюты?

— Чтобы все узнали, что мы с вами переписываемся? — пробормотал Конвей. — Я не думал, что вам этого захочется.

— Так или иначе, — заявила Мэрчисон сердито, — ваша хитрость себя не оправдала. У Торннатора три рта, и он просто не способен держать хотя бы один из них на замке. Ваши письма были прелестны, но вы могли бы писать их не на обороте листков с результатами анализов на мокроту!

— Извините, — виновато произнес Конвей. — Я больше не буду.

С этими словами к нему вернулось то мрачное настроение, которое исчезло было при появлении Мэрчисон. Да, подумал он, я больше не буду, не буду никогда. Ему показалось, что искусственное солнце над бухтой прежде было погорячее, а вода — холоднее. Даже плавание в условиях половины g почудилось бестолковым и утомительным занятием, словно его целиком поглотила притупившая все чувства усталость. Побарахтавшись минуту-другую на глубине, он выбрался на берег. Мэрчисон, которая последовала за ним, озабоченно поглядела на него.

— Вы похудели, — сказала она.

Первым побуждением Конвея было ответить: "А вы нет", но даже если эту фразу можно было принять за комплимент, то весьма сомнительного свойства, а он и без того ведет себя достаточно грубо, чтобы еще оскорблять девушку. Тут его озарило.

— Я забыл, что вы с дежурства, — проговорил он. — Как насчет того, чтобы заглянуть в ресторан?

— С удовольствием, — откликнулась Мэрчисон.

Ресторан располагался на макушке утеса. Сквозь прозрачную переднюю стену видны были уступы для ныряния и открывался замечательный вид на бухту, а всякий шум снизу поглощался специальным звуконепроницаемым покрытием. На всем рекреационном уровне только здесь можно было спокойно поговорить. Но сейчас названное преимущество тратилось впустую, потому что и Конвей и Мэрчисон молчали. Наконец девушка сказала:

— Похоже, у вас испортился аппетит.

— Вы когда-нибудь управляли космическим кораблем? — спросил Конвей.

— Я? Разумеется, нет!

— И не терпели аварии, — продолжал он, — когда навигатор потерял сознание? Представьте, что такое случилось. Вы сможете дать приборам координаты какой-либо из планет Федерации?

— Нет, — ответила Мэрчисон нетерпеливо. — Мне придется ждать, пока не очнется навигатор. Почему вы спрашиваете?

— Я задаю одни и те же вопросы всем своим друзьям, — угрюмо сказал Конвей. — Мне стало бы гораздо легче, если бы вы хоть однажды ответили “Да”.

Мэрчисон положила на стол вилку с ножом и нахмурилась. Как она хороша, подумал Конвей, даже когда хмурится. А в купальнике — особенно привлекательна. Что хорошо в этом ресторане — сюда пускают в купальных костюмах. Ему страстно захотелось воспрянуть духом и превратиться на ближайшую пару часов в галантного кавалера, в противном случае, хмыкнул он про себя, Мэрчисон вряд ли согласится на то, чтобы он проводил ее, а если и согласится, то наверняка постарается сократить клинч протяженностью в две минуты сорок восемь секунд до появления робота.

— Вас что-то тревожит, — Мэрчисон заколебалась, потом договорила: — Если вам нужна жилетка, чтобы выплакаться, то милости прошу. Но учтите — только чтобы выплакаться.

— А зачем еще? — справился Конвей.

— Не знаю, — улыбнулась девушка, — мало ли...

Конвей не отозвался на ее улыбку. Он завел речь о том, что его беспокоило. Когда он кончил, установилась продолжительная тишина. Конвей с грустью наблюдал за тем, как молодая, очаровательная девушка принимает решение, которое, скорее всего, будет стоять ей жизни.

— Пожалуй, я останусь, — сказала она, как Конвей и предполагал. — Вы ведь тоже остаетесь?

— Пока не решил, — ответил он осторожно. — До окончания эвакуации я, разумеется, никуда не денусь. А потом... Было бы ради чего оставаться... — Он предпринял последнюю попытку переубедить ее. — Вам негде будет применить свои познания. Зато в других госпиталях ваш опыт окажется неоценимым...

Мэрчисон выпрямилась, смерила его взглядом и произнесла деловитым тоном медсестры, беседующей с непослушным больным:

— Из ваших слов я поняла, что завтра вам предстоит тяжелый день. Поэтому вам нужно как следует выспаться. Будьте любезны отправиться в свою каюту. — Внезапно голос ее изменился. — Но если вы хотите меня проводить...

ГЛАВА XIV

После того, как план эвакуации госпиталя был приведен в действие, дела пошли более-менее гладко. Пациенты не доставляли никаких хлопот: для них покидать госпиталь было в порядке вещей, просто сейчас обстоятельства были слегка драматичнее обычного. А вот эвакуацию медицинского персонала рутинной процедурой назвать было трудно. Больные относились к пребыванию в госпитале как к неприятному и в общем-то малозначительному эпизоду в жизни, а для врачей, медсестер и санитаров он и был жизнью. Впрочем, в первый день персонал тоже не выкидывал коленца. Все беспрекословно повиновались распоряжениям, быть может, оттого, что к тому побуждали состояние протрации и привычка. На второй день протрация сменилась возбуждением, посыпались вопросы и возражения, и тяжелее всех пришлось, естественно, доктору Кон-

вею. На третий день он вынужден был связаться с О'Марой.

— В чем дело?! — повторил он вопрос главного психолога. — Да в том, чтобы заставить это... собрание гениев проявить хоть капельку разума! И ведь чем толковее, тем настырнее! Возьмите Приликлу: яичная скорлупа на ножках-спичечках, а себе туда же — желает остаться! Или доктор Маннон — почти диагност, а ведет себя ничуть не лучше остальных. Он утверждает, что лечение исключительно людей будет для него чем-то вроде отдыха. А прочие приводят совершенно фантастические доводы. Растолкуйте им, сэр. Вы же главный психолог...

— Три четверти медицинского и обслуживающего персонала, — отозвался О'Мара, — владеют информацией, которая в случае, если они попадут в плен, может пригодиться нашему врагу. Поэтому все они должны быть эвакуированы, неважно, кто они там — диагносты, компьютерщики или младшие санитары. У них нет выбора. Кроме того, определенное количество врачей прикреплено к пациентам на время перелета. Что касается оставшихся, разбирайтесь сами: они — взрослые, разумные, здравомыслящие существа, которым не требуется мое вмешательство.

Конвей недоверчиво хмыкнул.

— Прежде чем подвергать сомнению здравомыслие других, — сказал О'Мара, — ответьте-ка на мой вопрос. Вы остаетесь?

— Ну... — протянул Конвей.

О'Мара отключился.

Конвей долго глядел на интерком. Он все еще колебался. Он знал, что натура у него отнюдь не героическая, и его так и подмывало бросить все и бежать. Но он не мог покинуть своих друзей, ибо, если он улетит, а Мэрчисон, Приликла и прочие останутся, он не вынесет того, что они будут думать о нем. Быть может, они все считают, что он твердо вознамерился остаться и лишь притворяется, будто не собрался с мыслями, но на деле-то он просто трусит и лукавит перед друзьями, не желая признаваться в трусости.

Самобичевание Конвея прервал резкий голос полковника Скепмтона.

— Доктор, на подходе келгианский звездолет и грузовик с Илленсы. Будут оба через десять минут. Шлюзы номер пять и семнадцать.

— Хорошо, — сказал Конвей и, едва ли не выбежав из кабинета, устремился в Приемный покой.

Все три пульта управления были заняты: за двумя сидели нидиане, за третьим — лейтенант-монитор. Конвей расположился позади нидиан, откуда ему были видны оба обзорных экрана. Он уповал на то, что сумеет справиться с трудностями, которые непременно возникнут.

Келгианский корабль уже пришвартовался к шлюзу номер пять. Это был огромный межпланетный лайнер, временно переоборудованный под полевой госпиталь. Несмотря на то, что переделка была завершена не полностью, на звездолет поспешили перейти несколько врачей в сопровождении бригады ремонтников с роботами — проверить палаты и подготовиться к приему пациентов. А тех, в свою очередь, готовили к перемещению. Из стен безжалостно выламывалось необходимое лечебное оборудование. Часть приборов свалили кучей на самодвижущиеся носилки, и те покатались к шлюзу.

На первый взгляд операция представлялась совсем несложной. Атмосфера, давление и гравитация на корабле соответствовали заданным параметрам, поэтому дополнительной защиты не требовалось. Звездолет был достаточно большим для того, чтобы на нем разместились все пациенты-келгиане. Он заберет всех ДБЛФ и частично захватит тралтанов-ФГЛИ. Но в любом случае от начала загрузки до старта пройдет как минимум часов шесть. Конвей повернулся к другому экрану.

Изображение во многом напоминало предыдущее зрелище. Правда, илленсанский грузовик был меньше звездолета с Келгии, команда его была малочисленнее, а потому размещение пациентов на нем продвигалось довольно туго. Конвей отрядил туда на подмогу санитаров, подумав, что им повезет, если они смогут погрузить на борт шестьдесят ПВСЖ за то же время, какое понадобится экипажу первого корабля, чтобы очистить целых три уровня.

От невеселых размышлений его отвлек лейтенант, на пульте которого тоже вспыхнул экран.

— Корабль “скорой помощи” с Тралты, — доложил монитор. — Полностью оборудован для приема шести ФРОБов, чалдера и двадцати своих сородичей. Говорят, мер предосторожности не требуется.

Обитатели Чалдерскола, бронированные рыбоподобные АУГЛ с телом длиной в сорок футов, являлись вододышащими существами, которые могли находиться во всякой иной среде всего лишь несколько секунд. А классификация ФРОБ обозначала массивных толстокожих созданий, привычных к чудовищной гравитации Худлара. Дыхание как таковое у худлариан отсутствовало, а чрезвычайно прочная шкура позволяла им долгое время пребывать в условиях нулевой силы тяжести, так что поход через отделение АУГЛ вреда ФРОБам не причинит...

— Чалдера грузим из шлюза двадцать восемь, — сказал Конвей. — ФРОБы пускай пройдут через секцию ЭЛНТ в главный бассейн АУГЛ и к тому же шлюзу. Потом корабль должен будет перелететь к шлюзу номер пять...

Постепенно эвакуация набирала обороты. Грузовик с Илленсы принимал ПВСЖ, то возникавших, то пропадавших в заполнявших обзорный экран желтых клубах ядовитого хлористого дыма. Другой экран показывал медленно бредущую вереницу келгиан, вдоль которой сновали медики и ремонтники с оборудованием. Кому-то решение эвакуировать первыми выздоравливающих пациентов могло показаться нелепым, однако у Конвея были на то свои основания. Когда ходячие больные удалятся, в коридорах и шлюзах будет меньше толкотни, что позволит спокойно перевозить тяжелых пациентов; к тому же, чем дольше пробудут последние в госпитальных палатах, тем лучше.

— Еще два корабля с Илленсы, доктор, — сказал лейтенант. — Малой вместимости, примерно на двадцать больных каждый.

— Шлюз номер семнадцать занят, — проговорил Конвей. — Пусть подождут на орбите.

Потом прилетел звездолет с земной колонии Грегори. Людей в первоначальном смысле слова — больных людей — в госпитале было раз-два и обчелся, но грегорианский корабль мог взять на борт других теплокровных кислородо-

дышащих — только, разумеется, не тралтанов. Конвей принялся давать указания капитану, и тут принесли обед. Не прекращая распоряжаться, доктор с жадностью накуснул на еду.

Внезапно вспыхнул экран внутренней связи, и на нем появилось утомленное лицо полковника Скемптона.

— Доктор, вы не забыли про два илленсанских корабля на орбите?

— Нет! — огрызнулся Конвей, которого разозлил тон полковника. — На уровне хлородышащих нет дополнительных шлюзов, кроме семнадцатого, а через тот идет погрузка. Подождут.

— Не получится, — возразил Скемpton. — В случае вражеского нападения они окажутся под угрозой. Так что или принимайте их, или отправляйте обратно. Мне очень жаль.

Конвей раскрыл было рот — и тут же плотно сжал губы, проглотив то, что собирался сказать. Он попытался взять себя в руки и мыслить логически. Выведение боевых кораблей на позиции для отражения атаки займет не день и не два, а навигаторы, ответственные за операцию, улетят так скоро, как только будет возможно — на разведывательных звездолетах или вместе с пациентами. План мониторов предусматривал устранение из госпиталя всех, кто мог бы стать источником сведений о планетах Федерации. Боевым кораблям вменялось в обязанность защищать госпиталь и причаленные к нему звездолеты, а потому факт нахождения на орбите двух безоружных грузовиков довел, должно быть, командующего флотом мониторов до белого каления.

— Хорошо, полковник, — произнес Конвей. — Пускай швартуются к шлюзам пятнадцать и двадцать один. Хлородышащим придется миновать по дороге родильное отделение ДБЛФ и часть секции АУГЛ. С учетом всех осложнений пациенты будут на борту часа через три...

И впрямь — осложнения, подумал он, отдавая необходимые приказы. По счастью, и палата ДБЛФ, и тот закуток секции АУГЛ к тому времени, когда в них очутятся хлородышащие илленсаны, будут пустыми. Однако у соседнего шлюза грузятся на корабль с Грегори ЭЛНТ, ко-

торым помогают медсестры-ДБЛФ в скафандрах. А потом через хлорные палаты нужно будет провести птицеподобных МСВК...

В Приемном покое слишком мало обзорных экранов, решил вдруг Конвей, а потому полную картину происходящему получить невозможно. Он был уверен, что вот-вот допустить промах, который приведет к катастрофическим последствиям. И он его наверняка допустит, если будет пребывать в неведении. Надо взяться за дело самому. Он связался с О'Марой, объяснил ситуацию и попросил замену.

ГЛАВА XV

Сменил его доктор Маннон, который жалобно застонал, увидев экраны и множество мерцающих огоньков на пультах, а потом без лишних слов принял бразды правления. Лучшего сменщика Конвею и пожелать было трудно. Он повернулся, чтобы уйти, но тут Маннон чуть ли не прижался носом к одному из экранов и изрек:

— Угу!

— Что стряслось? — спросил Конвей.

— Ничего, ничего, — ответил Маннон, не оборачиваясь. — Теперь я понимаю, с чего вдруг вас потянуло туда.

— Я же вам объяснил! — воскликнул Конвей, топнул ногой и сказал себе, что Маннон совершает преступление, ведя бессмысленные разговоры в столь напряженное время. Потом ему подумалось, что пожилой доктор, наверно, устал или обзавелся очередной, на редкость зубодробительной мнемограммой, и ему стало стыдно за свою несдержанность. Он не ощущал вины за то, что срывал злобу на Скемптоне или на операторах у пультов, но вот друзей оскорблять не стоит — даже если он раздражен и утомлен, а кругом творится черт-те что. Однако за хлопотами раскаяние скоро забылось.

Три часа спустя Конвею показалось, что суматохи стало еще больше. На деле это объяснялось тем, что его личное участие помогло добиться желаемых результатов вдвое быстрее. Расположившись у входа в отделение АУГЛ, Конвей наблюдал за цепочкой ЭЛНТ — шестиногих, крабопо-

добных существ с Мелфа-4, — которые ковыляли или передвигались на носилках по дну огромного бассейна. В отличие от своих пациентов-амфибий мохнатые, дышащие воздухом санитары-келгиане вынуждены были облачиться в скафандры, внутри которых было, по человеческим меркам, жарко, как в преисподней. Через транслятор до Конвея долетали обрывки переговоров. Эвакуация продолжалась — и велась достаточно резво.

По коридору за спиной Конвея двигались илленсаны — в скафандрах или на каталках, поверх которых были натянуты специальные палатки. Их сопровождали люди и келгиане. Транспортировка шла гладко, словно полчаса назад Конвей и не переживал за возможность ее осуществления.

В заполненном водой отделении АУГЛ палатки раздулись как пузыри и всплыли под потолок. Тянуть их вдоль по коридору было небезопасно, поскольку они могли зацепиться за какую-нибудь трубу, а опускать вниз усилиями пяти-шести медсестер — неразумно. Конвей велел доставить с верхнего уровня самодвижущиеся носилки — не предназначенные, но годившиеся для работы под водой. Однако кожух аккумулятора носилок лопнул, и вокруг них немедленно образовался водоворот быстро темнеющей жидкости. Конвей ничуть не удивился бы, узнав, что с пациентом на тех носилках случился приступ. Ему удалось справиться с затруднением благодаря озарению, которому, как он подумал, следовало снизойти на него через две секунды после возникновения проблемы. Он перевел регуляторы искусственной гравитации в коридоре на “нуль”, и палатки тут же обрели прежние размеры. Правда, пациентам и медсестрам пришлось теперь плыть, но это уже были мелочи.

Именно разбираясь с ПВСЖ, Конвей выяснил причину сорвавшегося с уст доктора Маннона “Угу” — на этом уровне дежурила Мэрчисон. Она его не узнала, а он сразу отличил ее по тому изяществу, с каким она носила скафандр. Заговаривать с ней он, впрочем, не стал, сочтя обстановку неподходящей.

Иных кризисных ситуаций пока не намечалось. Келгианский звездолет у шлюза номер пять был готов к старту и дожидался лишь появления на борту кого-то из старших

врачей и корабля сопровождения. Вспомнив, что на нем улетают многие из тех, с кем он поддерживал приятельские отношения, Конвей решил воспользоваться временным затишьем и попрощаться с ними. Он вызвал Маннона, сообщил о своем намерении и отправился к пятому шлюзу.

Когда он добрался туда, келгианский звездолет стартовал. Конвей увидел его на видеоэкране, с крейсером мониторов на хвосте, а в глубине экрана сверкали подобно новоявленным звездам боевые корабли. Их размещение происходило строго по плану; со вчерашнего дня кораблей заметно прибавилось. Успокоенный и где-то даже потрясенный величественным зрелищем, Конвей двинулся в обратный путь. Придя на место, он обнаружил, что коридор закупорен растущим на глазах ледяным кубом.

На звездолете с Грегори имелась холодная палата для существ классификации СНЛУ. Это были хрупкие кристаллические создания, которые дышали метаном и незамедлительно испарились бы при повышении температуры до минус ста двадцати градусов. На излечении в госпитале находилось семеро таких пациентов, и всех их для перемещения на корабль поместили в охлаждаемый куб десяти футов в поперечнике. Из-за трудности их транспортировки они грузились на звездолет последними. Если бы в их палате был прямой выход в космос, тогда куб можно было бы подвести к кораблю по наружной обшивке, а так санитары вынуждены были тащить его через четырнадцать уровней к шлюзу номер шестнадцать. На всех прочих уровнях коридоры были просторными и заполненными воздухом, либо хлором, поэтому куб лишь покрывался инеем и понижал температуру в помещениях. Но в отделении АУГЛ он начал обледеневать.

Конвей знал, что подобное возможно, но не придавал значения, ибо по расчетам куб должен был находиться в воде какие-то секунды. Однако один буксирный канат лопнул. Инерция прижала куб к трубопроводу, и вскоре между ними возникла ледяная спайка. Теперь же куб обволакивал ледяной панцирь четырех футов толщиной, который грозил вот-вот окончательно запереть проход.

— Давайте сюда газовые резак! — крикнул Конвей Маннону.

Трое мониторов с резаками явились как раз вовремя: еще чуть-чуть и было бы поздно. Установив регуляторы на максимальное рассеивание, они атаковали ледяную глыбу, расплавили панцирь и попытались придать кубу более транспортабельную форму. Вода вокруг закипела. Ни у Конвея, ни у кого другого охладителей в скафандрах не было. Конвей начал искренне сочувствовать устрицам, которых варят в кипятке. Глыба то и дело норовила зажать кого-нибудь между собой и стеной, в полупрозрачной воде было легко потерять ориентировку и угодить под струю пламени. Но наконец со льдом было покончено. Куб с его семерыми обитателями выволокли через шлюз в соседнюю секцию. Конвей провел перчаткой по стеклу шлема в неосознанной попытке стереть пот со лба и призадумался над тем, какие новые каверзы его ожидают в будущем.

Ответ доктор Маннона гласил: никаких.

Маннон с энтузиазмом сообщил Конвею, что келгианский звездолет забрал ДБЛФ со всех трех уровней, и в госпитале остались только несколько медсестер. Три грузовика с Илленсы заканчивали погрузку ПВСЖ. Что касается вододышащих, АУГЛ и ЭЛНТ в порядке, а СНЛУ с их кубиком сейчас как раз принимают на борт. В общем и целом эвакуировано четырнадцать уровней, что не так уж и плохо. Доктор Маннон посоветовал доктору Конвею подложить под голову подушку и вздремнуть сколько получится, чтобы завтра быть бодрым и свежим. Конвей устало поплыл к внутреннему шлюзу, размышляя о бесконечно привлекательном сочном бифштексе и продолжительном сне, и тут его словно ударили чем-то тяжелым. Удар пришелся одновременно в три места — в живот, грудь и по ногам, то есть туда, где скафандр плотнее всего прилегал к телу. В глазах у него потемнело. Он перегнулся пополам, сознание отказывалось повиноваться, он жаждал умереть и отчаянно хотел, чтобы его стошнило. Однако в моменты просветления он понимал, что так поступать нельзя, и твердил себе, что рвота в шлеме скафандра — непозволительная роскошь...

Постепенно боль немного унялась и сделалась переносимой. Конвей по-прежнему чувствовал себя так, будто тралтан пнул его в пах всеми шестью ногами, но уже стал

замечать, что творится вокруг. Он услышал громкое бульканье и увидел трепыхающегося в воде келгианина без защитного костюма. Приглядевшись, он сообразил, что костюм в наличии, но порван и полон воды. Поодаль плавали двое других келгиан, их тела были распороты от головы до хвоста; по счастью, все остальное скрывала красноватая муть. У противоположной стены бассейна, в которой зияло неправильной формы отверстие, вода словно дрожала. Странное бульканье доносилось именно оттуда.

Конвей выругался. Ему казалось, он догадывается, что произошло. Предмет, проделавший отверстие, причинил тем, кто находился в бассейне АУГЛ, немалый вред из-за того, что вода не подвержена сжатию. А его самого и третьего келгианина спасло то, что они были в коридоре. Впрочем, спасло ли?..

На то, чтобы дотащить келгианина до шлюза, располагавшегося на расстоянии десяти ярдов от него, Конвею понадобилось три минуты. Он включил насосы, которые принялись откачивать воду, и одновременно стукнул кулаком по кнопке пневмоклапана. Потом подобрался к лежащему на боку у стены телу. Серебристый мех келгианина свалился в грязно-серые колтуны, пульса не прослушивалось. Конвей быстро улегся рядом, раздвинул третью и четвертую пару ног ДБЛФ, чтобы было куда надавить плечом, уперся в стену шлюза и начал ритмично двигаться вперед-назад. Обычный способ искусственного дыхания для ДБЛФ не годился. Через несколько секунд изо рта келгианина потекла вода.

Конвей замер: кто-то пробовал открыть шлюз со стороны отделения АУГЛ. Он схватил коммуникатор, но ничего не добился. Тогда он снял шлем, прижался губами к люку и крикнул:

— Здесь воздуходышащий без скафандра! Не открывайте шлюз, иначе вы нас утопите! Зайдите с другой стороны.

Пару минут спустя второй люк шлюза распахнулся, и Конвей увидел лицо Мэрчисон.

— Д-доктор Конвей... — проговорила девушка каким-то не своим голосом.

Конвей резко выпрямил ноги, ткнул плечом в брюхо келгианина поблизости от места, где у того помещались легкие, и спросил:

— Что?

— Я... Вы... Взрыв... — пробормотала она растерянно, потом оправилась и заговорила деловым тоном: — Произошел взрыв, доктор. Ранена медсестра ДБЛФ, в нее угодила напольная пластина; мы применили коагулянт, но боюсь, он не поможет. Коридор, в котором я ее оставила, заливают водой, которая, вероятно, вырывается из отделения АУГЛ. Воздушное давление слегка упало — наверно, пробита наружная обшивка, и отчетливо ощущается запах хлора...

Конвей застонал и бросил свои попытки оживить келгианина, но прежде чем он успел произнести хоть слово, Мэрчисон прибавила:

— Все доктора ДБЛФ эвакуированы. Ваш и остальные — медсестры и санитары.

Ну и ну, подумал Конвей, вставая, все сразу — и загрязнение среды, и декомпрессия. Раненую нужно срочно убирать из коридора, потому что, если давление упадет слишком сильно, люки разгерметизируются, а тому, кто не сумеет вовремя улизнуть, в случае такого исхода не позавидуешь. Отсутствие же квалифицированного врача-ДБЛФ означает, что ему придется впитать в себя келгианскую мнемोगрамму и выполнить операцию самому, а для этого надо сбегать в кабинет О'Мары. Нет, сначала следует взглянуть на пациента.

— Позаботьтесь об этом, сестра, — распорядился Конвей, указывая на расprostертую на полу тушу. — По-моему, он уже дышит самостоятельно, но массаж ему не мешает. — Он наблюдал за тем, как Мэрчисон легла на бок, поджала колени и уперлась обеими ногами в стену. Как ни неуместны были сейчас подобные мысли, он, глядя на нее, облаченную в деморализующе плотный защитный костюм, забыл на мгновение обо всех и всяческих пациентах, мнемोगраммах и эвакуациях. А потом капли воды на костюме девушки напомнили ему, что она тоже была в бассейне АУГЛ за несколько минут до взрыва, и внезапно он увидел мысленным взором ужасную картину — строй-

ное тело Мэрчисон, распоротое сверху донизу, как у тех двоих ДБЛФ...

— Между третьей и четвертой парами, а не пятой и шестой! — буркнул Конвей. А на языке у него вертелись совсем другие слова.

ГЛАВА XVI

Почему-то Конвей думал исключительно о последствиях взрыва, а никак не о его причине. Вернее, он отчаянно старался не думать о последнем, уверял себя, что произошла всего лишь мелкая авария, а не нападение на госпиталь. Но команды, доносившиеся из интеркомов на каждом пересечении коридоров, опровергали его самообман. По дороге к кабинету О'Мары Конвею пришлось пробираться сквозь многочисленную толпу, которая, разумеется, двигалась в направлении, противоположном тому, какое было нужно ему. Все ли они ощущают то же, что он — беззащитность, замешательство, страх перед новым взрывом, который вырвет опору у них из-под ног? Впрочем, куда он торопится? Ведь ракета может угодить как раз туда, куда он спешит...

Конвей принудил себя вступить в кабинет главного психолога размеренной походкой. Объяснив, с чем пришел, он поинтересовался у О'Мары, что, собственно, случилось.

— Семь кораблей, — ответил О'Мара, указывая Конвею на кушетку. — Охранение сперва решило, что они не представляют опасности, но просчиталось. В общем, все обошлось. Три удрали, а из четырех уничтоженных только один успел выпустить ракету — с химической боеголовкой, что весьма странно, потому что, если бы боеголовка была ядерной, от госпиталя не осталось бы и мокрого места. Мы не ожидали столь скорого их появления, и, признаться, они застали нас врасплох. Доктор, вам обязательно браться за этого пациента?

— Что? А, да-да, — отозвался Конвей. — Вы же знаете ДБЛФ. Любая резаная рана грозит им гибелью. У нас нет времени разыскивать врача, который прооперировал бы его за меня.

О'Мара фыркнул, проверил, как сидит шлем, и заставил Конвея лечь.

— То, что они напали на нас, яснее ясного говорит о том, какие чувства они испытывают по отношению к нам, — сказал он. — Однако вместо того, чтобы покончить с нами раз и навсегда, они применили химические боеголовки. Очень, очень странно. Между прочим, взрыв нам в известной степени помог: те, кто хотел остаться, остаются наверняка, а те, кого эвакуируют, наконец-то зашевелились. Дермод в восторге.

Дермодом звали командующего флотом мониторов.

— А теперь постарайтесь ни о чем не думать. Помогите, это вам вполне по плечу.

Особенно стараться Конвею не пришлось. Кушетка в кабинете О'Мары была такой мягкой, такой удобной. Он словно погружался в нее, утопал в ней...

Кто-то грубо толкнул его в бок. Послышался язвительный голос О'Мары:

— Здесь вам не спальня, доктор. Вот закончите со своим пациентом, тогда пожалуйста. В Приемном покое дежурит Маннон, да и вообще, госпиталь без вас не развалится, если только по нам не шарахнут атомной бомбой.

Конвей вышел из кабинета, ощущая в голове первые признаки раздвоения сознания. Мнемोगрамма представляла собой запись мозговой деятельности того или иного медицинского светила. Врач, который принимал ее, вынужден был фактически допускать в свое сознание другую личность. Мнемोगрамма передавала ему все воспоминания и весь опыт "донора", а отнюдь не одни лишь сведения медицинского характера. Редактировать мнемोगраммы и монтировать их было невозможно.

Впрочем, ДБЛФ были для человека не настолько чужими, как некоторые из тех существ, которые когда-то являлись "двойниками" Конвея. Хотя внешне они походили на гигантских серебристых гусениц, у них было много общего с землянами. Например, эмоциональное восприятие музыки, природы или сородича противоположного пола было у обоих видов почти тождественным. А нынешняя пациентка Конвея к тому же любила мясо, так что насчет салатной диеты можно было не волноваться. И какая раз-

ница; подумалось Конвею, если его пугает передвижение только на двух ногах, если он начала ритмично выгибать спину при ходьбе? Когда он добрался до опустевшего отделения ДБЛФ и вошел в операционную, куда перенесли пациента, одна половина его мозга отнеслась к Мэрчисон как к Мэрчисон, а вторая — как к очередной хилой самке ДБДГ.

Все было готово к операции, но Конвей не спешил приступить. Благодаря поселившейся в его сознании личности великого келгианского медика он сейчас искренне сопереживал больной, серьезность состояния которой не подлежала сомнению, и сознавал, что ему предстоят часы тяжелой и тонкой работы. В то же время он знал, что устал, что глаза его так и норовят закрыться, что ему требуется огромное усилие даже для того, чтобы пошевелить пальцем. Нет, ему надо отступить, иначе он просто-напросто прирежет пациентку...

— Мне нужен стимулятор, — проговорил он, подавляя зевок.

На мгновение ему показалось, будто Мэрчисон хочет возразить. На применение стимуляторов в госпитале смотрели косо. Использовать их разрешалось лишь в случае крайней необходимости. Однако затем она набрала шприц и сделала ему инъекцию — тупой иглой, да надавила так, словно стремилась проткнуть его насквозь. Конвею хватило и половины сознания, чтобы понять, что сестра не одобряет его поступка.

Инъекция подействовала почти незамедлительно. Конвей ощущал слабое покалывание в ногах, но зрение его вновь обострилось, и он почувствовал себя таким бодрым, как будто вышел из-под душа после десятичасового сна.

— А как другой? — справился он, разумея того ДБЛФ, которого оставил на попечение Мэрчисон в шлюзе отделения АУГЛ.

— Дыхание восстановилось, — ответила она, — но шок еще сказывается. Я велела перенести его в отделение тралтанов, там есть старшие врачи...

— Хорошо, — похвалил Конвей. Ему хотелось, чтобы она уловила, как он ей признателен, но расточать комплименты было некогда. — Пожалуй, начнем.

За исключением узкого тонкостенного черепа в теле ДБЛФ костей не было. Толстый слой подкожных мышц служил им средством передвижения и предохранял внутренние органы. С точки зрения существа, наделенного скелетом, подобная защита была далеко не достаточной. Другим уязвимым местом ДБЛФ являлась сердечно-сосудистая система: кровеносные сосуды располагались у самой кожи. Разумеется, густой мех подшерстка не мог уберечь их от разрыва, когда в тело келгианина вонзилась металлическая пластина с зазубренными краями.

Рана, которую многие инопланетяне сочли бы неопасной, для ДБЛФ могла оказаться смертельной.

Конвей оперировал медленно и осторожно: удалил наложенный Мэрчисон коагулянт, зашил крупные сосуды, а мелкие, любое прикосновение к которым могло окончательно их разрушить, изолировал. Он переживал за пациентку, ибо знал, что ее чудесный серебристый мех уже не будет таким, как прежде, — он пожелтеет и станет вызывать у самца-келгианина неодолимое отвращение. Раненая медсестра была весьма привлекательной особой, и для нее подобный исход обернется сущей трагедией. Конвей надеялся, что она не настолько горда, чтобы не прибегнуть к процедуре наращивания искусственного меха, который, конечно же, не обладал роскошным отливом настоящего, но все же смотрел лучше, чем гнусные желтые пятна...

Какой-то час назад самка ДБЛФ была бы для него всего лишь “еще одной гусеницей”, о которой его обязывала заботиться только профессия. Зато теперь он докатился до того, что волнуется за ее брачные перспективы. Да, с мнемограммой не соскучишься.

Наконец операция завершилась. Конвей связался с Приемным покоем, описал состояние пациентки, и принялся настаивать на срочной эвакуации. Маннон сообщил ему, что в данный момент происходит загрузка пяти или шести кораблей, причем почти все они имеют палаты для кислорододышащих, и назвал номера двух ближайших шлюзов. Он сказал также, что за исключением нескольких тяжелобольных все пациенты классов с А до Г улетели или вот-вот улетят вместе с медицинским персоналом той же классификации, который вынужден был подчиниться при-

казу О'Мары, хотя зачастую — с явной неохотой. Например, пожилого тралтана-диагноста, который, бедняга, владел собственной космической яхтой — в обычных условиях это, разумеется, несчастьем не было, — пришлось обвинить в попытке предательства, нарушения устава и подстрекательстве к бунту, поскольку он не соглашался покинуть госпиталь иначе, как под арестом.

Конвею подумалось, что с ним самим хлопот было бы куда меньше. Ему стало стыдно за такие мысли, он сердито помотал головой и взялся наставлять Мэрчисон относительно перевозки ДБЛФ на корабль. Путь к шлюзу пролегал через отделение АУГЛ, поэтому на каталку следовало установить специальную палатку, — ведь в том отделении имелся теперь прямой выход в космос. В огромном бассейне не осталось ни АУГЛ, ни воды — последнее из-за того, что ремонтировать секцию, для которой в будущем вряд ли найдется применение, было некогда. Пустая котловина бассейна, стенки которой высушены были космическим вакуумом, а водоросли, напоминавшие пациентам о доме, поникли и скукожились, произвела на Конвея угнетающее впечатление. Оно не рассеялось и тогда, когда скромная процессия, миновав три уровня хлородышащих, достигла очередной воздушной секции. Тут дорогу им пересекла компания ТЛТУ. Конвей обрадовался неожиданной передышке: сам он находился под действием стимулятора, но Мэрчисон от изнеможения едва не падала с ног. Ладно, решил он про себя, как только погрузим ДБЛФ, отправлю ее спать.

Семеро ТЛТУ передвигались на каталках, на ручки которых налегали санитары с потными, багровыми от напряжения, лицами. Каждый ТЛТУ помещался внутри защитной оболочки, температура в которой доходила до пятисот градусов и поддерживалась генератором, испускавшим пронзительный, бередящий душу вой. Исходивший от оболочек жар чувствовался даже на расстоянии в шесть ярдов. Если сейчас по госпиталю пальнут ракетой и одна из оболочек лопнет... Конвей не мог представить себе худшего способа умереть: быть сваренным заживо в клубах перегретого пара!

К тому времени, когда они передали ДБЛФ дежурному медику у шлюза, Конвей обнаружил, что глаза его так и

норовят уставиться в разные стороны, а ноги понемногу становятся ватными. Либо кровать, поставил он диагноз, либо новый укол стимулятора. Первый вариант показался ему более привлекательным, однако на плечо его вдруг легла чья-то рука. Он обернулся и увидел монитора в скафандре высокой защиты, от которого до сих пор веяло холодом космического пространства.

— Раненые, сэр, — проговорил монитор. — Через Приемный покой всюду идет эвакуация, поэтому мы причалили к шлюзу отделения ДБЛФ, но там никого нет, а кроме вас мне врачей не попадалось. Вы займетесь раненым, сэр?

Конвей открыл было рот, чтобы узнать, какие-такие раненые, но вовремя одумался. На госпиталь же напали! Атака была отбита, но без потерь, естественно, не обошлось. Офицера можно понять, однако если бы он знал, как Конвею досталось...

— Куда вы их поместили? — спросил Конвей.

— Они на корабле, — ответил монитор, уже спокойнее. — Мы решили не трогать их, пока не посоветуемся с врачом. Кое-кто... ну, я... в общем, пойдемте со мной, сэр.

Их было восемнадцать — раненых, выловленных в космосе после гибели звездолета. Скафандров с них снимать не стали, только откинули щитки шлемов, чтобы убедиться — жив человек или нет. Конвей насчитал три случая декомпрессии, остальное были переломы различной степени сложности и одна черепная травма. Признаков облучения он не выявил. Значит, война ведется чисто, если это слово применимо к такому грязному занятию...

Конвей ощутил нарастающее раздражение, но совладал с собой. Сейчас не время переживать над истекающими кровью или задыхающимися пациентами. Он выпрямился и повернулся к Мэрчисон.

— Мне нужен стимулятор, — сказал он, — операции затянутся надолго. Но сначала я сотру мнемोगрамму ДБЛФ и постараюсь найти помощников. А вы пока посмотрите, чтобы их вынули из скафандров и доставили в операционную пять отделений ДБЛФ. Потом отправляйтесь в постель. И, — прибавил он неуклюже, — большое вам спасибо. — Ничего другого он сказать не мог, ибо рядом с ним стоял монитор, и если бы Конвей излил Мэр-

чисон душу над телами восемнадцати тяжелораненых, офицер наверняка бы возмутился и правильно бы сделал. Но, черт его побери, он не работал бок о бок с Мэрчисон три часа подряд и чувства его не были обострены стимулятором...

— Если не возражаете, — произнесла Мэрчисон, — я бы тоже приняла стимулятор.

— Вы глупая девчонка, — тепло отозвался Конвей, — но я надеялся, что вы скажете что-нибудь подобное.

ГЛАВА XVII

На восьмой день от начала эвакуации в госпитале не осталось ни единого инопланетного пациента. Вместе с больными улетели почти четыре пятых персонала. Питание опустевших уровней было отключено, в результате чего сверхжесткие образования таяли и превращались в газ, а плотные или перегретые атмосферы сгущались и растекались по полам малопривлекательными на вид лужицами. С течением времени в госпитале появлялось все больше мониторов из инженерного отряда: они переоборудовали палаты в казармы, снимали пластины наружной обшивки и устанавливали излучатели и ракетные батареи. По мнению Дермода, госпиталю следовало защищаться самостоятельно, а не полагаться целиком и полностью на боевые корабли, которые, как выяснилось, не в силах создать вокруг него этакий непробиваемый заслон.

Где-то дней через двадцать пять госпиталь окончательно перестал быть самим собой и сделался мощной вооруженной военной базой, с колоссальными размерами и возможностями которой не мог соперничать и наиболее хорошо оснащенный крейсер флота мониторов. Вооружение базы подверглось проверке на двадцать девятый день, когда состоялась первая массированная атака противника. Она продолжалась три дня напролет.

Конвей сознавал, что у мониторов имелись веские основания для переоборудования госпиталя, но никак не мог с этим примириться. Даже после трехдневной атаки, на протяжении которой в госпиталь угодило четыре ракеты —

снова с химическими боеголовками, — его точка зрения не изменилась. Всякий раз, стоило ему только подумать о том, что грандиозное сооружение, призванное служить идеалам гуманности и медицины, превращено в средство уничтожения и губит то, что должно оберегать, Конвей приходил в раздражение, ему становилось грустно и противно. Порой он с трудом удерживался от того, чтобы не поделиться своими чувствами с окружающими.

С начала эвакуации прошло пять недель. Конвей обещал с Манноном и Приликлой. В главной столовой было немногочленно, за столиками мониторов в зеленой форме было гораздо больше, чем инопланетян, которых, впрочем, на сегодняшний день насчитывалось двести с лишним. Именно об этом и шел спор у Конвея с его друзьями.

— По-моему, — говорил он, — мы попросту бросаемся жизнями и разбазариваем медицинский опыт. Раненые, которые поступают в госпиталь, — сплошь мониторы и земляне. Иными словами, инопланетян-пациентов у нас не осталось, а потому следует разослать по домам и врачей. Включая присутствующих, — он с вызовом поглядел на Приликлу и повернулся к Маннону.

Тот отрезал кусок бифштекса, нацепил его на вилку и поднес ко рту. Поскольку у доктора Маннона появилась возможность стереть мнемogramмы ЛСВО и МСВК, мясо перестало вызывать у него отвращение. За прошедшие пять недель он заметно прибавил в весе.

— Для инопланетян, — проговорил он, — инопланетяне — мы с вами.

— Не сбивайте меня, — буркнул Конвей. — Вы понимаете, я возражаю против бессмысленного героизма.

— Но героизм почти всегда бессмысленен, — Маннон приподнял бровь, — и является весьма заразной болезнью. Мне кажется, в нашем случае первопричина — решение мониторов защищать госпиталь. Мы ощущали себя обязанными остаться и приглядывать за ранеными. По крайней мере некоторые из нас, или я ошибаюсь? Разумнее всего было бы, конечно, улететь, — продолжал Маннон, глядя не то чтобы на Конвея, но и не совсем в сторону, — и никто бы нас ни в чем не упрекнул. Но бывает так, что разумные, логически мыслящие существа, твои коллеги

или даже друзья начинают строить из себя героев. Они остаются тут из опасения, что приятели обвинят их в трусости, — такие, как они, скорее умрут, чем уронят себя, неважно — наяву или в фантазиях, в глазах близких или знакомых.

Конвей почувствовал, что краснеет, но промолчал.

Маннон неожиданно усмехнулся.

— А что, тоже своего рода героизм, — заявил он. — Если можно так выразиться, смерть от бесчестья. Оглянитесь-ка вокруг: героев здесь как собак нерезаных. И, вне сомнений, инопланетяне, — он искоса поглядел на Приликлу, — остались в госпитале по тем же причинам, что и люди. Кроме того, я подозреваю, им хочется доказать, что героизм — отнюдь не исключительная привилегия землян-ДБДГ.

— Понятно, — пробормотал Конвей. Лицо его горело. Ясно было, что Маннону известно: он остался в госпитале лишь из-за того, что иначе Мэрчисон, О'Мара и сам Маннон разочаровались бы в нем и стали бы его презирать. Да, а сидящий напротив Приликла, должно быть, читает его эмоции как открытую книгу. Никогда еще Конвею не было так скверно.

— Вы правы, — подал голос Приликла, аккуратно вонзая вилку в горку спагетти у себя на тарелке и помогая себе двумя жвалами, — если бы не пример ДБДГ, я бы улетел из госпиталя на втором корабле.

— На втором? — переспросил Маннон.

Приликла выразительно взмахнул макарониной.

— Во мне иногда проявляются зачатки храбрости.

Прислушиваясь к разговору, Конвей подумал, что честнее всего было бы признаться друзьям в собственной трусости; однако он догадывался, что подобное заявление приведет их в ненужное замешательство. Они наверняка разбирались в его характере и потому каждый по-своему пытались дать понять, чтобы он не слишком переживал. Кстати говоря, переживать действительно было глупо, поскольку транспортных кораблей больше не ожидалось, то есть оставшемуся персоналу госпиталя предстояло поголовно стать героями — по доброй воле или силою обстоятельств. Тем не менее, Конвею казалось несправедливым,

что почти все принимают его за мужественного, преданного идеалам врача, каковым он на самом деле не является.

Но прежде чем он успел что-либо сказать, Маннон круто сменил тему обсуждения. Он пожелал узнать, где находились доктор Конвей и медсестра Мэрчисон в четвертый, пятый и шестой дни эвакуации. Он утверждал, что оба вышеназванных лица пропадали из вида в одно и то же время, и принялся перечислять возможные объяснения — живописные, волнующие и едва ли вероятные физически. Вскоре к нему присоединился и Приликла, хотя сексуальное поведение двоих ДБДГ могло представлять для бесполого ГЛНО лишь академический интерес. Конвей отбивался, как мог.

И Приликла, и Маннон знали, что Мэрчисон и Конвей, наравне с сорока другими медиками, не выходили из операционных на протяжении едва ли не шестидесяти часов, поддерживая силы исключительно за счет инъекций стимулятора. Эти инъекции, естественно, не могли пройти бесследно, и потому Конвею, как и всем остальным, пришлось на трое суток, пока организм восстанавливался от истощения, улечься в постель. Некоторые врачи просто падали на пол, утомленные до такой степени, что готовы были умереть на месте. Их развозили по специальным палатам, где медицинские роботы делали им массаж сердца и искусственное дыхание и кормили через систему кровообращения.

Однако каким-то образом получилось, что Конвея и Мэрчисон не видели все эти три дня ни вместе, ни раздельно — то есть вообще.

Конвея спасла от незавидной участи допрашиваемого сирена тревоги. Он вскочил и ринулся к двери, следом пыхтел Маннон, а Приликла порхал впереди на своих полутрофированных крылышках, которые держали его в воздухе благодаря антигравитаторам.

Чтобы ни случилось — галактическая ли война, разверзнутся ли небеса или разразится ли новый всемирный потоп, подумал Конвей, направляясь к своим палатам, Маннон никогда не упустит случая зацепить кого-нибудь или пощекотать кому-нибудь нервы и прилипнет так, что не оторвешь. Поначалу склонность коллеги ко всякого рода

выдумкам и домыслам раздражала Конвея, но мало-помалу он сообразил, что Маннон тем самым лишний раз доказывает ему: мир не погиб, космический госпиталь — не столько сооружение, сколько состояние души — существует и будет существовать, пока в живых остается хоть кто-то из его зачастую эксцентричного, но толкового и квалифицированного персонала.

Когда Конвей добрался до палат, сирена — постоянное напоминание о том, что, быть может, ожидает их всех, — умолкла. Над двадцатью восемью занятыми койками были установлены кислородные палатки с генераторами воздуха — на случай, если в палату проникнет космический вакуум. Дежурные — тралтан, нидианин и четверо землян — торопливо облачались в скафандры. Конвей последовал их примеру, проверил герметизацию, но лицевой щиток опустить не стал. Он быстро осмотрел раненых, похвалил старшего санитаря-тралтана и отключил систему искусственной гравитации.

Перебои с питанием, которые были обычным делом, когда госпиталь подвергался нападению или отвечал на него огнем, могли привести к тому, что гравитация начинала прыгать от полутора к двум g , а с учетом того, что среди раненых большинство составляли пациенты с переломами, это было крайне нежелательно. Лучше было обойтись вообще без гравитации.

Теперь, после принятия всех доступных мер предосторожности, оставалось только ждать. Чтобы отвлечься от мыслей о том, что творится снаружи, Конвей ввязался в спор между тралтаном и нидианином относительно того, насколько оправдана модификация главного транслятора. Личные трансляторы были, так сказать, ответвлениями, дополнительными извилинами могучего электронного мозга, который осуществлял перевод с языка на язык и с момента окончания эвакуации практически бездействовал. Узнав о том, командующий флотом мониторов Дермод распорядился перепрограммировать неиспользуемые ячейки на решение тактических задач и проблем тылового обеспечения. Мониторы уверяли, что на качестве перевода это никак не скажется, однако санитары все же беспокоились. А вдруг, заявили они, все инопланетяне заговорят разом,

что тогда? Конвей хотел было заметить, что, по его мнению, все инопланетяне, а в особенности медсестры и санитары, говорят не переставая, поэтому опасность невелика, но не сумел придумать, как потактичнее выразить свою мысль.

Прошло около часа. Судя по всему, госпиталь пока находился в стороне от сражения. Дежурные сменились, прибыли трое тралтанов и трое землян. Старшей сестрой смены была Мэрчисон. Конвей совсем уже настроился было приятно побеседовать, но тут вновь завывла сирена. Атака закончилась. Он помог Мэрчисон выбраться из скафандра. Внезапно ожил интерком:

— Внимание, — донеслось из него. — Доктор Конвей, немедленнойдите к шлюзу номер пять.

Наверно, подумал Конвей, ранёный, которого боялись трогать. Но голос в интеркоме продолжил:

— Доктор Маннон, майор О'Мара, немедленнойдите в шлюзу номер пять.

Что там такое стряслось, удивился Конвей, что понадобилось присутствие двух старших врачей и главного психолога? Он ускорил шаг.

О'Мара и Маннон явились к шлюзу чуть раньше, поскольку в момент вызова были ближе к нему. В шлюзе их поджидал некто в скафандре высокой защиты со снятым шлемом. У незнакомца были седые волосы, вытянутое морщинистое лицо, жесткий рот; общее впечатление суровости сглаживалось необычайно безмятежным выражением карих глаз. Конвей слабо разбирался в знаках отличия, тем более, что до сих пор ему не доводилось общаться с монитором в звании выше полковника, но инстинктивно догадался, что видит перед собой командующего флотом Дермода. О'Мара отдал честь, ответ на его приветствие был столь же церемонен; Маннон и Конвей удостоились рукопожатия с извинением за то, что приходится здороваться в перчатках. Затем Дермонд перешел прямо к делу.

— Я убежден, что лишняя засекреченность только вредит, — сказал он. — Вы вызвались остаться в госпитале, чтобы лечить раненых, и потому у вас есть право знать, что происходит, будь эти вести хорошими или плохими. Поскольку вы возглавляете медицинский персонал землян

и, я надеюсь, представляете, как он себя поведет при тех или иных обстоятельствах, мне думается, вы определите сами, стоит ли делать общеизвестным то, что я вам сейчас сообщу. — Он поочередно окинул взглядом О'Мару, Маннона и Конвея и продолжил: — Вы знаете, что на госпиталь было совершено нападение, весьма удивительное по своим последствиям. Мы не потеряли ни единого человека, а вражеская эскадра полностью уничтожена. Похоже, они понятия не имели о боевом порядке... или о чем другом... Мы ожидали, что они будут лезть напролом, не обращая ни на что внимания... А получилась бойня. — Ни в голосе Дермода, ни в его взгляде не чувствовалось радости победителя. — Однако нам в какой-то степени повезло: обычно мы слишком заняты зализыванием собственных ран, чтобы заниматься поисками уцелевших врагов. Живых мы не нашли, но...

Он умолк. Двое мониторов вкатили в шлюз накрытые одеялом носилки. Дермод посмотрел на Конвея.

— Вы были на Этле, доктор, а потому сразу же поймете, к чему я клоню. Подумайте, кстати говоря, и о том, что наш противник не отвечает на вызовы по радио, отказывается вести переговоры, сражается поистине с фантастической яростью, но применяет только ракеты с химическими боеголовками. Впрочем, взгляните на это.

По знаку Дермода мониторы сдернули одеяло. Под ним оказались останки существа, которое было изуродовано настолько, что не поддавалось классификации. Однако одно можно было утверждать достаточно твердо: погибшее существо никогда не принадлежало к гуманоидам.

Боже, подумал Конвей с ужасом, безумие распространяется.

ГЛАВА XVIII

— Мы старались наводнить Империю нашими агентами с тех самых пор, как “Веспасиан” успел покинуть Этлу, — начал Дермод. — Нам удалось забросить восемь групп, в том числе одну — на центральный мир. Поэтому наши сведения относительно общественного мнения Империи и

формирующих его пропагандистских уловок вполне заслуживают доверия. Мы знаем, что события на Этле — то, что мы якобы сделали с несчастными этлантами — разожгли пламя всеобщей ненависти к нам, знаем и кое-что еще...

Имперское правительство, объяснил Дермод, обвинило Корпус мониторов во вторжении на Этлу. Оно заявило, что местных жителей под видом оказания им медицинской помощи безжалостно использовали в качестве подопытных кроликов, проверяли на них различные типы бактериологического оружия. В доказательство приводился тот факт, что буквально через несколько дней после отлета мониторов на Этле вспыхнули новые эпидемии. Подобную бесчеловечность невозможно было оставить безнаказанной, и император выразил уверенность, что народ поддержит решение, которое ему пришлось принять. А от разоблаченного агента захватчиков стало известно, что жестокость врагов не имеет предела. Их появлению на Этле предшествовало прибытие туда инопланетянина — глуповатого и безвредного существа, задачей которого было изучить оборонительную систему планеты, безвольного инструмента в руках свирепых мониторов, причем последние в переговорах с властями Этлы отрицали, что он послан ими и как-то связан с их гнусной деятельностью. Отсюда можно заключить, что они вовсе пользуются услугами инопланетных форм жизни, эксплуатируют их, ставят на них эксперименты, быть может, употребляют в пищу...

Их прибежище расположено в космосе, это одновременно военная база и исследовательская лаборатория, где творятся ужасы, подобные и даже превосходящие этланские. Агент захватчиков, у которого служба безопасности хитростью выудила пространственные координаты базы, признался, что его товарищи держат в плену значительное число инопланетян и разрабатывают все новые и новые способы устрашения и подчинения себе непокорных. Император объявил, что считает своей обязанностью покончить с омерзительной тиранией, однако оговорился, что вынужден полагаться только на имперские войска, ибо, к сожалению, между империей и теми инопланетянами, которые попадают под ее влияние, не раз происходили стыч-

ки. Но если кто-нибудь вызовется добровольцем, он с радостью примет его услуги.

— Это многое объясняет, — продолжил Дермод. — Они ограничиваются химическим оружием потому, что в их задачу входит не уничтожить госпиталь, а сделать его полностью хозяевами. Император должен узнать местонахождение планет Федерации. А упорство, с каким они сражаются, вызвано, очевидно, страхом попасть в плен, ибо для них госпиталь — космическая камера пыток. Последнее же бестолковое нападение было, вероятно, организовано инопланетными друзьями Империи — сорвиголовами, которых, скорее всего, не предупредили о наших средствах обороны. Естественно, их гибель на руку Империи: теперь те, кто колебался, воевать или нет, отбросят всякие сомнения. И пойдут в союзники Империи, — подытожил он мрачно.

Командующий флотом умолк. Конвей не стал ничего говорить потому, что читал имперские материалы, которые посылались Уильямсону, и знал, что Дермод ничуть не преувеличивает. О'Мара, обладавший доступом к той же информации, тоже хранил угрюмое молчание. Но доктора Маннона как прорвало:

— Что за вздор! — воскликнул он. — Они же все переврали! Наш госпиталь вовсе не камера пыток! Они обвиняют нас в том, в чем виноваты сами...

Дермонд притворился, будто не слышит, и сказал:

— Политическая ситуация в Империи нестабильна. При недостатке времени мы могли бы сменить нынешнее правительство на более лояльное к нам. Я думаю, население рано или поздно так и поступит. Но времени у нас нет. К тому же нам нужно предотвратить распространение войны вширь и вглубь. Если к Империи присоединятся инопланетяне, положение станет чересчур запутанным, чтобы можно было с ним справиться, а истинные причины развязывания военных действий утратят всякое значение. Время мы можем выкроить, если продержимся тут достаточно долго, а вот что касается второй задачи — будем надеяться.

Он надел шлем и принялся закреплять его, но лицевой щиток пока не опускал. Маннон задал вопрос, который давно вертелся у Конвея на языке, но он помалкивал из опасения, что его сочтут трусом:

— А вы уверены, что мы продержимся?

Дермод на мгновение замялся, выбирая, как видно, между успокоительной ложью и правдой.

— Хорошо оснащенная во всех отношениях база в форме шара является с тактической точки зрения идеальной для обороны. И потом, если враг проникнет внутрь, ее легко превратить в ловушку...

Останки доставленного Дермодом существа были переданы Торннастору, тралтану-диагносту и заведующему отделением патологии, который с жаром взялся за их изучение. Главный психолог отправился приводить в чувство тех, кто впал во временное безумие, а Маннон с Конвеем вернулись в свои палаты. Медицинский персонал откликнулся на сообщение о возможности нападения на госпиталь инопланетян двояко: здесь присутствовали и озабоченность тем, что война перестанет быть пустяковым конфликтом, и любопытство по поводу методов лечения раненых, принадлежащих к неизвестным опока видам.

Но, как ни странно, на две недели установилось относительное затишье. К госпиталю подоспела подмога: новые корабли мониторов выстреливали своих навигаторов в спасательных капсулах, которые должны были возвратить их домой, и занимали отведенные позиции. При взгляде через госпитальные иллюминаторы складывалось впечатление, что флот заслоняет небо, что госпиталь — центр огромного звездного скопления, где вместо звезд боевые звездолеты. Зрелище было впечатляющее и успокаивало даже маловеров, а потому Конвей старался смотреть в иллюминатор по крайней мере раз на дню.

Однажды, возвращаясь с очередного любования величественной армадой, он столкнулся в коридоре с группой келгиан. Столкнулся — и поначалу не поверил своим глазам. Ведь все келгиане-ДБЛФ эвакуированы, он лично проводил последнего из них, и на тебе — около двадцати гусениц-переростков! Он пригляделся к ним повнимательнее и заметил, что ни у кого из них нет обычных нарукавных повязок с эмблемой медицинского или обслуживающего персонала. Серебристый мех келгиан испещряли круглые и ромбовидные пятна красного, синего и черного цветов, то есть ДБЛФ были солдатами. Конвей помчался в кабинет О'Мары.

— Я как раз справлялся о том же, доктор, — проговорил майор, показывая на экран видеофона, — только не в столь оскорбительных выражениях. Сейчас попытаюсь связаться с Дермодом, так что усмерите свой пыл и сядьте!

Несколько минут спустя на экране появилось лицо Дермода.

— Империя тут не при чем, господа, — голос командующего был ровным, но в нем сквозило нетерпение. — Мы не могли не сообщить правительству Федерации о том, что у нас происходит, хотя о нападении инопланетян сочли возможным не упоминать. Но почему вы отказываете нашим инопланетянам в патриотических чувствах? Те, кто находится в госпитале, и те, которые улетели, поняли, что должны нам помочь. Что вас так встревожило?

— Но вы утверждали, что не желаете распространения войны! — воскликнул Конвей.

— Я их сюда не приглашал, доктор, — резко ответил Дермод, — однако поскольку они здесь, я охотно воспользуюсь их услугами. По сообщениям разведки, следующая атака может быть решительной...

Маннон, которому Конвей за обедом передал свой разговор с командующим флотом, потемнел лицом. Увы, сказал он Конвею, все хорошее быстро кончается; теперь ввиду очевидности поступления инопланетных пациентов придется снова вспомнить о мнемограммах. Приликла, который поглощал спагетти, заметил, как удачно, что медики-инопланетяне все же не покинули госпиталь, причем на Конвея он в этот момент не смотрел. Сам же Конвей отмалчивался.

Следующая атака, сказал Дермод, может быть решительной...

Нападение произошло спустя три недели, в течение которых не случалось ровным счетом ничего, за исключением прибытия в госпиталь добровольческого отряда тралтанов и прилета корабля с планеты, о которой Конвей никогда раньше не слышал и на которой обитали существа класса ХЦХЛ. Постепенно выяснилось, что в госпитале они впервые, поскольку лишь недавно вступили в Федерацию. Конвей на всякий случай приготовил для них маленькую палату, наполнил ее ядовитым туманом, который они именовали воздухом, и распорядился установить лам-

пы, светившие ослепительно голубым светом, от которого ХЦХЛ были в полном восторге.

Атака началась как-то нехотя. Конвей наблюдал за сражением на видеопанели. Враги наступали тремя клиньями, которые были перехвачены на дальних подступах к госпиталю. На экране видны были лишь три сверкающих пятнышка, из которых вырывались порой отдельные искорки — корабли, ракеты, торпеды и вспышки взрывов. Все перестроения совершались как будто бы медленно, но эта медлительность была обманчивой, ибо звездолеты маневрировали при минимуме пяти g , и только антигравитаторы спасали экипажи от участи быть размазанными по стенкам отсеков чудовищным ускорением, а ракеты набирали разгон до пятидесяти g . Огромные отражательные экраны, отводившие от кораблей известное число ракет и торпед, были невидимы, так же, как и захватные лучи, которые останавливали практически все реактивные снаряды, что сумели миновать защитные экраны. Впрочем, схватка была всего-навсего пробой сил, столкновением патрулей, прелюдией, увертюрой...

Конвей отвернулся от панели и направился на свой пост. Даже в мелких стычках без раненых не обходилось, да и, собственно говоря, нечего ему паяться в небо. Если уж на то пошло, в палатах он получит куда менее искаженное представление о ходе битвы.

В последующие двенадцать часов раненые прибывали тоненькой струйкой, потом, очевидно, дело приняло иной оборот, и струйка обернулась ручейком, а с начала сражения как такового словно хлынул потоп.

Конвей потерял счет времени, не замечал, ни кто ему помогает, ни сколько операций он уже проделал. Он чувствовал, что ему необходим стимулятор, чтобы руки не тряслись, а в голове прояснилось, но стимуляторы теперь были запрещены к применению вне зависимости от обстоятельств, поскольку у медиков забот хватало и без того, чтобы отхаивать своих перетрудившихся коллег. Поэтому Конвей работал так, хотя и сознавал, что не делает всего, что должен, а отвлекаться на еду и сон позволял себе лишь тогда, когда чувствовал, что у него нет сил держать в руке скальпель. Бок о бок с ним трудились то тралтан, то медик-монитор, то Мэрчисон — чаще, чем другие. Она

то ли не спала, то ли валилась на свою койку, в одно время с ним, то ли просто бросалась ему в глаза, когда он их разлеплял, тогда как прочих он практически не различал. Во всяком случае как правило именно она всовывала Конвею еду и уговаривала передохнуть и вздремнуть.

На четвертый день обороны ярость нападавших ничуть не ослабела. Захватные установки на внешней поверхности госпиталя стреляли почти без перерывов, и колебания в цепях заставляли тревожно мигать осветительные приборы. Действие оружия обеих сторон — отражательных экранов, первоначально — экранов метеоритной защиты, захватных установок и излучателей — основывалось на том же принципе, что и работа систем искусственной гравитации. Лучи захватных установок выметывались из стволов с ускорением в зависимости от узости фокусировки¹ до восьмидесяти g. Сначала толчок силой восемьдесят g, потом такой же рывок, и так — несколько раз в течение минуты. Разумеется, корабли перемещались, маневрировали, уклонялись от лучей, да и те не всегда попадали точно в цель, но когда попадали — срывали наружную обшивку, а малые звездолеты разносили на куски.

Имперские эскадры волнами накатывались на флот мониторов, прижимая его к госпиталю. Сражение велось только лучами захвата, потому что давать в такой сутолоке ракетные залпы было слишком рискованно. Вернее, риск сохранялся для кораблей, а стрельба по госпиталю ничем подобным не угрожала. Пол под ногами Конвея вздрагивал раз, наверно, пять или шесть, а ракеты все летели и летели.

При оперировании тех, кого удалось спасти с разрушенных вибрацией звездолетов, особого искусства не требовалось. У всех у них налицо были множественные переломы, кое у кого в теле не оставалось ни единой целой кости. Неоднократно, вырезая человеческую плоть из скаффандра, Конвей испытывал желание крикнуть: "Зачем вы притащили *это*?" Но *это*, тем не менее, было живо, а обязанность врача — сотворить чудо, но не допустить смерти пациента.

Конвей справился при помощи тралтана и Мэрчисон с очередным тяжелораненым и тут заметил, что в отсеке присутствует ДБЛФ. Он уже наловчился разбираться в

цветовых пятнах, которые обозначали у келгиан чины, а потому разглядел у вновь прибывшего символ принадлежности к медицинскому персоналу.

— Меня послали сменить вас, доктор, — сообщил ДБЛФ через транслятор. — Я имею опыт лечения ваших сородичей. Майор О'Мара просит вас подойти к шлюзу двенадцать.

Конвей наспех представил ему Мэрчисон и тралтана — в операционную как раз внесли еще одного раненого, и ДБЛФ предстояло сразу же включиться в работу, — а потом спросил:

— Зачем?

— Доктор Торннастор ранен, — пояснил келгианин, напыляя на щупальца пластик, который являлся для ДБЛФ эквивалентом перчаток. — Нужен кто-то, кто мог бы присмотреть за пациентом Торннастора и теми ФГЛИ, которых доставили к шлюзу двенадцать. Майор О'Мара советует вам побыстрее определиться с тем, какие вам понадобятся мнемोगраммы. И наденьте скафандр, доктор, — сказал ДБЛФ в спину Конвею. — На верхнем уровне падают давление.

Шагая по коридорам к шлюзу номер двенадцать, Конвей думал о том, что с начала эвакуации отделение патологии оказалось как бы не у дел, однако заведующий им диагност доказал свою полезность, взявшись за лечение собратьев ФГЛИ, а также ДБЛФ и землян. Те пациенты, которые попадали к огромному, вспльчивому, поистине гениальному тралтану, могли считать себя счастливыми. Сильно ли он ранен? Келгианин не сумел ответить на этот вопрос. Конвей мельком глянул в иллюминатор. Картина, запечатлевшаяся у него перед глазами, напомнила ему о рое светлячков. Внезапно его отшвырнуло к стене — в госпиталь угодила уже неизвестно которая по счету ракета.

У шлюза номер двенадцать Конвея поджидали двое тралтанов, нидианин, облаченный в скафандр ХЦХЛ и вездесущие мониторы. Нидианин объяснил, что корабль тралтанов развалился на части, но экипаж удалось спасти едва ли не целиком. Тяговые установки госпиталя подтянули звездолет к шлюзу, и теперь...

Нидианин вдруг залаял.

— Хватит! — прикрикнул на него Конвей.

Нидианин вздрогнул — и залаял снова. Несколько секунд спустя оглушительно заревели тралтаны, а ХЦХЛ зашвистел в радиофон скафандра. У мониторов, которые занимались переноской раненых внутрь шлюза, был откровенно озадаченный вид. На лбу Конвея выступил холодный пот. Еще одно попадание! Он не ощутил его, потому что ни за что не держался, но, похоже, знал, куда попала ракета. Конвей покрутил рукоятки транслятора, в бессильной злобе стукнул по прибору кулаком и прыгнул к интеркому. Но на какой бы канал он не переключился, всюду слышался вой, стоны, хриплый лай и пронзительный визг.

Конвей чуть было не оглох. Он увидел мысленным взором операционную, где ни келгианин, ни тралтан, ни Мэрчисон не понимают друг друга. Распоряжения, просьбы, советы — все смешалось в неразборчивый лепет, слилось в чудовищную какофонию. И так по всему госпиталю... Общаться между собой могли лишь представители одного и того же вида, и то не всегда. Среди землян, к примеру, имелись такие, кто не говорил на универсальном и пользовался транслятором даже в беседах с сородичами. Внезапно обостренный напряжением слух Конвея различил в шуме и гаме слова знакомого, родного языка. По всей видимости, ему повезло услышать переговоры мониторов: "Три торпеды, сэр, одна за другой. От главного транслятора ничего не осталось. Последняя торпеда взорвалась в компьютерном отсеке..." В интеркоме и рядом раздавались самые разные звуки. Конвею следовало бы сейчас провести предварительный осмотр раненых, решить, где их разместить, и проверить операционную отделения ФГЛИ, но все пошло прахом, ибо ни санитары, ни медсестры не поймут ни единого слова.

ГЛАВА XIX

Конвей долго — хотя, может статься, всего лишь пару-тройку секунд — не мог заставить себя оторваться от интеркома, а мыслями, которые одолевали его в тот миг, при иных обстоятельствах наверняка заинтересовался бы

главный психолог госпиталя. Однако он совладал с паникой, не бросился очертя голову прятаться, а принудил себя подойти к ФГЛИ, которых набилось в шлюз столько, что их можно было складывать штабелями. Знания Конвея в области физиологии тралтанов были весьма ограничены, но это его мало беспокоило, поскольку он в любой момент мог принять мнемограмму ФГЛИ. Вся сложность состояла в том, что нужно было действовать незамедлительно. У него никак не получалось сосредоточиться — мониторы желали знать, что произошло, а тралтаны, многие из которых были в сознании, оглашали воздух жалобными стонами.

— Сержант! — гаркнул Конвей и указал на ФГЛИ. — Палата четыре-Б, двести семидесятый уровень. Знаете?

Монитор кивнул. Конвей повернулся к своим помощникам-инопланетянам. С нидианином и ХЦХЛ у него ничего не вышло, сколько он не размахивал руками, и только когда он обхватил руками передние лапы одного ФГЛИ и грубо вывернул отросток, на котором у того помещались органы зрения, так, что глаза обратились в сторону двери, то сумел добиться хоть какого-то результата. В конце-концов ему, как он надеялся, удалось растолковать тралтанам, что они должны сопровождать раненых и разместить их в палате. Поскольку и пациенты и врачи принадлежали к классу ФГЛИ, особых проблем не предвиделось. О менее удачных раскладках Конвей старался не думать. Ему поручили что? Правильно, палаты Торннатора. Вот с ними он и будет разбираться.

О'Мары в его кабинете не оказалось. Исполнявший обязанности адъютанта Кэррингтон доложил, что майор пытается распределить пациентов и персонал по видам и что он хотел встретиться с доктором Конвеем, как только тот освободится. Кэррингтон сказал еще, что, раз системы связи или не работают, или содрогаются от нечленораздельных воплей, не будет ли доктор Конвей настолько любезен, чтобы зайти попозже или немного подождать.

Десять минут спустя Конвей вышел от О'Мары с мнемограммой и направился обратно в палату четыре-Б. У него уже был кое-какой опыт работы с мнемограммами ФГЛИ. Он чувствовал себя слегка не в своей тарелке от того, что передвигался на двух ногах вместо шести, а так-

же от того, что постоянно норовил вытянуть шею, чтобы посмотреть на движущийся предмет, вместо того, чтобы просто проводить его глазами. Но лишь очутившись в палате, он осознал, какой частью его сознания завладела мнемोगрамма! Он готов был немедленно бросить все и заниматься исключительно ранеными и подумал мимоходом, отчего медсестры-ФГЛИ в таком ужасе и почему он их не понимает. Что же касается медсестер-землянок — тщедушные, малопривлекательные создания, вечно суетятся и мельтешат под ногами!

Конвей приблизился к группе тщедушных созданий — впрочем, на взгляд человека, двое из медсестер были очень даже ничего — и сказал:

— Послушайте меня, пожалуйста. Мнемोगрамма ФГЛИ позволит мне приступить к лечению пациентов, но из-за поломки транслятора я не могу говорить ни с ними, ни с тралтанами-медиками. Поэтому вам, девушки, придется во всем мне помогать.

Они глядели на него широко раскрытыми глазами, их страх постепенно улетучился, потому что некто, наделенный властью, объяснил им, что нужно делать, пускай он и требует невозможного. В палате насчитывалось сорок семь ФГЛИ, причем восьмерых только-только привезли и их следовало осмотреть в первую очередь. Медсестер же было всего трое.

— С санитарями ФГЛИ вы теперь общаться не можете, — продолжил Конвей после секундного колебания, — но система медицинской нотации у нас с ними одна и та же, поэтому, я думаю, постепенно дело наладится. Разумеется, о схватывании с лета речи не идет, но вы должны растолковать им, что от них требуется. Машите руками, рисуйте, но прежде всего пользуйтесь своими прелестными головками.

Подсластил пиллюлю, подумал он с раскаянием. А как еще? Он ведь не психолог, не О'Мара...

Конвей прооперировал четверых раненых, и тут появился Маннен с очередным ФГЛИ на носилках. Пациентом оказался Торннастор. С первого взгляда становилось ясно, что тралтан-диагност обречен на продолжительное пребывание в неподвижности. Маннон кратко описал ранение Торннастора и свои действия, потом прибавил:

— Раз уж вы присвоили себе монополию на тралтанов, поразмыслите на досуге о послеоперационном уходе. Черт возьми, ваша палата — самая тихая во всем госпитале. Ну-ка, признавайтесь, чем вы их очаровали? Может, у вас припрятан действующий транслятор?

Конвей рассказал ему о своих попытках добиться взаимопонимания с инопланетянами.

— Не скажу, что перспектива обмениваться с медсестрами писульками во время операции особенно меня вдохновляет, — устало сострил Маннон, лицо которого посерегло от утомления. — Но, похоже, какой-то смысл в этом есть. Я позабочусь, чтобы все узнали о ваших происках.

Они переложили массивную тушу Торннатора на специальную опору, подобные которой служили койками для ФГЛИ в условиях невесомости. Маннон сказал:

— Кстати, я тоже принял мнемограмму ФГЛИ — ради Торни. Сейчас у меня на очереди двое ХЦХЛ. Я и знать не знал, что бывают такие твари, но О'Мара сумел где-то раскопать их мнемограмму. Придется влезть в скафандр: та дрянь, которой они дышат, способна прикончить кого угодно, кроме них самих. Они оба в сознании, так что, чувствую, хлопот не оберешься. -

Внезапно он ссутулился, уголки рта опустили книзу.

— Придумайте что-нибудь, Конвей, — проговорил он глухо. — В палатах вроде вашей, где пациенты и персонал принадлежат к одному виду, все не так плохо. Но в других, там, где смешались чуть ли не половина рас галактики, а врачи из-за ранений превратились в пациентов, творится суший ад.

Конвей знал, что госпиталь подвергается бомбардировке: металлическая наружная обшивка гудела так, словно кто-то с чрезмерным усердием колотил в гонг. Он старался не обращать на эти звуки внимания, ибо догадывался, сколь малоприятным могут быть последствия взрывов.

— Представляю, — буркнул он. — Но у меня и так работы по горло...

— Работы по горло у всех! — перебил Маннон. — Однако должен найтись кто-то сообразительнее остальных!

Что ему от меня нужно, подумал Конвей, глядя в спину Маннону, потом отвернулся и занялся следующим раненым.

Последние несколько часов в мозгу Конвея происходило нечто странное. Сначала возникло ощущение, будто он понимает, о чем говорят тралтаны-санитары. Он решил, что причиной тому — мнемограмма ФГЛИ, которая, будучи записью мозговой деятельности медицинского светила тралтанов, снабдила его сознание множеством сведений относительно манеры речи шестиногих исполинов. Раньше он ничего подобного не замечал — может статься, из-за того, что ему никогда не доводилось лечить одновременно столько тралтанов, да и транслятор всегда был под рукой. А сейчас создались благоприятные условия для того, чтобы мнемограмма ФГЛИ больше, чем обычно, потеснила в его мозгу человека. Какой-либо борьбы за верховенство при столкновении двух личностей не наблюдалось. Все случилось как бы само собой, поскольку Конвей вынужден был много размышлять по-тралтански. Когда к нему обращались люди, он принуждал себя сосредоточиться, иначе же воспринимал их слова как бессвязный, невразумительный лепет. А ФГЛИ он понимал все лучше и лучше.

Разумеется, до совершенства было еще далеко. Прежде всего, слоноподобные уханья и завывания достигали разума ФГЛИ, поместившегося в сознании Конвея, через человеческие уши, что приводило к неизбежным искажениям. Звуки сливались друг с другом, но все-таки он частично разбирал их, из чего следовало, что он обзавелся собственным, пускай слабеньким, транслятором, который, правда, действует лишь в одном направлении. А в одном ли? Готовясь к операции, Конвей попробовал ответить санитарам. Его второе «я»-ФГЛИ знало, как произносить слова, сам он, разумеется, умел управляться со своей артикуляцией, а голос землянина, к тому же, признавался в галактике едва ли не самым гибким и универсальным инструментом. Конвей глубоко вздохнул и открыл рот.

Первая попытка провалилась с треском. Она закончилась приступом кашля и всеобщим беспокойством в палате. Но с третьей он сумел кое-чего добиться — санитар-тралтан откликнулся на его просьбу! Остальное было делом времени. Лечение пошло намного быстрее, и шансы пациентов на благоприятный исход резко повысились. Медсестры-землянки почтительно прислушивались к дико-

винным звукам, которые вырывались из горла Конвея, однако, похоже, ситуация казалась им не столько напряженной, сколько потешной.

— Так, так, — изрек знакомый голос за его спиной, — пациенты на седьмом небе от счастья, а добрый доктор поддерживает их дух, изображая из себя двуногое животное. Какой ерундой вы тут занимаетесь?

Конвей осознал, что О'Мара действительно зол, поэтому предпочел ответить на вопрос и проигнорировать вступительную фразу.

— Лечу пациентов Торннастора и несколько вновь прибывших, — доложил он. — С мониторами и ФГЛИ все в порядке, и я как раз собирался попросить у вас мнемограмму ДБЛФ для раненых келгиан.

— Я лучше пошлю к ним келгианского врача, — фыркнул О'Мара, — а о других позаботятся ваши медсестры. Позвольте напомнить вам, доктор Конвей, что в госпитале триста восемьдесят четыре уровня, что множество пациентов нуждается хотя бы в предварительном осмотре и лечении, которых не может получить, потому что персонал свистит, а они чирикают! В шлюзах и даже в коридорах с пробитыми стенами накапливаются раненые, а давление падает, и им там отнюдь не весело.

— Что вы от меня хотите? — перебил его Конвей.

О'Мара почему-то разозлился еще сильнее.

— Не знаю, доктор Конвей, — язвительно ответил он. — Я психолог. От меня сейчас толку мало, ибо большинство моих подопечных не понимает того, что я им говорю. А тех, кто понимает, я прошу придумать, как нам выбраться из этой заварухи. Но они слишком заняты своими палатами, чтобы беспокоиться о госпитале в целом. Они перекладывают ответственность на "важных шишек"...

— При данных обстоятельствах, — прервал его Конвей, — разумнее всего было бы спросить совета у диагноста.

Гнев О'Мары вполне объясним, подумал он, представляя себя на месте психолога, который не может ни выслушать пациента, ни поговорить с ним. Но за что майор сердится на него, ведет себя так, будто он, Конвей, где-то здорово напортачил?

— Торннастор не в счет, — произнес О'Мара, слегка понизив голос. — Вам, вероятно, было недосуг узнать, что двое других диагностов убиты. Что касается старших врачей, Харкнесс, Иркултис, Маннон...

— Маннон! Он не...

— Я полагал, вы знаете, — проговорил майор чуть ли не мягко, — он ведь находился всего через два уровня от вас, оперировал ХЦХЛ. Ракета раскроила стену, и кусок металла распорол ему скафандр. Тяжелая декомпрессия. Вдобавок, он успел наглотаться той отравы, которой дышат ХЦХЛ. Но жить будет.

Конвей только теперь сообразил, что затаил дыхание.

— Я рад, — сказал он.

— Я тоже, — буркнул О'Мара. — Из вышеперечисленного следует, что диагносты выбыли из строя в полном составе, а из старших врачей остались один вы. Так что будьте любезны как главный медицинский чин на текущий момент сообщить мне, что вы намерены делать.

Он выжидательно уставился на Конвея.

ГЛАВА XX

Конвей мысленно упрекнул себя в наивности: он-то считал, что после поломки главного транслятора ничего хуже быть просто не может. Сама мысль о том, чтобы взвалить на свои плечи такой груз, пугала его чуть ли не до смерти. Впрочем, ему вспомнились времена, когда он мечтал о том, что станет когда-нибудь начальником космического госпиталя и будет распоряжаться всей деятельностью, которая имеет отношение к медицине. Однако в мечтах госпиталь отнюдь не виделся ему умирающим гигантом, парализованным из-за отсутствия связи между жизненно важными органами; он и не предполагал, что вокруг развернутся боевые действия, места хворых пациентов займут раненые, а медиков будет катастрофически не хватать. Но, пожалуй, признал Конвей грустно, нынешнее положение дел — единственный случай для врача, вроде него, сделаться начальником госпиталя. Он не лучший из достойнейших, он всего лишь последний, кто уце-

лел. Чувства его были смешанными: страх, раздражение, гордость; ему предстояло командовать госпиталем до конца его — или своих дней.

Конвей огляделся, посмотрел на ровные ряды коек, на деловитых санитаров и медсестер. В том, что в палате царит порядок, несомненно, его заслуга, однако, он начал понимать, что пытался спрятаться за хлопотами о тралтах, пытался уйти от ответственности.

— У меня есть одна идея, — сказал он О’Маре, — но она вряд ли вам понравится, поэтому я и предлагаю пойти в ваш кабинет, чтобы вы своими громогласными возражениями не потревожили раненых.

О’Мара пристально поглядел на него. Когда майор заговорил, обнаружилось, что его голос обрел обычные саркастические нотки:

— Учтите, доктор, ко всем вашим идеям я испытываю предубеждение, потому что мой дисциплинированный раскусодок не приемлет их дикости.

По дороге они встретили группу высокопоставленных офицеров-мониторов. О’Мара сообщил Конвею, что это посланцы Дермода, которым поручено подготовить помещения для размещения штаба. Пока Дермод командовал флотом с “Веспасиана”, но, едва не разлетевшись на куски заодно с “Домицианом”, решил не искушать судьбу.

— Моя идея была не слишком привлекательна, — заявил Конвей, войдя в кабинет главного психолога. — Встреча с мониторами натолкнула меня на другую. Что, если мы попросим Дермода одолжить нам корабельные трансляторы?

— Не пойдет, — О’Мара покачал головой. — Я уже думал об этом. Трансляторы того типа, который нам нужен, имеются лишь на больших кораблях и являются тем элементом, удаление которого превратит звездолеты в небоеспособные единицы. Кроме того, нам понадобится как минимум двадцать таких компьютеров, а крейсеров же осталось куда меньше. А какая глупость пришла вам на ум сначала?

Конвей пустился объяснять. Когда он умолк, О’Мара добрую минуту рассматривал его, не произнося ни слова, потом сказал:

— Считайте, что я категорически возражаю. Что, если вам так хочется, я прыгаю по столу, стучу ногами и тому подобное. Откровенно говоря, если бы не усталость, я бы именно таким образом и поступил. Вы сознаете, во что норовите меня втравить?

Откуда-то снизу скрежещущий звук. Конвей невольно вздрогнул.

— Думаю, что да, — ответил он. — Неудобство, сумятица в мыслях... Но я надеюсь более или менее избежать побочных эффектов за счет того, что позволю мнемограмме завладеть моим сознанием до тех пор, пока это будет необходимо, а затем подавлю ее и стану переводить. Так оно и было с мнемограммой тралтанов, и я не вижу, почему та же самая уловка не должна сработать с ДБЛФ или кем-то еще. Язык ДБЛФ сравнительно прост, во всяком случае, мне кажется, что стонать по-келгиански будет проще, чем ухать по-тралтански.

Конвей рассчитывал, что не будет подолгу задерживаться в той или иной палате — лишь настолько, насколько окажется необходимым для разрешения проблемы перевода. Некоторые звуки инопланетной речи воспроизвести горлом будет трудновато, но он собирался попутно использовать кое-какие музыкальные инструменты. И потом, разве он единственный обратится в ходячий транслятор? Разве среди инопланетян и землян не найдется таких, кто согласится принять одну-две мнемограммы? Возможно, многие из них сделали это, но не догадались попробовать себя в качестве переводчиков. Язык Конвея едва поспевал за стремительно мчавшимися мыслями.

— Минуточку, — перебил О'Мара. — Вот вы рассуждаете о том, что мнемограмма завладеет вашим сознанием, потом вы ее подавите, заставите слушаться себя и так далее. Ну а если у вас не получится? Помнится, раньше вы работали только с двумя мнемограммами одновременно, а сейчас рветесь взять сразу несколько. — На долю секунды он замаялся и продолжил: — Вы принимаете в себя запись воспоминаний и ощущений медика-инопланетянина. Она не стремится вытеснить вас из вашего сознания, но с перепугу вы можете решить, что так оно и есть на самом деле. Вы знаете, порой мнемограммы снимаются с весьма

агрессивных существ. С теми врачами, которые впервые берут, так сказать, пачку мнемোগрамм, происходят странные вещи. У них начинаются головные боли, кожные болезни и прочие расстройства организма; все они имеют психосоматическую основу, но доставляют человеку немало неприятных переживаний. Мощный интеллект способен совладать с подобными явлениями, но под мощью я разумею не голую силу, которой тут явно недостаточно, а силу в соединении с гибкостью и наличие своего рода якоря, чтобы вашей собственной личности было за что зацепиться. Предположим, я одобряю вашу авантюру. Сколько мнемোগрамм вам понадобится?

Конвей быстро прикинул в уме. Тралтаны, келгиане, мелфиане, нидиане, растения, с которыми он познакомился перед отлетом на Этлу, и те существа, чьим лечением занимался Маннон.

— ФГЛИ, ЛБЛФ, ЭЛНТ, нидиане-ДБДГ, ААЦП и ХЦХЛ, — сказал он. — Шесть.

О'Мара поджал губы.

— Я бы не возражал, если бы на вашем месте был диагност, — проговорил он. — Им не привыкать к разшестерению сознания. Но вы...

— Главный медицинский чин в госпитале, — перебил Конвей с усмешкой.

— Гм, — буркнул О'Мара.

В наступившей тишине слышны были человеческие голоса и разнообразные инопланетные звуки, проникавшие в кабинет из коридора. Должно быть, разговор велся на высоких тонах, ибо стены кабинета главного психолога считались звуконепроницаемыми.

— Ладно, — произнес майор, — попробуйте. Но мне совершенно не хочется потом лечить вас от шизофрении, которую вы наверняка заработаете. В наших условиях надевать на вас смиренную рубашку — непозволительная роскошь, поэтому я приставлю к вам сторожевого пса. Вас будет сопровождать ГЛНО. Вот вам и седьмая мнемোগрамма.

— Приликла!

— Да. Ему, поскольку он эмпат, в последние часы пришлось очень и очень несладко, а потому я вынужден был

дать нашему приятелю успокоительного. Но приглядеть за вами или даже помочь он сможет. Ложитесь.

Конвей улегся на кушетку, и О'Мара закрепил на его голове шлем. Затем майор заговорил, принялся задавать вопросы и сам на них отвечать. Конвей, заявил он, должен погрузиться в бессознательное состояние, должен проспять по крайней мере четыре часа. Быть может, прибавил психолог, он и затеял все это лишь для того, чтобы иметь возможность как следует выспаться. Ему, прибавил О'Мара, предстоит выполнить неимоверно сложную работу, от него потребуются, помимо того, чтобы быть одновременно семью существами, еще и находиться в семи местах сразу, так что сон доктору ни капельки не помешает...

— Я думаю, обойдется, — произнес Конвей, борясь с желанием закрыть глаза. — Выучив в палате несколько основных фраз, я передам их тамошнему персоналу и отправлюсь дальше. Ведь нужно только, чтобы они понимали, когда хирург просит скальпель или зажим, а когда говорит: "Сестра, перестаньте дышать мне в затылок"...

Последним, что Конвей слышал отчетливо, были слова О'Мары:

— Шути, сынок, шути. Чувство юмора тебе ох как пригодится...

Он очнулся в помещении, которое было слишком просторным и слишком узким, смутно знакомым и в то же время чужим. Отдохнувшим он себя не чувствовал. Под потолком, вцепившись в него шестью ножками-трубочками, висело крошечное, огромное, хрупкое, прекрасное, отвратительное существо, которое являлось кошмарным сном во плоти. Оно напоминало по виду клеллов, которыми он закусывал на дне своего озерца, и многое другое, в том числе такого же, как и он сам, обычного цинрусскина-ГЛНО. Существо затрепетало, уловив исходящее от него эмоциональное излучение. Ну, разумеется, цинрусскины — эмпаты. Вынырнув на поверхность сознания из водоворота чужих мыслей, воспоминаний и впечатлений, Конвей сказал себе, что пора приниматься за дело. Первое испытание он решил провести на Приликле, благо тот был рядом, и начал руться в памяти, отсеивая ненужные сведения и

подбираясь шаг за шагом к обретенному столь необычным путем знанию цинрусскианского языка. Нет, поправил он себя, не цинрусскианского, а своего родного. Он должен мыслить и чувствовать, как истинный ГЛНО. Вот как будто что-то намечается. Ох, ну и мерзость...

Он был цинрусскином, хрупким насекомоподобным существом из расы эмпатов, обитающей на планете с низкой гравитацией. Теперь он сознавал красоту пятнистого экзоскелета Приликлы, замечал юношеский отлив его полуатрофированных крылышек и то, как шевелились жвала собрата от волнения за него — него, Конвея. Ведь Конвей принадлежал к расе эмпатов и, если верить воспоминаниям, вел счастливый и здоровый образ жизни типичного ГЛНО, однако его эмпатические способности куда-то исчезли. Он видел Приликлу, но не воспринимал его эмоций; свойство, которое как бы окрашивало в разговоре в различные тона каждое слово, жест и мимику, позволяя двум цинрусскинам, находящимся в пределах видимости друг друга, получать неизъяснимое наслаждение, сейчас у Конвея начисто отсутствовало. Он помнил, что всегда умел устанавливать эмпатический контакт, но в действительности будто превратился к глухонемому. Человеческий же разум не обладал способностью к эмпатии, а потому в настоящий момент не в силах был чем-либо помочь ущемленному сознанию ГЛНО.

Приликла издал ряд щелчков. Конвей, который никогда раньше не обращался с ГЛНО без транслятора, понял, что коллега говорит ему: “Мне очень жаль” — и выражает искреннее сочувствие. Он попытался произнести подлинное имя Приликлы, которое лишь весьма приблизительно передавалось звуками универсального языка. С пятой попытки у него вышло нечто довольно-таки похожее на то, к чему он стремился.

— Отлично, друг Конвей, — похвалил Приликла. — Я не надеялся, что ваш замысел окажется успешным. Вы понимаете меня?

Конвей подыскал в голове необходимые звукоформы и осторожно проговорил:

— Да, благодарю вас.

Затем они попробовали обмениваться фразами посложнее, техническими терминами, медицинскими. Что-то у Конвея

получалось, что-то — нет. Тем не менее, с грехом пополам он теперь мог объясняться на пиджин-цинрусскианском. Внезапно из коммуникатора послышался человеческий голос:

— Говорит О'Мара. Вы уже проснулись, доктор, поэтому опишу вкратце наше положение. Атака продолжается, но враг слегка умерил свою прыть — вернее, ему помогли ее умерить наши добровольцы-инопланетяне. Среди них мелфиане, тралтаны и отряд илленсанов. Так что вам понадобится еще мнемोगрамма ПВСЖ. В самом госпитале... — Последовал подробный отчет о количестве и состоянии раненых с упоминанием номеров и местонахождений палат, а также о наличии медицинского персонала. — Решайте, с чего начать, и чем скорее решите, тем лучше. На случай, если вы чего-то не уловили, я повторяю...

— Не стоит, — сказал Конвей. — Я все запомнил.

— Прекрасно. Как вы себя чувствуете?

— Ужасно. Отвратительно. И — странно.

— То есть, — подытожил О'Мара, — стандартная реакция. До связи.

Конвей отстегнул ремни, удерживающие его тело на кушетке, и шевельнул ногами. Незамедлительно его обуял панический страх, поскольку многие из тех, кто помещался в его сознании, буквально не переваривали невесомости. Кое-как совладав с испугом, он вновь чуть было не лишился присутствия духа, когда выяснил, что его ноги почему-то не прилипают к потолку, как у Приликлы. Конвей пересилил себя и ослабил хватку, и тут заметил, что цеплялся за край кушетки бледным, дряблым отростком, ничуть не похожим на изящное жвало, какое рассчитывал увидеть. Справившись с очередным потрясением, он пересек помещение, выбрался в коридор и продвинулся по нему на расстояние в пятьдесят ярдов прежде, чем его остановили.

Санитар в зеленой форме Корпуса мониторов пожелал узнать, почему он встал с постели и из какой он вообще палаты. Выражался санитар цветисто и не слишком почтительно.

Конвей оглядел себя. Огромное, мясистое, омерзительно-розовое тело. Вполне приличное тело, уверил его голос

в мозгу, разве что немного худоватое. В довершение всего, вокруг отвратительного туловища, там, где от него отходили два нижних отростка, обмотана была белая тряпка, причем с какой целью — оставалось для Конвея загадкой. Тело выглядело нелепым и совершенно чужим.

О Господи, подумал Конвей, я же забыл одеться!

ГЛАВА XXI

Перво-наперво Конвей собрал в кают-компании госпиталя по одному представителю от каждой расы разумных существ. У интеркомов поставили часовых-мониторов, чтобы они никого не подпускали к приборам — если, разумеется, особо настырные и мускулистые инопланетяне не принудят их к тому силой. Теперь земляне могли свободно переговариваться друг с другом по системе внутригоспитальной связи. Потом инопланетян-представителей усадили за селектор, чтобы они принимали вызовы и переадресовывали их тем, кто поймет язык сообщения. Конвей потратил почти два часа — больше, чем в любом другом месте, — составляя для операторов список синонимов, который позволит им общаться между собой, пускай даже на примитивном уровне. Двое мониторов, специалисты по языкам, которые были переданы ему в помощь, посоветовали доктору снять мнемोगрамму со своего семязычного “розеттского камня”¹, чтобы ей могли воспользоваться остальные врачи. Эти лингвисты, заодно с Приликлой и радиотехником, сопровождали Конвея повсюду, куда бы он не направлялся, а время от времени к процессии присоединялись еще дежурные медсестры. Словом, доктор шествовал по госпиталю с пышной свитой, но был не в том настроении, чтобы радоваться подобному стечению обстоятельств.

Что касается медицинского персонала — он состоял из землян примерно наполовину, а вот среди раненых соотношение мониторов — инопланетяне — было уже тридцать к одному. На некоторых уровнях раненые мониторы зани-

---

1 Обломок скалы с текстом на нескольких языках. — *Прим. перев.*

мали целые палаты, а присматривали за ними медсестра-землянка да несколько тралтанов или келгиан. В таких случаях Конвей без особого труда налаживал общение между медиками и спешил дальше. Но бывало и так, что медсестры и санитары относились к классам ЭЛНТ или ФГЛИ, а подопечными их были ДБЛФ, ХЦХЛ и земляне; или земляне приглядывали за ЭЛНТ, или ААЦП — за всеми сразу. Проще и разумнее всего было бы объединить медсестер и пациентов одного вида, но это не представлялось возможным, поскольку либо состояние пациентов не позволяло перемещать их с места на место, либо не находилось медсестер той же классификации. И тогда задача Конвея бесконечно усложнялась. Вдобавок к хронической недостатке медсестер и санитаров он столкнулся с катастрофической нехваткой врачей. Пришлось вызвать О'Мару.

— Нам не хватает врачей, — сказал Конвей. — Мне кажется, можно разрешить медсестрам самим ставить диагноз и лечить раненых, а не ждать распоряжений от того, кто и так весь в делах и заботах. Раненые продолжают поступать, и я не вижу иного выхода, кроме как...

— Вы начальник, — перебил его О'Мара, — вам и решать.

— Хорошо, — отозвался Конвей. — И второе, Врачи осаждают меня просьбами, хотят принять по две-три мнемोगраммы в дополнение к той, с которой в данный момент работают. Да и девочки от них не отстают...

— Нет! — возразил О'Мара. — Я видел кое-кого из ваших добровольцев: они не годятся. Врачи, которые у нас остались — либо младшие интерны, либо офицеры медицинской службы Корпуса, или инопланетяне, явившиеся вместе с подкреплениями. Никто из них не имеет опыта работы с несколькими мнемोगраммами, так что все они спят в течение первого же часа. А что касается девочек, — прибавил он язвительно, — то вы, наверно, заметили, доктор, что землянки-ДБДГ обладают весьма любопытным складом ума. В частности, им присуща этакая мысленная привередливость с сексуальной подоплекой. Они могут произносить красивые слова, но ни за что не допустят в свои прекрасные головки каких-то там инопланетян. А ес-

ли такое все же произойдет, результатом будет серьезное мозговое расстройство. Мой ответ — нет. До связи.

Конвей возобновил обход. Мало-помалу он начал устанавливать — хотя перевод давался ему все лучше и лучше, сам процесс был крайне утомительным. А в минуты передышек он чувствовал себя так, словно в его сознании затеяли громкий спор семеро посторонних людей, причем его собственный голос возвышался над остальными отнюдь не часто. В горле у Конвея першило — не просто продолжительное время издавать чужеродные звуки; кроме того, он проголодался. Насчет утоления голода у всех семерых его личностей имелись различные идеи. Из-за боевых действий рационы в столовых госпиталя были существенно урезаны, поэтому Конвей немного затруднился с выбором блюд, какие бы не вызвали отвращения и тошноты у его вторых “я”. В конце концов он удовлетворился сэндвичами, которые сжевал с закрытыми глазами, чтобы не увидеть невзначай их начинки, и водой с глюкозой. Вода уstraивала всех.

Постепенно прием и размещение раненых были налажены на большинство используемых уровней — пускай медленно, но они осуществлялись. Теперь Конвею предстояло организовать переноску в палаты раненых, которые находились в коридорах возле шлюзов. Он двинулся было к ближайшему шлюзу, но его неожиданно остановил Приликла. ГЛНО заявил, что доктор Конвей устал, на что тот ответил, что устали все, включая самого Приликлу. Сути же прочих возражений Конвей с его ограниченными сейчас способностями к общению не уловил, а потому попросту отмахнулся от них.

Ситуация в шлюзе мало чем отличалась от положения внутри госпиталя. Правда, возникла дополнительная трудность — перевод приходилось вести через коммуникатор скафандра, который с завидным упорством искажал звуки. Зато перемещение от группы к группе, когда Конвей выбрался из шлюза в открытый космос, чтобы осмотреть раненых в обломках кораблей, притянутых к госпиталю лучами захвата, происходило моментально благодаря тем же лучам. Но внезапно взбунтовалась мелфианская частичка сознания Конвея: невесомость пугала ее и под защитой

стен, а снаружи повергла чуть ли не в безумие. Мелфинин, с которого сняли мнемограмму, принадлежал к классу ЭЛНТ, то есть был крабоподобной амфибией, проводившей большую часть жизни под водой, а потому ведать не ведал, что такое космос. Усилием воли Конвею удалось справиться со страхом, которым он был обязан мнемограмме ЭЛНТ и грандиозному зрелищу у себя над головой. О'Мара сообщил ему, что атака ослабевает, но, подумалось Конвею, более яростной схватки он еще не видел.

Флоты нападающих и обороняющихся сошлись вплотную. Из-за тесноты ракетных залпов друг по другу они уже не давали. Корабли чертили небо сверкающими искорками, кружились в диком, хаотическом танце. Их силуэты различались порой настолько отчетливо, что Конвею казалось — протяни руку и хватай удравшую от хозяина модель. Они сражались вместе и поодиночке, нападали, уклонялись, ломали строй, перегруппировывались и атаковали снова. Картина сражения зачаровывала, тем паче, что велось оно в полном безмолвии. Те ракеты, которые выпускались, нацелены были на госпиталь — мишень слишком крупную, что имело смысл рассчитывать на промах; о взрывах же можно было догадываться лишь по ударной волне. Корабли применяли лучи захвата, которые цеплялись за вражеские звездолеты, будто невидимые пальцы, и замедляли их движение, а потом пускали в ход виброустановки. Время от времени целая эскадра набрасывалась на одинокий корабль и в считанные секунды превращала его в груды металлолома. Иногда луч виброустановки поражал сначала систему искусственной гравитации и только потом — двигатель. Ускорение размазывало экипаж по стенам, и неуправляемый корабль выпадал из боя, а дальше его либо уничтожали, либо притягивали к госпиталю и искали на борту уцелевших. К тому же, металл мог пригодиться впоследствии.

Некогда гладкая и сияющая в свете звезд наружная обшивка госпиталя сейчас представляла собой нагромождение искореженных пластин, в которых зияли многочисленные отверстия с зазубренными краями. А поскольку ракеты зачастую попадали дважды или трижды в одно и то

же место — именно так и был поврежден главный транслятор, — ремонтники старались забаррикадировать эти отверстия всякими обломками, чтобы реактивные снаряды не сумели проникнуть вглубь. Конвей очутился поблизости от захватной установки в тот самый миг, когда луч подтягивал к госпиталю очередной подбитый корабль. На его глазах команда спасателей выскочила из-за прикрытия шлюза, обогнула корпус звездолета и пробралась внутрь. Возвратились они минут десять спустя и не с пустыми руками.

— Доктор, — обратился к Конвею старший команды, — по-моему, я чокнулся. Мои ребята говорят, что такой твари им до сих пор не попадалось. Они хотят, чтобы вы посмотрели на нее. Знаете, обломки все одинаковы. Сдается мне, мы выудили вражеский корабль.

Шесть из семи частичек сознания Конвея не содержали каких-либо воспоминаний о войне, так что седьмая, его собственная, оказалась в меньшинстве. Впрочем, этическая сторона вопроса может подождать. Конвей быстро огляделся и сказал:

— Доставьте его на двести сороковой уровень, палата семь.

Обзаведясь мнемोगраммами, Конвей был вынужден беспомощно наблюдать, как пациентов, состояние которых требует вмешательства по крайней мере старшего врача, оперируют усталые до изнеможения, но преисполненные рвения существа, не обладающие необходимой квалификацией. Они сделали все, что было в их силах, однако Конвея неоднократно подмывало оттолкнуть их и взяться за скальпель самому, но он сдерживался, напоминал себе и получал напоминания от Приликлы и остальных, что его обязанность — заботиться о госпитале в целом, а не об одном конкретном пациенте. Но теперь он чувствовал, что вправе забыть об организационных хлопотах и снова стать врачом. Раз такие существа прежде на лечение не поступали, требовать от О'Мары их мнемोगрамму бессмысленно. Даже если существо придет в сознание, положение не изменится, ибо система трансляторов мертва. Но Конвей не собирався отказываться от своего решения.

Палата семь примыкала к отделению, где келгианский врач с помощью Мэрчисон творил чудеса с ФГЛИ, ХЦХЛ и землянами, поэтому Конвей пригласил коллег присутствовать на операции. Он присвоил новоприбывшему раненому классификацию ТРЛХ, рассмотрев особенности его строения через прозрачный скафандр, который к тому же был очень гибким. Если бы он был жестче, раны пациента оказались бы менее серьезными, но тогда взрыв не перекрутил бы его, а разодрал на мелкие кусочки. Конвей посверлил в скафандре крошечную дырочку, взял образец воздуха и загерметизировал отверстие, а потом вложил колбу с образцом в анализатор.

— А я-то полагала, что хуже ХЦХЛ не бывает, — сказала Мэрчисон, когда он показал ей результат анализа. — Ну что ж, если надо, то воспроизведем.

— Да, пожалуйста, — ответил Конвей.

Они облачились в защитные костюмы, обычные скафандры для низкой гравитации, только их рукава заканчивались специальными перчатками, которые облегали руки словно вторая кожа. Подождав, пока палату заполнит смесь, которой дышал пациент, Конвей начал вырезать последнего из его скафандра. На спине у ТРЛХ имелся тонкий панцирь, который слегка загибался книзу и в известной степени предохранял брюхо. Четыре толстых односуставных лапы, голова с роговой оболочкой и четыремя манипуляторами, два глубоко посаженных глаза и два рта, из уголка одного из них струйкой стекала кровь. Должно быть, ТРЛХ несколько раз ударило о металлическую поверхность. Конвей насчитал шесть трещин в панцире, причем в одном месте кости проникли в плоть, и рана сильно кровоточила. Конвей просветил тело пациента рентгеноскопом и дал знак приступать. Не то чтобы он ощущал себя готовым к операции, но медлить было нельзя — ТРЛХ истекал кровью.

Расположение внутренних органов существа показалось диковинным и собственному сознанию Конвея, и сознаниям шести личностей, с которыми он делил свой мозг. Однако мнемोगрамма ХЦХЛ снабдила его сведениями о возможном метаболизме созданий, дышащих столь ядовитой смесью, мелфианская мнемोगрамма позволила определить

метод обработки лопнувшего панциря, а мнемोगраммы ФГЛИ, ДБЛФ, ГЛНО и ААЦП наделили Конвея дополнительным врачебным опытом. Впрочем, они не столько помогали, сколько мешали, то и дело кричали: “Осторожно!”, и тогда Конвей замирал в неподвижности, ибо руки ему не повиновались. Теперь он пользовался не только языковыми данными, и потому справляться с посторонним влиянием становилось все сложнее. На него нахлынули многообразные переживания, умопомрачительные ощущения, отвратительные кошмары. Они накладывались друг на друга, смешивались, сливались и образовывали нечто совсем уже невообразимое. Главное, твердил себе Конвей, не забывать, что это всего лишь мнемोगраммы. Но он смертельно устал и чувствовал, что его рассудок мало-помалу поддается инопланетному помешательству. Бесчисленные воспоминания накатывали на него приливной волной — стыдливые воспоминанья, в большинстве своем связанные с сексом, таким невероятным и чудовищно инопланетным, что Конвей едва сдерживал рвущийся из горла крик. Он сообразил вдруг, что стоит согнувшись, словно его пригибает к полу тяжелый груз. На локоть его легла рука Мэрчисон.

— Что с вами? — спросила девушка встревоженно. — Вам плохо?

Конвей покачал головой — молча, ибо не сумел подыскать нужных слов на своем родном языке, окинул ее взглядом и отвернулся, сохранив в памяти облик Мэрчисон, тот облик, в котором она виделась ему, а не келгианину, мелфианину или тралтану. Он заметил в ее глазах страх за себя и нашел в себе силы обрадоваться. Его порой тоже посещали довольно предосудительные мысли, которые тем не менее, были обычными человеческими мыслями, и вот сейчас он ухватился за них и овладел собой ровно настолько, насколько ему понадобилось, чтобы завершить операцию. Внезапно мозг его будто раскололся на семь частей, и он провалился в бездну семи различных преисподних. Он не запомнил того, что вытворяло в тот миг его тело, он не воспринимал окружающего и не сознавал, что Мэрчисон вытаскивает его из палаты. Девушка крепко обняла Конвея, не давая ему

шевелинуться, а Приликла, подвергая опасности свое хрупкое тельце, сделал другу укол, окончательно лишивший того сознания.

ГЛАВА XXII

Конвей очнулся под звонок интеркома в своей собственной, милой и до боли знакомой каюте. Он чувствовал себя отдохнувшим и голодным, голова была ясной, а на руке, которой он откинул одеяло, имелось, как и положено, пять розовых пальцев. Неожиданно он ощутил некую странность, которая на мгновение сбила его с толку. В госпитале было непривычно тихо.

— Чтобы избавить вас от необходимости приставать ко мне с расспросами, — донесся из интеркома усталый голос О'Мара, — скажу сразу: вы пробыли без сознания два дня. Атака закончилась, если быть точным, вчера на ранней вахте, и с тех пор не возобновлялась, так что у меня было время вдоволь налюбоваться на вашу героическую физиономию. Ради вашего же блага вас погрузили в гипнотический сон и стерли все воспоминания, поэтому можете не волноваться, что вечно будете испытывать ко мне чувство признательности. Как настроение?

— Отличное, — воскликнул Конвей. — Я не... Моя голова кажется мне такой просторной!

— Я бы мог ответить вам, что в ней у вас всегда просторно, — фыркнул О'Мара, — но, пожалуй, воздержусь.

Несмотря на то, что главный психолог старался говорить в своей излюбленной манере, по его голосу чувствовалось, что он устал до изнеможения. Однако, подумалось Конвею, О'Мара не из тех, кто устает, — скорее его при очень большом желании можно довести до умственного истощения...

— Командующий флотом назначил нам с вами свидание через четыре часа, — продолжал майор. — Явка строго обязательна, тем более, что ситуация такова, что вполне можно побездельничать. Лично я собираюсь вздремнуть. До связи.

Как обнаружил Конвей, провести четыре часа в ничегонеделании не слишком-то просто. В главной столовой

полным-полно было мониторов-стрелков, ремонтников, сменившихся с дежурства патрульных и медиков, которых прислали на подмогу гражданским врачам. Все они возбужденно переговаривались, возвращались к отдельным эпизодам атаки и пытались предугадать будущее. Из разрозненных обрывков фраз Конвей уяснил, что противнику удалось прижать корабли мониторов к самому госпиталю, но тут из гиперпространства вынырнула позади имперского флота эскадра илленсанов. Звездолеты Илленсы отличались громоздкостью, которая придавала им вид линкоров — пускай даже с вооружением, как у легких крейсеров; а потому внезапное появление ниоткуда десяти таких громадин посеяло среди врагов панику. Они отступили, чтобы перегруппироваться, а мониторы, которым перегруппировывать было практически нечего, занялись укреплением последней линии обороны, то есть госпиталя. Разговор за столиками касался Конвея ничуть не менее, чем любого другого, однако он не испытывал никакого желания присоединиться к нему, а вступить в беседу с немногими находившимися в зале инопланетянами не мог из-за того, что О'Мара стер из его памяти все мнемोगраммы, а следовательно, и познания в инопланетных языках. Медсестер же землянок монополизировали мониторы, и то сказать — ведь одна девушка приходилась на десять-двенадцать мужчин, что, впрочем, оказывало благоприятное воздействие на мораль обеих сторон. Конвей торопливо перекусил и сбежал, ибо начал сознавать, что ему тоже не хватает благоприятного влияния. Его мысли обратились к Мэрчисон. Где она, интересно, — на дежурстве, отдыхает или спит? Если спит, то ничего не поделаешь, а если на дежурстве, то он может освободить ее на сегодня от этой обязанности, а когда она сменится... Как ни странно, угрызения совести по поводу задуманного служебного преступления Конвея почти не мучали. В военное время, мелькнуло у него в голове, люди обращают гораздо меньше внимания на профессиональную, да и на всякую прочую этику.

Когда он отыскал Мэрчисон, выяснилось, что ее смена только что закончилась, так что злоупотреблять властью Конвею не пришлось. Тем же нарочито веселым голосом, какой был у многих посетителей столовой, откуда он удрал

из-за неестественности обстановки, Конвей спросил девушку, не занята ли она, предложил прогуляться и пробормотал какую-то банальность насчет дела и потехи.

— Занята... Потеха?... Я хочу спать! — воскликнула Мэрчисон, потом прибавила спокойнее: — Вы не... куда мы пойдем? Кругом сплошные развалины. Мне надо переодеться?

— Рекреационный уровень как будто цел, — ответил Конвей. — Зачем? Вы и так прелестно выглядите.

Форма медсестер, синяя облегающая блуза и брюки — обтягивающие, чтобы без проблем забираться и вылезать из скафандров, — на самом деле очень шла Мэрчисон, но вид у девушки был крайне утомленный. Она расстегнула и сняла широкий белый пояс с кармашками для инструментов, избавилась от шапочки и сетки для волос, и Конвей чуть было не зарычал в голос, но поперхнулся, ибо горло все-таки слегка побаливало. Мэрчисон рассмеялась, тряхнула головой и потеряла щеки, чтобы на них появился хоть какой-то румянец.

— Обещаете не задерживать меня допоздна? — спрашивалась она весело.

По дороге к рекреационному уровню не заводить разговор на профессиональные темы было попросту невозможно. Во многих отделениях госпиталя давление опустилось ниже критической отметки, поэтому рабочие уровни были переполнены пациентами. На них не нашлось бы такого коридора, который не был бы забит ранеными. Подобного поворота событий никто, к сожалению, не предвидел, поскольку никто, опять же, не ожидал, что враг применит оружие с ограниченной убойной силой. Если бы Империя использовала атомные боеголовки, не было бы переполнения, ни, разумеется, самого госпиталя. Конвей слушал рассуждения Мэрчисон едва ли вполуха, но ее, похоже, это не особенно волновало. Может статься, она его не слушала совсем. Когда они достигли рекреационного уровня, то увидели, что тот, хоть и уцелел, значительно изменился. Поскольку центр тяжести госпиталя располагался выше, та малая гравитация, которая здесь существовала, была направлена теперь вверх, и все то, что находилось в свободном состоянии, лепилось к потолку, где и создавало

полупрозрачный хаос замутненной песком воды и воздушных пузырей, а сквозь него проглядывало багровое искусственное солнце.

— О, как красиво! — проговорила Мэрчисон. — И успокаивает.

Освещение придавало ее коже некий теплый оттенок, который трудно было описать словами. Алые губы чуть разошлись, белизна зубов казалась как бы переливчатой, а большие глаза таинственно мерцали.

— Я бы, — заметил Конвей, — сказал “романтично”.

Они оттолкнулись от пола и медленно полетели по направлению к ресторану. Внизу проплывали верхушки деревьев, навстречу попадались клубы пара, которые срывались с поверхности нагретой солнцем воды, на руках и на лицах оседали капельки влаги. Конвей поймал Мэрчисон за руку, но скорости их немного не совпадали, поэтому они начали вращаться вокруг собственного центра тяжести. Конвей согнул локоть, притянул девушку к себе. Вращение ускорилось. Он обнял Мэрчисон за талию. Она было уперлась, но вдруг прильнула к нему всем телом и принялась жадно целовать. Он отвечал ей, а пустынный пляж, утесы и багровое водяное небо оказывалось у них то над головами, то под ногами.

Конвею подумалось, что даже если бы его тело не вертелось в воздухе, он все равно не избежал бы головокружения — от поцелуя. Они приземлились на утес и, смеясь, разжали объятия, а потом, цепляясь за искусственные растения, взобрались к ресторану. В помещении царил полумрак, под прозрачной крышей и балдахинами над многочисленными столиками висели водяные шары, точно гроздь неведомых инопланетных плодов, которые взрывались, стоило Конвею или Мэрчисон задеть ненароком тот или иной столик, а задевали они их достаточно часто. И вскоре зал ресторана заполнили сотни маленьких серебристых шариков, в которых отражались попеременно то Конвей, то его спутница. Ни дать, ни взять, мир грез, подумал Конвей, мир, в котором грезы становятся явью. В последнем можно было не сомневаться, ибо разве рядом с ним не парила смуглокожая и прекрасная медсестра Мэрчисон? Они аккуратно, чтобы не потревожить большие водяные

шары, сели за столик. Конвей, одной рукой держась за стул, другую положил на ладонь Мэрчисон и сказал:

— Я хочу поговорить с вами.

Она улыбнулась, но в ее улыбке сквозила легкая настороженность.

Конвей попытался заговорить, попытался высказать то, что столько раз произносил в уме, но тут же запутался и пустился изрекать что попало. Она такая красивая, сказал он, но она — глупышка, что осталась в госпитале. Он любит ее, желает ее и был бы счастлив, если бы сумел за эти месяцы загнать ее в угол и добиться столь нужного ему “да”. Но ему, сказал он, помешали обстоятельства. Он постоянно думал о ней, даже тогда, когда оперировал ТРЛХ, и именно эти мысли помогли ему продержаться до конца. А во время бомбардировки он переживал за...

— Я тоже беспокоилась за вас, — мягко перебила Мэрчисон. — Вы были везде и всюду, и всякий раз, когда в нас попадали... Вы всегда знали, что делать, и... и я боялась, что вы уработаетесь до смерти.

Она потупилась. У Конвея пересохло во рту.

— А когда вы занялись ТРЛХ, — прибавила она, — мне показалось, что со мной рядом диагност. О’Мара сказал, семь мнемোগрамм... Я... Я просила у него дать мне хотя бы одну. Но он отказал, потому что, — она замаялась, — потому что, по его мнению, девушки допускают в себя — ну, в сознание, — весьма избирательно.

— Насколько избирательно? — спросил Конвей хрипло. — Э-э... друзья не считаются?

Он невольно подался вперед и отпустил стул, и немедленно взмыл к потолку и врезался лбом в большущий водяной шар. Тот выплеснул всю свою воду ему в лицо. Конвей принялся отплеиваться и размахивать руками, и тут увидел *это*, грубый диссонанс в гармонии грез наяву. В углу полутемного зала штабелем лежали ракеты без боеголовок. На полу их удерживали специальные зажимы, а сверху была наброшена сеть — на случай, если зажимы лопнут при взрыве. Конвей извернулся, отыскал край сети и раскинул ее в воздухе подобием гамака.

— На лету как следует не поговоришь, — пробормотал он. — Иди сюда.

Быть может, сеть слишком уж напоминала паутину или в голосе Конвея прозвучало довольство хищника, наконец-то заманившего добычу в ловушку, но так или иначе — Мэрчисон заколебалась. Ее ладонь, которую он сжимал в своей руке, задрожала.

— Я... Я знаю, о чем ты думаешь, — произнесла она, глядя куда-то в сторону. — Поверь, мне хочется того же, что и тебе. Но развлекаться в то время, когда в госпитале столько раненых и они продолжают прибывать — это эгоистично. Глупо, конечно, но я считаю, что сначала мы должны позаботиться о других. Вот почему...

— Спасибо, — огрызнулся Конвей, — спасибо, что напомнила мне о моих обязанностях.

— Ну, зачем ты так! — воскликнула она, прижимаясь к нему и кладя голову ему на грудь. — Я вовсе не хотела обидеть тебя. Пожалуйста, не сердись. Война... я не предполагала, что она так ужасна. Я боюсь, боюсь, что тебя убьют, а я останусь одна! Пожалуйста, обними меня и... и скажи, как мне быть...

Ее глаза мерцали. Лишь увидев бегущие из них и плывущие по воздуху искорки, Конвей догадался, что она плачет. Он никогда не представлял себе Мэрчисон плачущей, а потому поспешил исполнить ее просьбу. Через какое-то время он отстранил девушку от себя и проговорил:

— Я не сержусь, но если ты меня спросишь, что я чувствую, то, пожалуй, я предпочту воздержаться от ответа. Пойдем, я провожу тебя.

Однако осуществить столь благое намерение ему помешала сирена тревоги, после которой доктора Конвея по коммуникатору пригласили подойти к интеркому.

ГЛАВА XXIII

В приемном покое, где сидели когда-то за пультами управления трое нидиан, которые решали, как лучше принять пациентов и разместить их в госпитале, теперь помещался штаб обороны: двадцать мониторов бормотали что-то в микрофоны, неотрывно глядя на экраны, которые показывали имперские корабли в любом увеличении — от

нулевого до пятидесятикратного. На двух из трех главных экранов вражеские силы как будто прятались за разнообразными линиями и прочими геометрическими фигурами: это офицер-тактик пытался разработать план грядущего сражения. Третий экран выдавал картинку с наружной обшивки госпиталя. Вот промелькнула падающей звездой очередная ракета. Последовала неяркая вспышка, и поднялся крохотный фонтанчик обломков. В помещении штаба раздался неожиданно громкий металлический скрежет.

— Они забрасывают нас ракетами из-за пределов досягаемости наших орудий, — проговорил Дермод. — Вероятно, уповают на то, что к началу следующей атаки мы будем уже достаточно издерганы. А контратака приведет лишь к гибели нашего флота. Кораблей у нас осталось настолько мало, что они способны действовать только при огневой поддержке госпиталя. Значит, выбора нет: будем готовиться к...

— К чему? — перебил Конвей.

О'Мара неодобрительно фыркнул.

Дермод холодно поглядел на доктора и продолжил, обрешаясь теперь к Конвею, но вовсе не отвечая на вопрос:

— Можно ожидать также, что противник организует рейды быстроходных катеров. Потери у нас будут среди мониторов, занятых обороной самого госпиталя, среди экипажей звездолетов и, быть может, среди тех, кто на нас нападает. В связи с этим, доктор, я хотел бы кое-что выяснить. По слухам, вы оперировали вражеских солдат, а в разговоре с мной утверждали, что ваши возможности на пределе...

— Какие еще, черт побери, слухи? — воскликнул Конвей.

Лицо Дермода посуровело.

— Мне сообщали о пациентах одного и того же вида, которые лежат рядом и рады бы перекинуться словечком, но у них ничего не выходит, потому что они друг друга не понимают. Какие вы приняли меры для...

— Никаких! — огрызнулся Конвей. Его душила злоба, и он с трудом удерживался от того, чтобы не схватить Дермода за плечи и не потрясти его как безвольную куклу. Поначалу командующий флотом ему нравился, он считал Дермода толковым и вдумчивым офицером, но в последние несколько дней того словно подменили. Он как будто превратился в редоточие тех слепых и неудержимых стремлений,

которые и были причиной того, что госпиталь стал ловушкой для Конвея и для всех остальных. Совещания между военными и медицинским начальством проводились сейчас ежедневно, и каждый день между Конвеем и Дермодом обязательно возникали разногласия. Впрочем, сегодня командующий флотом предпочел не отвечать резкостью на резкость. Он молча рассматривал Конвея, причем с таким выражением в глазах, что доктору подумалось, будто Дермод его вообще не видит. О'Мара вполголоса посоветовал Конвею не валять дурака и не строить из себя благородную девицу: у Дермода хлопот полон рот и при данных обстоятельствах некоторая грубость с его стороны вполне извинительна.

— Разумеется, — произнес Дермод ледяным тоном как раз тогда, когда Конвей решил на деле быть терпимее к нему, — вы заботитесь о вражеских раненых не так, как о наших?..

— Знаете, — отозвался Конвей с таким спокойствием в голосе, что на лице О'Мары отразилась тревога, — определить, где наши, а где чужие, не слишком просто. Мелкие различия в конструкции скафандров обычно проходят незамеченными. А то, что находится внутри скафандра, как правило, не поддается опознанию из-за полученных ран. Звуки, которые издают раненые в промежутке между введением болеутоляющего и погружением в бессознательное состояние, перевести весьма сложно. И потом, если и существует какая-то разница, если раненый монитор чем-то и отличается от раненого врага, я не желаю об этом знать, — он почти кричал. — Нам, медикам, наплевать на всякие различия! Мы же в госпитале, черт вас возьми! Или уже нет?

— Не горячись, сынок, — буркнул О'Мара. — Конечно, мы в госпитале.

— Который временно стал боевой базой, — прибавил Дермод.

— Мне вот что непонятно. — Главный психолог явно старался унять страсти. — Почему они не применяют ракет с ядерными боеголовками?

По штабу волной прокатилась вибрация, вызванная очередным взрывом на наружной обшивке.

— Потому, майор, — сказал Дермод, не сводя взгляда с Конвея, — что госпиталь нужен им как приз. Того требуют политические интересы. Они должны овладеть фор-

постом ненавистных супостатов, имперский генерал должен одержать отнюдь не пиррову победу, то есть одолеть противника и закрепиться на его территории, неважно, каких она размеров, и тогда можно будет объявить, что Империя снова восторжествовала. Наши потери очень велики. Обычно в космических схватках удается госпитализировать не более десяти процентов раненых, однако нам повезло — у нас под боком госпиталь с современным медицинским оборудованием. А потери врага гораздо существеннее, по моим прикидкам, соотношение один к двадцати, так что если теперь они вдруг соберутся пальнуть по нам атомной ракетой, хотя могли поступить так и на первых порах и не потеряли бы тогда ни единого солдата, им потом придется несладко. Если император не сумеет ответить на вопросы, которые задаст ему в этом случае население, он обнаружит, что война имела не только приятные последствия...

— А почему вы не вступаете с ними в переговоры? — хрипло спросил Конвей. — Расскажите им всю правду, расскажите о раненых. Ведь нам на победу рассчитывать никак не приходится. Так почему мы не сдаемся?..

— Мы не ведем с ними переговоров, доктор, — язвительно сообщил Дермод, — потому что они не станут нас слушать. Или не поверят нам. Им известно — вернее, они так полагают, — что произошло на Этле и чем мы занимаемся в этих стенах. Что толку объяснять им, что в действительности мы не вредили, а помогали этланам, что нас вынудили воевать? На Этле вскоре после нашего ухода вспыхнули новые эпидемии, а в госпиталях, как вы, должно быть, осведомлены, не предусмотрено наличие излучателей и виброустановок. Они судят о нас не по словам, а по действиям. А наши действия, к сожалению, подтверждают те сплетни и домыслы, которые распространяются о нас с ведома и одобрения императора. Если бы они хоть чуть-чуть подумали, их наверняка удивило бы, что на нашей стороне сражается столько инопланетян. Ведь, по их мнению, наши инопланетяне — забитые, замордованные существа, немногим лучше рабов. Однако добровольцы дерутся вовсе не как рабы. Но нет, Империя предпочитает логике эмоции...

— И я тоже! — воскликнул Конвей. — Я думаю о своих пациентах. Палаты переполнены. Раненые лежат в ка-

ких-то закутках, в коридорах, где в любой момент может упасть давление...

— Сдается мне, доктор, вы не способны видеть дальше собственного носа! — рявкнул Дермод. — Позвольте информировать вас, что не вам одному есть дело до пациентов, однако я, например, в отличие от вас не впадаю в сентиментальность. Если я начну думать по-вашему, то меня захлестнет ненависть к врагу и я, сам того не сознавая, примусь мечтать об отмщении. — Где-то прогремел который уже по счету взрыв. Дермод повысил голос: — Вам наверняка известно, что Корпус мониторов является полицейским формированием, которое поддерживает порядок в Федерации посредством применения достижений психологии и прочих общественных наук. Если коротко, то наша основная задача — формировать воззрения как отдельных личностей, так и населения целых планет. Поэтому нынешняя ситуация, кучка врачей и мониторов против жесткого и прекрасно вооруженного врага, в этом отношении весьма выигрышная. Пускай Федерации понадобится какое-то время, чтобы собраться с силами и нанести ответный удар, но вы только представьте себе, доктор, какой сладостной будет месть! — Лицо командующего побледнело, черты заострились от ярости, голос сорвался на крик. — В галактической войне, доктор, захват планет невозможен. Их попросту уничтожают. И паршивая, вонючая Империя с ее сорока занюханнами планетками будет стерта в пыль, сокрушена и развеяна в прах!

О'Мара хранил молчание. Конвей хотел было отвернуться от Дермода и взглянуть на главного психолога, но не смог. Он и не предполагал, что ледышка-командующий способен на столь бурное проявление чувств, и где-то даже испугался, ибо отдавал себе отчет, что от разумности и самообладания Дермода зависят его, Конвея, жизнь и судьба.

— Я сказал, что Корпус — полицейское формирование, — продолжал тот. — Мы пытаемся рассматривать создавшееся положение, как обычные беспорядки, как бунт, в котором потери бунтовщиков больше, чем у полиции. Лично я считаю, что полномасштабная война неизбежна, но не желаю ненавидеть Империю. Существует разница, доктор, между поддержанием мира и разжиганием войны. И я знаю безо вся-

ких докторишек, которые интересуются только своими пациентами, как гибнут мои люди! Так что нечего пудрить мне мозги и заставлять ненавидеть людей, виновных лишь в том, что поверили откровенной лжи! Мне плевать, — закончил Дермод, безуспешно попытавшись умирить пыл, — как вы лечите раненых, но мои приказы для вас обязательны. Мы находимся на военной базе, поэтому возле вражеских раненых, которые в сознании, должна быть выставлена охрана, чтобы не произошло случаев саботажа. Все ясно, доктор?

— Так точно, сэр, — пробормотал Конвей.

Несколько минут спустя они вдвоем с О'Марой покинули Приемный покой. Конвей чувствовал себя не в своей тарелке. Он размышлял о том, что ошибался в Дермоде и должен, вероятно, извиниться перед ним за свои дурные мысли.

— Мне нравится, когда такие, как он, выпускают пар, — неожиданно проговорил О'Мара. — Это весьма полезно с психологической точки зрения, учитывая нагрузку, которую он несет. Я рад, что вы сумели вывести его из себя.

— А я? — спросил Конвей.

— Вы, доктор, начисто лишены какой бы то ни было уравновешенности, — отозвался О'Мара сердито. — На своей новой должности вам бы следовало подавать пример терпимости, а вы быстро превращаетесь в раздражительно-го чинушу. Осторожнее, доктор.

Конвей искал у майора сочувствия по поводу полученной от Дермода взбучки, хоть какого-то участия, а никак не дополнительной порции замечаний. Поэтому выпад О'Мары настолько его разозлил, что, когда тот скрылся за дверью своего кабинета, Конвей все еще не мог найти слов от возмущения.

ГЛАВА XXIV

На следующий день возможности извиниться перед командующим флотом Конвею не представилось, ибо началась атака и им обоим стало не до вежливых бесед. Да, подумал Конвей с горечью, от того, что войну назвали бунтом, количество потерь нисколько не уменьшилось. Ра-

ненные поступали в огромных количествах, поскольку сражение развернулось всерьез. Имперские корабли вели шквальный огонь и мало-помалу окружали госпиталь плотным кольцом. Оставшиеся в распоряжении Дермода звездолеты — “Веспасиан”, тралтанский линкор и легкие крейсеры с катерами — расположились рядом с госпиталем и застопорили ход. Маневрировать они не могли, потому что сократили бы тогда секторы обстрела госпитальных излучателей. Поэтому они, так сказать, встали на якоря и начали стрелять из своих орудий. Однако враги, судя по всему, стремились именно к такому повороту событий. Их корабли с быстротой, возможной лишь при заранее подготовленном маневре, незамедлительно перестроились и сосредоточили огонь на одном участке наружной обшивки госпиталя.

Ракеты вонзались в обшивку, пробивали заслоны из ломков, проникали во внутренние помещения. Виброустановки раскалывали корпуса притулившихся у шлюзов подбитых звездолетов и освобождали новые цели для ракет. Соппротивление флота мониторов было недолгим. Массированная атака превратила их корабли в груды металлолома. Уцелевшие бросились врассыпную, оставив госпиталь без прикрытия, и тут выяснилось, что задумал противник. Из-за строя боевых звездолетов вынырнули транспортеры.

Им навстречу устремился “Веспасиан”. Он ринулся наперерез первому транспорту, который только-только показался над госпитальной обшивкой. Относительно того, что случилось потом, ходили разные мнения. Кто утверждал, что произошел сбой в компьютере, кто — что в крейсер попал реактивный снаряд или что корабль сам напоролся на отклоненную лучом захвата ракету. Но никто не посмел обвинить капитана Уильямсона в том, что он сознательно пошел на таран, ибо Уильямсон отнюдь не отличался излишней горячностью и должен был понимать, что при сложившихся обстоятельствах такой шаг равносителен самоубийству. “Веспасиан” врезался в транспорт поблизости от кормы. На мгновение показалось, что крейсер пройдет насквозь, но вот его движение замедлилось и он замер. Над звездолетами поднялось белое облачко воздуха, и они,

словно приклеенные друг к другу, начали вращаться вокруг общей оси.

На какой-то миг все будто оторопели, а затем корабли мониторов, все как один, перенесли огонь на второй транспорт. Через несколько минут в его корпусе появились три отверстия. Он дал обратный ход. Третий транспорт уже спрятался за боевыми звездолетами, которые тоже отступили, но ненамного. В общем, о победе не могло быть и речи. Просто командующий имперскими силами чуть-чуть поспешил, чуть-чуть недооценил резервы госпиталя.

Лучи захвата подтянули к шлюзу “Веспасиан” заодно с протараненным им транспортом. На крейсер были отправлены спасатели, и вскоре раненых в госпитале стало прибавляться. К тому же при обстреле многие пациенты были ранены во второй или третий раз...

Доктор Приликла сопровождал спасателей. ГЛНО были самыми хрупкими из известных ксенологам Федерации существ, и трусость считалась необходимым условием их выживания. Однако Приликла смело рыскал по обломкам “Веспасиана” в поисках тех, кто остался жив. Если даже они были без сознания, от них исходило эмоциональное излучение, которое тут же улавливал маленький ГЛНО. Без него немало раненых истекло бы кровью или погибло бы от удушья в разорванных скафандрах. Но эта работа была для него как эмпата поистине адской...

Майор О’Мара был вездесущ. Если бы невесомость неожиданно исчезла, главный психолог, наверное, едва волочил бы ноги, а так о его утомлении можно было судить лишь по тому, что он частенько не замечал, куда направляется. Но в голосе его, когда он разговаривал с землянами, усталости не проскальзывало. С инопланетянами он беседовать не мог, однако им достаточно было одного его присутствия, чтобы воспрянуть духом. Они помнили те времена, когда трансляторы были в порядке и О’Мара гонял их через приборы и в хвост и в гриву.

Инопланетные медики — неуклюжие тралтаны-ФГЛИ, крабоподобные мелфиане-ЭЛНТ и все остальные — то представляли медсестер-землянок, то помогали врачам. Они были изнурены до последней степени и, как правило, не понимали, что им говорят, но сумели спасти, тем не ме-

нее, множество жизней. А всякий раз, когда в госпиталь попадала ракета, им становилось немногим страшнее прежнего...

Доктор Конвей не выходил из главной столовой. Поскольку коридоры, которые вели на другие уровни, были или уничтожены, или забиты ранеными, единственному на весь госпиталь старшему врачу приказано было находиться в сравнительно безопасном месте. Без работы он не сидел: в столовую время от времени доставляли тяжелораненых, в основном инопланетян. В определенном отношении Конвею досталась самая большая палата и самые сложные пациенты. Поскольку готовить пищу было некогда, все обходились сухим пайком, поэтому столовую переоборудовали, расставили в ней койки и операционные столы, прикрепив их к полу, стенам и потолку. Пациенты, будучи космонавтами, не испытывали неприятных ощущений из-за невесомости или из-за того, что над их головами — еще один ряд коек. Это было даже удобно для тех, кто мог переговариваться.

Конвей устал настолько, что больше не чувствовал усталости. Взрывы ракет его не пугали, он успел привыкнуть к почти непрерывному скрежету раздираемого на куски металла. Он знал, разумеется, что рано или поздно бомбардировка достигнет своей цели и космический вакуум проникнет в каждый закуток госпиталя, однако мозг его отказывался делать из этого какие-либо выводы. Когда прибывали новые раненые, Конвей осматривал их, действуя машинально, только за счет выработанных практикой рефлексов. Он мало о чем размышлял или вспоминал, а когда вспоминал, то без привязки к конкретному времени. Последняя операция, ради которой ему пришлось принять четыре мнемोगраммы, была желанным отвлечением от монотонности остальных процедур. Но он не помнил, провел ли он ее три дня или три недели назад, и что было раньше — операция или таран “Веспасиана”. Впрочем, “Веспасиан” и все, что с ним связано, приходило Конвею на память довольно часто. Среди уцелевших при катастрофе был и майор Стиллмен. Конвей вырезал его из скафандра и выяснил, что у майора сломаны два ребра и плечевая кость и что он подвергся декомпрессии, в результате чего вре-

менно ослеп. С тех самых пор, как его принесли в палату, он расспрашивал о капитане Уильямсоне. А капитан хотел знать, что случилось с его людьми. Упакованный с головы до ног в гипс, он был в полном сознании и сразу же узнал Конвея. Но тот не мог ему помочь, ибо знал по именам далеко не всех членов экипажа, служивших на крейсере.

— Стилмен лежит через три кровати справа от вас, — сказал Конвей, — а другие раскиданы по всей палате.

Уильямсон поглядел на тех, кто висел в койках прямо над ним.

— Некоторые мне не знакомы, — проговорил он.

Конвей посмотрел на лиловый синяк под правым глазом капитана — при ударе Уильямсон сразмаху стукнулся головой о внутреннюю поверхность шлема, — растянул губы в улыбке и буркнул:

— Некоторые из них могут сказать то же самое о вас.

Еще Конвей помнил второго ТРЛХ.

Его привезли на каталке, атмосферный блок которой уже заполняла та ядовитая смесь, которую пациент и его сородичи именовали воздухом. Полученная ТРЛХ рана — перелом панциря и, как следствие, разрыв кровеносных сосудов — была видна сквозь прозрачный скафандр совершенно отчетливо. Времени на то, чтобы принимать необходимые мнемogramмы, у Конвея не было, поскольку пациент на глазах истекал кровью. Конвей дал знак закрепить каталку в напольных фиксаторах и всунул руки в специальные перчатки. С коек под потолком за каждым его движением внимательно следило множество глаз. Конвей приложил руки в перчатках к прозрачному и податливому материалу, из которого была изготовлена каталочная палатка. Тот словно прилип к перчаткам, и Конвей осторожно надавил на стенку палатки, которая отделяла друг от друга две одинаково ядовитые атмосферы, и с помощью находившихся внутри инструментов снял с пациента скафандр. При операциях в подобных палатках свобода действий, как удалось установить Конвею, когда он оперировал двоих ПВСЖ и ХЦХЛ, ограничивалась лишь наличием внутри необходимых инструментов и слабым, но ощутимым сопротивлением материала.

Он удалял осколки панциря, когда пол под его ногами подпрыгнул — где-то поблизости взорвалась очередная ракета. Несколько секунд спустя завывла сирена, что означало: в палате падает давление. Мэрчисон и врач-келгианин, единственные помощники Конвея, бросились проверять герметичность палаток тех пациентов, которые не в состоянии были проделать это самостоятельно. Падение давления было незначительным, но для ТРЛХ, который лежал на импровизированном операционном столе, оно могло оказаться смертельным, а потому Конвей заторопился. Но пока он старался извлечь кусочки костей и зашивал разорванные сосуды, палатка начала раздуваться. Ему стало трудно держать инструменты и практически невозможно направлять их в нужное место и под нужным углом, ибо упругий материал отталкивал его руки. Разница в давлении внутри и снаружи палатки составляла всего какие-то несколько футов на квадратный дюйм, человеческие уши ее едва ощущали, однако материал продолжал набухать. Конвей вынужден был отступить. Примерно через полчаса давление восстановилось, и он снова приблизился к каталке, но было уже поздно.

В глазах у него словно помутилось, и внезапно он сообразил, что плачет. Странно, подумалось ему, слезы ведь не относятся к числу приобретенных практикой рефлексов, иначе все врачи рыдали бы над больными. Скорее, причина их в злости на то, что погиб пациент, который по всем признакам должен был выжить, и в том изнеможении, которое не отпускает его много-много дней подряд. Увидев же лица глядевших на него раненых, Конвей пришел в полное замешательство.

Потом события как бы слились в один поток. Глаза Конвея так и норовили закрыться, и проходило сколько-то секунд, а то и минут, прежде чем он открывал их снова, хотя сам течения времени не замечал. Легкораненые передвигались по палате, болтали с теми, кто не мог ходить, и переговаривались о чем-то между собой. Но Конвею было некогда отвлекаться на разговоры, да и голова его шла кругом от принятых мнемोगрамм. А в краткие промежутки отдыха его взгляд чаще всего обращался туда, где парили во сне у входа в палату Мэрчисон и врач-келгианин.

Келгианин напоминал громадный и мохнатый знак вопроса; он издавал порой тот низкий стонущий звук, какой вырывается во сне у некоторых ДБЛФ. Мэрчисон медленно вращалась на конце десятифутового предохранительного ремня. Интересно, подумал Конвей с нежностью, наблюдая за плавным вращением стройного девичьего тела, почему в невесомости спящие всегда принимают позу эмбриона? Он сам с радостью прикорнул бы рядом, но сейчас была его очередь дежурить, а смена предстояла очень и очень нескоро — через пять минут или пять часов, в общем, через вечность. Пожалуй, надо бы чем-то заняться. Решение словно пришло откуда-то извне. Ноги повлекли Конвея в кладовую, где лежали раненные, для которых наиболее вероятным был летальный исход. Только здесь и больше нигде он позволял себе поболтать с умирающими или утешал их каким-нибудь другим, не менее бесполезным способом. Что до инопланетян, то он мог лишь надеяться, что эмпат Приликла передаст его сочувствие тому кровавому месиву, в которое превратились тела тралтана или мелфианина.

Мало-помалу и в то же время внезапно Конвей осознал, что в кладовую за ним последовали все ходячие раненные, которые вдобавок притащили за собой, как на буксире, тех, кто вынужден был пребывать в неподвижности. Они окружили его, лица их были суровыми, решительными и почтительными. Вперед протолкался майор Стиллмен. В здоровой руке он сжимал пистолет.

— Пора кончать, доктор, — произнес он. — Мы все согласны. — Повернув пистолет дулом к себе, он протянул его Конвею. — Возьмите, это поможет убедить Дермода, что ему лучше не выкидывать никаких фокусов и спокойно нас выслушать.

Сразу за спиной Стиллмена парила запеленутая мумия, которая оказалась капитаном Уильямсоном, рядом покачивался человек, который его сюда доставил. Капитан беседовал о чем-то со своим спутником на языке, который показался Конвею смутно знакомым. Он стал было припоминать, что это за язык, но тут пациенты снова зашевелились и задвигались, и Конвей заметил, что многие из них вооружены. Оружие находилось в особых кармашках

скафандров, а он, складывая защитные костюмы в углу паса.

Следом за ранеными Конвей выбрался в коридор, который выводил в Приемный покой. Стилмен по дороге рассказывал ему о том, что побудило их выступить. У самого покоя майор встревоженно спросил:

— Как по-вашему, доктор... я не предатель?

Вопрос вызвал в душе Конвея такую бурю чувств, что он сумел выдавить из себя только односложное:

— Нет!

ГЛАВА XXV

Наставляя пистолет на командующего флотом, Конвей чувствовал себя цирковым клоуном, но выбора у него, похоже, не оставалось. Он проплыл в Приемный покой, подобрался к Дермоду и держал того под прицелом до тех пор, пока не подоспели остальные. Чтобы скоротать время, он попытался объяснить с ним, но добился немногого.

— Значит, доктор, вы хотите сдаться, — проговорил тот, не глядя на пистолет, и перевел взгляд с Конвея на раненых мониторов. Вид у него был такой, как у человека, которого неожиданно подвел преданный друг. Конвей еще раз попытал счастья.

— Не сдаться, сэр, — поправил он и показал на мужчину, который сопровождал носилки Уильямсона. — Мы... Вот ему нужен коммуникатор. Он прикажет прекратить огонь.

Запинаясь от волнения, Конвей принялся объяснять. Он начал со столкновения "Веспасиана" с транспортом. Внутренние помещения обоих кораблей оказались сметены, поэтому, хотя спасателям и было известно, что среди раненых имеются как мониторы, так и враги, им было не до того, чтобы разбираться в том, кто есть кто. Позднее же, когда легкораненые стали ходить по палате, разговаривать друг с другом и помогать лежачим, быстро выяснилось, что примерно половина из них — с борта транспорта. Как ни странно, на взаимоотношения пациентов это почти не повлияло, а медицинскому персоналу было попросту не до

того. Так что все продолжалось по-прежнему: пациенты старались заменить недостававших медсестер и говорили... Ведь в палате лежали мониторы с “Веспасиана”, а “Веспасиан” летал на Этлу. А его экипаж научился, разумеется в разной степени, этланскому языку; сами же этлане общались между собой на том языке, который был общепотребительным для всех подданных Империи, подобно универсальному языку Федерации. И вот после того, как было преодолено взаимное недоверие, мониторы узнали, что на имперском транспорте присутствовали весьма высокие чины. Одним из тех, кто уцелел в катастрофе, был Хералтнор, третий по старшинству офицер флота Империи, осаждавшего космический госпиталь.

— А последние несколько дней пациенты вели мирные переговоры, — закончил Конвей. — Конечно, они были неофициальными, однако мне кажется, что полковник Уильямсон и Хералтнор вполне могут считаться представителями своих сторон.

Хералтнор обратился к Уильямсону на этланском, потом наклонил гипсовый кокон так, чтобы полковник мог взглянуть в лицо командующему флотом, и сам тоже с тревогой уставился на Дермода.

— Он далеко не дурак, сэр, — сказал Уильямсон. — По звукам взрывов и по изображению на экранах он определил, что наши силы на исходе. Он говорит, что высадку десанта мы предотвратить не сможем, и мы с вами, сэр, знаем, что он прав. Он говорит, что десант, скорее всего, будет высажен через несколько часов, но настаивает не на сдаче, а на прекращении огня. Он не хочет, чтобы победа досталась им. Он хочет лишь прекратить бойню. Он говорит, что был бы не против отделить кое в чем правду от лжи...

— Он говорит слишком много, — буркнул Дермод. На лице командующего застыло выражение сердечной муки, словно он отчаянно желал и в то же время боялся надеяться. — А вы уже и уши развесили! Почему вы не доложили мне...

— Главное не слова, — вмешался Стиллмен, — главное то, что мы делаем. Поначалу они не верили ни единому нашему словечку. Но госпиталь отличался от того,

что им о нем нарасказывали, он меньше всего напоминал камеру пыток... Ну да, наружность обманчива, а подозрительности им не занимать, но когда они увидели, что врачи и медсестры загоняют себя буквально до смерти, когда увидели его... Разговоры так и остались бы разговорами. Но то, что мы делали, то, что делал он...

— То же самое происходило в любой другой палате! — запротестовал Конвей, чувствуя, что краснеет.

— Заткнитесь, доктор, — не очень любезно попросил Стилмен. — Он будто и не спал. Он почти не разговаривал с нами, с теми, кто был вне опасности, но то и дело заглядывал в кладовую, где лежали безнадежные. Он вытаскивал оттуда двоих, и их перевели к нам. Неважно, за кого они воевали, он лечил всех...

— Стилмен, — прервал его Конвей, — не надо драматизировать!

— А последней каплей был ТРЛХ. Эти существа — добровольцы, которые сражались на стороне Империи, где не принято особо переживать за инопланетян, тем более за тех, кто воюет против них. Но он — он боролся за его жизнь, а когда упало давление, операция провалилась и инопланетянин умер, и они увидели его реакцию...

— Стилмен! — рявкнул Конвей.

Однако майор не стал вдаваться в подробности. Он замолчал. Все взгляды устремились на Дермода, когда Конвей смотрел на Хералтнора.

Офицер Империи выглядел не очень внушительно: этакий заурядный седоватый мужчина средних лет с тяжелым подбородком и морщинками в уголках глаз. На Дермоде была аккуратная зеленая форма Корпуса мониторов с орденскими планками и знаками отличия. Хералтнор явно проигрывал на его фоне в своей белой безразмерной робе, какие полагались всем пациентам ДБДГ. Интересно, подумал Конвей, они отдадут честь или просто кивнут. Он ошибся в своих догадках. Противники пожали друг другу руки.

На первых порах, разумеется, не обошлось без подозрений и проволочек. Командующий флотом Империи был уверен, что Хералтнора загипнотизировали, но когда в Космический госпиталь после прекращения огня прибыла

с инспекцией группа имперских офицеров, лед недоверия проломился. Конвея, впрочем, радовало лишь то, что теперь можно было не беспокоиться насчет попадания в уцелевшие палаты вакуума. В остальном же хлопот у него и его подчиненных хватало с головой. Инженеры и ремонтники со звездолетов Империи принялись восстанавливать госпиталь, начали возвращаться из эвакуации и те, кто был отправлен, а главный транслятор снова привели в действие. Через пять недель и шесть дней после прекращения огня имперский флот покинул окрестности госпиталя, оставив на нем своих раненых по той причине, что лучше их все равно нигде не вылечат; к тому же, флоту, возможно, предстояли новые сражения.

На одной из ежедневных встреч с медицинским руководством, которое по-прежнему состояло из О'Мары и Конвея, поскольку среди недавно прилетевших не было никого старше их по званию, Дермод попытался описать сложную ситуацию простыми словами.

— Подданные Империи узнали правду об Этле, — сказал он, — и императору вряд ли удастся усидеть на троне. Но кое-где положение остается чрезвычайно запутанным, и маленькая демонстрация силы отнюдь не помешает. Именно демонстрация силы, а не ее применение. Вот почему я убедил их командующего взять с собой наших специалистов по культурным контактам. Да, мы хотим избавиться от императора, но не ценой гражданской войны. Хералтнор собрался пригласить и вас, доктор, но я объяснил ему...

— Мало того, что он спас сотни жизней, — простонал О'Мара, — и предотвратил галактическую войну, наш умный доктор-чудотворец призван был...

— Перестаньте подначивать его, майор! — сердито проговорил Дермод. — Так оно и есть на самом деле или почти так. Если бы не он...

— Привычка, сэр, — отозвался О'Мара. — Я полагаю, в мои прямые обязанности входит следить за тем, чтобы головы не шли кругом...

Тут на экране над пультом управления, за которым, вместо привычного глазу монитора, сидел теперь оператор-ниданин, появилась мохнатая физиономия келгианина.

Он сообщил, что к госпиталю приближается большой транспорт ДБЛФ, который имеет на борту медиков ФГЛИ, ЭЛНТ и самих келгиан, причем среди последних восемнадцать старших врачей. Учитывая бедственное состояние госпиталя и то, что рабочих шлюзов только три, ДБЛФ на экране выразил желание обсудить перед швартовкой вопросы размещения персонала с дежурным диагностом.

— Торннастор все еще болен, а других... — начал было Конвей, но О'Мара легонько постучал его по плечу.

— Семь мнемограмм, — напомнил он ворчливо. — И давайте не будем ссориться, доктор.

Конвей пристально поглядел на главного психолога, его взгляд проник глубже хмурых черт и язвительного голоса. Он не был диагностом. То, к чему его вынудили обстоятельства, едва не закончилось наиплачевнейшим образом. Однако если верить О'Маре — не сдвинутым бровям и насмешливому тону, а прикосновению руки и выражению глаз, — от почетного и ответственного звания его отделяет не так уж много времени.

Покраснев от удовольствия — Дермод, вероятно, отнес румянец на его щеках на счет подковырок О'Мары, — Конвей быстро и ловко разобрался с келгианами, а потом извинился и направился к двери. Мэрчисон сама попросила его о встрече. Итак, через десять минут на рекреационном уровне...

Выходя, он услышал, как О'Мара буркнул:

— Надо же, спас, можно сказать, космос от ужасов войны, да еще и девушку сумел получить!

БОЛЬШАЯ ОПЕРАЦИЯ

MAJOR OPERATION

New-York, Ballantine Books, 1971

ГЛАВА I

ВТОРЖЕНИЕ

Далеко-далеко, на самом краю Галактики, там, где скопления звезд редки и царит почти абсолютная тьма, в пространстве зависло колоссальное сооружение — Главный госпиталь двенадцатого сектора. На его трехстах восьмидесяти четырех уровнях были воспроизведены условия обитания для всех разумных существ, известных Галактической Федерации: начиная с живущих на холодных метановых мирах, дышащих кислородом и хлором и кончая экзотическими созданиями, которые напрямую питаются жестким излучением. Помимо пациентов, чье число и виды постоянно менялись, здесь находился медицинский и обслуживающий персонал, состоящий из представителей шестидесяти различных рас с sixtyдесятью разными привычками и взглядами на жизнь, телосложением и запахом.

Все, кто трудился в Госпитале, были людьми исключительно способными, самоотверженными и терпимыми по отношению ко всем без исключения разумным формам жизни — в противном случае они просто не смогли бы здесь работать. Они гордились тем, что ни один случай не был для них слишком незначительным или слишком ненадежным, а их аппаратура и профессиональное мастерст-

во оставались непревзойденными. Было бы немыслимо, если бы кого-то из врачей могли обвинить в том, что он чуть было не убил кого-то из врачей, могли обвинить в том, что он чуть было не убил пациента по чистой неосторожности.

— Видимо, не так уж и немыслимо, — сухо заметил О'Мара, главный психолог Госпиталя. — Мне очень бы не хотелось так думать, а вы вообще этого не допускаете. Но, что гораздо хуже, Маннон сам убежден в собственной вине. И мне ничего не остается, как...

— Нет! — перебил Конвей — сильное волнение перехлестнуло обычно уважительное отношение к начальству. — Маннон один из лучших среди старшего персонала, вы же знаете! Он не стал бы... Я имею в виду, не тот он человек, чтобы... Он...

— Ваш хороший друг, — улыбнувшись, закончил за него О'Мара и, не дождавись ответа, продолжил: — Может быть, Маннон нравится мне и не в такой степени, как вам, но с профессиональной точки зрения я могу судить о нем гораздо более детально и гораздо объективней. Причем настолько, что еще пару дней назад я бы просто не поверил, что он способен на подобное. А теперь, черт побери, все это очень меня беспокоит...

Конвей его понимал. Как главный психолог О'Мара отвечал не только за душевное здоровье всего персонала, столь разнообразного по типам и видам, но и за то, чтобы между ними не возникало никаких трений.

Даже при предельной терпимости и взаимном уважении, которые проявляли в своих взаимоотношениях сотрудники, бывали случаи, когда такие трения возникали. Порой ситуации, таившие в себе подобную опасность, возникали по неопытности или по недоразумению, а иногда у кого-нибудь мог проявиться ксенофобный синдром, который нарушал работоспособность, или душевное равновесие, или и то и другое одновременно. Один из врачей-землян, например, неосознанно боявшийся пауков, не мог заставить себя проявить по отношению к паукообразному пациенту-илленсанину ту объективность, которая необходима для нормального лечения. Задача О'Мары заключалась в том, чтобы обнаруживать и вовремя устранять подобные неприятности либо — если все другое не помогало — уда-

лять потенциально опасного индивидуума, прежде чем трения перерастут в открытый конфликт. Борьба с нездоровым, ошибочным или нетерпимым отношением к иным существам была его обязанностью, и он исполнял ее с таким рвением, что — Конвей сам слышал — его сравнивали с древним Торквемадой¹.

Теперь же было похоже, что этот образцовый психолог более чем встревожен. В психологии все происходящее имеет свои первопричины, и сейчас О'Мара, должно быть, размышлял, что упустил какой-то слабый, но важный сигнал — какое-то необычное слово, выражение, возможно, проявление настроения, которые вовремя предупредили бы его о том, что со старшим терапевтом Манноном происходит неладное.

Психолог откинулся назад и внимательно посмотрел на Конвея. Его серые глаза повидали так много, а аналитический ум был настолько острым, что, вместе взятое, это делало О'Мару почти телепатом.

— Несомненно, вы думаете, что я потерял хватку. Вы уверены, что проблема с Манноном в основном психологического толка, и то, что случилось, можно объяснить как-то иначе, чем халатностью. Вы можете решить, что он неутешно горюет по своей недавно умершей собаке, или придумать еще что-то не менее простое и смешотворное. Однако, по моему мнению, время, потраченное на изучение психологических аспектов, в данном случае будет потрачено впустую. Доктор Маннон был подвергнут самому тщательному обследованию. Он здоров физически и является не более сумасшедшим, чем вы или я. По крайней мере не более, чем я...

— Спасибо, — откликнулся Конвей.

— Повторяю, доктор, — раздраженно продолжил О'Мара, — моя работа в Госпитале — вправлять мозги, а не вышибать их. Ваше назначение, если его так можно назвать, сугубо неофициальное. Поскольку физическое и психическое состояние не дают оправдание ошибке Маннона, я хочу, чтобы вы поискали другие причины — воз-

¹ Томас Торквемада (ок. 1420-1498) — в восьмидесятые годы XV в. глава испанской инквизиции (великий инквизитор). — Здесь и далее примечания переводчика.

можно, какое-то внешнее влияние, о котором он сам не подозревает. Доктор Приликла был свидетелем происшествия и, вероятно, сможет вам чем-то помочь.

У вас своеобразный ум, доктор, — закончил О'Мара, поднимаясь из-за стола, — и необычный взгляд на вещи. Мы не хотим терять доктора Маннона, однако, если вам что-то удастся — вот шанс поразить меня до смерти. Говорю это, чтобы у вас имелся дополнительный стимул...

Покидая кабинет, Конвей чувствовал легкое раздражение. О'Мара вечно подтрунивал над мнимым “своеобразием” его ума. А дело заключалось лишь в том, что в те времена, когда Конвей еще только начинал свою карьеру в Госпитале, он был очень стеснительным — особенно с медсестрами с Земли. Поэтому молодой врач чувствовал себя намного удобнее в компании представителей других рас. Сегодня он уже не был стеснительным, но по-прежнему среди фантастических выходцев с Тралтана, Илленсы и других миров друзей у него было больше, чем среди землян. Конвей признавался, что, возможно, это и выглядит “своеобразно”, но для врача, работающего в таком многообразном окружении, это дает явные преимущества.

Очутившись в коридоре, Конвей связался с палатой Приликлы и, обнаружив, что маленький эмпат свободен, договорился о немедленной встрече на сорок шестом уровне — там, где находилась операционная для худлариан. Мысли Конвея были заняты Манноном, и по пути он инстинктивно уворачивался от встречных, чтобы не оказаться растоптанным насмерть.

Нашивки старшего терапевта расчищали ему путь, пока это касалось медсестер и врачей ниже его по званию. Другое дело высокомерные и рассеянные диагносты, способные протаранить что угодно и кого угодно, или просто члены персонала особенно крупных размеров. Например, тралтане, ФГЛИ, напоминающие приземистых шестиногих слонов; кельгиане — гигантские, покрытые серебристым мехом гусеницы вида ДБЛФ, которые независимо от ранга при столкновении начинали гудеть, словно сирена, или похожие на громадных крабов ЕЛНТ с планеты Мелф IV.

Несмотря на огромные физиологические различия, большинство входящих в Федерацию разумных существ

дышало кислородом. Но встречались и другие виды, которые пересекая “чужой” уровень, представляли для пешеходов еще большую опасность, будучи одеты в защитные скафандры. Так скафандр врача ТЛТУ, дышащего перегретым паром и живущего при давлении и гравитации втрое превышающих земные, представлял собой многотонный лязгающий грузовик, который любой ценой следовало обходить подальше.

Возле люка между секциями Конвей переоделся в легкий скафандр и, пройдя через люк, оказался в желтом туманном мире дышащих хлором илленсан. Здесь коридоры были переполнены этими выходцами с планеты Илленса. Они были без защитных одежд, а вот тралтане, кельгиане и гуманоиды были облачены в скафандры — одни их носили на себе, другие на них ездили.

Далее его путь проходил через обширную емкость, где в теплой зеленоватой воде неторопливо плавали тридцатифутовые существа с Чалдерескола II. Здесь ему годился все тот же защитный костюм, только, хотя движение тут не было особенно интенсивным, передвигался он значительно медленней, так как приходилось не идти, а плыть. Тем не менее, через пятнадцать минут после того, как Конвей покинул кабинет О’Мары, он уже стоял на смотровой галерее сорок шестого уровня. С его скафандра еще скатывались капли воды, когда появился Приликла.

— Доброе утро, друг Конвей, — поздоровался маленький эмпат, ловко вспрыгнув на потолок и повиснув там на шести ногах с присосками.

Музыкальные трели и пощелкивания цинрусского языка через транслятор Конвея передавались огромному компьютеру в центре Госпиталя и возвращались в виде бесстрастного голоса, говорившего по-английски. Приликла слегка дрожал.

— Я чувствую, вам необходима помощь, доктор, — заключил он.

— Совершенно верно, — согласился Конвей, его слова переводились тем же способом и доходили до Приликлы на лишенном эмоций цинрусском. — Это касается Маннона. У меня не было времени сообщить вам подробности...

— В этом нет нужды, друг Конвей, — перебил Приликла. — Это как раз тот случай, когда трудно разобрать-

ся именно на трезвую голову. Вы, конечно, хотите знать, что я видел и чувствовал?

— Если вам это не повредит, — спросил Конвей извиняющимся тоном.

Приликла сказал, что не повредит. Однако следовало учесть тот момент, что, хотя эмпат и считался самым милым существом в Госпитале, он был тут и самым большим лгунишкой.

Он относился к классу ГЛНО — насекомое с наружной опорной системой, шестью ногами с присосками, двумя не совсем атрофировавшимися радужными крыльями и исключительными эмпатическими способностями. Только на Цинруссе, где притяжение составляло одну восьмую земного, насекомые могли вырасти до таких размеров, стать разумными и создать высокоразвитую цивилизацию. Но в Госпитале Приликла подвергался смертельной опасности большую часть рабочего дня. Повсюду, кроме собственной каюты, он был вынужден носить антигравитаторы, так как притяжение, нормальное для большинства других существ, моментально раздавило бы его в лепешку. Когда он с кем-либо разговаривал, то старался держаться вне досягаемости руки или щупальца собеседника, который произвольным движением мог пробить его хрупкое тело или оторвать ногу. Сопровождая кого-нибудь при обходе, он семенил рядом по стене или потолку, чтобы избежать той же участи.

Конечно, никто не хотел причинить Приликле зла — его слишком здесь любили за то, что он всегда говорил и делал окружающим только приятное. Будучи очень чувствительным к эмоциям и чувствам других, эмпат не мог поступать иначе, так как сам испытывал тот же гнев или горе, которые вызывал у других своим необдуманным поведением. Вот поэтому маленькое существо и было вынуждено постоянно лгать и всегда быть добрым и внимательным, чтобы эмоциональное изучение окружающих было как можно более благоприятным.

Исключение составляли лишь случаи, когда он в силу профессионального долга подвергал себя боли и неприятным чувствам пациентов, либо хотел помочь своим друзьям.

Прежде чем Приликла успел заговорить, Конвей сообщил:

— Доктор, я и сам точно не знаю, что мне нужно. Но если бы вы смогли припомнить что-нибудь необычное в поведении и эмоциях Маннона или членов его бригады...

При воспоминании о той эмоциональной буре, которая разразилась в пустой сейчас операционной худлариан два дня назад, Приликла задрожал всем своим хрупким телом. Он описал положение вещей в самом начале операции. Маленький ЖЛНО не записывал худларскую мнемограмму по своей физиологии и поэтому не мог судить о состоянии пациента со стороны, да и сам больной был под наркозом и почти ничего не изучал. Маннон и его персонал выполняли свои обязанности и, чтобы излучать, были слишком заняты. И тут со старшим терапевтом Манноном произошел... несчастный случай. Фактически, на самом деле, это были пять отдельных и вполне заметных случаев.

Тело Приликлы буквально колотило.

— Я... мне очень жаль, — извинился Конвей.

— Я это знаю, — ответил эмпат и продолжил рассказ.

Чтобы наиболее эффективно работать в области операционного поля, больной содержался при частично пониженном давлении. Учитывая частоту пульса и кровяное давление пациента, здесь существовала определенная опасность. Но доктор Маннон сам предложил процедуру и, следовательно, лучше всех мог оценить степень риска. Из-за пониженного давления оперировать надо было быстро, и поначалу казалось, что все идет хорошо. Маннон вскрыл часть гибкого хитинового покрова худларианина и занялся подкожным кровотечением, и тут он допустил первую ошибку, за которой быстро, одна за другой, последовали еще две. Приликла не мог сам определить, были ли ошибки; визуально об этом свидетельствовала эмоциональная реакция Маннона — самая страшная, которую когда-либо переносил эмпат, — именно по ней он установил, что хирург совершил серьезную, грубую оплошность.

Две следующие ошибки произошли через более продолжительные промежутки времени. Действия Маннона стали ужасающе медлительными, его движения скорее напоминали дерганье практиканта, а не работу одного из самых искусных хирургов Госпиталя. Он был настолько заторможен, что хирургическое вмешательство пришлось прекра-

тить, и Маннон едва успел должным образом остановить операцию и поднять кровяное давление у пациента, чтобы состояние его не стало необратимым.

— ... Это было весьма печально, — продолжая сильно дрожать, сказал Приликла. — Он хотел работать быстрее, но прежние ошибки лишили его уверенности в себе. Он по два раза прикидывал, как сделать простейшие вещи, вещи, которые хирург его класса сделал бы не задумываясь, автоматически.

Какое-то время Конвей оставался безмолвным, размышляя о том ужасном положении, в котором оказался Маннон. Затем он спросил:

— Было ли еще что-нибудь необычное в его чувствах? Или в чувствах операционной бригады?

— Когда источник излучает так... так, с таким отчаянием, выделить тонкие нюансы в эмоциях трудно. — Приликла заколебался. — Но у меня сложилось впечатление... эффект трудно описать... что-то вроде слабого эмоционального эха разной продолжительности.

— Вероятно, худларианская мнемограмма, — предположил Конвей. — Я и сам не раз испытывал раздвоение личности.

— Возможно, что дело могло бы быть и в этом, — сказал Приликла. В устах существа, которое неизменно и с энтузиазмом соглашалось со всем, что ему говорилось, эти слова практически означали отрицательный ответ.

У Конвея начинало складываться ощущение, что он, похоже, натолкнулся на что-то важное.

— А как насчет остальных?

— Две медсестры излучали комбинацию удивление — беспокойство — страх, указывающую на неприятные переживания. Я находился на смотровой галерее и наблюдал оба случая, причем один из них меня просто потряс...

Когда одна из медсестер поднимала поднос с инструментом, с ней чуть было не произошло несчастье. Длинный, тяжелый худларианский скальпель шестого размера, используемый для вскрытия исключительно твердого кожного покрова этих существ, по какой-то причине соскользнул с подноса. Для кельгиан даже небольшая колотая или резаная рана представляет серьезную опасность. Поэтому

медсестра-кельгианка, увидев, что злополучное лезвие падает на незащищенную часть ее тела, сильно испугалась. Но каким-то образом — каким, учитывая форму и блансировку лезвия, сказать трудно — оно упало так, что не повредило ни кожу, ни даже мех. Кельгианка успокоилась и благодарила судьбу, но чувство недоумения у нее осталось.

— Могу себе представить, — сказал Конвей. — Наверно, старшая сестра устроила ей разнос. Там, где дело касается операционного персонала, маленькие ошибки могут стать причиной большого преступления...

Ноги Приликлы вновь задрожали, это был признак того, что эмпат пытается выразить легкое несогласие.

— Существо, о котором шла речь, сама была старшей операционной сестрой. Вот почему, когда другая сестра напутала с инструментом — то ли чего-то не хватало, то ли что-то было лишним, — выговор был относительно мягким. И в обоих случаях я уловил эхо-эффект, как у Маннона, только теперь он исходил от медсестер.

— Возможно, в этом что-то есть! — возбужденно воскликнул Конвей. — У них был какой-либо физический контакт с Манноном?

— Они ему ассистировали, — ответил Приликла, — и были соответствующе одеты. Так что я не вижу, судя по вашему возбуждению, то, о чем вы подумали. Извините, друг Конвей, но, мне кажется, эти эхо-эффекты, хотя они и своеобразны, не заслуживают внимания.

— Однако в них есть что-то общее, — возразил Конвей.

— Да, — согласился Приликла, — но это что-то не имело собственной индивидуальности. Всего лишь слабое эмоциональное эхо разных чувств разных людей.

— Даже если и так, — промолвил Конвей.

Два дня назад в этой операционной три человека либо допустили ошибки, либо с ними что-то случилось, при этом они излучали эмоциональное эхо, которое эмпат считал незаслуживающим внимания. Наличие случайного совпадения Конвей исключал, так как в этом отношении методы отбора кадров, применяемые О'Марой, были весьма эффективны. Но предположим, Приликла ошибается, и кто-то проник в операционную или Госпиталь, какая-то неизвестная до сих пор форма жизни, которую трудно обнару-

жить. Было хорошо известно, что, если в Госпитале происходило что-то странное, очень часто причины этого оказывались внешними. Однако в данный момент у Конвея не было достаточно свидетельств, чтобы выдвинуть хоть какую-то гипотезу. И первым делом было необходимо собирать факты, даже если он и упустил что-то важное для разгадки.

— Я проголодался, да и самое время побеседовать с самим человеком, — неожиданно предложил Конвей. — Давайте найдем его и пригласим на ланч.

Столовая для членов медицинского и обслуживающего персонала, которые дышали кислородом, занимала целый уровень. Когда-то помещение разделили на секции для каждого физиологического вида с помощью низко натянутых веревок. Но система сработала плохо, так как посетители разных видов часто хотели пообщаться друг с другом за столом или обнаруживалось, что в какой-то секции все места заняты, а в другой, наоборот, пустуют. Поэтому было неудивительно, что, когда они прибыли на место, перед ними встал выбор между огромным тралтанским столом со скамейками на соответствующем расстоянии и столом для мелфиан, который был удобнее, но стулья тут напоминали сюрреалистические корзины для мусора. Они выбрали второй вариант и, кое-как устроившись, приступили к обычной процедуре заказа.

— Сегодня я являюсь сам собой, — ответил Приликла на вопрос Конвея. — Мне, пожалуйста, как всегда.

Конвей набрал заказ “как всегда” — три порции чего-то, напоминающего земное спагетти, — и посмотрел на Маннона.

— У меня за душой ФРОБ и МСВК, — угрюмо сообщил тот. — Худлариане в пище непривередливы, а вот этих чертовых МСВК тошнит от всего, кроме птичьего корма! Дайте мне что-нибудь съедобное, только не говорите что, и сделайте из этого три сэндвича, чтобы я не видел начинку...

В ожидании заказа Маннон вел спокойную беседу, но, судя по тому, что Приликла трясся как лист, его спокойствие было наигранным.

— Ходят слухи, что ваша парочка пытается вытащить меня из беды, в которую я угодил. Очень мило с вашей стороны, но вы зря теряете свое драгоценное время.

— Мы так не думаем, да и О'Мара придерживается иного мнения, — возразил ему Конвей, значительно исказив истину. — О'Мара считает, что и физически, и психически вы абсолютно здоровы и что ваше поведение абсолютно для вас нехарактерно. Тут должно быть какое-то объяснение, возможно, что какое-то влияние извне, что-нибудь такое, чье присутствие или отсутствие повлияло на ваше поведение необычным образом...

Конвей подчеркнул, как мало они на сегодня знают, стараясь чтобы его слова звучали более обнадеживающе, чем он чувствовал себя на самом деле, но Маннон был отнюдь не дураком.

— Не знаю, то ли я должен испытывать благодарность за ваши усилия, то ли беспокойство о том, все ли благополучно с вашими уважаемыми головами, — сказал он, когда Конвей закончил свою речь. — Все это своеобразие и достаточно сомнительное влияние на умственные процессы извне заключается в... в... рискуя обидеть нашу Долгоножку, я все же скажу, что все своеобразие заключается в ваших умах и в том, что вы сами себе лжете — ваши попытки найти мне оправдание становятся нелепыми!

— И это вы мне будете указывать на своеобразие моего ума! — воскликнул Конвей.

Маннон спокойно рассмеялся, но Приликла задрожал еще сильнее.

— Обстоятельства, кто-то или что-то, — повторил Конвей, — чье присутствие или отсутствие, должно быть, повлияло на ваше...

— О, боги! — взорвался Маннон. — Вы же не думаете о моей собаке!

Конвей как раз думал о собаке, но он внутренне смалодушничал, чтобы сразу это признать. Вместо этого он спросил:

— Доктор, а вы о ней думали во время операции?

— Нет! — ответил Маннон.

Наступила долгая, неловкая тишина, во время которой панели на обслуживающем устройстве скользнули в сторону и на свет появились их заказы.

Именно Маннон заговорил первым.

— Я любил этого пса, — осторожно сказал он, — то есть любил, когда был самим собой. Но последние четыре года в связи с преподавательскими обязанностями я был вынужден жить постоянно с мнемограммами МСВК и ЛСВО, а недавно Торннастор пригласил меня участвовать в своем проекте, и мне понадобились записи жителей Худлара и Мелфа. Эти мнемограммы тоже не стирались. Когда твой мозг считает, что он принадлежит пяти разным существам — пяти очень разным существам... ладно, вы сами хорошо знаете, каково это испытывать...

Конвей и Приликла знали это более чем хорошо.

Госпиталь имел все необходимое для исцеления любой известной формы разумной жизни, но один отдельный врач мог удержать в голове лишь малую толику физиологических данных, необходимых для успешного лечения. Хирургическое мастерство зависело от способностей и практики врача, но полное знание физиологии любого пациента обеспечивалось с помощью учебной мнемограммы, которая являлась просто репликой личности какого-нибудь медицинского гения, принадлежащего к той же или подобной расе, что и больной. Если доктору с Земли приходилось лечить кельгианина, ему накладывали физиологическую мнемограмму ДБЛФ, а когда лечение завершалось, запись в мозге стиралась. Единственным исключением из этого правила были старшие терапевты-преподаватели и диагностики.

Последние принадлежали к элите, это были существа, чья психика считалась достаточно устойчивой, чтобы постоянно содержать в мозге шесть, семь, а то и десять мнемограмм одновременно. Их переполненным знаниями мозгам поручались оригинальные разработки в области ксеномедицины и лечение новых болезней у ранее неизвестных пациентов.

Но записи привносили не только информацию о физиологии, но и все воспоминания и личность того, кто ею обладал. По существу диагност добровольно становился жертвой сильнейшей формы шизофрении. Существа, разделяющие один мозг, могли быть неприятными или агрессивными личностями — гении редко бывают обаятельны-

ми, — отягощенными разного рода фобиями и недостатками. Это проявлялось не только во время приема пищи. Самыми страшными были периоды, когда носитель мнемограммы расслаблялся перед сном.

Ночные кошмары инопланетян были действительно кошмарами, а их сексуальные фантазии и мечты об исполнении желаний могли заставить кого угодно возжелать, если он вообще еще оставался способен чего-нибудь осознанно желать, только одного — собственной смерти.

— ... На протяжении лишь нескольких минут, — продолжал Маннон, — из свирепого лохматого зверя, намеревающегося вырвать перья с моего живота, она превращалась в безмозглый клубок шерсти, который так и хотелось растоптать одной из шести моих ног, если она не уберется с дороги к чертовой матери, и при этом она оставалась обыкновенной собакой, которой просто хотелось поиграть. Вы знаете, это было не совсем честно по отношению к дворняге. Под конец она стала очень дряхлой и сбитой с толку собакой, и я скорее рад, чем огорчен, что она умерла.

А теперь давайте поговорим о чем-нибудь более приятном, — оживленно заявил Маннон. — В противном случае мы окончательно испортим ланч доктору Приликле...

Именно этим он и занимался в течение оставшегося времени, с очевидным удовольствием пережевывая пикантные слухи, дошедшие из метановых палат для СНЛУ. Конвей был несколько изумлен, каким образом происходят скандалы между разумными кристаллическими существами, живущими при минус ста пятидесяти градусах, и почему их этические недостатки так интересны для дышащего кислородом теплокровного. Если только это не одна из причин, по которой старший терапевт Маннон является без пяти минут диагностом.

Или являлся.

Если Маннон ассистировал Торннастору, главному диагносту отделения патологии (то есть старшему диагносту Госпиталя), в одном из проектов этого августейшего существа, значит, он был обязан находиться в хорошей физической и психологической форме — диагносты были очень разборчивы в своих помощниках. И все, что говорил ему главный психолог, указывало на то же самое. Но тогда что

могло найти на Маннона два дня назад и заставить его вести себя так, как это было?

Пока собеседники Конвея говорили между собой, он начал понимать, что собрать необходимые показания, возможно, будет очень трудно. Вопросы, которые он должен задать, потребуют такта и каких-то объяснений, почему он этим интересуется. Его мысли все еще витали где-то вдалеке, когда Маннон и Приликла стали подниматься из-за стола. Выходя из зала, Конвей придвинулся поближе к эмпату и тихо спросил:

— Было какое-нибудь эхо, доктор?

— Никакого, — ответил Приликла, — вообще никого.

За какие-то секунды их место заняли три кельгианки. Пушистые тела серебристых гусениц украсили стулья для ЕЛНТ, их передние конечности свесились над столом так, чтобы существам было удобно принимать пищу. Одна из них была Нейдред — старшая медсестра из операционной бригады Маннона. Конвей извинился перед друзьями и поспешил вернуться к столу.

Когда он кончил говорить, первой ответила именно Нейдред.

— Мы были бы рады помочь, сэр, но ваша просьба весьма необычна. По крайней мере она подразумевает соблюдение полной конфиденциальности...

— Но мне нужны имена, — нетерпеливо заверил Конвей. — Ошибки нужны только для статистики, никаких дисциплинарных мер принято не будет. Это неофициальное расследование, и я веду его частным образом. Единственная его цель — помочь доктору Маннону.

Естественно, они все искренне желали помочь своему шефу, и Конвей продолжил:

— Давайте просуммируем: если признать, что старший терапевт Маннон совершил крупное профессиональное нарушение, — а мы все это признаем, — то следует предположить, что его ошибка была вызвана посторонним влиянием. Поскольку существует твердое свидетельство того, что доктор был психически нормален и не страдал какой-либо болезнью или физическим недостатком, отсюда следует, что мы должны искать постороннее воздействие —

или, если быть точнее, признаки его наличия или отсутствия, — которое может оказаться психическим.

Ошибки людей, облеченных властью, всегда заметнее и серьезнее, чем ошибки подчиненных, но, если эти ошибки вызваны внешними причинами, они не ограничатся лишь неверными действиями начальства, и вот тут-то нам и нужна информация. В данном случае ошибочные действия просто неизбежны, особенно среди стажеров — все мы это понимаем. Что мы должны узнать, так это, наблюдалось ли общее или локальное увеличение числа мелких ошибок, и если наблюдалось, то конкретно где и когда это происходило.

— Должны ли мы сохранять этот разговор в тайне? — спросила одна из кельгианок.

Конвей чуть не поперхнулся при мысли, что в этом заведении можно что-нибудь сохранить в тайне. К счастью, сарказм, прозвучавший в его голосе, был отфильтрован транслятором.

— Чем больше служащих Госпиталя будут поставлять об этих случаях информацию, тем лучше, — объяснил он, — просто будьте поосмотрительней.

Несколькими минутами позже он стоял уже возле другого стола и говорил что-то похожее. Затем еще один стол и еще... Сегодня он поздно вернется в свои палаты, но, к счастью, у него были хорошие ассистенты, которые были просто рады, когда им выпадал случай показать, как отлично они справляются без своего начальника.

В течение оставшегося дня особых сообщений не поступило, да он их и не ожидал, зато на следующий день представительницы младшего медицинского персонала всех видов и форм стали с подчеркнутой таинственностью подходить к нему то здесь, то там и сообщать о различных инцидентах, которые неизменно происходили с кем-нибудь другим. Конвей тщательно отмечал время и место происшествий, не проявляя при этом никакого интереса к именам и личностям, которых это касалось. Утром третьего дня, во время обхода, его отыскал Маннон.

— Конвей, вы и впрямь занялись моим делом, не так ли? — резко спросил он. — Я вам благодарен. Преданность — приятная штука, даже если она направлена не по адресу.

Но я хотел бы, чтобы вы остановились. Вы нарываетесь на крупные неприятности.

— Неприятности у вас, доктор, а не у меня, — ответил Конвей.

— Это вы так считаете, — с уверенностью сказал Маннон. — Я только что от О'Мары. Он хочет вас видеть. И немедленно.

Через несколько минут ассистент О'Мары жестом указал Конвею, что тот может пройти в святая святых. При этом помощник изо всех сил пытался предупредить врача бровями о приближении неминуемого конца, одновременно выражая свое сочувствие опущенными уголками рта. Комбинация была настолько нелепой, что Конвей ничего не успел сообразить, как уже оказался перед О'Марой, на лице которого играла глупая ухмылка, означавшая крайнюю степень недовольства.

Психолог ткнул пальцем в сторону самого неудобного кресла и выкрикнул:

— Какого черта, что вы там затеяли, наводнив Госпиталь бестелесными разумными существами?!

— Что?.. — начал было ничего не понимавший Конвей.

— ... Вы что, играете в дурака?! — продолжал бушевать О'Мара, не обращая внимания на попытки Конвея ответить. — Или намерены выставить дураком меня? Не перебивайте! Скажите спасибо, что вы здесь самый молодой старший врач, а ваши коллеги — отмечу, никто из них не занимается прикладной психологией — очень высоко о вас отзываются. Но подобное идиотское и безответственное поведение достойно лишь пациента психиатрической палаты!

Благодаря вам дисциплина младшего персонала катится вниз, — продолжал О'Мара уже более спокойно. — Совершать ошибки теперь стало едва ли не заранее решенным делом! Практически каждая старшая медсестра слезно меня — меня! — умоляет избавить ее от чудовища! Вы только то и сделали, что придумали монстра, которого нельзя увидеть, пощупать и обнаружить. Ну, а освободить от него, естественно, святая обязанность главного психолога!

О'Мара сделал паузу, чтобы перевести дух, а когда он снова заговорил, голос его стал спокойным и почти вежливым.

— И не думайте, что вам удастся кого-нибудь обмануть. Попросту говоря, вы надеетесь, что если вокруг будет допускаться множество ошибок, то ошибка вашего друга пройдет относительно незамеченной. И прекратите открывать и закрывать рот — ваша очередь говорить еще настанет! Во всей этой ситуации меня на самом деле волнует лишь один аспект — это то, что я разделяю с вами ответственность за происходящее. Я задал вам неразрешимую задачу в надежде, что вы подступитесь к ней под новым углом зрения — углом, который принес бы нам хотя бы частичное решение, достаточное, чтобы снять нашего приятеля с крючка. Вместо этого вы создали новую проблему, пожалуй, похлеще прежней.

Возможно, из-за вполне простительного раздражения я слегка преувеличиваю, доктор, — уже совсем спокойно продолжал О'Мара, — но факт остается фактом, у вас с этим делом могут быть серьезные неприятности. Я не верю, что медсестры намеренно допускали ошибки — по крайней мере не до такой степени, чтобы это угрожало их пациентам. Но очевидно, что любое послабление в требованиях очень и очень опасно. Доктор, теперь-то вы хоть начинаете понимать, что вы натворили?

— Да, сэр, — ответил Конвей.

— Вижу, что начинаете, — сказал О'Мара с необычной для него мягкостью. — А сейчас я хотел бы узнать, почему вы это сделали. Итак, доктор?

Конвей тянул время, подбирая слова для ответа. Уже не один раз покидал он кабинет главного психолога со слегка подпаленными крыльями, но на этот раз дело, похоже, было серьезным. Общеизвестное мнение гласило, что, когда О'Мару не очень волновал вопрос, или в тех редких случаях, когда человек ему действительно нравился, психолог позволял себе расслабиться, быть несносным и демонстрировать свой дурной характер. Но если О'Мара становился тихим и вежливым, а в его голосе не слышалось сарказма, другими словами, если он начинал относиться к подчиненному скорее как к пациенту, а не как к коллеге, значит, человек увяз в неприятностях по самые уши.

Наконец Конвей начал говорить:

— Поначалу это была просто история, объясняющая мое любопытство. Медсестры не рассказывают сказки, хотя могло сложиться впечатление, что именно этого я от них и хочу. Все, что я сделал, так это выдвинул предположение, что доктор Маннон со всех точек зрения здоров; внешнее физическое воздействие инопланетных бактерий, паразитов и им подобных я исключил из-за тщательности наших асептических процедур. Относительно его психического состояния вы, сэр, сами нас убеждали, что здесь все в порядке. Таким образом, я обосновал существование внешнего не... нематериального воздействия, которое может быть направлено как намеренно, так и произвольно.

У меня пока нет никакой определенной теории, — быстро продолжил Конвей. — И ни о каких бестелесных разумах я никогда не упоминал, но в операционной происходит что-то необычное, и не только когда там работает Маннон.

Он описал эффект эха, обнаруженный Приликлой в эмоциональном излучении Маннона во время операции, и подобный же эффект у Нейдред, когда произошел случай со скальпелем. Был еще и недавний инцидент с интерном о Мелфа, чей аэрозольный распылитель не стал распылять — конечности мелфан не были приспособлены к хирургическим перчаткам, поэтому перед операцией они напыляли на них пластик. Когда интерн попытался использовать баллончик, из того просочилась, как описывал мелфанин, металлическая овсяная каша. Позднее этот баллончик так и не нашли. Возможно, что он и не существовал. Имели место и другие необычные происшествя. Ошибки, которые казались уж слишком простыми для опытного персонала, — ошибки при подсчете инструментов, падение вещей, и все это, похоже, подразумевало временные умственные расстройства, а возможно, и направленные галлюцинации.

— ...На сегодня у меня недостаточно примеров, чтобы провести что-либо значащий статистический анализ, хотя их достаточно, чтобы я заинтересовался. Я бы дал вам все имена участников происшествий, если бы заранее не обещал оставить их в тайне, так как меня заботило, что вам лично захочется узнать, как они сами все это описывают.

— Возможно, доктор, — холодно сказал О'Мара. — С другой стороны, я мог бы и не захотеть оказывать профес-

сиональную поддержку вашему разыгравшемуся воображению, расследуя подобные пустяки. Что же касается недавних происшествий со скальпелями и тому подобными предметами, то, по моему мнению, некоторым существам просто везет, некоторые временами туго соображают, а некоторые обожают морочить головы окружающим. Итак, доктор?

Конвей крепче сжал ручки своего кресла и упрямо продолжил:

— Упавший скальпель был предназначен для ФРОБа, тип шесть. Это очень тяжелый несбалансированный инструмент. Упав он даже ручкой вперед, и вошел бы в тело Нейдред на несколько дюймов и нанес ей тяжкую глубокую рану — если бы он только вообще существовал физически! В чем я начинаю немного сомневаться. Вот почему я думаю, что стоит расширить круг этого расследования. Могу я получить разрешение на встречу с полковником Скемптоном и, если будет необходимо, с людьми из разведки Корпуса мониторов, чтобы проверить, откуда недавно прибывали корабли?

Ожидаемого взрыва не последовало. Голос О'Мары звучал даже сочувственно.

— Я никак не могу решить, — сказал он, — то ли вы искренне верите, что напали на какой-то след, то ли вы просто настолько далеко зашли, что не можете отступить, не выставив при этом себя в нелепном свете. Что касается меня, то я уверен, что в более нелепом виде, чем сейчас, вам предстать не удастся. Доктор, не бойтесь признать, что вы были неправы, и начинайте восстанавливать урон, нанесенный дисциплине вашей безответственностью.

О'Мара ожидал ответ Конвея ровно десять секунд.

— Что ж, ладно, доктор, — произнес он после этого. — Повидайте полковника, и скажите Приликле, что я меняю его рабочий график. Это может оказаться полезным, если ваш эхо-детектор будет всегда под рукой. Коль вы настаиваете на том, чтобы корчить из себя дурака, так уж хотя бы это делайте по-людски. Ну, а потом... что ж, нам будет очень жаль, если Маннону придется уйти, и совершенно искренне, я полагаю, то же

самое я должен сказать про вас. Скорее всего вы улетите одним рейсом...

Несколькими секундами позже Конвей был уже свободен.

Сначала сам же Маннон обвинил его в ненужной преданности, теперь О'Мара в свою очередь утверждает, что нынешнее положение Конвея является результатом нежелания признавать собственные ошибки. Ему предлагали выход, от которого он отказался, и теперь им все больше и больше овладевали мысли о службе в небольшом многопрофильном госпитале, а то и в госпитале на какой-нибудь планете, где появление пациента из другого мира было целым событием. От этих мыслей у Конвея неприятно засосало под ложечкой. Может быть, он действительно выстроил свою теорию на песке и отказывается это признать? Может быть, странные ошибки были частью совершенно другой головоломки, не имеющей к проблеме Маннона ни малейшего отношения. Пока он шагал по коридору, лавируя и избегая столкновений каждые несколько ярдов, в нем все больше росло желание ринуться обратно к О'Маре, со всем согласиться и, униженно попросив прощения, пообещать, что впредь он будет пай-мальчиком. Но к тому времени, когда Конвей созрел, он уже стоял перед дверью полковника Скемптона.

Управление Госпиталем и его снабжение в основном осуществлялось Корпусом мониторов, который является исполнительной и правоохранительной ветвью власти Федерации. Будучи старшим офицером Корпуса, помимо неслетного количества самых разнообразных административных обязанностей, Скемптон руководил в Госпитале прибытием и отлетом кораблей. Говорил, что крышка его стола не видна из-под бумаг с тех пор, как он сюда прибыл. Когда Конвей появился в кабинете, полковник поднял голову и поздоровался:

— Доброе утро! — Затем он снова устался в стол и сообщил: — Десять минут...

Но времени ушло гораздо больше. Конвей интересовался транспортом с необычных планет или кораблями, прибывшими из необычных мест. Он хотел получить данные об уровне развития медицины и техники на этих планетах

и о физиологической классификации аборигенов — особенно, если там были сильно развиты психологические науки и псионика или число случаев психических заболеваний было необычайно велико. Скемптон начал раскопки в завалах на столе.

Но за последние несколько недель все транспортные корабли, корабль “скорой помощи” и суда, привлекавшиеся к работе в аварийной службе, прибыли из миров Федерации, которые были хорошо известны и безобидны с медицинской точки зрения. Все, кроме одного — исследовательского корабля по культурным связям “Декарт”. Он приземлялся, правда, очень не надолго, на самой что ни есть, необычной планете. Никто из команды судно не покидал, люки оставались закрытыми, а взятые образцы воздуха, воды и поверхностного вещества были проанализированы и признаны интересными, но безопасными. Отделение патологии Госпиталя провело более тщательный анализ и сделало то же заключение. “Декарт” прилетал сюда на короткий срок, чтобы оставить образцы и пациента...

— Пациент! — чуть ли не закричал Конвей, когда полковник достиг в своем докладе этого места.

Скемптону не надо было обладать эмпатическими способностями, чтобы узнать, о чем думает врач.

— Да, доктор, но не тешьте себя напрасными надеждами, — посоветовал полковник. — Ничего экзотичней сломанной ноги у него нет. И несмотря на тот факт, что внеземные козявки находят для себя невозможным жить на существах с других планет и это бесконечно упрощает работу ксеномедицины, корабельные медики продолжают искать исключение, которое лишний раз подтвердило бы правило. Короче говоря, он страдает лишь от того, что у него сломана нога.

— Все равно мне хотелось бы с ним встретиться, — настаивал Конвей.

— Уровень двести восемьдесят три, палата номер четыре, — сообщил полковник. — И не хлопайте, пожалуйста, дверь!

Но встречу с лейтенантом Харрисоном пришлось отложить до позднего вечера, так как Приликла заканчивал свои дела, да и у Конвея, помимо поисков гипотетических

бестелесных разумных существ, были еще и другие обязанности. Однако отсрочка была даже к лучшему, во время обходов и за едой в его распоряжение поступило много новой информации, хотя, как с ней поступить, он представлял себе весьма смутно.

Он подозревал, что число ошибок, просчетов, проявлений нерасторопности было удивительным лишь потому, что прежде он этим просто не занимался. Но он считал, что даже если это и так, то все равно глупые, нелепые ошибки, о которых он узнал, в особенности среди высокопрофессионального несущего ответственность старшего персонала, были наверняка чем-то нехарактерными. И они не складывались в картину, которую он ожидал. График мест и времени происшествий должен был бы показать ограниченное пятно этой гипотетической умственной заразы на ранней стадии, расширяющееся по мере распространения болезни. Вместо этого он указывал на единственный источник, перемещавшийся в пределах определенного района, — операционная худлариан и ее ближайшие окрестности. Что бы это ни было, если это вообще существовало, вело оно себя скорее как отдельная особь, а не как болезнь.

— ... что является нелепостью! — сам себе возражал Конвей. — Даже я не верю в бестелесный разум — это была всего лишь рабочая гипотеза. Не настолько я глуп!

Конвей посвящал Приликлу в последние новости, пока они добирались до палаты лейтенанта. Эмпат несколько минут молча следовал по стенке, принаравливаясь к походке врача, затем обреченно сказал:

— Согласен.

Хотя бы для разнообразия Конвей предпочел бы услышать какие—нибудь резонные возражения, поэтому он больше не вымолвил ни слова, пока они не пришли к палате 283-IV.

— Не считая некоторых временных структурных повреждений, вы находитесь в отличной форме, лейтенант, — начал Конвей на тот случай, если Харрисон будет обеспокоен присутствием у своей кровати сразу двух старших терапевтов. — Мы хотели бы с вами поговорить об обстоя-

тельстввах, приведших вас в теперешнее состояние. Если вы ничего не имеете против, конечно.

— Вовсе нет, — ответил лейтенант. — С чего начать: с посадки или с того, что было до нее?

— Было бы неплохо, если бы вы для начала рассказали о самой планете.

Лейтенант кивнул и поправил подушку так, чтобы было удобнее разговаривать.

— Это была странная штукавина, — начал затем он. — Мы долго наблюдали за ней с орбиты...

Ее окрестили Митбол¹, так как командир “Декарта” капитан Вильямсон очень усиленно противился, чтобы такую странную и неприятную планету назвали в его честь. Чтобы поверить в существование такой планеты, нужно было ее увидеть, но даже после этого ее открывателям было трудно поверить в то, что они видели.

Океаны планеты были похожи на густой, полный живности суп, а поверхность суши была почти полностью покрыта медленно передвигающимися огромными “коврами”, состоящими из животной и растительной жизни. Во многих районах наблюдались выходы на поверхность минеральных пластов и почвы, которые поддерживали местную флору. Некоторые растения росли в воде на дне моря, а некоторые пускали корни в органическую поверхность “ковров”. Но большая часть поверхности планеты была покрыта гигантскими живыми формациями, достигающими в некоторых местах полумили в толщину.

Они ползали, скользили и прокладывали себе путь между собой, чтобы получить доступ к необходимым растениям и минералам, или просто душили и поедали себе подобных. По ходу этой медленной борьбы живые формации вздымались холмами и опадали долинами, меняли очертания озер и морских побережий, из месяца в месяц обновляя топографию целого мира.

Специалисты с “Декарта” в целом пришли к общему мнению, что если на планете существует разумная жизнь, то она может с равной вероятностью принять одну из двух форм. Первая из них — крупная — один из гигантских

1

Митбол — от англ. *Meatball* — фрикаделька, тефтеля.

живых ковров, способный укрепиться за скальные породы своей центральной частью, а края оставить подвижными для обеспечения дыхания, пищеварения и вывода экскрементов. Ему также были бы необходимы средства защиты вдоль всего обширного периметра, чтобы предотвратить столкновения с менее разумными собратьями и разгонять больших и маленьких морских хищников, которые, казалось, круглые сутки отщипывали куски от гигантов.

Вторая форма — мелкая — весьма маленькие живые существа, гладкокожие, гибкие и достаточно подвижные, чтобы жить внутри или между гигантами, не подвергаясь воздействию пищеварительных процессов последних, у которых движения и метаболизм весьма замедлены. Дома этих существ должны быть достаточно безопасны, чтобы защищать потомство и развивать науку и культуру, располагаться они должны, вероятнее всего, в пещерах и туннелях под скальными породами.

Было маловероятным, что такие цивилизации могут обладать развитой техникой. На этой нестабильной планете создание сложных индустриальных машин было просто невозможно. Инструменты, если они их вообще изобрели, должны бы быть маленькими, ручными и несложными, само же общество — очень примитивным и без глубоких корней.

— Они могут быть сильны в философии, — перебил лейтенанта Конвей. Приликла придвинулся ближе, вздрагивая как от разгоряченности Конвея, так и от собственного возбуждения.

Харрисон пожал плечами.

— С нами был цинруссианин, — сказал он, глядя на Приликлу. — Он сообщил, что никаких признаков сложного эмоционального излучения, присущего разумным формам жизни, там нет, зато аура голода и чисто животной ярости, излучаемая едва ли не всей планетой, была настолько сильна, что эмпат почти все время прибегал к успокоительным лекарствам. Очень может быть, что это фоновое излучение заглушило эмоции разумных существ. Ведь на любой планете разумная жизнь составляет лишь малую долю всего живого.

— Понятно, — разочарованно сказал Конвей. — Как насчет посадки?

Капитан выбрал район, состоящий из какого-то плотного, кожистого, сухого материала. Он выглядел безжизненным и нечувствительным, так что пламя двигателей не вызвало бы чувства боли и у разумных, и у неразумных существ.

Приземлились они без приключений, и где-то в течение десяти минут ничего не происходило. Затем кожистая поверхность под ними стала постепенно прогибаться, но происходило это так медленно плавно, что корабельные гироскопы без труда удерживали вертикальное положение судна. Они стали погружаться сначала в небольшое углубление, а потом в кратер с низкими стенками. Стенки, словно губы, сомкнулись вокруг посадочных опор. Опоры корабля не складывались к центру корпуса, а были телескопическими. Гидравлические механизмы и сочленения опор стали сдавать с таким звуком, словно кто-то разрывал на мелкие кусочки листовой металл.

Потом кто-то или что-то стало швырять камни. Для Харрисона это звучало почти так же, как если бы “Декарт” сидел на вершине вулкана во время извержения. Грохот стоял невероятный, и единственным способом передавать приказы было общение через радиотелефоны, работающие с максимальной громкостью. Перед стартом Харрисону приказали быстро осмотреть хвостовой отсек, нет ли там повреждений...

— ... Я находился между внешней и внутренней обшивками, недалеко от дюз двигателей, как вдруг обнаружил дыру, — быстро продолжал лейтенант. — Она была около трех дюймов в поперечнике, а когда я ставил заплату, то обнаружил, что края ее намагничены. Прежде чем я успел закончить, капитан решил немедленно стартовать. Стенка кратера угрожала отхватить одну из опор. Он дал нам пятисекундную готовность...

В этом месте Харрисон сделал паузу, как бы проясняя что-то в собственной голове.

— Ну, вы понимаете, — осторожно продолжил он, — особой опасности тут не было. Мы стартовали с ускорением приблизительно полтора “же”, потому что были не уверены, то ли кратер является проявлением разума — пускай даже враждебного, — то ли это произвольное дви-

жение какой-нибудь большой грязной твари, закрывающей пасть. Вообще мы хотели избежать ненужных повреждений в этом районе. Если бы я держался руками за пару вспомогательных поручней и у меня было, куда упереться ногой, то все было бы в порядке. Но скафандры повышенной защиты очень неуклюжи, а пять секунд не такое большое время. Руками я уцепился хорошо и стал искать опору для ноги, которая там должна была быть. Тут я ее увидел и действительно почувствовал, как мой сапог ее коснулся, но... но...

— Вы были обиты с толку и не рассчитали расстояние, — ровным голосом закончил за него Конвей. — А возможно, вы просто себе представили, что она там была.

По другую сторону от лейтенанта снова задрожал Приликла.

— Извините, доктор, — произнес он. — Никакого эха.

— А я его и не ожидал, — ответил Конвей. — Сейчас эта штука уже в другом месте.

Харрисон переводил взгляд с одного врача на другого. Выражение его лица было озадаченным и усталым.

— Может быть, я действительно только представил, — сказал он. — Как бы то ни было, она меня не поддержала, и я упал. Во время старта посадочная опора с моей стороны оторвалась, обломки ее несущей конструкции так плотно заклинили пространство между ошибками, что выбраться я не мог. Со стороны внутренней обшивки слишком близко проходили кабели из двигательного отсека, и они не стали рисковать и пытаться меня вырезать изнутри. Корабельный врач сказал, что лучше прилететь сюда и обратиться за помощью к вашей специальной аварийной команде. Во всех случаях мы должны были доставить вам образцы.

Конвей бросил быстрый взгляд на Приликлу и спросил лейтенанта:

— Во время обратного полета в Госпиталь цинруссиянин, бывший на борту, следил за вашим эмоциональным излучением?

Харрисон покачал головой:

— В этом не было нужды. Да к тому же, несмотря на лекарства из аптечки скафандра, я испытывал боль, а для

эмпата это было бы неприятно. Никто не мог ко мне приблизиться больше, чем на несколько ярдов...

Лейтенант сделал паузу, затем тоном человека, желающего сменить неприятную для него тему беседы, радостно заявил:

— В следующий раз мы пошлем вниз беспилотный корабль, напичканный аппаратурой для связи. Если эта штукавина всего лишь абсолютно безмозглая тварь с большой пастью, соединяющейся с еще большим брюхом, то в худшем случае потеряем простую железку, а зверюга заработает несварение желудка. Ну, а если она разумна или там есть разумные существа поменьше, которые, возможно, используют или приручили гигантов — специалисты по контактам утверждают, что такая вероятность велика, — тогда им должно стать любопытно, и они постараются с нами связаться...

— Уму непостижимо, — рассмеялся Конвей. — В настоящий момент я изо всех сил пытаюсь не думать о медицинских проблемах, которые могут возникнуть у существа размером с субконтинент. Но вернемся к нашим баранам, лейтенант Харрисон, мы с коллегой вам очень обязаны за предоставленную информацию и надеемся, что вы не будете возражать, если мы снова к вам заглянем, чтобы...

— В любое время, — перебил Харрисон. — Рад был помочь. Понимаете, у большинства местных медсестер или манипуляторы, или щупальца, или слишком много ног... Не обижайтесь, доктор Приликла...

— Ничуть, — заверил эмпат.

— ... А мои понятия об уходе за пациентами достаточно старомодны, — закончил молодой человек с явно удрученным видом.

Выйдя в коридор Конвей позвонил в жилую каюту Мэрчисон. К тому времени, когда он закончил объяснять, чего же он от нее хочет, девушка совсем проснулась.

— Через два часа я заступаю на дежурство, и у меня не будет свободного времени в течение еще шести часов, — зевая, сообщила она. — И обычно я не трачу свое драгоценное время на игры в Мата Хари с одинокими пациентами. Но если у него есть информация, которая может помочь доктору Маннону, то я вовсе не возражаю. Для этого человека я готова сделать все, что угодно.

— А как насчет меня?

— А для тебя, дорогой, почти все.

Конвей повесил трубку и обратился к Приликле:

— Что-то проникло на этот корабль. Харрисон испытывал тот же тип слабых галлюцинаций или умственное расстройство, что и наш персонал. Но я не перестаю думать об отверстии во внешней обшивке — бестелесному разуму вовсе не нужны дыры, чтобы куда-нибудь залезть. Куда это нас ведет?

Приликла не знал.

— Вероятно, я буду об этом сожалеть, — сказал Конвей, — но думаю, что надо позвонить О'Маре...

Но поначалу главный психолог не давал ему открыть рта. Только что его кабинет покинул Маннон, который сообщил, что состояние пациента с Худлара резко ухудшилось и что необходима повторная операция не позднее завтрашнего полудня. Было очевидно, что старший терапевт не питает надежд на то, что пациент выживет, но он сказал, что если на это и есть небольшая надежда, то безотлагательная операция ее значительно увеличит.

— Времени доказать свою теорию, Конвей, — закончил О'Мара, — у вас совсем немного. А теперь, что вы хотели мне сказать?

Новости о Манноне выбили Конвея из колеи настолько, что он с прискорбием понял, какими неубедительными и, что самое страшное для О'Мары, бессвязными будут его доклад и идеи по поводу происшествия на Митболе. Психолог был весьма нетерпелив с теми, кто не мог ясно выразить свои мысли.

— ... И вся история настолько необычна, — неуклюже заключил Конвей. — Теперь я почти уверен, что дело с Митболом не имеет никакого отношения к проблеме Маннона, если только...

— Конвей! — резко перебил его О'Мара. — Вы крайне возбуждены и ходите кругами! Вы должны понимать, что, если два необычных явления отделены друг от друга небольшим отрезком времени, то вероятность того, что они вызваны одной и той же причиной весьма велика. Меня не слишком беспокоит, если ваша теория окажется до крайности нелепой — в конце концов, вы пришли к ней

не формальным, но логическим путем, — но меня очень беспокоит ваше полное нежелание думать. Быть неправым, доктор, бесконечно предпочтительней, чем быть глупцом.

В течение нескольких секунд Конвей тяжело сопел носом, пытаясь обуздать свой гнев, чтобы иметь возможность ответить. Но О'Мара облегчил его задачу, незамедлительно дав отбой:

— Он был не очень вежлив с вами, друг Конвей, — констатировал Приликла. — К концу он был прямо-таки совсем невежлив. Это важное подтверждение его истинного к вам отношения этим утром...

Конвей против собственной воли расхохотался:

— В один прекрасный день, доктор, вы забудете кому-нибудь сказать что-то приятное, и тогда в этом Госпитале все попадают замертво.

Самым паршивым во всей этой истории было то, что они не знали, чего они ищут, а теперь время на поиски было урезано вдвое. Все, что им оставалось делать — это продолжать сбор информации и надеяться, что из этого выйдет какой-нибудь толк. Но даже вопросы, которые они задавали, звучали бессмысленно — вариации на тему: “Было ли за последние дни в ваших действиях или бездействии что-нибудь такое, что вызывало бы подозрение о постороннем влиянии на ваш мозг?” Это были корявые, глупые, почти не имеющие смысла вопросы, но они продолжали их задавать до тех пор, пока тонкие, как карандаш, лапки Приликлы не стали ватными от усталости — физическая выносливость эмпада была пропорциональна его силе, которая практически отсутствовала, — и он не отправился отдыхать. Конвей упрямо продолжал расспросы, чувствуя, что с каждым часом становится все более усталым, злым и глупым.

Он намеренно избегал встречи с Манноном — сейчас бы это стало только деморализующим фактором.

Он позвонил Скемптону, узнать, нет ли у него доклада корабельного врача с “Декарта”. Его нещадно обругали, так как у полковника по графику сейчас была середина ночи. Но Конвей обнаружил, что с тем же запросом к Скемптону уже обращался главный психолог. Причем, О'Мара мотивировал это тем, что предпочитает черпать

информацию из официальных документов, а не у предвзято настроенных врачей с их бестелесными страстями. Затем произошла совершенно непредвиденная вещь — все источники информации Конвея неожиданно пересохли.

Очевидно О'Мара провел с операционным персоналом один из периодических тестов, выбрав из него тех, у кого подошли сроки. Но большинство из этих существ были очень полезны, рассказывая Конвею о своих ошибках. Никто не утверждал, что Конвей нарушил конфиденциальность и что-то нашептал О'Маре, но в то же время, если бы даже это соответствовало истине, никто бы ничего вслух все равно не сказал. Конвей чувствовал себя усталым, обескураженным и тупым, но в основном усталым. Однако время приближалось к завтраку и смысла ложиться спать уже не было.

После обхода Конвей сходил на ранний ланч с Приликой и Манноном, а затем направился вместе с последним в кабинет О'Мары, в то время как эмпат поспешил в операционную для худлариан, чтобы проследить за эмоциональным излучением персонала во время подготовки к работе. Главный психолог выглядел слегка усталым, что было необычно, и был достаточно сварлив, что, как правило, служило хорошим признаком.

— Вы будете ассистировать старшему терапевту Маннону во время операции, доктор?

— Нет, сэр, только наблюдать, — ответил Конвей. — Но внутри операционной. Если начнется что-нибудь интересное, а я буду ассистировать, худларианская мнемोगрамма может сбить меня с толку, я же хочу быть начеку и...

— Начеку, он говорит! — воскликнул О'Мара уничижительным тоном. — Да, вы выглядите так, будто спите прямо на ходу. — Он обратился к Маннону: — Вы почувствуете облегчение, если узнаете, что я тоже начинаю подозревать наличие кое-чего интересного. Но на этот раз я буду следить за ходом операции из наблюдательного купола. А теперь, Маннон, если вы ляжете на кушетку, я лично проведу мнемозапись худларианской пленки...

Маннон сел на край низкой кушетки. Его колени были почти на одном уровне с подбородком, руки полускрещены

на груди — вся его поза напоминала человеческий эмбрион. Когда он заговорил, в голосе его звучали отчаяние и мольба.

— Смотрите. Я работал с эмпатами и телепатами много раз. Эмпаты воспринимают, но не передают эмоции, а телепаты могут общаться лишь только с себе подобными — как-то раз они попытались вступить в телепатический контакт со мной, но, кроме легкого почесывания мозгов, я ничего не ощутил. Но в тот день в операционной я владел полным контролем над собственной умственной деятельностью — в этом я абсолютно уверен! Однако все продолжают пытаться доказать мне, что кто-то нематериальный и невидимый, кого нельзя обнаружить, повлиял на мои оценки окружающего. Было бы гораздо проще, если бы вы признали, что тот, кого вы ищете, еще и не существует, но вы все чертовски...

— Извините, — перебил О'Мара, укладывая его на спину и прилаживая тяжелый шлем. Он потратил несколько минут, закрепляя электроды, и включил установку. Глаза Маннона затуманились, и в его мозг потекли мысли и воспоминания одного из величайших физиологов Худлара.

Как раз перед тем, как полностью потерять сознание, он пробормотал:

— Беда моя в том, что независимо от того, что я говорю и делаю, вы верите только хорошему...

Через два часа они стояли посреди операционной. Маннон был облачен в тяжелый операционный скафандр, а Конвей одел более легкий, обеспеченный только гравитационными нейтрализаторами. Гравиплиты под полом создали притяжение в пять "же" — худларианская норма, в то время как давление было лишь немногим выше земного. Низкое давление почти не беспокоило худлариан, и по сути дела они могли работать без защиты в космическом вакууме. Но если бы что-нибудь пошло катастрофически неверно и пациенту потребовалось полное давление атмосферы родной планеты, Конвею пришлось бы поспешно ретироваться. У него была прямая связь с Приликлой и О'Марой, которые находились в обсервационном куполе, и независимый канал связи с Манноном и операционной бригадой.

Неожиданно в его наушниках проскрипел голос О'Мары:

— Доктор, Приликла воспринимает эмоциональное эхо. А также излучение, указывающее на допущенные мелкие ошибки, — легкая степень беспокойства и замешательства.

— Иегуди шлет вам привет, — сказал Конвей ровным голосом.

— Кто?

— Человечек, которого нет, — ответил Конвей и продолжил, немного путаясь:

— На лестничный влез он пролет,
Он сегодня туда не взойдет.
Боже, так я хочу одного,
Чтобы не было завтра его.

О'Мара фыркнул и сообщил Конвею:

— Несмотря на то, что я сказал Маннону в своем кабинете, реальных доказательств того, что что-либо происходит, по-прежнему нет. Мои тогдашние замечания были предназначены помочь как доктору, так и пациенту. Я хотел поддержать у Маннона тающую уверенность в себе самом. Поэтому и для вас, и для Маннона было бы лучше, чтобы ваш человечек объявился и представился.

В этот момент в операционную ввезли больного и переложили на стол. Руки Маннона, торчащие из рукавов тяжелого скафандра, были покрыты лишь тонким прозрачным пластиком, но если бы понадобилось полное худларианское давление, он смог бы одеть защитные перчатки в течение нескольких секунд. Но вскрыть пациента в данных условиях означало вызвать декомпрессию внутри тела, поэтому последующие процедуры должны были проходить очень быстро.

Относящиеся к физиологическому виду ФРОБ, худлариане были низкими, плоскими существами невероятной силы и напоминали черепах с гибким панцирем. Худлариане были жесткими и снаружи, и внутри, причем настолько, что их медицина практически не знала, что такое хирургия. Если пациента нельзя было излечить с помощью медикаментов, очень часто случалось, что его нельзя излечить вообще, потому как на этой планете хирургия была трудноосуществимой, а то и вообще невозможной. Но в Госпитале, где необходимая комбинация давления и силы

тяжести могла быть воспроизведена за несколько минут, Маннон и его коллеги творили чудеса на грани возможного.

Конвей наблюдал, как хирург сделал треугольный надрез в броне пациента и удалил кусок панциря. Моментально над операционным полем повис ярко-желтый туманный конус с перевернутой вершиной — мельчайшая кровяная взвесь, выбрасываемая под давлением из нескольких поврежденных капилляров. Одна из медсестер быстро поместила пластиковый экран между местом надреза и гермошлемом Маннона, другая установила зеркало, чтобы хирург видел операционное поле. Через четыре с половиной минуты Маннон контролировал кровотечение. Он должен был это сделать за две.

Похоже Маннон прочитал мысли Конвея, потому что сказал вслух:

— Первый раз все делалось быстрее — я думал на два-три шага вперед, вы знаете как это бывает. Но я обнаружил, что начал делать те надрезы, очередь которых была через несколько секунд. Даже если бы это произошло единожды, все равно это достаточно плохо, но пять раз подряд!.. Я вынужден был прекратить операцию, пока не исхромсал пациента.

А теперь, — добавил он голосом, полным самообвинения, — я стараюсь быть аккуратным, но результат остается прежним.

Конвей продолжал молчать.

— Такая пустяковая опухоль, — продолжил Маннон. — Так близко к поверхности и не представляет особого труда для хирургии даже у худляриан. Просто отрезать нарост и вставить три поврежденных кровеносных сосуда в пластиковые трубки, а кровяное давление пациента и наши специальные зажимы создадут надежные перемычки, пока через несколько месяцев вены не регенерируют. Но такое!.. Вы когда-нибудь видели перештопанное лоскутное одеяло!..

Более половины опухоли — серой волокнистой массы, скорее похожей на растение, оставалось на месте. Пять главных артерий в районе операционного поля были повреждены — две по необходимости, остальные “случайно” — и соединялись трубками. Но то ли потому, что куски искусственных кровеносных сосудов были короткими, то ли

плохо закреплены, а возможно, из-за артериального давления, одна из трубок частично соскочила. Единственное, что спасло пациента, то что Маннон настоял на том, чтобы пациент продолжал находиться под наркозом. Малейшее физическое усилие могло вырвать капилляр из трубки, что вызвало бы обширное внутреннее кровоизлияние и, учитывая огромные частоту пульса и давление худляриан, смерть в пределах нескольких минут.

По радиоканалу О'Мары Конвей резко спросил:

— Какое-нибудь эхо? Вообще хоть что-нибудь?

— Ничего, — ответил О'Мара.

— Но это же нелепо! — Взорвался Конвей. — Если существует разум, телесный там или бестелесный, он должен обладать определенными качествами: любознательностью, умением пользоваться инструментами и так далее. Наш Госпиталь — большое и очень интересное место, без всяких известных нам барьеров, которые ограничивали бы перемещения разыскиваемой особи. Тогда почему она осталась на месте? Почему она не разгуливала по “Декарту”? Что заставляет ее оставаться в этом районе? Может быть она напугана, глупа, а может быть действительно лишена тела?

Навряд ли на Митболе можно будет отыскать сложную технику, — быстро продолжал Конвей, — но вот то, что у них хорошо развиты философские науки, вполне вероятно. Если на борт “Декарта” проникло что-то физическое, то есть вполне определенные пределы для минимальных размеров разумного существа и...

— Доктор, если вы хотите кому-нибудь задать эти вопросы, — спокойно сказал О'Мара. — Я немного на них надавлю, если что. Но времени осталось мало.

Конвей на мгновение задумался и сказал:

— Спасибо, сэр. Я хотел бы, чтобы вы вызвали сюда Мэрчисон. Она в ...

— В такое время, — воскликнул О'Мара угрожающим тоном, — он хочет вызвать свою...

— В данный момент она находится у Харрисона, — отрезал Конвей. — Я хочу установить физическую связь между лейтенантом и этой операционной, даже если он никогда сюда не приближался ближе, чем на пятьдесят уровней. Скажите ей, чтобы она у него спросила....

Это был обширный сложный многосторонний вопрос, призванный объяснить, каким образом маленькое разумное существо могло проникнуть в этот район незамеченным. Это был так же глупый вопрос, ибо любой разум, воздействующий и на землян, и на инопланетян, в равной степени, не мог быть не обнаружен таким эмпатом, как Приликла. Это возвращало его туда, откуда он начинал с нематериальным “чем-то”, которое не желало, или не могло выйти за пределы операционной.

— Харрисон говорит, что во время полета обратно у него часто были видения, — неожиданно прозвучал голос О’Мары. — Он говорит, что корабельный врач счел это нормальным, учитывая, сколько лекарств в него вкатили аптечка. Он также сообщает, что был полностью без сознания, когда его сюда доставили, и не знает как и где он попал в Госпиталь. А теперь, доктор, полагаю надо связаться с приемным отделением. Я вас подключаю к линии на тот случай, если я буду задавать не те вопросы...

Через несколько секунд ровный голос, который мог принадлежать кому угодно, медленно произнес через транслятор:

— Лейтенант Харрисон не был принят в Госпиталь согласно обычной процедуре. Будучи офицером Корпуса мониторов, чье медицинское прошлое известно до мелочей, он был принят через служебный люк номер пятнадцать под ответственность майора Эдвардса.

Эдвардса не было на месте, но в его кабинете заверили, что он будет через несколько минут.

Как-то сразу Конвей захотел отступить. Пятнадцатый люк был слишком далеко — трудное, сложное путешествие, включающее три крупных смены окружающей среды. Их гипотетическому пришельцу, который не был знаком с Госпиталем, чтобы отыскать дорогу в операционную, пришлось бы захватить над кем-то мысленный контроль и заставить принести себя сюда. Но если бы это было так, Приликла обнаружил бы его присутствие. Приликла мог обнаружить любое существо, которое хоть как-то мыслило — от самого маленького насекомого до особи, находящейся в глубокой коме. Ни одно живое существо не могло полностью исключить свой мозг и по-прежнему оставаться живым.

А это значило, что пришелец может быть и неживым!

В нескольких футах от Конвея Маннон подал сигнал медсестре, чтобы та встала около атмосферного вентиля. Резкое повышение давления до нормального худларианского уменьшило бы любое возникшее кровотечение, но при этом Маннон не смог бы работать без тяжелых перчаток. Но не только это — повышение давления ограничивало операционное поле пределами вскрытого участка, где движение, передаваемое органам от расположенного поблизости сердца, делало тонкую работу невыполнимой. В настоящее время переплетение кровеносных сосудов было разобрано, обработано соответствующим образом и относительно неподвижно.

И тут вдруг все-таки случилось. Ярко-желтый фонтан крови ударил в стекло гермошлема Маннона так сильно, что послышался вполне отчетливый шлепок. Находясь под огромным давлением крови и из-за высокой частоты пульса, поврежденная вена змеилась во все стороны, словно никем не удерживаемый миниатюрный шланг. Маннон ухватил ее, потерял и попробовал поймать снова. Фонтан превратился в тонкую волнистую струйку и прекратился. Медсестра около вентиля с явным облегчением расслабилась, а та, что стояла рядом с врачом, протерла стекло его гермошлема.

Маннон слегка подался назад, пока операционное поле осушалось тампонами. Сквозь стекло шлема было видно, как странно горят его глаза, контрастируя с белой, мокрой от пота, маской на его лице. Теперь время стало важным фактором. Худлариане были крепкими созданиями, но и у них был предел — выдержать декомпрессию до бесконечности они не могли. Постепенно начинался приток телесной жидкости к разрезу в панцире, ущемлялись расположенные поблизости жизненно важные органы, и еще больше повышалось давление крови. Чтобы пройти успешно, операция должна была длиться не дольше получаса, а только с момента вскрытия пораженного места прошло уже больше половины отпущенного времени. Даже если опухоль была бы вырезана, ее удаление влекло за собой повреждение находящихся под ней сосудов, и прежде, чем закончить операцию, Маннон должен был с большой осторожностью привести их в порядок.

Все они знали, что скорость является наиважнейшим фактором, но Конвею вдруг показалось, что он смотрит фильм, который демонстрируется с постоянно увеличивающейся скоростью. Руки Маннона двигались быстрее, чем Конвею когда-либо доводилось видеть. И еще быстрее...

— Мне это не нравится, — резко воскликнул О'Мара. — Похоже к нему вернулась уверенность, но скорее всего он просто перестал беспокоиться — о себе, я имею в виду. Очевидно, что за пациента он волнуется по-прежнему, хотя у того есть очень немного шансов. Но самое трагичное заключается в том, что, как сказал мне Торннастор, их у него никогда особо и не было. Если бы не вмешательство вашего гипотетического друга, Маннон не слишком бы переживал по поводу потери именно этого пациента — это было бы лишь одной из очень малочисленных неудач. Когда он поскользнулся первый раз, это поколебало его уверенность в себе, а сейчас он...

— Кто-то заставил его поскользнуться, — твердо заявил Конвей.

— Вы пытались его в этом убедить, ну и каков результат? — парировал психолог. — Приликла серьезно нервничает, и его дрожь становится все хуже и хуже с каждой минутой. А Маннон является, или являлся, исключительно уравновешенным человеком. Я не думаю, серьезными, самоотверженными людьми, для которых профессия — это вся их жизнь, трудно предсказать, что может случиться.

— Говорит Эдвардс, — раздался голос. — Что там у вас?

— Давайте, Конвей, — распорядился психолог. — Вопросы будете задавать вы. У меня сейчас голова занята другими вещами.

Волокнистый нарост удален был чисто, но при этом было повреждено множество мелких капилляров, и работа по их восстановлению была самой сложной из того, что до сих пор было сделано. Вставлять поврежденные концы в трубки — достаточно глубоко, чтобы они опять не повискаивали, когда восстановится циркуляция — было сложной, повторяющейся, изматывающей нервы процедурой.

Оставалось восемьдесят минут.

— Я хорошо помню Харрисона, — ответил далекий голос Эдвардса, когда Конвей объяснил, что он хотел бы уз-

нать. — Его скафандр был поврежден только на ноге, поэтому мы не могли его списать — этот тип скафандров укомплектован полным набором инструментов, средств для выживания, и они очень дорогие. Ну, и естественно, мы его дезинфицировали! Правила строго указывают, что...

— И все же он мог быть носителем какой-нибудь заразы, майор, — быстро проговорил Конвей. — Как тщательно вы проводили эту дезин...

— Тщательно, — ответил майор, в его голосе начали появляться раздраженные нотки. — Если в нем и были какие-нибудь жучки или паразиты, то теперь они покойники. Скафандр со всеми приспособлениями был стерилизован перегретым паром и облучен. На самом деле он прошел ту же процедуру стерилизации, что и ваши хирургические инструменты. Это вас устраивает, доктор?

— Да, — спокойно ответил Конвей. — Конечно, да.

Теперь у него было связующее звено между Митболом и операционной — через скафандр Харрисона и стерилизационную камеру. Но это было еще не все. Теперь у него был Иегуди.

В это время Маннон, стоявший рядом, прервал операцию. Когда хирург в отчаянии заговорил, руки его дрожали.

— Мне необходимы восемь пар рук или инструменты, которые могут выполнять восемь разных операций одновременно. Плохи дела, Конвей. Совсем плохи...

— Доктор, ничего не делайте в течение минуты, — нетерпеливо попросил Конвей и стал выкрикивать распоряжения медсестрам, чтобы те выстроились позади него со своими подносами для инструментов. Что-то начал кричать О'Мара, пытаясь узнать, что же происходит, но Конвей был слишком сосредоточен, чтобы ему ответить. И тут одна из кельгианок издала звук, который издала бы противотуманная сирена, не выдувая, а втягивая воздух. Этот эквивалент возгласа удивления у ДБЛФ прозвучал потому, что на ее подносе, среди хирургических щипцов неожиданно появился разводной гаечный ключ средних размеров.

— Вы в это не поверите, — радостно сказал Конвей, поднес штуковину к Маннону и вложил ее в руки хирурга, — но если вы только минуту меня послушаете и потом сделаете то, что я скажу...

Маннон вернулся к столу меньше, чем через одну минуту.

Сначала он колебался, но потом со все большей уверенностью и скоростью завершал тончайшую хирургическую работу. Время от времени он что-то насвистывал сквозь зубы или мрачно поругивался, но это было обычным поведением Маннона во время сложной операции, обещавшей пройти успешно. В обсервационном куполе Конвей мог наблюдать за сердитым, но счастливым лицом сбитого с толку главного психолога и хрупким, паукообразным телом эмпата. Приликла все еще дрожал, но очень медленно. Это была реакция, не так часто наблюдавшаяся у цинруссианина вне пределов родной планеты и указывающая на наличие близко расположенного источника эмоционального излучения — сильного и в то же время приятного.

После операции всем хотелось порасспросить Харрисона о Митболе, но прежде, чем они смогли это сделать, Конвею пришлось рассказать еще раз, что же все-таки случилось, специально для лейтенанта.

— ... И в то время, как мы по-прежнему не имеем понятия, как они выглядят, — говорил Конвей, — мы действительно знаем, что они очень высокоразвиты умственно и по-своему технически. Под “по-своему” я подразумеваю то, что они создают и используют “инструменты”...

— Да уж конечно, — заметил сухо Маннон и вещь в его руках последовательно превратилась в металлическую сферу, миниатюрный бюст Бетховена и набор зубных протезов тралтанина. С тех пор как наверняка стало ясно, что худларианин скорее станет очередным успехом Маннона, а не его провалом, к доктору стало возвращаться чувство юмора.

— ... Но инструментальная стадия должна была наступить после долгого развития философских наук, — продолжал Конвей. — Уму непостижимо, как они эволюционировали в таких условиях. Эти инструменты не предназначены для ручной работы — аборигены могут и не иметь рук в том виде, который мы знаем. Но у них есть разум...

Подчиняясь мысленному приказу хозяина “инструмент” пробил обшивку “Декарта” рядом с тем местом, где

находился Харрисон, но во время неожиданного старта он не смог выбраться наружу, и новый источник мыслей — лейтенант — неосознанно захватил над ним контроль. Инструмент превратился в опору для ноги, в которой так отчаянно нуждался Харрисон, и рухнул под тяжестью его веса, так как на самом деле не являлся частью конструкции корабля. Когда приспособления скафандра Харрисона прошли стерилизацию в одной камере с хирургическими инструментами, туда зашла медсестра, чтобы взять определенные инструменты в операционную, и он опять стал тем, чем от него хотели.

С этого момента и далее начались неурядицы с подсчетом инструментов, падающими, но не режущими скальпелями и распылителями, которые, конечно же, вели себя более, чем странно. Маннон пользовался скальпелем, который подчинялся не его рукам, а его мыслям, что чуть было не привело к смерти пациента. Но когда это случилось второй раз, Маннон уже знал, что держит в руках маленький не узкоспециализированный, а универсальный инструмент, подчиняющийся и умственному, и физическому контролю. Некоторые формы, которые они принимали и то, что они делали, не дадут ему забыть эту операцию весь остаток жизни.

— ... Это... устройство... вероятно, оно имеет большую ценность для своего хозяина, — с серьезным видом закончил Конвей. — Уважая право собственности, надо бы его вернуть. Но оно так нам здесь необходимо, и, по возможности, чем больше их у нас будет, тем лучше! Ваши люди должны установить контакт с их хозяевами и наладить торговые отношения. Наверное есть что-то такое, что мы уже имеем, или можем для них сделать...

— За такой инструмент я бы отдал свою правую руку, — сказал Маннон и, погодя, добавил: — Уж левую-то ногу — точно!

Лейтенант улыбнулся ему в ответ:

— Насколько я помню это место, доктор, недостатка в сыром мясе там последнее время не наблюдалось.

О'Мара, который до сих пор хранил не совсем присущее ему молчание, заговорил очень серьезным тоном:

— В обычной жизни я человек нежданный. Но представьте себе, какие программы сможет осуществить Госпи-

таль, имея десятое или хотя бы пятое этих штуквин. У нас есть только одна, и мы поступим правильно, если положим ее туда, где мы ее нашли — очевидно, что такой инструмент представляет собой огромную ценность. Это значит, что нам придется их покупать, или наладить что-то вроде обмена. Но прежде чем этим заняться, мы должны научиться общению с их хозяевами.

Он по очереди взглянул на каждого присутствующего и с сарказмом продолжил:

— Я сомневаюсь, стоит ли напоминать о презренной коммерции столько самоотверженным: чистым в помыслах медикам: как вы, но я должен это сделать, чтобы объяснить, почему я хочу, чтобы, как только “Декарт” установит контакт с хозяевами инструментов, Конвей и тот, кого он выберет себе в помощники, ознакомились со здравоохранением на Митболе.

Однако наши интересы не будут чисто коммерческими, — быстро добавил он, — но если мы собираемся заняться торговлей и бартером, то единственное, что мы можем предположить в обмен, — это медицинские знания и услуги.

ГЛАВА II ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Возможно, так оно и должно было случиться: когда долгожданные признаки существования разумной жизни на Митболе наконец появились, большинство корабельных наблюдателей смотрело в другую сторону. Эти признаки стали заметны не в нацеленные на поверхность планеты телескопы, обнаружилось не на пленках, отснятых планетарными зондами, — нет, они возникли на обзорном экране ближнего действия в рубке управления “Декарта”.

— Что за черт? — справился капитан, вызвав по интеркому дежурного офицера связи.

— Сэр, мы сейчас настраиваем телескоп. Изображение передается на экран пять. Объект представляет собой двух- или трехступенчатую ракету с химическим двигателем, вторая ступень еще не отработана. Таким образом, мы мо-

жем достаточно точно определить траекторию полета и место запуска. Объект испускает сильное радиоизлучение, что свидетельствует о наличии высокоскоростных телеметрических каналов. Вторая ступень только что отошла. Третья, если она третья, не включалась! Внимание!

Инопланетный корабль, изящный сверкающий цилиндр, острый с одного конца и утолщенный — с противоположного, принялся вращаться, сначала медленно, а потом — все быстрее и быстрее.

— Боевая часть? — произнес капитан.

— Если не считать вращения, — ответил размеренный голос, — с объектом все в порядке. Он движется по круговой орбите, настолько выверенной, что она не может быть случайной. Сравнительная примитивность конструкции и тот факт, что объект приблизится к нам на расстояние самое большее около двухсот миль, указывают на то, что он либо искусственный спутник, либо орбитальная станция с экипажем, но никак не ракета, выпущенная с целью уничтожить “Декарт”. Если на нем имеется экипаж, — в голосе говорившего послышались сочувственные нотки, — то сейчас им приходится несладко.

— Да уж, — пробормотал капитан. Он не любит многословия, поэтому его распоряжения были короткими и отрывистыми: — Штурманская, рассчитать орбиты сближения и перехвата. Машинное, быть наготове.

Когда громадина “Декарта” придвинулась к крошечному инопланетному звездолету, стало ясно, что тот, помимо того, что продолжает вращаться, еще и течет по всем швам. Вращение корабля не позволяло определить природу утечки: утекло то ли топливо из неключившейся третьей ступени, то ли воздух из жилого отсека. Прежде всего следовало замедлить лучами тяготения вращение звездолета, аккуратно, чтобы не повредить корпус, затем откачать топливо из третьей ступени и состыковать корабль с “Декартом”. Если выяснится, что утекает не топливо, а воздух, тогда можно будет завести суденышко в грузовой трюм “Декарта”, где и начать потом спасательные работы, причем особых ухищрений при экипировке спасателей не потребуется — ведь воздух Митбола годится для дыхания людей, да и обратное, вероятно, тоже верно. В общем, спа-

сательная операция должна была пройти безо всяких осложнений...

— Сэр, сообщение от башенных установок шесть и семь. Инопланетный звездолет не желает останавливаться. Они притормаживали его три раза, но он включает тягу и возобновляет вращение, то есть противится любым попыткам остановить его. Судя по типу и скорости реакции на наши действия, корабль управляем, так сказать, изнутри. Можно увеличить мощность лучей, но тогда повышается опасность повредить корпус, который, по сегодняшним меркам, сэр, удивительно хрупок. — Я предлагаю все же остановить его, слить топливо в пространство и завести корабль в наш грузовой трюм. При нормальном воздушном давлении экипаж будет в безопасности, а мы...

— Сэр, говорит штурманская. Мы возражаем, сэр. Наши вычисления показывают, что корабль стартовал с моря — вернее, со дна моря, поскольку на поверхности воды не заметно никаких плавучих стартовых площадок. Мы можем воспроизвести атмосферу Митбола, ибо она не слишком отличается от нашей.

Капитан отозвался не сразу. Он размышлял о причинах странного поведения инопланетянина или инопланетян. Впрочем, эти причины, какой бы характер они ни носили — технический, физиологический, психологический или попросту инопланетный, отступали на второй план перед главной задачей: оказать терпящим бедствие помощь и как можно скорее. Если такая задача будет экипажу “Декарта” не по плечу, тогда крейсер доставит чужое судно туда, где найдется все необходимое. Транспортировка проблемы не составит, потому что буксировать неизвестный корабль можно и без остановки его вращения, достаточно применить магнитный захват и сделать так, чтобы гнездо буксирного троса тоже вращалось — тогда он не запутается и столкновения двух звездолетов не произойдет. А гиперполе “Декарта” можно расширить, и оно охватит оба корабля.

Больше всего капитана заботила утечка и то, что он понятия не имел, как долго чужак намерен оставаться на своей орбите. К тому же, принимая решение, ему приходилось думать о том, как установить дружеские отношения с населением Митбола. Капитан знал, что на заре космо-

навигации утечка была обыденным явлением, ибо зачастую пилоты предпочитали не утяжелять корабли герметизацией и брали с собой дополнительный запас воздуха. С другой стороны, вращение инопланетного звездолета и утечка некой субстанции из его корпуса являлись, должно быть, признаками аварийной ситуации, на исправление которой времени было в обрез. Поскольку инопланетяне не желали останавливать свое суденышко и поскольку воспроизвести среду их обитания представлялось невозможным, решение напрашивалось само собой. Может статься, колебания капитана объяснялись тем, что он, как ни крути, вынужден был ущемить собственное профессиональное достоинство.

Отбросив сомнения, капитан быстро и, как всегда, сжато отдал необходимые распоряжения, и вскоре, менее чем через полчаса после обнаружения, инопланетный звездолет уже находился на пути к Космическому Госпиталю.

— Старшего терапевта Конвея просят связаться с майором О'Марой, — повторил вкрадчивый голос в системе радиовещания. Конвей с одного взгляда оценил дорожную ситуацию в коридоре, увернулся от слоноподобного интерна-тралтана, кое-как разминувшись с гусеницеобразным кельгианином, что двигался в противоположном направлении, прижался к стене, чтобы не угодить под колеса передвижной холодильной установки, и схватил трубку коммуникатора. Едва он сделал это, система радиооповещения принялась упрашивать кого-то другого связаться с кем-то еще.

— Вы заняты чем-нибудь серьезным, доктор? — спросил с ходу главный психолог. — Возможно, проводите уникальные исследования или выполняете сложнейшую операцию? Вы, конечно, понимаете, прибавил О'Мара, помолчав, — что мои вопросы — сугубо риторические...

— Я собирался пообедать, — ответил Конвей со вздохом.

— Прекрасно, — произнес О'Мара. — В таком случае вас обрадует известие о том, что обитатели Митбола вывели на орбиту космический корабль. Судя по тому, как он выглядит, раньше они себе такого не позволяли. Он по-

терпел аварию — подробности уточните у полковника Скемптона, — и “Декарт” буксирует его к нам, чтобы мы с ним разобрались. Он прибудет в течение трех часов. Я предлагаю вам взять спасательный бот и отправиться к нему навстречу. Заодно захватите с собой докторов Маннона и Приликлу. Раз вы трое стремитесь стать экспертами по Митболу, то вам и карты в руки.

— Понятно, — проговорил Конвей.

— Отлично, — заключил майор. — Признаться, доктор, я рад тому, что вы сознаете, что едва — не главное в жизни. Психолог, уступающий мне в опыте и способностях, наверняка бы удивился: всякий раз, когда врач получает важное задание, у него вдруг просыпается зверский аппетит. Но я-то догадываюсь, что дело тут не в страхе, а в ненасытной жадности. Дерзайте, доктор. У меня все.

Кабинет Скемптона помещался сравнительно близко, и Конвею, чтобы добраться до него, потребовалось всего пятнадцать минут — с учетом того, что пришлось надевать скафандр, чтобы преодолеть двести ярдов хлорной атмосферы в отделении илленсан.

— Доброе утро, — сказал Скемптон, едва Конвей вошел в кабинет. — Скиньте вон с того стула всю эту ерунду и присаживайтесь. О’Мара уже поставил меня в известность. Я решил отправить “Декарт” обратно сразу же после того, как он передаст нам инопланетный корабль. Митболцам может показаться, что их судно увели, даже похитили, так что “Декарт” должен будет проследить за их поведением и уверить, что все в порядке. Я буду вам весьма признателен, если вы сумеете вылечить пациента в возможно кратчайшие сроки, поскольку сейчас наши специалисты по культурным контактам угодили на планете в весьма неприятную историю. Вот копия отчета, переданного по радио с “Декарта”, — продолжал полковник, не переводя дыхания. — А вот анализ морской воды на месте запуска корабля. Образцы придут вместе с “Декартом”. За более подробной информацией о Митболе обращайтесь к лейтенанту Харрисону, он назначен ответственным и охотно вам поможет. Постарайтесь не хлопать дверью. — Полковник углубился в изучение бумаг, которыми был завален его стол. Конвей молча повернулся и вышел. В при-

емной он попросил разрешения воспользоваться коммуникатором и принялся за работу.

Он принял решение поместить нового пациента в пустую палату в отделении чалдеров. Громадные обитатели Чалдерскола-2 относились к вододышащим, хотя та тепловатая, зеленоватая вода, в которой они жили, была чуть ли не стопроцентно чистой по сравнению с кашницей митболских морей. Анализ позволяет Службе экологического контроля и питания воссоздать пищевое содержание воды, но не живые организмы, которые ее наполняют. С этим придется подождать до прибытия образцов, которые можно будет изучить и размножить; впрочем, так или иначе окончательные параметры среды обитания установятся лишь с появлением пациента в Госпитале.

Затем Конвей договорился насчет спасательного бота с экипажем и необходимого медицинского оборудования. Боту предстояло принять с крейсера пациента неведомой физиологической классификации, который, скорее всего, будет к моменту прибытия в крайне тяжелом состоянии; поэтому Конвей выбрал экипаж, имеющий опыт транспортировки пострадавших в кораблекрушении.

Он собрался было связаться с Торннастором, заведующим отделением патологии, но передумал, ибо засомневался в том, чего ему на самом деле хочется — получить ответ на конкретные вопросы или поплакаться кому-нибудь в жилетку. Что ж, если он вылечит пациента, тогда можно будет рассчитывать на благодарность жителей Митбола, которая, возможно, выразится в предоставлении Госпиталя большего количества замечательных, управляемых мыслью хирургических инструментов.

Однако на что похожи те, кому принадлежат эти инструменты? Маленькие ли они, лишенные определенной физической формы, подобно своим инструментам, или, учитывая уровень развития, который требуется для создания подобной техники, всего-навсего огромные мозги, которые буквально во всем зависят от своего чудесного оборудования? Конвею очень хотелось знать, чего ему ожидать. Однако обращаться за советом к диагносту, чье поведение непредсказуемо, поскольку диагносты, как известно всем и каждому, на дух не выносят медлительности

мышления и превосходят в своей нетерпимости даже главного психолога...

Нет, подумал Конвей, лучше подождать, лучше сначала посмотреть на пациента, который будет здесь через час с небольшим, а уж потом приставать к кому бы то ни было с расспросами. А пока есть время, нужно почитать отчет “Декарта” — и перекусить.

Крейсер Корпуса мониторов вынырнул из гиперпространства, вытянул за собой инопланетный звездолет, который вращался у него за кормой подобно оторвавшемуся пропеллеру, отцепил буксир и тут же отправился в обратный путь к Митболу. Спасательный бот приблизился к чужаку, подобрал оставленный “Декартом” буксир; облаченные в скафандры доктора Маннон и Приликла, а также Конвей и лейтенант Харрисон наблюдали из шлюза за тем, как спасатели крепят конец буксирного троса к вращающемуся гнезду на корпусе бота.

— Он по-прежнему протекает, — заметил Маннон. — Хороший знак. Выходит, давление внутри сохранилось...

— Если происходит утечка воздуха, а не топлива, — возразил Харрисон.

— Что вы чувствуете? — спросил Конвей.

Хрупкое тельце Приликлы и шесть тоненьких лапок судорожно затряслись, что означало, что эмпат что-то улавливает.

— На корабле находится одно живое существо, — проговорил Приликла. — Его эмоциональное излучение состоит в основном из страха, чувства боли и удушья. Я бы сказал, что эти чувства оно испытывает в течение многих дней. Излучение слабое и недостаточно отчетливое вследствие того, что существо теряет сознание. Однако характер излучения не оставляет сомнений в разумности существа. Оно не является подопытным животным...

— Меня утешает, что мы спасаем не ящик с инструментами и не митбольскую родственницу свинки, — буркнул Маннон.

— У нас мало времени, — сказал Конвей. Он думал о том, что пациент сейчас, вероятнее всего, на грани жизни и смерти. Страх его вполне объясним, а боль, удушье и

потеря сознания связаны, по-видимому, с ранением, сильным голодом и загрязнением воды, которой ему приходится дышать. Бедняга, мысленно подытожил Конвей, поставив себя на место пациента.

Разумеется, непрерывное вращение не могло не помутить рассудок пилота, однако неизвестное существо сумело-таки помешать попыткам команды “Декарта” остановить его корабль. Оно, видимо, сообразило, что судно, которое вертится как юла, никак нельзя будет поместить в грузовой трюм крейсера. Вполне возможно, что оно само замедлило бы вращение, если бы “Декарт” не ринулся к нему на помощь на всех парах. Однако что толку гадать... Вращение не прекращается, утечка не устранена, пилот при смерти. Конвей решил, что может рискнуть и напугать пациента чуть-чуть сильнее, приказав остановить вращение, завести звездолет в бот и перенаправить больного как можно быстрее в палату с водой, где его можно будет осмотреть. Но едва к чужому кораблю протянулись невидимые щупальца силовых лучей, по телу Приликлы прошла судорога.

— Доктор, — произнес эмпат, — существо излучает ужас. Оно близко к панике и, кажется, вот-вот умрет... Взгляните! Оно использует тягу!

— Отставить! — рявкнул Конвей, обращаясь к операторам силовых установок.

Инопланетный корабль, который на мгновение застыл было в неподвижности, начал вновь медленно вращаться под воздействием вырвавшегося из боковых дюз на носу и на корме пара. Через несколько минут выхлопы сделались слабее, а потом совсем исчезли; корабль продолжал вращаться на скорости примерно в половину той, какой обладал раньше. У Приликлы по-прежнему был такой вид, словно он превратился вдруг в трепещущий на ветке листок.

— Доктор, — сказал Конвей, — зная о том, какие у тех существ имеются инструменты, я беспокоюсь, не случилось ли вам попасть под психический удар?

— Мысли существа не были обращены к кому-то в отдельности, друг Конвей, — голос Приликлы в трансляторе, как того и следовало ожидать, утрачивал всякую вырази-

тельность. — Его эмоциональное излучение состояло, по большому счету, из страха и отчаяния. Оно становится все менее ощутимым...

— Вы думаете о том же, что и я? — спросил Маннон.

— Да, если вы предполагаете ускорить вращение, — ответил Конвей. — Однако присутствует ли в таком поступке логика?

Несколько секунд спустя операторы изменили полярность силовых лучей, и те увеличили скорость вращения инопланетного звездолета. Почти сразу после этого Приликла перестал дрожать, как лист на ветру.

— Ему намного лучше, — сказал эмпат, — в сравнении с тем, что было. Однако его жизнь все еще под угрозой.

Неожиданно Приликла задрожал вновь. Конвей знал, что причиной тому было исходившее от него раздражение. Он попытался успокоиться, но о каком покое могла идти речь, когда они не продвинулись ни на шаг, когда пациент оставался практически в том же состоянии, в каком его обнаружил радар “Декарта”? Впрочем, кое-что сделать, кажется, можно.

Во-первых, надо проанализировать состав пара, что вырывался из дюз, и определить, что он собой представляет — топливо ли, или выброс воды из системы жизнеобеспечения. Но, конечно, наиболее ценные сведения могут быть получены при взгляде на самого пациента, пускай даже через перископ, раз уж на кораблике отсутствует экран прямого наблюдения. Потом нужно выяснить, как проникнуть внутрь, чтобы обследовать пилота до перемещения его сначала в бот, а затем — в палату.

Сопровождаемый лейтенантом Харрисоном, Конвей, держась за буксирный трос, поплыл к вращающемуся судну. Из-за того, что трос тоже вращался, им, когда они добрались до корабля, почудилось, будто тот неподвижен, а мироздание выписывает вокруг них головокружительные спирали. Маннон остался в шлюзе бота, заявив, что слишком стар для акробатических упражнений; Приликла избрал иной способ передвижения: он применил для маневрирования движитель скафандра.

Теперь, когда пациент находился в почти бессознательном состоянии, цинтруссианину, чтобы определять измене-

ния в эмоциональном излучении, следовало быть как можно ближе к нему. Однако Конвейю стало страшно за Приликлу, такого маленького рядом с инопланетным кораблем, что вращался в пространстве этаким крылом громадной ветряной мельницы. Правда, вслух он своих опасений не высказал, ибо в том не было надобности.

— Я ценю вашу заботу, друг Конвей, — заметил Приликла, — но мне вряд ли суждено быть раздавленным.

Конвей с Харрисоном отпустили буксирный трос и прицепились к корпусу звездолета с помощью магнитных присосок на подошвах и перчатках скафандров.

Магнитный захват “Декарта” сильно повредил корпус чужака: из многочисленных трещин клубами вырывался пар. Похоже, металл обшивки не толще бумаги, подумал Конвей, глядя на вмятины, оставленные его башмаками; ему даже показалось, что неосторожным движением он рискует проделать в обшивке дыру.

— Не все так плохо, доктор, — сказал лейтенант. — На заре наших космических полетов, до того, как контроль гравитации, гиперпространственные перемещения и атомные двигатели позволили не учитывать весовые характеристики, мы тоже старались, насколько возможно, облегчить корабли. Порой для укрепления конструкции применялось топливо...

— Тем не менее, — отозвался Конвей, — у меня такое чувство, будто я лежу на тонком-тонком льду и слышу, как журчит подо мной вода — или топливо. Проверьте, пожалуйста, корму, а я пойду на нос.

Они взяли несколько образцов пара, постучали по обшивке, прослушали через высокочувствительные микрофоны доносившиеся изнутри корпуса шумы. Приликла сообщил, что неведомый астронавт не замечает, что к нему пожаловали гости. Все шумы, которые раздавались в наушниках скафандров, имели, следовательно, механическое происхождение. Судя по ним, на борту звездолета размещалось весьма значительное количество различного оборудования.

Конвей с Харрисоном постепенно отдалялись друг от друга. Чем дальше они расходились, тем сильнее действовала на них центробежная сила. Она так и норовила ото-

рвать их от корпуса корабля. Конвею, поскольку он двигался к носу, приходилось сражаться с отрицательным ускорением. Впрочем, особых неудобств он пока не испытывал, если не считать зрелища, которое являли собой спасательный бот, Приликла и огромная рождественская елка, какой выглядел со стороны Космический Госпиталь: все они вращались вокруг застывшего в неподвижности носа чужого звездолета. Стоило ему закрыть глаза, как головокружение ослабевало, но тогда он не видел, куда идет. Он вынужден был шаг за шагом увеличивать мощность магнитных присосок, несмотря на то, что опасался повредить хрупкую металлическую обшивку. Впереди, в нескольких футах от него, из корпуса выступала короткая трубка, должно быть, нечто вроде перископа; Конвей осторожно направился за трубку. Та начала гнуться, и он тут же разжал пальцы и полетел прочь от корабля, как выпущенный из пращи камень.

— Куда вас понесло, доктор? — буркнул Маннон. — Вы что, провалились внутрь?

— Скорее, наружу, — фыркнул Конвей, включая один из аварийных фонарей скафандра. — Видите меня? — Ответ пришел немедленно: он ощутил, как скрестились на нем и повлекли его к спасательному боту силовые лучи. — Нелепо все это, нелепо и смешно! Мы что-то завозились. Лейтенант Харрисон, доктор Приликла, возвращайтесь на борт. Попробуем иначе.

Пока шло обсуждение его нового предложения, Конвей распорядился сфотографировать инопланетный корабль под всеми мыслимыми углами и отдал в лабораторию бота на анализ взятые им и Харрисоном образцы пара. Обсуждение затянулось; по крайней мере оно еще продолжалось, когда принесли снимки и результаты анализа.

Лаборатория установила, что предметом утечки является не топливо, а вода, которая используется только для дыхания, потому что в ней не содержится тех организмов, что кишат в морях и океанах Митбола. Кроме того, в ней присутствует избыточный процент CO_2 , то есть, другими словами, она здорово застоялась.

Внимательно изучив фотографии, Харрисон, который оказался специалистом по истории космоплавания, объяс-

вил, что на корме звездолета имеется тепловой отражатель с энергоустановкой, работающей на твердом топливе. Теперь ясно, что на корабле наличествует не только система жизнеобеспечения, которая, кстати, исходя из размеров корпуса, должна быть весьма примитивной. Лейтенант прибавил, что в отличие от дышащих воздухом астронавтов, которые могли брать с собой запас сжатого воздуха, вододышащие такой возможности лишены. На носу звездолета виднелись люки, из которых, очевидно, выбрасывались при посадке на планету тормозные парашюты. Футах в пяти от них располагалась панель дюймов пятнадцати в поперечнике. Харрисон уверяет, что она — не что иное, как входной люк, ведущий в кабину пилота. Он заметил, что грубость конструкции звездолета исключает вероятность того, что за панелью находится переходник шлюза; она, по-видимому, открывается прямо в кабину. Лейтенант предостерег Конвея от того, чтобы пытаться проникнуть в корабль через этот люк, поскольку центробежная сила немедленно вышвырнет в пространство всю воду, которой заполнено судно. Вернее, произойдет выброс половины объема, потому что на корме вода останется; однако астронавт наверняка сидит в носу корабля.

Конвей широко зевнул и потер глаза, а потом проговорил:

— Мне нужно осмотреть пациента, чтобы определить, как его лечить и куда поместить. Предположим, лейтенант, я проделаю отверстие посередине, в центре вращения корабля. Значительное количество воды так или иначе уже утекло, а остаток, благодаря влиянию центробежной силы, распределился между носом и кормой, поэтому середина, вполне возможно, пуста и мои действия не причиняет астронавту серьезного вреда.

— Согласен, доктор, — ответил Харрисон. — Однако может случиться так, что вы нарушите герметизацию секций, где еще есть вода.

— Если мы наложим на корпус металлическую заплату, — возразил Конвей, — в которой будет воздушный шлюз, достаточно вместительный для человека моего роста, и загерметизируем ее по краям быстросохнущим цементом, все будет в порядке. Сварку, разумеется, применять нельзя. Тогда я сумею попасть внутрь без...

— По-моему, — заметил Маннон, — вы забываете, что корабль вращается.

— Пусть его, — отмахнулся Харрисон. — Мы установим легкую опорную раму, которая будет крепиться к корпусу магнитами, и все пойдет как по маслу.

Приликла промолчал. Цинтруссиане отнюдь не отличались выносливостью или избытком физических сил. Маленький эмпат повис под потолком каюты и, похоже, погрузился в сон.

Договорившись в общих чертах, Маннон, Харрисон и Конвей принялись уточнять детали. Они запросили из Госпиталя необходимое оборудование и бригаду монтажников. Работа была в самом разгаре, когда радист бота сказал:

— Вас вызывает майор О'Мара. Экран два.

— Доктор Конвей, — произнес главный психолог, едва появившись на экране, — до меня дошли слухи, что вы стараетесь — и, возможно, преуспели в своих стараниях — побить рекорд продолжительности перемещения пациента из корабля в палату. Думаю, мне нет нужды напоминать вам о важности и срочности задания, но я напоминаю. Доктор, задание важное и срочное. Все.

— Да вы... — начал было Конвей, испепеляя взглядом меркнувшее изображение, однако вовремя спохватился и умерил свой пыл, заметив, что Приликла задергался во сне.

— Пожалуй, — проговорил лейтенант, задумчиво поглядывая на Маннона, — я еще не оправился от перелома ноги при высадке на Митбол. Понимающий врач отправил бы меня обратно в Госпиталь, в палату четыре на двести восемьдесят третьем уровне.

— Тот же самый врач, — отозвался Маннон сухо, — может решить, что причиной вашей болезни является некая медсестра из палаты номер четыре, и направить вас, скажем, в палату семь на уровне двести сорок один. Вы получите незабываемые впечатления от общения с медсестрой, у которой четыре глаза и несметное множество ног.

— Не обращайтесь внимания, Харрисон, — рассмеялся Конвей. — Временами он ведет себя хуже О'Мары. Денек выдался тяжелый, все что могли, мы сделали, так что пошли спать.

Следующий день также не ознаменовался какими-либо существенными достижениями. Бригада монтажников то-

ропилась установить опорную раму; спешка привела к тому, что рабочие теряли инструменты, упускали в пространство секции опоры, а иногда уплывали туда сами. Их тут же вылавливали силовыми лучами, но вот инструмент и секции опоры приходилось заменять новыми, поскольку на них, естественно, не имелось сигнальных огней.

Люди ворчали, крыли на все лады того, кому взбрело в голову заключить в каркас инопланетную космическую карусель, однако, худо-бедно, работа продолжалась. Количество царапин и вмятин, оставленных на корпусе чужого звездолета инструментами и башмаками скафандров, мало-помалу возрастало, утечка воды из корпуса становилась все сильнее.

Стремясь ускорить работу, Конвей пропустил мимо ушей возражения Приликлы и попробовал снова замедлить вращение корабля. Эмпат сообщил, что на этот раз страха он не уловил — пациент пребывал в бессознательном состоянии. Приликла добавил, что не может описать эмоциональное излучение пациента, ибо воспринять его способен лишь другой эмпат, но настаивает на восстановлении прежней скорости вращения, а иначе не ручается за то, что больной выживет.

Сутки спустя раму установили, после чего монтажники взялись за наложение заплат, тем временем Конвей с Харрисоном обследовали корпус звездолета. Лейтенант заинтересовался конструкцией сопел, Конвей же либо разглядывал входной люк корабля, либо пытался что-нибудь увидеть в крохотный, два-три дюйма в диаметре, иллюминатор, снабженный изнутри створкой, которая открывалась буквально на долю секунды.

Только на четвертый день проникновение в инопланетный корабль, пилот которого, по заверениям Приликлы, едва дышал, наконец состоялось. Как и ожидалось, в средней части звездолета воды почти не было; центробежная сила оттеснила ее в концевые отсеки. Впрочем, спасателей встретила плотная завеса тумана, из которой проступали в свете фонарей многочисленные звездочки и цепи. Соблюдая осторожность, чтобы не угодить рукой между шестеренок или не пробить ненароком дырку в корпусе судна, лейтенант двинулся на корму, а Конвей направился на

нос. Они разошлись сознательно, чтобы не сместить центр тяжести корабля, поскольку в противном случае немедленно возникла угроза крушения опорной рамы.

— Я понимаю, что для очищения и циркуляции воды требуется оборудование посложнее системы воздухообмена, — сказал Конвей в коммуникатор скафандра, — и, насколько мне известно, электрических цепей должно быть больше, чем механических. А тут — сплошные шестерни да приводные ремни. Вдобавок меня сносит течением и я, того и гляди, напорюсь на что-нибудь этакое.

Туман скрадывал очертания предметов и значительно сужал поле зрения, однако на какой-то миг Конвей различил сквозь него нечто, не относившееся к оборудованию — бурое, скрученное, словно бараний рог, с намеком на щупальца, словом, нечто органическое. Со всех сторон существо окружали работающие агрегаты, да и само оно, похоже, тоже вращалось. Правда, видимость была никудышняя, так что с уверенностью этого Конвей утверждать не мог.

— Я вижу его, — проговорил он в коммуникатор. — Установить классификацию пока не удастся. Но оно без скафандра, вероятно, здешние условия его вполне устраивают. Однако нам не подобраться к нему без того, чтобы не разобрать корабль по винтику. — Он выругался, затем прибавил: — Что прикажете делать? Мне предписано обездвижить больного, доставить его в палату и заняться лечением. Но как обездвижить эту проклятую тварь, если...

— Может вышла из строя система жизнеобеспечения? — предположил лейтенант. — Какие-нибудь нелады с гравитацией? Если мы сумеем починить ее...

— Почему? — пробормотал Конвей, хватаясь за идею, которая уже давно присутствовала в его сознании, но до сих пор предпочитала не показываться на свет. — С чего мы взяли, что тут обязательно должна быть неисправность? — Помолчав, он заявил: — Мы откроем клапаны у пары кислородных баллонов и проветрим помещение, то бишь освежим пациенту водичку, а потом возвратимся на бот. Меня одолевают довольно-таки странные мысли, и я хочу их проверить.

В рубке бота, куда они ввалились, не потрудившись снять скафандры, их поджидал Приликла. Эмпат сообщил,

что состояние больного как будто немного улучшилось, однако он по-прежнему без сознания, возможно, потому, что ранен, изнурен голодом и едва не умер от удушья. Конвей принялся рисовать на листе бумаги план чужого звездолета.

— Вот центр вращения, — указал он на рисунок, — расстояние вот отсюда до местоположения пилота такое-то, скорость вращения — столько-то оборотов. Ну, можете вы мне сказать, сильно ли разнится гравитация в пилотской кабине корабля и на планете?

— Секундочку, — отозвался Харрисон, взял ручку Конвея и углубился в расчеты. Несколько минут спустя, проверив собственные вычисления, он ответил: — Она практически одинакова, доктор.

— Из чего следует, — произнес Конвей задумчиво, — что мы имеем дело с существом, которое по своим физиологическим характеристикам не может жить без гравитации, для которого невесомость равнозначна смерти...

— Прошу прощения, доктор, — вмешался в разговор радист бота. — Вас снова вызывает майор О'Мара.

Конвей почувствовал, что идея, которая было посетила его, словно канула в небытие. Вращение, подумал он, стремясь вернуть ее, центробежная сила, колесо внутри колеса... Тем временем на экране два появилось изображение, и думать о чем-либо, не связанном с главным психологом, стало невозможно.

— Ваши действия, доктор, произвели на меня впечатление, — заметил О'Мара чуть ли не ласково, что являлось очень плохим признаком, — особенно тот метеоритный рой из инструментов и деталей конструкции. Однако меня заботит ваш пациент. О нем тревожится, кстати, и капитан "Декарта", который вернулся в Митболу. У капитана неприятности, — продолжал майор. — Его корабль приветствовали тремя ракетами с ядерными боеголовками. Одна из них упала обратно, загрязнив немалый участок поверхности митболийского океана, а от двух других "Декарту" пришлось уворачиваться на полной аварийной тяге. Капитан уверяет, что в подобных обстоятельствах установление контакта с местным населением не представляется возможным, ибо оно, то есть население, судя по всему, полагает, что мы похитили их астронавта для каких-то гряз-

ных целей. Капитан убежден, что, возвратись астронавт живым и здоровым, появится надежда на благополучный исход, иначе же ... Доктор Конвей, почему у вас открыт рот? Скажите что-нибудь или закройте его!

— Извините, сэр, — откликнулся Конвей. — Я задулся. Мне бы хотелось проверить одну свою догадку. Вы мне не поможете — я имею в виду уговорить полковника Скемптона? До сих пор мы попусту растрчивали время и усилия. Я хочу завести звездолет внутрь Госпиталя, причем не останавливая его вращения. Грузовой шлюз номер тридцать достаточно вместителен и к тому же расположен близко от заполненного водой коридора, который ведет в палату, приготовленную нами для пациента. Я боюсь, что полковник заупрямится...

Полковник в самом деле заупрямился и не желал прислушиваться ни к доводам Конвея, ни к просьбам О'Мары.

— Я понимаю, что нужно принимать неотложные меры, — заявил он после того, как отказал им в третий раз, — что от результатов лечения зависят наши дальнейшие отношения с Митболом, что вы столкнулись с серьезными трудностями. Но вы не введете, слышите, не введете в шлюз Госпиталя звездолет с химическим и незаглушенным двигателем! Стоит только ему заработать, как мы получим пробойну, которая приведет к катастрофическому падению давления на добром десятке уровней! Либо того хлеще — корабль может врезаться в центральный компьютер или в отсек управления гравитацией!

— Прошу прощения, — буркнул Конвей и обернулся к Харрисону: — Вы можете запустить двигатель чужака со спасательного бота? Или хотя бы отсоединить его?

— Отсоединить будет сложно. Вы ведь не хотите, чтобы я изжарился заживо, правда? Но можно установить реле и... Да, мы сумеем запустить его из этой рубки.

— Тогда займитесь этим, лейтенант, — велел Конвей и спросил у глядящего на него с экрана Скемптона: — Если я правильно понял, вы не возражаете принять корабль, раз им можно управлять из бота, и снабдите меня необходимым оборудованием?

— Обратитесь к офицеру-интенданту нужного вам уровня, — ответил Скемптон. — Желаю удачи, доктор.

Пока Харрисон устанавливал свое реле, Приликла следил за состоянием пациента, а Маннон с Конвеем пытались установить приблизительные размеры и вес инопланетного больного, чтобы подготовить, исходя из этих данных, специальный транспорт и вращающуюся операционную.

— Доктор, я все еще здесь, — напомнил О'Мара. — Объясните-ка мне вот что. Вашу идею относительно того, что пациенту нужна гравитация, естественная или искусственная, я усвоил, но чего ради взгромождать его на карусель?..

— Не на карусель, сэр, — поправил Конвей, а, скорее, на чертово колесо.

— Надеюсь, доктор, вы отдаете себе отчет в своих действиях? — осведомился майор, шумно выдохнув через нос.

— Ну... — начал было Конвей.

— Виноват, — буркнул главный психолог, — задал дурацкий вопрос. — Он отключился.

На установку реле лейтенанту понадобилось больше времени, чем он думал, — за что бы они ни брались, мелькнула у Конвея мысль, раз за разом возникают непредвиденные затяжки; Приликла доложил, что состояние пациента быстро ухудшается. Наконец из сопел звездолета вырвалось пламя, он сошел со своей орбиты и, сопровождаемый спасательным ботом, который поддерживал его вращение силовыми лучами противоположного направления, поплыл к грузовому шлюзу Госпиталя. Без осложнений обойтись не удалось: едва двигатель корабля заглох, из носового отсека вылетел тормозной парашют, который через несколько секунд обмотался вокруг корпуса судна. Вдобавок короткое ускорение причинило дополнительный ущерб обшивке.

— Течет как решето! — воскликнул Конвей. — Подведите к нему второй магнитный захват! Давайте, давайте! Как там больной?

— Пришел в себя, — отозвался, весь дрожа, Приликла. — Излучает панику...

Не перестававший вращаться звездолет осторожно завели в шлюз номер тридцать. Гравитационные решетки внутри шлюза, под палубой, были отключены, так что в

нем царила невесомость. Головокружение, не покидавшее Конвея с той поры, когда он впервые увидел инопланетный корабль, стало еще сильнее от явившегося его глазам зрелища: чужое судно торжественно вращалось в замкнутом пространстве шлюза, время от времени выстреливая белыми струйками водяного пара. Внезапно наружный люк шлюза с лязгом захлопнулся, силовые лучи остановили вращение звездолета, а гравитация в тот же миг была приведена в соответствие с митболийской. Корабль опустился на палубу.

— Как дела? — спросил Конвей встревоженно.

— Страх, — отозвался Приликла, — нет, крайняя обеспокоенность. Теперь излучение стало достаточно четким. Мне кажется, существу лучше, — похоже, эмпат не верил своим собственным словам.

Звездолет аккуратно подняли и подвели под него длинную и низкую тележку на надувных колесах. Затем в шлюз подали воду; она поступала из соседнего коридора. Приликла взбежал по стене, промчался по потолку и застыл в нескольких ярдах над носом звездолета. Конвей, Маннон и Харрисон направились к нему. Сперва они шагали, а потом вынуждены были пуститься вплавь. Добравшись до корабля, они сгрудились у носовой секции, не обращая внимания на монтажников, которые крепили ракету к тележке, чтобы вывезти ее в коридор отделения водоышащих, и одновременно снимали с корпуса обшивку, следя за тем, чтобы не повредить ненароком систему жизнеобеспечения. Постепенно от носовой секции остался один скелет, и тогда все смогли разглядеть пилота. Он напоминал бурую гусеницу, угодившую между шестеренками гигантских часов, и лежал, свернувшись кольцом. К тому времени корабль полностью погрузился в воду, которая была предварительно насыщена кислородом, и Приликла сообщил, что пациент беспокоится и испытывает замешательство.

— Он в замешательстве! — произнес знакомый голос. Обернувшись, Конвей увидел О'Мару, рядом с которым трепыхался в воде полковник Скемптон. Заметив удивление Конвея, главный психолог продолжил: — Не забывайте, доктор, задание срочное и важное, отсюда наше особо

пристальное к нему внимание. Но почему бы вам не разобрать этот часовой механизм и не извлечь из него пациента? Вы доказали, что ему и впрямь потребна для жизни гравитация, и мы можем...

— Нет, сэр, — возразил Конвей, — пока рано...

— Очевидно, вращение существа внутри капсулы, — сказал Скемптон, — связано с вращением корабля и позволяет пилоту как бы оставаться в неподвижности относительно окружающего мира.

— Не знаю, — проговорил Конвей. — Параметры того и другого вращения целиком не совпадают. Мне кажется, мы должны подождать до тех пор, пока не сможем переместить больного на чертовое колесо, которое почти в точности воспроизведет корабельные условия. По-моему, мы, как ни странно, еще не на правильном пути.

— Но зачем тащить в палату корабль, когда можно в несколько секунд доставить туда пациента?..

— Нет, — отрезал Конвей.

— Он врач, ему виднее, — произнес майор, не давая разгореться спору, и отвлек внимание полковника, переведя разговор на систему лопастей, которая обеспечивала циркуляцию “воздуха” пациента. Огромную тележку на надувных шинах вручную выволокли в коридор и дотолкали до огромного резервуара — палаты-операционной для вододышащих. Здесь внезапно возникло новое осложнение.

— Доктор! Смотрите!

Кто-то из монтажников, увивавшихся вокруг звездолета, нажал, должно быть, кнопку катапультирования, ибо узкий входной люк раскрылся, а шестерни, звездочки и приводные ремни пришли в действие. К образовавшемуся в корпусе отверстию устремились три предмета, походившие на автомобильные шины пяти футов в диаметре. Средней шиной был пилот звездолета, а те, что катились по бокам от него, имели металлический отблеск. От них к пациенту тянулось множество трубок. Вероятно, пищевые баки, подумал Конвей. Эти две шины остановились у люка, а пациент, из тела которого по-прежнему торчала одна из питательных трубок, вывалился из корабля и, не переставая кружиться, медленно пошел ко дну, вернее, к полу, что располагался восемь футов ниже. Харрисон,

бывший к нему ближе всех, попытался поймать его, но не преуспел в своем намерении. Существо плашмя ударилось об пол, подпрыгнуло и... застыло.

— Оно снова без сознания! Оно умирает! Скорее, друг Конвей! — обычно вежливый и тихий Приликла включил коммуникатор своего скафандра на полную мощность. Конвей махнул рукой в знак того, что слышал, и, плавая к астронавту, крикнул Харрисону:

— Поставьте его! Переверните!

— Что... — Харрисон не договорил. Подсунув под существо обе руки, он начал поднимать его. Маннон, О'Мара и Конвей подоспели к нему на помощь одновременно. Вчетвером они быстро поставили существо на, если можно так выразиться, ребро, но, когда, по настоянию Конвея, попробовали покатить его, оно сразу как-то обмякло. Приликла, подвергая себя опасности быть раздавленным чьим-нибудь башмаком, совершил посадку рядом с ними и принялся во всеуслышанье твердить об эмоциональном излучении пациента, которое в настоящий момент практически отсутствовало. Конвей велел остальным поднять существо над полом и вертеть его. Пару-тройку секунд спустя майор тянул, Маннон толкал, а Конвей с лейтенантом из всех сил раскручивали громадное кольцообразное тело.

— А ну тише, Приликла! — рявкнул О'Мара. Потом он раздраженно справился: — Кто-нибудь из нас знает, что тут происходит?

— Как будто, — отозвался Конвей. — Поднажмите, в своем корабле он вертелся куда быстрее. Приликла?

— Ему очень плохо, друг Конвей.

Стараясь всячески ускорить вращение существа, они повлекли его в предназначенную для него палату, где было установлено чертово колесо и где вода содержала синтетические организмы, точь-в-точь соответствовавшие кашице митболийских морей. Разумеется, о соответствии можно было говорить только применительно к калорийности; поскольку до сих пор никто из других вододышащих этой мешаниной не отравился, помещение для астронавта огородили пластиковой пленкой, а не металлическими стенками, что тоже содействовало быстрейшему перемещению пациента на колесо. Наконец он очутился там, куда его

направляли; привязанный к “сиденью”, он вращался в том же направлении и с той же скоростью, что и на звездолете. Маннон и Конвей с Приликлой расположились как можно ближе к центру колеса к пациенту и начали обследование, применяя специальные инструменты, диагностическое оборудование и “мыслескоп” с Митбола. Миновал час. Пациент по-прежнему находился без сознания.

О’Мара и Скемптон уступили свои места на колесе санитарам, поэтому Конвею пришлось через коммуникатор описывать им то, что остальные видели своими глазами.

— Даже на близком расстоянии эта плавучая гадость затрудняет наблюдение, однако, поскольку пациент в тяжелом состоянии и долго страдал от нехватки воздуха и пищи, я рад тому, что работаю не в чистой воде.

— Самое мое любимое лекарство, — заметил Маннон, — это еда.

— Интересно, как развилась подобная форма жизни? — продолжал Конвей. — Я полагаю, она возникла на мелководье, причем вода там под воздействием приливных сил двигалась не вперед-назад, а по кругу. Предки нашего пациента кружились вместе с водой и попутно поглощали пищу. Постепенно у них сложилась особая мускулатура, появились органы, которые позволяли им вертеться самостоятельно и не зависеть от приливов и течений, а также отростки в виде щупалец, что выступают, как вы видите, из внутренней окружности тела между жабрами и глазами. Зрительный аппарат нашего пациента должен действовать по принципу силеостата, поскольку предметы, которые попадают в его поле зрения, постоянно вращаются. Размножение происходит, вероятно, путем деления клеток. Вращение же не прекращается никогда, ибо остановиться для него — значит умереть.

— Но почему? — вмешался О’Мара. — Почему он должен вертеться, хотя мог бы есть и дышать в свое удовольствие в неподвижности?

— Вы знаете, чем болен пациент, доктор? — спросил Скемптон и прибавил озабоченно: — Его можно вылечить?

Маннон издал звук, напоминающий сразу презрительное фырканье, сдавленный смешок и приглушенный кашель.

— Да и нет, сэр, — ответил Конвей. — Вернее, да — на оба ваши вопроса. — Он искоса поглядел на главного психолога. — Это существо должно кружиться для того, чтобы жить. Мы столкнулись с уникальным способом смещения центра тяжести при сохранении тела в вертикальном положении за счет надувания той его части, которая оказывается наверху в тот или иной момент. Постоянное вращение обеспечивает циркуляцию крови, то есть наше существо вместо мышечного насоса пользуется, да простится мне моя вольность, гравитационной системой подачи жидкости. У него нет и намека на сердце. Когда оно останавливается, кровь застаивается, и через несколько минут существо умирает. Вся беда в том, что мы, может статься, слегка переусердствовали в своем стремлении заставить его лежать спокойно.

— Я не согласен с вами, друг Конвей, — заявил вдруг Приликла, который, как правило, обычно соглашался с любым мнением. По телу эмбата временами проходила дрожь, как то бывает у цинруссиан, когда они воспринимают приятные эмоции. — Пациент быстро обретает сознание. Сейчас он полностью ожил. Я ощущаю тупую боль, которая почти наверняка является следствием голода, но она понемногу слабеет. Он чуть-чуть беспокоится, сильно взволнован и изнывает от любопытства.

— Что? — удивился Конвей.

— Любопытство — одно из важнейших чувств, доктор.

— Наши первые космонавты, — заметил О'Мара, — тоже были людьми со странностями...

Примерно через час митболийский астронавт уже не нуждался в медицинской помощи. Врачи выбрались из скафандров. Лингвист Корпуса мониторов взобрался на "чертово колесо" и присоединился к инопланетянину с намерением ввести в память главного транслятора Госпиталя новый язык. Полковник Скемптон отправился сочинять весьма занимательное по содержанию послание капитану "Декарта".

— Все не так уж и страшно, — губы Конвея сами собой расплзлись в усмешке. — Во-первых, наш пациент мучился всего-навсего несварением желудка, да еще у него возникли незначительные трудности с дыханием. Постра-

дал он, в основном, из-за неправильного с ним обращения после того, как его спас, вернее похитил “Декарт”. Но, к сожалению, он, по-видимому, не имеет ни малейшего представления об управляемых мыслями медицинских инструментах. Отсюда мы, как мне кажется, вправе сделать вывод, что на Митболе обитает вторая раса разумных существ. Когда наш друг заговорит, я думаю, мы сможем убедить его помочь нам отыскать эту расу — похоже, он отнюдь не в обиде на нас за то, что мы несколько раз чуть было его не прикончили. По крайней мере так утверждает Приликла. Честно говоря, я не знаю, как мы выберемся из лужи, в которую сами себя усадили.

— Если вы рассчитываете добиться от меня похвалы за свои блестящие способности к логическому мышлению или, что вероятнее, за случайную удачную догадку, — произнес О’Мара, — то сильно заблуждаетесь...

— Пошли обедать, — сказал Маннон.

Поворачиваясь к двери, О’Мара прибавил:

— Вам известно, что я не ем на людях, поскольку иначе не замедлит сложиться впечатление, что я ничем не выделяюсь среди всех остальных. Кроме того, я слишком занят: мне предстоит разработать тест для еще одного вида так называемых разумных существ...

ГЛАВА III КРОВНЫЙ БРАТ

— Задание будет не совсем медицинским, доктор, — обратился О’Мара к Конвею, которого вызвал к себе в кабинет тремя днями позже, — хотя, естественно, очень важным, — добавил он после паузы. — Если у вас возникнут сложности политического характера...

— ... То я буду работать под чутким руководством опытных специалистов по культурным контактам из Корпуса мониторов, — закончил Конвей.

— Ваш тон, доктор, — сухо сказал О’Мара, — подразумевает незаслуженную критику великолепного коллектива людей и существ, к которому имею честь принадлежать и я...

В комнате присутствовало еще одно существо. Оно издавало булькающие звуки, неторопливо вращаясь при этом, словно какое-то большое колесо из органики, но ничего не говорило.

— ... Однако мы теряем время, — продолжил О'Мара. — До отлета вашего корабля на Митбол остается еще два дня — время, по-моему, вполне достаточное, чтобы покончить и с личными и со служебными делами. Вам стоит лучше ознакомиться со всеми деталями проекта, пока еще есть удобные условия для работы.

С большой неохотой я решил не привлекать к заданию доктора Приликлу — Митбол не место для тех, кто станет “загибаться” от того, что в его присутствии у кого-то возникнут недобрые мысли или отрицательные эмоции. Вместо него у вас будет Саррешан, который добровольно вызвался быть вашим гидом и советником. Хотя для меня остается тайной, почему он так поступил, — ведь мы в буквальном смысле слова похитили его и едва было не лишили жизни...

— Это потому, что я такой смелый, благородный и не злопамятный, — раздался ровный голос вращающегося существа. — А еще я дальновидный и бескорыстный, и единственное, что меня волнует, так это всеобщее благо обоих наших народов, — добавило оно.

— Да, осторожно согласился О'Мара. — Но наши намерения не совсем бескорыстны. Мы планируем изучить и определить медицинские потребности вашей родной планеты, чтобы предоставить помощь в этом районе. Поскольку мы тоже благородны бескорыстны и... и высокоморальны, помощь будет оказана в любом случае, но если вы нам предоставите эти приборы, квазиживые устройства, инструменты или как их там еще называют, которые родом с вашей планеты, то...

— Но ведь Саррешан уже говорил, что его раса их не использует... — начал было Конвей.

— И я в это верю, — согласился майор. — Но мы знаем, что родом они с его планеты, и это уже ваша задача — одна из задач, доктор, — найти народ, который ими пользуется. Ну, а теперь, если других вопросов нет...

Через несколько минут Конвей с Саррешаном были уже в коридоре.

— Ланч, — сказал Конвей, взглянув на часы. — Не знаю, как вы, а мне всегда думается лучше, когда мои челюсти заняты своей работой. Секция для аквадышащих двумя секторами выше.

— Очень любезно с вашей стороны, но я понимаю, как вашему виду трудно принимать пищу в нашей среде. Кроме того, я абсолютно неприхотлив и больше забочусь о комфорте друзей. Через два дня мы улетаем, поэтому возможности пообщаться с другими видами у меня ограничены. Я предпочел бы столовую для вас — теплокровных кислорододышащих.

Конвей издал непереволимый вздох облегчения.

— Проходите вперед, — только и сказал он.

Войдя в обеденный зал, он остановился в нерешительности: то ли поесть стоя за столом тралтан, то ли рискнуть заработать грыжу, восседая на стуле у стола жителей Мелфана. Дело в том, что все места для людей были заняты.

Он угнездился в одно из орудий пыток, что служит стульями мелфанам, а Саррешан, чья пища была растворена в жидкости, которой он дышал, подогнал свою систему жизнеобеспечения как можно ближе к столу. Конвей уже собирался было набрать заказ, но его отвлекли. К ним прогремел Торннастор, главный диагност отделения патологии. Он посмотрел на них одним глазом, в то время как двумя другими оглядел все помещение, и издал звук, похожий на модулированный вой противотуманной сирены.

Из транслятора донесся обычный бесстрастный голос:

— Доктор, я заметил, как вошли вы и наш друг Саррешан, и подумал, что нам следует кое-что обсудить в связи с вашим новым назначением, пока вы не приступили к еде.

Как и все тралтане, Торннастор был вегетарианцем и предложил Конвею салат. Однако тот счел это пищей для кроликов и предпочел немного потерпеть, но дождаться бифштекса.

Посетители вокруг, закончив свой ланч, группами или поодиночке покидали помещение, уступая место такой же разномастной толпе существ, а диагност все еще продолжал обсуждать способы обработки данных и образцов, которые Конвей ему пришлет, и методы эффективной орга-

низации медицинского обследования целой планеты. Будучи ответственным за анализ всей этой массы данных, он имел вполне определенные взгляды на то, как это выполнить наилучшим образом.

Когда наконец патолог угрохотал восвояси, Конвей заказал бифштекс и некоторое время молча препарировал его с помощью вилки и ножа. Вскоре до него дошло, что транслятор издает хаотические хриплые звуки, которые у человека, скорее всего, могли сойти за покашливание.

— Вы хотите что-то спросить? — поинтересовался он у Саррешана.

— Да, — ответил тот. — Будучи отважным, сильным и эмоционально уравновешенным...

— А также весьма скромным, сухо вставил Конвей.

— ... я все же не могу не выразить легкой озабоченности по поводу завтрашнего посещения кабинета О'Мары. А именно: болезненная ли это процедура и каковы остаточные явления?

— Никакой болезненности и никаких остаточных явлений, — убедительно ответил Конвей. Он объяснил, как проходит мнемозапись для создания обучающей мнемограммы, добавив, что дело это исключительно добровольное и что Саррешан может, не потеряв достоинства, в любой момент отказаться от него. Он также отметил, что Саррешан окажет О'Маре огромную услугу, позволив записать собственную мнемограмму, которая даст полное и истинное понимание его мира и общественного устройства.

По окончании ланча какое-то время транслятор Конвея все еще выдавал чавкающие звуки, но вскоре они вышли в коридор, и Саррешан отправился в заполненный водой сектор для АУГЛов, а врач решил пойти к себе.

Еще сегодня он должен приступить к сдаче дел, ознакомиться с обстановкой на Митболе и набросать тщательно продуманный план действий, предшествующих прибытию на планету — хотя бы для того, чтобы монитор, который будет ему помогать, был уверен, что медицинский персонал Госпиталя свое дело знает.

На текущий момент в его ведении были палата с кельгианами и родильное отделение для тралтан. Он также отвечал за маленькую палату, предназначенную худлариа-

нам, где притяжение составляло пять “же”, а атмосферой служил плотный туман под высоким давлением. Наконец, у него на излечении находилось невесть откуда свалившееся шарообразное существо классификации ТЛТУ, которое дышало перегретым паром. Прошло несколько часов, прежде чем он “сдал дела” с такой коллекцией пациентов.

Курс лечения и выздоровление больных проходил успешно, но он чувствовал себя обязанным перемолвиться с ними хотя бы словечком и попрощаться, ибо их выпишут домой задолго до его возвращения с Митбола.

Конвей торопливо перекусил всякой всячиной прямо у обслуживающего столика с инструментом и решил позвонить Мэрчисон. Забота о собственном удовольствии — явная реакция на затянувшийся приступ служебного рвения, цинично отметил он...

Но в отделении общей патологии ему сказали, что Мэрчисон на дежурстве в небольшом полугусеничном устройстве с мощными стенками, забитом обогревателями изнутри и обвешанном холодильными камерами снаружи, — единственном средстве для пребывания в “холодной” метановой секции, где она могла либо моментально заморознуть насмерть сама, либо поубивать всех пациентов теплом собственного тела: Ему все же удалось связаться с Мэрчисон через коммутатор в дежурной палате, но, памятуя об органах слуха всех форм и видов, которые могли их слышать, он лишь кратко и официально сообщил о своем назначении и возможной совместной работе с нею как с патологом. Чтобы обсудить детали, он предложил встретиться в помещении для отдыха, когда она освободится от дежурства.

Мэрчисон сообщила, что это произойдет через шесть часов. Конвей слышал ее голос на фоне невыразимо мелодичного звона, похожего на постукивание льдинок в бокале, подумал он, — она говорила из палаты разумных кристаллов, которые беседовали между собой.

Спустя шесть часов, они встретились в помещении для отдыха, где искусно сделанное освещение и искусственный ландшафт создавали ощущение простора. Они лежали на небольшом клочке тропического берега, огороженном ска-

лами и открытым к морю, которое, казалось, протянулось вдаль на многие мили. Лишь чужие растения на скалах нарушали иллюзию, что они на Земле. Но пространства в Госпитале не хватало, и существа, которые вместе работали, вместе и отдыхали.

Конвей чувствовал огромную усталость. Неожиданно пришла в голову мысль: а будет ли у него завтра двухчасовой обход? Но завтра, то есть уже сегодня, насколько он знает О'Мару, он уже не будет полностью Конвеем...

Проснувшись, он увидел над собой склонившуюся Мэрчисон. Ее лицо одновременно выражало веселое негодование и легкую озабоченность. Она стала достаточно сильно шлепать его по животу.

— Ты заснул на середине слова и прямо придавил меня! Больше часа назад! Мне это не нравится — я чувствую себя неуверенной, нежеланной и непривлекательной для мужчин. — Она продолжала молотить по его диафрагме. — Я ожидала услышать хотя бы информацию. Хотя что-то о задачах или опасностях твоей новой работы. И уж во всяком случае рассчитывала на теплое и нежное прощание...

— Если тебе хочется подраться, — расхохотался Конвей, — то давай лучше поборемся...

Но она ускользнула из его рук и бросилась к воде. Преследуемая Конвеем, девушка нырнула в волны, поднятые тралтанином, которого учили плавать. Конвей тоже поплыл, но потерял ее из виду. Тонкая загорелая рука обхватила его со спины за шею, и он выхлебал почти половину искусственного моря.

Пока они переводили дух, снова лежа на горячем тоже искусственном песке, Конвей рассказал о своей новой работе и о том, что ему скоро запишут мнемोगрамму Саррешана. "Декарт" отчалит лишь через тридцать шесть часов, но большую часть этого времени Конвей будет галлюцинировать, ощущая себя "заводным бубликом", для которого все земные женщины также бесформенны и непривлекательны, как пакет для тех же бубликов, а возможно, и того хуже.

Вскоре они покинули помещение для отдыха, обсуждая, что бы такое придумать, чтобы добиться ее перевода от

Торннастора, для соотечественников которого слово “романтика” всего лишь непереводаемый шум.

Конечно, острой необходимости уходить вовсе не было. Но гуманоиды с Земли были единственной расой в Галактической Федерации, которая придерживалась табу на нудизм, и одним из очень немногих видов существ, которые не занимались любовью публично.

Когда Конвей прибыл в кабинет майора О’Мары, Саррешан уже покинул его.

— Вы все это уже знаете, доктор, — начал психолог, пока они с ассистентом, лейтенантом Крэйторном, пристегивали Конвея к обучающей машине. — Тем не менее, должен вас предупредить, что первые несколько минут после передачи памяти — самые тяжелые. Именно тогда человеческий разум уверен, что чужое *alter ego*¹ побеждает. Это чисто субъективный эффект, вызванный неожиданным наплывом чужих воспоминаний и жизненного опыта. Вы должны попытаться сохранить гибкость ума и как можно скорее адаптироваться к чужаку — порой совершенно чуждому разуму. Как вы это сделаете — ваш вопрос. Поскольку запись абсолютно новая, я буду следить за вашими реакциями на случай осложнений. Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — зевнул Конвей.

— Не хвастайтесь, — сказал О’Мара и перебросил тумблер.

Через несколько секунд Конвей очнулся в маленькой квадратной чужой комнате; ее плоскости и очертания — впрочем как и мебель — были слишком прямыми, а углы слишком острыми. Над ним возвышались два гротескного вида существа — какая-то частица его разума утверждала, что это друзья, — и изучали его плоскими влажными глазами, посаженными на лица из бесформенного розового теста. Комната, ее обитатели и он сам были неподвижными и...

Он умирал!

Неожиданно Конвей осознал, что сбил О’Мару на пол, а сам, усевшись на край кушетки — руки со сжатыми

куклами скрещены на груди, — всем торсом быстро раскачивается туда-сюда. Но движение совсем не помогало. — комната по-прежнему до ужаса, до дурноты оставалась неподвижной. Его тошнило от головокружения, слабело зрение, он задыхался, исчезало чувство осязания.

— Полегче, парень, — мягко сказал О'Мара. — Не борись с ним. Адаптируйся.

Конвей попытался выругаться, но звук, который он издал, был скорее похож на блеяние испуганного зверька. Он раскачивался все быстрее и быстрее, вращая при этом из стороны в сторону головой. Комната дергалась и кружилась, но все еще оставалась слишком неподвижной. Неподвижность наводила ужас и была смертоносной. Как, в полном отчаянии спрашивал сам себя Конвей, кто-то может адаптироваться к умиранию?

— Лейтенант, заверните ему рукав, — приказал настойчиво О'Мара, — и крепко его держите.

И тут Конвей потерял контроль над собой. Чужое существо, которое, очевидно, его захватило, никогда бы не позволило кому-то лишить себя подвижности — это было немыслимо! Он вскочил с кушетки и отшатнулся к столу О'Мары. По-прежнему пытаясь найти движения, которые бы утихомирили чужака в его мозгу, он пополз на коленях сквозь завалы на столе, все также вращая головой.

Но чужаку в его голове было дурно от неподвижности, а у землянина кружилась голова от избытка движений. Конвей не был психиатром, но отлично понимал, что если что-то быстро не придумает, то закончит не врачом, а пациентом О'Мары, ибо чужак был твердо убежден, что вот-вот умрет.

Умирание — даже по доверенности — тяжелейшая психическая травма.

У него мелькнула какая-то идея, когда он взбирался на стол, но сейчас, когда большая часть его мозга была охвачена паникой, что это за идея, трудно было вспомнить. Кто-то попытался стащить его вниз, но он отбрыкался, при этом, правда, потерял равновесие и свалился на вращающееся кресло О'Мары. Чувствуя, что падает, Конвей инстинктивно оттолкнулся ногой от пола. Кресло повернулось более чем на сто восемьдесят градусов, и он оттолкнулся

еще раз. Кресло продолжало крутиться, сначала рывками, но, когда он приноровился, вращение стало равномерным.

Он лежал на левом бедре, поджав одну коленку, обхватив спинку кресла руками, и отталкивался от пола правой ногой. Было не трудно представить, что все, что находится в комнате, лежит на боку, а сам он вращается в вертикальной плоскости. Паника стала понемногу стихать.

— Если вы меня остановите, — сказал Конвей, делая ударение на каждом слове, — я дам вам в морду...

Лицо Крэйторна приобрело смешное выражение. О'Мару скрывала открытая дверца шкафчика с медикаментами.

— Это не отвращение к внезапно привнесенному чужому образу жизни, — защищаясь, продолжал Конвей, — поверьте, из тех, чьи мнемोगраммы мне уже записывали, Саррешан ближе всех к человеку. Но эту запись я просто не вынесу! Я, конечно, не психиатр, но не думаю, чтобы какая-либо особь смогла адаптироваться к постоянно повторяющейся смертельной агонии.

На Митболе, — мрачно говорил он, — нельзя сделать вид, что ты мертв, спишь или неподвижен и, значит, ты мертв. Сородичи Саррешана начинают вращаться еще в утробе матери, во время беременности и так до самой...

— Вы нас убедили, доктор, — прервал его О'Мара, снова приближаясь к Конвею. На ладони он держал три таблетки. — Я не стану делать вам укол, потому что остановка вашего тела, очевидно, вызовет нервный шок. Вместо этого я дам вам сильнейшее снотворное. Действие его будет мгновенным и вы проспите по меньшей мере сорок восемь часов. За это время я сотру мнемограмму Саррешана, и когда вы проснетесь, у вас будут лишь остаточные воспоминания и впечатления, но состояние паники уже исчезнет.

А теперь откройте рот, доктор, и закройте глаза...

Конвей проснулся в крохотной каютке; суровая окраска стен свидетельствовала о том, что он на борту крейсера.

И действительно, к стене была прикреплена табличка: "Исследовательский корабль для культурных контактов "Декарт"". Заполняя почти все пространство каюты, на единственном привинченном к полу стуле сидел офицер с

нашивками майора и изучал материалы по Митболу. Он поднял глаза.

— Эдвардс, корабельный врач, — вежливо представился он. — Рад вас видеть на борту, доктор. Вы проснулись?

Конвей сладко зевнул.

— Наполовину, — ответил он.

— В таком случае, — сообщил Эдвардс, выходя в коридор, чтобы Конвей смог одеться, — нас хотел бы видеть капитан.

“Декарт” был большим кораблем, и его рубка была достаточно просторной, чтобы, не мешая дежурным офицерам, там мог находиться аппарат для жизнеобеспечения Саррешана. Капитан Уильямсон предложил ему проводить здесь большую часть времени — честь, которая польстила бы самолюбию представителя любой расы, — а для пассажира, который не знает, что такое “спать”, это оборачивалось преимуществом быть всегда на людях. Некоторым образом он мог с ними даже общаться.

По сравнению с электронным монстром, заведовавшим переводом в Госпитале, корабельный компьютер был крошечным, да и то для перевода выделялась лишь часть объекта его памяти, так как он еще и управлял кораблем. В результате попытки капитана обсудить с Саррешаном сложные психологические и политические вопросы не увенчались успехом.

Офицер, стоявший позади капитана, обернулся, и Конвей узнал Харрисона. Он кивнул ему и поинтересовался:

— Как нога, лейтенант?

— Спасибо, хорошо, — ответил тот и добавил с серьезным видом: — Немного беспокоит во время дождя, благо здесь они идут редко...

— Харрисон, если вам необходимо побеседовать, — сказал капитан с плохо сдерживаемым раздражением, — будьте все же благоразумнее. Доктор, — оживленно обратился он к Конвею, — их социальная система выше моего понимания. Она ближе всего к полувоенной анархии. Однако мы должны связаться с их руководителями либо, если это не удастся, с друзьями Саррешана или ближайшими родственниками. Беда в том, что Саррешан не знает даже такого понятия, как родительская любовь, а сексуальные отношения у них, похоже, необычайно сложные...

— Это на самом деле так, — с чувством сказал Конвей.

— Понятно, что в этих вопросах вы разбираетесь лучше нас, — с облегчением заметил капитан. — Мне сказали, что помимо того, что вы в течение нескольких минут разделяли с ним разум, он был еще и вашим пациентом?

Конвей кивнул.

— Он не был пациентом в прямом смысле этого слова, сэр, потому что не был болен, но сотрудничал с нами во время многочисленных психологических и физиологических тестов. Ему по-прежнему не терпится вернуться домой и почти так же не терпится помочь нам вступить в дружеский контакт с его народом. В чем загвоздка, капитан?

В основном проблема для капитана заключалась в том, что, отличаясь подозрительностью, он, хотя и отдавал должное жителям Митбола, но ожидал и от них того же. Пока они имели дело лишь с Саррешаном — первым представителем этой расы, побывавшим в космосе. Он был “заглочен” грузовым люком “Декарта” и, в представлении сородичей, увезен неизвестно куда.

— Они ожидали, что потеряют меня, — вставил Саррешан в нужный момент, — но не ожидали, что меня украдут.

Реакция жителей Митбола на предыдущее возвращение “Декарта” была вполне предсказуема — по отношению к кораблю были проявлены все формы враждебности, на какие они только были способны. Ядерные ракеты легко было сбить или обойти, но Уильямсон улетел, потому что их боеголовки были исключительно “грязного” типа, и если бы атака продолжилась, жизнь на поверхности планеты подверглась бы серьезной опасности радиоактивного заражения. Теперь корабль снова возвращался, на этот раз вместе с первым астронавтом Митбола, и он должен доказать руководителям планеты или, если не им, то своим друзьям, что с ним не случилось ничего страшного.

Простейшим способом было бы выйти на орбиту вне пределов досягаемости ракет, предоставив Саррешану столько времени сколько потребуется, самому убеждать свой народ, что его никто не пытал и что его разум не захвачен монстром вроде капитана. Оборудование для связи было продублировано в скафандре Саррешана, так что технических проблем здесь быть не могло. Тем не менее,

Уильямсон чувствовал, что разумнее было бы самому связаться с правительством и извиниться за недоразумение прежде, чем будет говорить Саррешан.

— Первоначальной целью экспедиции было установить дружеский контакт с этим народом, — заключил Уильямсон, — еще даже до того, как вы там, в Госпитале, так загорелись этими мысленно управляемыми инструментами.

— Причина моего пребывания здесь не совсем коммерческая, — задумчиво, с отсутствующим видом проговорил Конвей. — Что касается данной проблемы, я могу вам помочь. Трудности возникают из-за вашего непонимания, что у них полностью отсутствуют родительская и сыновья любовь или вообще какие-либо эмоциональные проявления по отношению друг к другу, за исключением коротких, но очень бурных связей до и во время брачных отношений. Понимаете, они действительно ненавидят своих отцов и всех, кто...

— Спаси и помилуй! — пробормотал Эдвардс.

— ... И все, кто состоит с ними в прямом родстве, — продолжал Конвей. — Это одно из самых необычных воспоминаний, из сохранившихся в моей памяти. Такое иногда случается после раскрытия перед разумом необычной чужой личности, а этот народ очень необычен...

Общественная структура Митбола до самого недавнего прошлого была прямой противоположностью тому, что большинство разумных существ считает нормальным. С виду — это анархия, где самыми уважаемыми были ярые индивидуалисты, путешественники в дальние края, существа, живущие опасностями и постоянными поисками новых ощущений. Конечно, сотрудничество и самодисциплина были необходимы для самозащиты, поскольку естественных врагов у этих существ хватало, но это было абсолютно чуждо их натуре, и только трусы, физически слабые существа и те, кто ставил безопасность и комфорт превыше всего, были способны вынести позор тесного физического сотрудничества. На заре истории этот слой общества считался низшим из низших, но именно среди них нашелся кто-то, кто разработал метод, позволяющий особи вращаться и жить, не передвигаясь вдоль морского дна. Возможность жить оседло можно сравнить с открытием огня

или изобретением колеса на Земле. Это было началом технического развития на Митболе.

С ростом стремления к комфорту, безопасности и сотрудничеству количество индивидуалистов сокращалось — их достаточно часто убивали. Реальная власть стала переходить в мохнатые щупальца существ, которых волновало будущее, или тех, кто проявлял такое любопытство к окружающему миру, что, дабы удовлетворить его, совершал постыдные, с точки зрения большинства, поступки и жертвовал физической свободой. Они символически признавали вину, отказывались от полномочий, но фактически являлись настоящими правителями. Индивидуалисты, которые были номинальными лидерами, превратились в подставных лиц за одним достаточно важным исключением.

Причиной того, что все стало шиворот-навыворот, явились коренные изменения в родственных отношениях, основанные на сексуальных особенностях. Поскольку обитатели Митбола эволюционировали в исключительно небольших и замкнутых районах и были вынуждены постоянно передвигаться в их пределах, физический контакт для продолжения рода — чисто инстинктивный в доразумную эпоху — с гораздо большей вероятностью происходил с родственником, нежели с чужой особью. В результате эволюции они выработали эффективную защиту против кровосмешения.

Соотечественники Саррешана обоеполые. После брачного периода каждый из родителей растит двух отпрысков, которые прикрепляются по обе стороны родительского тела и похожи на продолговатые пузырьки. Повреждения, болезнь или умственное расстройство сразу после родов могут вызвать у родителя потерю равновесия, падение, остановку и смерть. Сейчас это происходит редко, так как существуют устройства, поддерживающие вращение, пока опасность не минует. А вот пятна, остающиеся у родителей после отделения детей, очень чувствительны; их расположение зависит от наследственных факторов. Результатом этого стало то, что, если близкие родственники вступают в связь, они причиняют друг другу значительную боль. Эти существа действительно ненавидят родителей и всех своих близких. У них нет иного выбора.

Ну, а то, что период ухаживания очень недолог, — в заключение добавил Конвей, — объясняет ту очевидную хвастливость, которую мы подметили у Саррешана. При случайной встрече на дне моря не так уж много времени, чтобы продемонстрировать желанному партнеру свою силу и красоту, поэтому со скромностью у них определенно не выживешь.

Капитан бросил на Саррешана долгий, задумчивый взгляд, затем повернулся к Конвею.

— Я так понимаю, доктор. Учитывая, что его тренировали и готовили в астронавты, наш друг относится к низшим слоям общества, хотя на самом деле может занимать высокое положение?

Конвей покачал головой.

— Вы забываете, сэр, какое важное значение — это опять же связано со стремлением избежать кровосмешения — эти существа придают тем, кто отправляется в отдаленные места, откуда возвращаются с обновленной кровью и новыми знаниями. В этом отношении Саррешан вообще уникален. Как первый астронавт планеты, с какой стороны не посмотри, он все равно тут первый парень на деревне — самое уважаемое существо этого мира, и влияние его весьма велико.

Капитан промолчал, но черты его лица разгладились в непривычное для них выражение — улыбку.

— Побывав внутри и зная, что творится снаружи, — сказал Конвей, — можно быть уверенным, он не держит обиды за то, что его украли, — на самом деле он чувствует себя обязанным и будет сотрудничать при контакте. Только, сэр, не забудьте подчеркнуть в разговоре наши различия с этими существами. Они самые странные из всех, на кого мы натыкались, и это в буквальном смысле так. Будьте особенно внимательны и не говорите, что мы тут все братья или что мы все принадлежим к одной великой галактической семье разумных существ. Слова “семья” и брат” у них неприличны!

Вскоре после этого Уильямсон собрал специалистов по культурным контактам и связистов на совещание, чтобы обсудить новую информацию, полученную от Конвея. Несмотря на скудные возможности транслятора на “Декар-

те", к концу второй вахты они завершили составление плана по установлению контакта с жителями Митбола.

Однако старший специалист по контактам все еще был неудовлетворен — он хотел изучить культуру этого народа глубже. Он настаивал, что нормальные цивилизации основаны на расширении от семьи к племени, от деревни к стране, пока не объединится весь мир. Он не понимает, как может возникнуть цивилизация без сотрудничества на уровне семьи и племени, но думает, что более близкое изучение личных отношений может внести ясность. Не согласится ли доктор Конвей записать мнемограмму Сарре-шана еще раз?

Конвей устал, был раздражен и голоден. Его ответ предварил майор Эдвардс.

— Нет! — приказал он. — Ни в коем случае, нет! О'Мара дал мне на этот счет строгие инструкции. При всем уважении к вам, доктор, он запретил это делать, даже если вы, по его словам, сморозите глупость и вызоветесь добровольцем. Мнемограммы этих существ нельзя использовать. Черт побери, я голоден, а сандвичи мне надоели!

— Мне тоже, — согласился Конвей.

— И почему это врачи постоянно испытывают голод? — спросил офицер по культурным контактам.

— Джентльмены! — устало одернул капитан.

— Что касается меня, — стал объяснять Конвей, — так это потому, что всю свою сознательную жизнь я посвятил бескорыстному служению людям, и все мои способности врача и хирурга в их распоряжении в любое время дня и ночи. Принципы моей великой альтруистической профессии меньшего не допускают. Эти жертвы — долгие часы работы, недосыпание, нерегулярный прием пищи — я приношу охотно и без сожаления. И если я думаю о еде чаще, чем было бы нормальным для остальных людей, так это потому, что в любой момент может понадобится медицинская помощь, и следующий прием пищи отодвинется на неопределенное время. Значит, если я как следует поем сейчас, то в этом случае смогу применить все свое умение до конца. Даже вы, лежебоки, должны знать, что такое умственное и физическое истощение.

Не надо так на меня смотреть, джентльмены, — добавил он сухо. — Я всего лишь готовлюсь к контакту с соплеменниками Саррешана, делая вид, что такого понятия как “скромность” в мире просто не существует.

За время, оставшееся до конца путешествия, Конвей пообщался со связистами и астронавтами, побеседовал с капитаном, Эдвардсом и Саррешаном. Но к тому времени, когда “Декарт” материализовался в системе Митбола, полезной информации о медицине на планете он получил очень мало, еще меньше он знал о самих здешних медиках.

Контакт с коллегами на Митболе был особенно важен для успешного выполнения его задач.

Но медицина и лечебная хирургия были совсем недавними достижениями, ставшими возможными после того, как эти существа научились вращаться, не меняя положения. Однако имелись смутные упоминания о существах другого вида, которые были кем-то вроде врачей. По описанию Саррешана, они, похоже, были отчасти врачами, отчасти паразитами, а отчасти хищниками. Держать такого на себе было делом весьма рискованным. Часто это кончалось плачевно — пациент терял равновесие и погибал. Саррешан настаивал, что такой лекарь опаснее болезни.

Из-за сложностей с переводом он не смог объяснить, как же доктор и пациент общаются. Саррешан никогда не встречался с этими существами сам, да и те, с кем он общался, тоже не встречались. Самое большее, что ему удалось им растолковать: у лекарей прямой контакт с душой пациента.

— О, Господи! — воскликнул Эдвардс. — Дальше-то что будет?

— Это вы молитесь или облегчаете душу? — поинтересовался Конвей.

Майор улыбнулся и продолжил уже серьезно:

— Если наш друг употребляет слово “душа”, то только потому, что соответствующий эквивалент есть в трансляторе Госпиталья. Вам остается всего лишь запросить, что такое “душа” по мнению этого электронного переростка.

— Боюсь, О’Мара снова начнет сомневаться, что я в здравом уме, — скептически заметил Конвей.

К тому времени, когда пришел ответ, капитан Уильямсон успешно принес свои извинения псевдоправительству

Митбола, а Саррешан так красноречиво описал странности землян, что им гарантировали теплый прием. Однако “Декарт” попросили оставаться на орбите, пока не будет расчищена и обозначена удобная посадочная площадка.

— Согласно сообщению, — Эдвардс протянул Конвейю распечатку радиограммы, — компьютер считает, что “душа” — это просто “принцип жизни”. О’Мара говорит, что программисты не хотели смущать машину религиозными и философскими понятиями, включая сюда и бессмертие души. Поэтому, по мнению компьютера, все, что живет, имеет душу. Очевидно, лекари на Митболе вступают в прямую связь с “принципами жизни” пациента.

— Вы думаете — лечение верой?

— Не знаю, доктор, — ответил Эдвардс. — Мне кажется, что здесь от вашего главного психолога проку мало. Ну, а если вы думаете, что я собираюсь вам помочь и снова дам вам мнемограмму Саррешана — поберегите голосовые связи.

Конвей был удивлен, насколько обычным выглядит Митбол с орбиты. И только на высоте десяти миль от поверхности планеты стали заметны медленные подергивания покрытого складками необъятного ковра из копошащихся на суше животных и неестественно спокойное море, похожее на густой суп. Только вдоль береговых линий наблюдалась особенно бурная активность. Здесь вода бурлила желто-зеленой пеной и кишела большими и малыми водными хищниками, яростно нападавшими на живущих на суше, а те, в свою очередь, не менее злобно накидывались на обитателей моря.

“Декарт” опустился в двух милях от мирного участка побережья в центре района, помеченного ярко окрашенными буйками. Он был полностью скрыт облаками пара, поднявшимися при соприкосновении пламени с водой. Как только корма ушла под поверхность, тяга была уменьшена и корабль мягко опустился на песчаное морское дно. Вскипевшая от двигателей вода разошлась медленными волнами, а на корабль стали накатывать волны существ.

В буквальном смысле, подумал Конвей.

Слезно огромные влажные бублики, они выкатывались из зеленого водяного тумана к основанию корабля и начи-

нали безостановочно кружить вокруг него. Они тяжеловесно огибали попадавшие на пути обломки скал и колючую растительность. Иногда, чтобы изменить направление, они принимали почти горизонтальное положение, но равномерное вращение всегда продолжалось, и существа держались друг от друга как можно дальше.

Конвей выждал некоторое время, чтобы дать Саррешану возможность спуститься по пандусу и должным образом встретиться со своими соплеменниками. Врач в легком скафандре, подобном тем, которые использовали в Госпитале в секторах для воднодышащих. Это было сделано и для удобства, и для того, чтобы продемонстрировать местным жителям “необычную” форму своего тела. Он шагнул с края пандуса и стал медленно опускаться на дно моря. Через транслятор он слышал беседу Саррешана, разговоры важных лиц и наиболее громкие выкрики из окружающей толпы.

Опустившись на дно, Конвей сначала подумал, что на него нападают. Все находящиеся в окрестностях корабля существа старались прокатиться как можно ближе к нему, а, проезжая мимо, каждый что-то говорил. Микрофон скафандра доносил до него звуки, похожие на беспорядочное побулькивание, а транслятор в силу своей несовершенности повторял одну и ту же фразу: “Добро пожаловать, чужестранец!”

В их искренности сомневаться не приходилось — в мире, где все было наперекосяк, теплота приема была прямо пропорциональна необычности приветствуемого. Они едва ли не сами просили задавать им вопросы.

Первым делом он обнаружил, что в его профессиональных услугах здесь не нуждаются.

Это было общество, члены которого никогда не прекращали движение по “городам” и вокруг них. На Митболе не было жилых кварталов — “города” представляли собой просто-напросто приспособления для производства, обучения или исследований. После работы “бублик” высвобождался из сбруи на механически вращаемой раме и укатывал куда-нибудь по дну моря в поисках пищи, развлечений или странной компании.

Они никогда не спали, не вступали в физический контакт, кроме контактов, связанных с продолжением рода, тут не было ни высоких зданий, ни мест для захоронения.

Когда какое-нибудь из существ из-за возраста, опасного происшествия, столкновения с хищником или острым ядовитым растением останавливалось, никто не обращал на него внимания. Из-за выделения газов при разложении тканей внутри тела оно вскоре после смерти всплывало на поверхность, где его съедали птицы и рыбы.

Конвей беседовал с несколькими существами слишком старыми, чтобы кататься самостоятельно. Их вращали в индивидуальных устройствах и кормили искусственным путем. Он так и не понял до конца, был ли это эксперимент или старики представляли для общества какую-то ценность. Но эти работы по гериатрии и оказание помощи при трудных родах оставались единственными видами оказания медицинской помощи, которые он до сих пор встретил.

Тем временем исследовательские команды картографировали планету и добывали различные образцы ее поверхности. Большая часть материалов отправлялась для обработки в Госпиталь, и вскоре после этого от Торннатора стали поступать детальные инструкции по оказанию медицинской помощи. По словам диагноста-патолога, Митбол нуждался в ней безотлагательно. Конвей и Эдвардс, которые изучили предварительные данные и ряд снимков с небольших высот, были с ним более чем согласны.

— Мы-то можем хоть сейчас поставить предварительный диагноз “заболевания” планеты, — возмущенно говорил Конвей. — Они тут чертовски вольно обращаются с ядерным оружием. Но нам крайне необходимо, чтобы ситуацию оценили и местные медики. А у нас по-прежнему не решен вопрос вопросов...

— Есть ли в доме доктор? — улыбнулся Эдвардс. — И если есть, то где он?

— Так точно, — серьезно ответил Конвей.

Снаружи иллюминатора сквозь туман пробивался свет луны, отраженный в неторопливо-величавых волнах. Луна, которая приближалась к полости Роша¹, представит для

---

¹ Полость Роша — гравитационная область вокруг космического тела. Если в эту область попадает другое тело, то оба либо разрушаются, либо сталкиваются. Названа по имени французского астронома Э.Роша.

обитателей Митбола еще одну большую проблему, но случится это лет эдак через миллион. Сейчас это был большой зазубренный серп, освещающий море, двести футов той части “Декарта”, которая возвышалась над водой, и на удивление спокойную береговую линию.

Спокойную, потому что она была мертвой, а хищники отказывались есть падаль.

— Если я построю себе вращающуюся раму, не разрешит ли О’Мара... — начал было Конвей.

Эдвардс покачал головой.

— Мнемोगрамма Саррешана опасней, чем вы думаете. Вам вообще крупно повезло, что вы не свихнулись окончательно. Кроме того, если записать эту мнемोगрамму, то вращение даже в специальном устройстве обманет ваш мозг лишь на несколько минут. Если хотите, я запрошу его еще раз?

— Да нет, я вам верю, — ответил Конвей и в задумчивости продолжил: — Я все время не устаю задавать себе вопрос: где с наибольшей вероятностью на этой планете можно отыскать врача? Предположим, там, где происходит больше всего несчастных случаев, то есть вдоль побережий...

— Необязательно, — возразил Эдвардс. — Обычно врачей не ищут на бойне. И не забывайте, что на этой планете существует еще одна разумная раса — создатели этих инструментов, управляемых мыслью. Не может ли так случиться, что ваши врачи принадлежат к этой расе, и ответ на ваш вопрос вообще лежит за пределами культуры колесников?

— Верно, — откликнулся Конвей. — Но здесь местные жители охотно с нами сотрудничают, и я хочу извлечь из этого максимальную пользу. Думаю, надо попросить разрешения отправиться вместе с кем-нибудь из бубликов-путешественников в дальние края. Конечно, может статься, я окажусь третьим лишним и мне в вежливой форме укажут, куда отправляют с такими просьбами, но совершенно очевидно, что в городах и населенных районах врачей нет, и единственный, кому они могут повстречаться, так это путешественник. Ну, а пока, — заключил он, — попробуем отыскать этих разумных существ другой расы.

Двумя днями позже Конвей связался со знакомым Саррешана, который работал на электростанции — ядерном

реакторе, показавшимся ему почти обычным домом, так как он был заключен в четыре прочных стены и накрыт крышей. Колесник планировал совершить путешествие вдоль незаселенного участка побережья по окончании текущего рабочего периода, то есть, по оценке Конвея, через пару-тройку дней. Существо звали Камсаюг, и оно не возражало, чтобы Конвей отправился с ним, если тот будет держаться подальше при определенных обстоятельствах. Камсаюг в деталях и без всякого смущения описал “обстоятельства”. Он слышал о “защитниках”, но только из вторых или третьих уст. В отличие от врачей Госпиталя они не резали и не сшивали пациентов. Что они делали, точно он не знал, было лишь известно, что очень часто, вместо того, чтобы лечить, они убивали. Это были глупые, медленно передвигающиеся существа, которые по какой-то странной причине обитали рядом с самыми активными и опасными участками побережья.

— Не бойня, майор, а поле боя, — уверенно заявил Конвей. — Можно ожидать, что именно в районе поля боя врачи как раз и окажутся...

Но они не могли ждать, пока Камсаюг пустится в путешествие. Доклады Торринастора, образцы, доставляемые разведывательными кораблями, да и то, что они сами видели невооруженным глазом, не оставляло сомнений в необходимости срочных действий.

Митбол был очень “больной” планетой. Соплеменники Саррешана слишком неосторожно пользовались недавно обнаруженной ими атомной энергией. Они оправдывали это экспансией, которой подвергается их раса, почему она и не может позволить себе теперь постоянную угрозу со стороны крупных наземных чудовищ. Взорвав ряд ядерных устройств в нескольких милях от берега — конечно, позаботившись при этом, чтобы радиоактивные осадки не выпали на их собственные головы, — колесники погубили наземную жизнь на больших пространствах. Теперь они могли создать базы на мертвых землях и проводить там дальнейшие научные исследования и прочие работы.

Их не волновало, что болезни и упадок распространяются по огромным районам внутрь материка. Гигантские живые ковры — переплетения растений и чудовищ были

их естественным врагом. Ежегодно ими останавливались и съедались сотни колесников, и теперь колесники просто брали свое.

— Разумны ли эти живые ковры? — повторял Конвей, в то время как их разведывательный корабль раз за разом низко пролетал над районом, пораженным гниением. — Или под этими коврами живут небольшие разумные существа? Как бы то ни было, соплеменники Саррешана должны прекратить швыряться по округе своими мерзкими бомбами!

— Согласен, — произнес Эдвардс. — Но надо сказать им об этом по возможности тактичнее. Вы же понимаете, мы их гости.

— Необязательно быть тактичным, говоря мыслящему существу, чтобы оно прекратило самоубийство!

— Должно быть, у вас были необычайно разумные пациенты, доктор, — сухо сказал Эдвардс. — Если ковры — не просто желудки, переваривающие пищу, а наделены разумом, они должны бы иметь глаза, уши и что-то вроде нервной системы, способной реагировать на внешние раздражители...

— Когда “Декарт” приземлился здесь впервые, реакция была вполне определенной, — подал голос из пилотского кресла Харрисон. — Чудище попыталось нас проглотить! Через несколько минут мы будем пролетать недалеко от места первой посадки. Хотите взглянуть?

— Да, пожалуйста, — попросил Конвей и задумчиво добавил: — Открывать рот — инстинктивная реакция всякой голодной неразумной твари. Но тут какой-то разум присутствовал — ведь управляемый мыслью инструмент как-то проник на корабль.

Они вылетели из зараженного района, и тень от корабля побежала по огромным лоскутам живой зеленой растительности. В отличие от растений, восстанавливающих атмосферу и поглощающих отходы, это были маленькие ростки, которые, казалось, не несли никаких полезных функций. Образцы, которые Конвей исследовал в лаборатории на “Декарте”, имели очень длинные тонкие корешки и четыре широких листа. Когда их прикрывали от света, листья плотно сворачивались, обнаруживая свою желтую

нижнюю поверхность. И сейчас там, где пробегала тень от корабля, листья скручивались, так что картина напоминала экран осциллографа, по которому движется яркая точка от сигнала.

Где-то в закоулках подсознания у Конвея начала складываться идея, но, когда они подлетели у месту первой посадки и стали кружить над ним, она пропала.

Это был неглубокий кратер с кочковатым дном, и Конвей подумал, что он вовсе не похож на рот. Харрисон спросил, не хотят ли они приземлиться, явно ожидая отрицательного ответа.

— Да! — сказал Конвей.

Они приземлились в центре кратера. Врачи одели тяжелые скафандры для защиты от растений, которые и на суше и на море при чем-либо приближении защищали себя, выдвигая ядовитые ветки или стреляя смертельно опасными иглами. Поверхность не собиралась раскрываться или глотать их, поэтому врачи вышли наружу, оставив Харрисона в полной готовности быстро взлететь, если она передумает.

Пока они осматривали кратер и ближайшие окрестности, вокруг ничего не произошло, поэтому они установили портативный буровой станок, чтобы взять несколько образцов “кожи” и лежащей под ней ткани. Все разведывательные корабли имели такие устройства, и образцы были собраны уже из сотен мест по всей планете. Но здесь они оказались более чем нетипичными. Пришлось пробурить почти пятьдесят футов сухой волокнистой кожи, и только тогда они дошли до розовой губчатой ткани. Они перенесли установку за пределы кратера и снова включили бур. Здесь кожа была только двадцатифутовой толщины — среднее значение по планете.

— Меня это беспокоит, — неожиданно сказал Конвей. Тут не было никакой ротовой полости, никаких признаков действующих мышц или какого-либо отверстия. — Это не может быть ртом!

— Не глаз же оно открыло! — воскликнул Харрисон по радио. — Я же там был... в смысле здесь.

— Похоже на шрам, — произнес Конвей. — Но он слишком глубокий, чтобы быть только результатом ожога

от хвостового пламени “Декарта”. И почему случилось именно так, что рот оказался здесь, в том самом месте, где приземлился корабль? Шансов против этого — миллион к одному. И почему не обнаружены другие рты? Мы обследовали каждую квадратную милю поверхности, но единственный рот появился только при посадке “Декарта”. Почему?

— Оно увидело, как мы приближаемся и... — начал Харрисон.

— Чем?! — спросил Эдвардс.

— ... Тогда оно почувствовало, как мы приземлились и решило сформировать рот...

— Рот, — прервал Конвей, — с мышцами, открывающими и закрывающими его, с зубами, слюной и пищевым трактом, ведущим к желудку, который — если только оно тоже не решило его создать — находится за многие мили отсюда, и все это за несколько минут? Из того, что мы знаем о метаболизме ковров, я не вижу, каким образом это могло произойти так быстро. А вы?

Эдвардс и Харрисон молчали.

— Исходя из данных о ковре, который обитает на этом маленьком острове к северу, — продолжал Конвей, — мы получили сносное представление о том, как они функционируют.

С самого дня их прибытия остров держался под постоянным наблюдением. Его обитатель обладал невероятно медленным, почти растительным метаболизмом. Оказалось, что поверхность ковра неподвижна. Фактически менялись лишь его очертания. Таким образом он обеспечивал дождевой водой окружающие растения, которые в свою очередь обеспечивали его воздухом и служили дополнительной пищей. Единственным местом, где действительно наблюдалась бурная активность, были края ковра. Здесь у огромного существа располагались рты. Но опять же быстро действовал не сам ковер, а орды хищников, пытающихся его съесть, в то время как он не спеша и с достоинством поедал их, втягивая в себя вместе с океанской водой. Другие большие ковры, которым не повезло, которые не имели выхода к морю, питались растениями или друг другом.

У ковров не было рук, щупалец или каких-то манипуляторов — только рты и глаза, способные отследить летящий корабль — но все это по краям тела.

— Глаза? — спросил Эдвардс. — Тогда почему они нас не видели?

— Тут все время летают десятки кораблей и вертолетов, — ответил Конвей. — Возможно, оно обескуражено. Но вот что теперь я хочу от вас, лейтенант: поднимите корабль, скажем, на тысячу футов и сделайте серию “восьмерок”. Восьмерки делайте как можно поменьше, но на максимальной скорости, так чтобы точка пересечения находилась над нашими головами. Понятно?

— Да, но...

— Тем самым мы дадим понять зверюге, что наш корабль не просто корабль, а весьма необычный корабль, — объяснил Конвей и добавил: — Будьте готовы срочно подбрать нас в случае, если что-то пойдет не так.

Несколькими минутами позже Харрисон, оставил врачей буровой установки.

— Я понял, что вы задумали, доктор, — произнес Эдвардс. — Вы хотите привлечь к нам внимание. Икс отмечает точку, а восьмерка — это тот же икс, но с соединенными концами.

Разведывательный корабль над ними выделял самые маленькие восьмерки, которые когда-либо видел Конвей. Даже учитывая, что корабельные гравикомпенсаторы работают на полную мощность, на Харрисона сейчас действовали четырехкратные перегрузки. Вокруг них по земле металась тень, прочерчивая ярко-желтую линию из свернувшихся листьев. Поверхность отзывалась подрагиванием на грохот небольших ракетных двигателей и тут едва уловимо начала подрагивать сама по себе.

— Харрисон!

Корабль прекратил маневрировать и с ревом опустился за спиной врачей. К тому времени поверхность уже ходила ходуном.

— И тут появились они...

Два больших гладких металлических диска вертикально торчали из земли футах в двадцати позади них. Пока люди их разглядывали, диски неожиданно преврати-

лись в бесформенные металлические капли, которые растекались на несколько футов. Затем они так же неожиданно вновь превратились в диски с острыми, как у бритвы, краями, глубоко взрезающими поверхность. Прежде чем Конвей сообразил, что происходит, каждый из дисков прорезал уже больше четверти круга вокруг них.

— Думай, что это кубы! — заорал он. — Думай, что это что-то тупое! Харрисон!

— Люк открыт. Бегите сюда!

Но они не могли бежать, чтобы не отвести глаза от дисков и не посылать им мысленные приказы, и потому они дюйм за дюймом пятились к кораблю, изо всех сил желая, чтобы диковинные диски стали кубами, сферами, конскими подковами — чем угодно, только не циркулярными пилами, в которые их кто-то превратил.

В Госпитале Конвей наблюдал, какие хирургические чудеса вытворял его коллега Маннон с помощью управляемого мыслью инструмента — многоцелевого, моментально превращающегося по вашему желанию во что угодно. Сейчас две таких штуковины, покачиваясь, поползли по кругу, как кошмарные металлические видения. Они то и дело меняли форму, по мере того как врачи и хозяева пытались превратить их в то, во что каждому было нужно. Борьба была неравной — хозяева обладали большим опытом, но все же врачам удалось помешать чужим мысленным приказам и выбраться из прорезанного круга прежде, чем тот вместе с буровой установкой и остальным скарбом исчезли из виду.

— Надеюсь, инструментам окажут достойный прием, — произнес майор Эдвардс, после того как люк захлопнулся и Харрисон взмыл вверх. — В конце концов, они дадут им пищу для размышлений, прежде чем мы расширим контакт, прибегнув к диаграммам, нарисованным с помощью тени. — Неожиданно он пришел в возбуждение и продолжил: — А ведь с помощью радиоуправляемых высокоскоростных ракет мы сможем создать совсем сложные фигуры!

— Я больше думаю об узком луче, направленном на поверхность в ночное время, — отозвался Конвей. — Ли-

ства будут откликаться на него и раскрываться. Луч можно передвигать очень быстро и модулировать, как в старинных телевизорах. Возможно, удастся передавать даже движущееся изображение.

— То, что нужно! — с энтузиазмом воскликнул Эдвардс. — Другое дело, каким образом огромное чудовище размером с графство, у которого нет ни рук, ни ног, ни чего-то там еще сможет ответить на наши сигналы. Вероятно, что-нибудь да придумает.

Конвей покачал головой.

— Возможно, несмотря на медленные движения, ковры очень быстро реагируют и являются пользователями инструментов, которые мы ищем. Их огромные тела подвергаются добровольному хирургическому вмешательству, когда они хотят затянуть внутрь и исследовать образец, который находится вне пределов досягаемости рта. Но я предпочитаю другую теорию — о маленьких разумных существах внутри или под исполином. Возможно, это разумный паразит, который помогает хозяину оставаться в добром здравии с помощью инструментов или других способов и пользуется хозяйскими “глазами” и всем остальным. Так что выбирайте сами.

Пока разведывательный корабль ложился на обратный курс в сторону “Декарта”, в нем стояла тишина. Затем Харрисон произнес:

— Мы не вошли в прямой контакт, значит, мы всего лишь поставили закорючку на травяном радарном экране? Но все равно это большой шаг вперед.

— Я понимаю так, — произнес Конвей, — если инструменты были использованы для того, чтобы доставить нас к хозяевам, то те должны быть на достаточно большом расстоянии от поверхности — возможно, они вообще не могут здесь существовать. И не забывайте, что они используют ковер точно так же, как мы используем растительные и минеральные ресурсы. Как бы они проводили анализ живых образцов? Смогли бы они вообще их разглядеть там, внизу? Они пользуются глазами растений, но я не могу себе представить растительный микроскоп. Может быть, на каких-то стадиях анализа они пользуются пищеварительными соками ковра...

Видимо, от этого предположения лицо Харрисона приобрело нездоровый вид.

— Давайте пошлем вниз роботов с датчиками и посмотрим, что они делают, а? — предложил он.

— Все это только теория... — начал было Конвей, но тут же осекся.

Корабельное радио хмыкнуло, прочистило горло и оживленно объявило:

— Разведкорабль девять! Вызывает корабль-матка! У меня срочное сообщение для доктора Конвея. Существо по имени Камсауг отправилось в путешествие. При нем радиомаяк, выданный ему доктором. Оно движется к активному участку побережья в районе h=двенадцать. Харрисон, у тебя есть, что доложить?

— Да, конечно, — ответил лейтенант и бросил взгляд на Конвея. — Но сначала, думаю, с тобой захочет поговорить доктор.

Конвей был краток, а уже через несколько минут их корабль устремился на аварийной скорости вперед, рассекая небо так быстро, что листья не успевали среагировать на его тень, а все живое, имеющее уши, оглохло от ударной волны. Но Конвей рассерженно думал о том, что ковер, над которым они сейчас пролетали, тоже оглох, и это плюс к остальным болячкам, которые на сегодня включали в себя запущенный обширный рак кожи и только Богу известно какие еще заболевания.

Интересно, может ли такое медлительное, огромное существо испытывать боль и, если да, до какой степени? Была ли ситуация, которую он наблюдал, ограничена лишь сотнями акров “кожи” или болезнь пошла в глубь тела? Что случится с созданиями, которые живут внутри или под гигантом, если умрет, разрушится слишком много ковров? Это коснется даже колесников, не живущих на суше, — будет нарушена экология всей планеты! Кто-то должен вежливо, но очень-очень твердо поговорить с ними, если только уже не слишком поздно.

И сразу же “торговля лошадьми” отошла на второй план: обмен инструментов на медицинскую помощь больше не имел такого значения. Конвей снова рассуждал как доктор, врач, чей пациент смертельно болен.

Затребованный им вертолет уже ждал его на “Декарте”. Конвей переоделся в легкий скафандр с реактивным двигателем на спине и дополнительными кислородными баллонами на груди.

Камсаюг был уже слишком далеко, чтобы догонять его вплавь, поэтому до места назначения Конвею приходилось добираться на вертолете. За штурвалом сидел Харрисон.

— Снова вы! — воскликнул Эдвардс.

— Всегда там, где что-то происходит! — рассмеялся лейтенант. — Пристегнитесь.

После сумасшедшего броска до корабля-матки полет на вертолете казался невероятно медленным. У Конвея было такое ощущение, как если бы он ударился лицом о какую-то преграду. Эдвардс заверил его, что чувствует то же самое и что купание будет более приятным занятием. Они наблюдали, как сигнал на экране поискового радара от маяка Камсаюга постепенно усиливается, в то время как Харрисон проклинал птиц и летающих ящериц, которые ныряя за рыбой, попадали под лопасти винта.

Они низко летели над населенным участком побережья, где мелководье было защищено от больших хищников цепью островов и рифов. К этой естественной защите с моря колесники добавили искусственный барьер из мертвого ковра со стороны суши, загнав в него несколько ядерных зарядов. Район был теперь настолько безопасен, что “бублики” без особого риска могли закатываться в пещерообразные рты ковра и его пищеварительные тракты и возвращаться обратно.

Но Камсаюг игнорировал безопасный район. Он с постоянной скоростью катился к проходу в рифах, который вел в активную зону, где большие, средние и малые хищники поедали живность, опустошая побережье.

— Опустите меня по ту сторону прохода, — попросил Конвей. — Я подожду, пока Камсаюг его пройдет, и последую за ним.

Харрисон мягко сел в указанной точке, и Конвей спустился на поплавок вертолета. С открытым забралом — голова и плечи чуть выше края люка — он мог видеть и экран радара, и береговую линию в полумиле от них. Что-то вроде камбалы, выросшей до размеров кита, выскочило

из воды и с взрывоподобным звуком шлепнулось обратно. Волна пришла через секунду и подбросила вертолет как пробку.

— Честно говоря, доктор, — сказал Эдвардс, — я не понимаю, зачем вы это делаете. Это что — научный интерес к брачным обычаям колесников? Жажда поглазеть на утробу чудовища? У нас есть приборы с дистанционным управлением, которые позволяют вам сделать и то и другое, не подвергая себя опасности.

— Я не любопытная Варвара ни в научном, ни в каком-либо другом отношении, — ответил Конвей, — но ваши игрушки могут и не сказать того, что я хотел бы знать. Понимаете, я и сам точно не знаю, что ищу, но я полностью уверен — это то самое место, где я смогу войти с ними в контакт...

— Теми, кто использует инструменты? Но мы можем войти с ними в визуальный контакт через растения.

— Это может оказаться сложнее, чем мы ожидаем, — промолвил Конвей. — Мне неприятно нападать на собственную любимую теорию, но, скажем прямо, из-за растительного зрения им было бы трудно ухватить такие понятия, как астрономия и космические полеты; будучи существами, живущими внутри или под огромным хозяином, они не могут взглянуть на некоторые вещи со стороны...

Это была уже другая теория, и Конвей продолжил объяснения. Как он себе представлял, владельцы инструментов должны в значительной мере контролировать окружающую среду. На нормальной планете подобный контроль включает такие понятия, как восстановление лесов, защита от почвенной эрозии, рациональное использование природных ресурсов и так далее. Возможно, на здешней планете это являлось заботой не геологов и фермеров, а существ, которые из-за того, что их окружающая среда состояла из живых организмов, были специалистами по поддержанию здоровья.

Он был абсолютно уверен, что эти существа должны находиться на периферии гигантского организма — там, где он подвергался постоянным нападениям и нуждался в их помощи. Он был также уверен, что работу они выполняют сами, без помощи инструментов. Эти управляемые мыслью существа имеют один недостаток — они подчиняются тому, кто находился к ним ближе всех, что неодно-

кратно подтверждалось в Госпитале, да и здесь во время их недавнего приключения. Возможно, инструменты слишком ценны, чтобы подвергать их риску быть проглоченными, или бесполезны из-за необузданных мыслей хищников.

Конвей не знал, как эти существа называют себя — колесники называли их защитниками, или хилерами, а порой “мечтой самоубийцы”, ибо они чаще убивали, чем излечивали. Но ведь самый известный в Федерации хирург с Тралтана тоже мог бы убить пациента-землянина, если бы не знал его физиологии и не располагал мнемограммой человека.

Хилеры столкнулись с теми же трудностями, когда попытались лечить колесников.

— Но самым важным является то, что они пытаются! — продолжал Конвей. — Все их усилия направлены на то, чтобы в живых остался один большой пациент — планета. И на этой планете они являются медиками, теми, с кем мы должны войти в контакт прежде всего.

Наступила тишина, только со стороны побережья доносились похожие на взрывы шлепки и всплески.

— Камсаюг прямо под нами, — неожиданно объявил Харрисон.

Конвей кивнул, опустил прозрачное забрало гермошлема и неловко упал в воду. Благодаря массе двигателя и дополнительных баллонов он опускался довольно быстро и уже через несколько минут обнаружил катящегося по дну Камсаюга. Конвей последовал за ним с той же скоростью, но на таком расстоянии, чтобы не терять его из виду. Он не намерен был нарушать чье-либо уединение. Он все же был врачом, а не антропологом, и сам Камсаюг мог заинтересовать его лишь как пациент.

Вертолет поднялся в воздух и летел над Конвеем, поддерживая с ним постоянную радиосвязь.

Камсаюг постепенно сворачивал к берегу, огибая заросли морских водорослей и колючие коврики, которые становились все гуще по мере того, как поднималось дно. Иногда он по нескольку минут кружил на месте, ожидая, пока какой-нибудь большой хищник проплывет мимо. Водоросли и колючие ковры имели ядовитые шипы и иглы, которые выдвигались или выбрасывались, если кто-то приближался слишком близко. Задачей Конвея теперь было

как проплыть над ними на достаточно безопасной высоте, но в то же время не очень близко к поверхности, чтобы его не подцепила гигантская камбала.

Вода прямо-таки кишела живой и растительной жизнью, так что Конвей уже не видел ряби на ее поверхности, вызываемой винтом вертолета. Край огромного наземного ковра словно темно-красная стена пропасти неясно маячил впереди. Он был почти не виден из-за массы подводных нападающих паразитов, а возможно, и защитников, — картина была слишком сумбурной, и Конвею трудно было отличить одних от других. Он стал натекаться на новые, пока незнакомые формы жизни — черная блестящая, казалось, бесконечная лента пересекла ему путь, а потом свернулась, пытаясь ухватить его за ноги; рядом проплыла огромная радужная медуза, настолько прозрачная, что были видны только ее внутренние органы.

Одно из созданий распласталось на добрых двадцати квадратных ярдах морского дна, а второе, таких же размеров, зависло над ним. Насколько он мог видеть, у них не было ни шипов, ни жала, но все старались их обогнуть, и Конвей последовал общему примеру.

Неожиданно в беду попал Камсаюг.

Конвей не заметил, как это случилось, но увидел, что колесник раскачивался больше обычного, подплыв к нему ближе, он обнаружил, что у того в боку торчат несколько отравленных игл. К тому времени, когда Конвей достиг Камсаюга, тот описывал круги, почти падая на дно, словно монетка, почти переставшая вращаться. Конвей знал, что делать — подобное уже происходило с Саррешаном, когда его доставили в Госпиталь. Он быстро приподнял колесника вверх и стал толкать его вперед вдоль дна, словно большой дряблый обруч.

Камсаюг издавал непередаваемые звуки, но врач чувствовал, что, по мере того как его катит, тело колесника становится все менее дряблым, а через некоторое время он уже начал вращаться самостоятельно. Неожиданно колесник качнулся и прокатился между двумя кустами водорослей. Конвей поднялся, казалось, на безопасную высоту, чтобы тоже миновать кусты, но тут, разинув пасть, на него бросилась камбала, и он инстинктивно нырнул.

Позади мелькнул гигантский хвост и сорвал с него двигатель. И тут же его ноги обвили водоросли, в десятке

мест разорвав ткань скафандра. Конвей почувствовал, как в скафандр хлынула холодная вода, а под кожей по сосудам разливается жидкое пламя. Краем глаза он успел заметить, что Камсаюг как последний тупица катится прямо к медузе, в то время как другая медуза словно мерцающее облако опускается на него.

— Доктор! — Голос был настолько резок от нетерпения, что Конвей не разобрал, кому он принадлежит. — Что происходит?

Конвей этого не знал, а если бы и знал, то все равно ответить бы не смог. Из предосторожности, для защиты от повреждений в космосе или ядовитой атмосфере его скафандр состоял из кольцеобразных секций, которые отсекали поврежденные участки, раздуваясь и плотно обхватывая части тела. Идея состояла в том, чтобы локализовать падение давления или отравление атмосферы в месте повреждения, и в данном случае кольца сыграли роль жгутов, которые замедлили распространение яда по организму. Несмотря на это, Конвей не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже челюстью. Его рот застыл в полуоткрытом состоянии, и он только мог — едва-едва — дышать.

Прямо над ним находилась медуза. Ее края свернулись вокруг его тела и плотно сжались, завернув его в почти невидимый кокон.

— Доктор! Я спускаюсь вниз! — прозвучал голос, похоже принадлежащий Эдвардсу.

Он почувствовал, как что-то кольнуло его несколько раз в ноги, и обнаружил, что у медузы имеются шипы или по крайней мере жала, которыми та что-то делала в местах, где был разорван скафандр. По сравнению с нестерпимым жжением в ногах, боль от укулов была слабой, но его беспокоило, что они делаются слишком близко к подколенным артериям и венам. С огромным усилием он повернул голову, чтобы посмотреть, что происходит, но к тому времени он уже знал. Прозрачный кокон становился ярко-красным.

— Доктор! Где вы? Я вижу, как катится Камсаюг. Похоже, его упаковали в розовый пластик. А прямо над ним какой-то большой красный шар...

— Это я... — едва выдавил Конвей.

Багровый занавес вокруг него моментально стал ярче. Мимо мелькнуло что-то большое и темное, и он почувствовал, что его повернуло, как в колесе. Краснота вокруг него становилась прозрачнее.

— Камбала, — произнес Эдвардс. — Я достал ее своим лазером. Доктор?

Теперь Конвей мог видеть майора. Эдвардс был одет в тяжелый скафандр, который защищал его от водорослей и шипов, оно затруднял прицельную стрельбу — казалось, его оружие направлено прямо в Конвея. Инстинктивно он поднял руки и обнаружил, что может ими свободно двигать. Он мог вертеть головой, наклоняться, и боль в ногах утихла. Посмотрев вниз, он увидел, что его колени ярко-красного цвета, в то время как вокруг них все было более чем прозрачным.

Выглядело это нелепейше.

Он взглянул на Эвардса, а потом на опасно медлительное и неуклюжее вращение завернутого Камсаюга. Конвея осветил мощный луч света.

— Не стреляйте, майор, — сказал Конвей слабым, но отчетливым голосом. — Попросите лейтенанта сбросить спасательную сеть. Втащите нас обоих на вертолет, а потом — быстрее на “Декарт”. Если наш друг не сможет находиться на воздухе, доставьте нас на “Декарт” в погруженном состоянии — у меня воздуха хватит. Но будьте очень осторожны, чтобы не нанести повреждений существу.

Оба спутника Конвея желали знать, что за чертовщину он несет. Врач объяснил все наилучшим образом, добавив:

— Итак, вы поняли — это не только мой коллега, эквивалент врача на Митболе, но и мой спаситель — я ему обязан жизнью. Между нами тесная личная связь. Можно сказать, мы почти кровные братья.

ГЛАВА IV МИТБОЛ

На протяжении всего пути обратно в Госпиталь Конвея не оставляло чувство тревоги за Митбол, но лишь последние два часа он способен был искать какие-то конструк-

тивные решения проблемы. Именно к этому моменту он признал, что самому ему проблемы не решить и начал мысленно перебирать имена и профессиональные способности тех сотрудников Госпиталя, кто бы мог ему помочь найти решение. Он был так сильно озабочен, что выход корабля из подпространства в предписанных двадцати тысячах миль от Госпиталя обнаружил, лишь когда из динамика раздался ровный голос дежурного по приемному покою:

— Пожалуйста, идентифицируйте себя. Пациент, посетитель, член персонала, ваша квалификация?

Лейтенант, пилотирующий корабль, взглянул на Конвея и Эдвардса, сурового врача корабля-матки, и приподнял бровь.

Эдвардс нервно прочистил горло и произнес:

— Говорит разведчик D-835 с корабля-матки Корпуса мониторов по исследованиям и культурным контактам “Декарт”. На борту четыре посетителя и один член персонала Госпиталя. Трое являются людьми, а двое — жителями планеты Драмбо разного...

— Пожалуйста, дайте физиологическое описание или установите видеосвязь. Все разумные расы считают, что они люди, а остальные существа — не люди.

Эдвардс отключил микрофон и беспомощно обратился к Конвею:

— Я знаю, кем являемся мы, но как, черт побери, я опишу этому бюрократу от медицины Саррешана и другое существо?

Нажав кнопку передатчика, Конвей произнес:

— На борту корабля три землянина, физиологическая классификация ДБДГ. Их имена: майор Эдвардс и лейтенант Харрисон из Корпуса мониторов, а также старший терапевт доктор Конвей. Мы везем двух жителей планеты Драмбо. Драмбо — это самоназвание планеты Митбол. Один из жителей относится к виду ВЛХГ — воднодышащий, теплокровный, кислородный метаболизм. Другой предварительно отнесен к виду СРЖХ и, похоже, чувствует себя комфортабельно и в воде и в воздушной среде.

Необходимости в перегрузке нет, — продолжал он. — В то же время ВЛХГ находится в утомившем его механи-

ческом устройстве по поддержанию жизни, вне всякого сомнения, ему будет удобнее на водных уровнях. Сможете ли вы принять нас у дока номер 23 или 24?

— Док номер 23, доктор. Нуждаются ли посетители в специальных транспортных или механических устройствах?

— Нет.

— Очень хорошо. Пожалуйста, сообщите диетологам о необходимой пище и потребности в жидкостях, а также о периодичности приема пищи. О вашем прибытии доложили. Полковник Скемптон хотел бы видеть майора Эдвардса и лейтенанта Харрисона как можно скорее. Майор О'Мара хочет видеть доктора Конвея еще раньше.

— Спасибо.

Информация Конвея передавалась существу, которое руководило приемным покоем. Транслятор этого существа передавал ее на компьютер Госпиталя, занимавший целых три уровня, который осуществлял перевод на нужный язык, и передавал на нем текст обратно.

— Пока вы не связаны с Госпиталем, вы одномоментно встречаетесь, как правило, с одним типом внеземной цивилизации и обращаетесь к его представителям по принадлежности к родной планете. Но здесь, где задача быстро и точно узнать об особенностях пациента является жизненно важной, ибо очень часто пациенты не в состоянии дать о себе необходимую информацию сами, мы разработали четырехбуквенную классификационную систему. Короче говоря, это выглядит следующим образом.

Первая буква обозначает уровень физиологического развития. Вторая — указывает на количество и расположение конечностей и органов чувств. Две последние — описывают метаболизм и необходимую для существа комбинацию гравитации с давлением. Обычно мы напоминаем некоторым из наших студентов, что первая буква в классификации не позволяет им испытывать по отношению к другим ни чувства превосходства, ни чувства ущербности, так как уровень физиологического развития не имеет никакого отношения к уровню интеллекта.

Существа с буквами...

— Извините, доктор, — прервал пилот. — Мы стыкуемся через пять минут, а вы говорили, что хотели подготовить посетителей к переходу с корабля.

Конвей кивнул.

— Я помогу вам, доктор, — предложил Эдвардс.

Пока они влезали в легкие скафандры, предназначенные для среды, где газ или жидкость были ядовитыми, но находились под давлением, близким к норме, их корабль вошел в огромную пещеру кубической формы — док номер 23. Они почувствовали, как захваты опустили судно в универсальный лежемент, а потом слегка покачнулись при включении решеток искусственного тяготения. Внешний люк дока с лязгом закрылся, и послышался шум водопадов, низвергающихся на металл.

Не успел Конвей защелкнуть шлем, как ожил радиоприемник:

— Доктор, говорит Харрисон. Начальник принимающей команды сообщает, что полностью заполнить док водой займет некоторое время — столько, сколько потребуется для полного обеззараживания остальных пяти входов. Это большой док, и давление воды на другие люки будет слишком велико, если...

— Заполнять док целиком не потребуется, — ответил Конвей. — Как только уровень воды достигнет грузового люка, драмб ВЛХГ будет чувствовать себя нормально.

— Начальник говорит, что будет за вас молиться.

Они вошли в корабельный трюм и осторожно обогнули автономное устройство по поддержанию жизни, которое вращало похожего на гигантский бублик первого драмба. Затем они отщелкнули удерживающие устройство фиксаторы.

— Саррешан, мы прибыли, — сообщил Конвей. — Через несколько минут ты можешь сказать этой штуковине “до свидания” на несколько дней. Как там наш приятель?

Это был сугубо риторический вопрос, ибо второй драмб молчал, а возможно, и не мог говорить. Зато он мог реагировать, и не только на слова. Словно большая прозрачная медуза — в воде он был абсолютно невидим, если бы не мерцающая кожа и несколько туманных внутренних органов, — драмб волнообразными движениями приблизился

к ним. На мгновение, словно плотный прозрачный кокон, он свернулся вокруг Конвея, а затем перенес свое внимание на Эдвардса.

— Доктор, мы готовы принять вас, как только скажете, — донеслось из динамика.

— Этот вход гораздо лучше, чем тот, через который ты прибыл в первый раз, — сообщил Саррешану Конвей, в то время как Эдвардс помогал ему передвигать устройство. — По крайней мере на этот раз мы знаем, что делаем.

— Не нужно извиняться, друг Конвей, — ответил Саррешан через транслятор. — Для существа со столь высокими моральными и интеллектуальными качествами, как у меня, терпимость к умственным недостаткам более низких созданий и, конечно, в том числе умение прощать ошибки, допущенные с их стороны по отношению ко мне, является лишь малой толикой моего великодушия.

Конвей и не подозревал, что он перед кем-то извиняется, — но для существа, которому понятие скромности абсолютно чуждо, его слова прозвучали именно так. Он решил дипломатически промолчать.

Команда по приемке дока номер 23 прибыла, чтобы помочь им доставить вращающегося Саррешана в заполненные водой палаты для АУГЛов. Начальник команды, чей черный комбинезон с красными и желтыми повязками на руках и ногах делал его похожим на современного придворного шута, подплыл к Конвею и прижал свой шлем к его шлему.

— Извините, доктор, — голос был несколько искажен, но звучал достаточно отчетливо, — у нас тут неожиданное ЧП, и я не хочу занимать частоту приемника в скафандре. Я хотел бы, чтобы вы как можно скорее направились в палату. Саррешан уже проходил через наши руки, так что о нем можете не беспокоиться. Только позаботьтесь о втором пассажире, где он там есть... Что за чертовы штуки?!

Тем временем второй пассажир свернулся вокруг его головы и плеч, сковав руки, и буквально “обнюхал”, словно собака с дюжиной невидимых голов.

— Может быть, он в вас влюбился, — предположил Конвей, — Минутку, не обращайтесь на него внимания, и он отстанет.

— Обычно существа находят меня действительно неотразимым, — сухо произнес начальник команды. — Хотел бы, чтобы то же самое можно было сказать о женщинах моего вида.

Конвей заплыл за спину существа, крепко ухватился за прозрачную мантию обеими руками и стал тянуть в сторону до тех пор, пока передняя часть медузы не повернулась в сторону входа в палату. По ее телу неторопливо пробежала крупная зыбь, и существо, словно мерцающий летающий ковер, волнообразными движениями направилось к коридору, ведущему в палаты АУГЛов. Похожий на чертово колесо Саррешан менее грациозно последовал за ним.

— Вы упомянули о ЧП?

— Да, доктор, — подтвердил начальник команды теперь уже по радио. — Но в ближайшие десять минут ничего не предвидется, и я могу пользоваться радио, если это будет недолго. Мне сообщили, что во время операции худларианина в результате мышечной судороги и непроизвольного движения переднего щупальца пациента получил травму кельгианин ДБЛФ. Высокое давление осложняет положение. Мало того, что гадость, которой дышат худлариане, тоже находится под высоким давлением, она еще и очень токсична для метаболизма кельгиан. Но особенный переполох вызывает кровотечение. Вы же знаете кельгиан.

— Да, конечно, — подтвердил Конвей.

Даже маленький порез или укол составляли для кельгианина серьезную угрозу. Это были гигантские мохнатые гусеницы, и только их мозг, расположенный в верхней конической части тела, был защищен каким-то подобием костной структуры. Тело состояло из набора кольцеобразных звеньев, состоящих из мышц, которые служили им для передвижения и защищали, впрочем, весьма условно, внутренние органы.

Сложность заключалась в том, что из-за необходимости снабдить эти огромные кольца достаточным количеством крови частота пульса и давление у кельгиан были по земным меркам чрезвычайно высоки.

— Они не смогли остановить кровотечение, — продолжал начальник команды, — поэтому его переводят из худ-

ларианской операционной, которая находится двумя уровнями выше, в кельгианскую, которая расположена прямо под нами, а через водные секции они проходят ради экономии времени... Извините, доктор, сейчас они будут здесь.

Сразу же после этого произошло следующее.

С неперевожимым довольным бульканьем Саррешан высвободился из своего устройства и величественно покатился по полу, лавируя между пациентами и медсестрами, среди которых можно было встретить любые виды — от крабоподобных существ с Мелфана до сорокафутовых крокодилов со щупальцами с Чарлдерстона, планеты, покрытой водой. Тем временем второй драмб, освободившись от Конвея, отплыл в сторону. В этот момент высоко наверху, на противоположной стороне, открылся люк, и в помещение внесли раненого кельгианина. Его сопровождало столько медиков, что помощь Конвея была явно лишней.

Среди сопровождающих находились и пятеро землян, которых выделяли такие же, как и у Конвея, скафандры, два кельгианина и один иллесанин, сквозь прозрачный скафандр которого была видна клубящаяся желтизна хлорной атмосферы. Лицо в одном из земных шлемов было знакомо Конвею — оно принадлежало его другу, доктору Маннестану, который специализировался в области худларианской хирургии. Все роились вокруг пострадавшего, словно стая неуклюжих рыбин, подталкивая и подтягивая существо к другой стороне палаты. Рой явно увеличился, когда к нему начали подплывать люди из приемной команды, оценивающие ситуацию. Медуза с Драмбо тоже переместилась поближе к пострадавшему.

Сначала Конвей подумал, что ей всего лишь любопытно и она хочет понять, что происходит, но потом сообразил, что мерцающий коврик перекачивается в сторону раненого с вполне определенными намерениями.

— Остановите его! — закричал Конвей.

Все слышали его, он видел, как они вздрогнули, когда его голос оглушительно прогрехотал в их скафандрах. Но они не знали, а времени на объяснения не было, кого, что и даже как останавливать.

Преодолевая сопротивление воды, Конвей неистово рванул к кельгианину, пытаясь опередить драмба. Но боль-

шой пропитанный кровью участок шерсти на боку кельгианина притягивал существо, словно магнит, причем, обратно пропорционально квадрату расстояния. Конвей не успел даже предостерегающе крикнуть, как драмб мягко коснулся раненого и прилепился к нему.

Прозвучал тихий взрыв булькающих пузырей, когда зонды драмба прошли через оболочку вокруг кельгианина, где поддерживались соответствующие условия. Затем они минули уже поврежденный в худларианской операционной скафандр и нырнули в густой серебристый мех. В считанные секунды прозрачное тело медузы стало наливатьсся краснотой — существо отсасывало кровь из пострадавшего.

— Быстро! — выкрикнул Конвей. — Доставьте обоих в сектор с воздушной атмосферой!

Он мог бы и побереечь голосовые связки, так как вокруг все тоже что-то кричали и невозможно было что-либо разобрать. Прямое звуковое общение тоже было невозможным — все, что он мог услышать, так это гудок аварийной сирены и гомон множества голосов. И тут все голоса перекрыл мощный чалдерианский рев.

— Животное! Животное! — донесся из наушников перевод.

Осушающие элементы в скафандре Конвея после энергичного плавания работали с перегрузкой, он вспотел, но после этих слов пот из горячего стал холодным.

Конечно же, не все обитатели Госпиталя были вегетарианцами. Их диетические нужды требовали огромного количества мяса, которое доставлялось на кораблях как с внеземных, так и с земных ферм. Но мясо неизменно прибывало либо в замороженном, либо в консервированном виде, и делалось это по очень простой причине. Целью было избежать случаи, когда более крупные плотоядные существа, сталкиваясь с более мелкими, принимали бы их за свою любимую пищу.

Правило Госпиталя гласило, что любое живое существо, которое здесь находилось, независимо от размеров и формы, является разумным.

Исключения были очень редки и касались домашних животных — безобидных, конечно, — принадлежащих персоналу или важным посетителям. Если не обладающее

разумом существо попадало сюда случайно, очень быстро принимались меры, чтобы не пострадали более мелкие формы жизни.

Ни у приемной команды, ни у медицинского персонала, ни у сопровождающего раненого оружия не было, но очень скоро по сигналу тревоги сюда придут вооруженные люди из Корпуса мониторов. Ну, а пока положение решил спасти один из пациентов с Чалдерстона, наделенный множеством щупалец, покрытый панцирем, имеющий футов тридцать в длину: он приближался, чтобы убрать прилипшего драмба одним, максимум двумя движениями огромных челюстей.

— Эдвардс! Маннон! Помогите мне отогнать его! — постарался как можно громче крикнуть Конвей.

Однако вокруг по-прежнему раздавалось слишком много звуков, чтобы его слышали. Он обеими руками схватился за мантию драмба и с диким видом огляделся вокруг. Начальник приемной команды подплыл одновременно с ним и уже успел просунуть ногу между раненым кельгианином и прилипшим СРЖХ, пытаясь оторвать их друг от друга руками. Конвей развернулся, подтянул колени к подбородку и ступнями отбросил начальника в сторону. Извиниться можно будет позже. Чалдерианин был уже опасно близок.

Подплыл Эдвардс, увидел, чем был занят Конвей, и присоединился к нему. Вдвоем они стали пинать гигантский нос чалдера, пытаясь отогнать его. Причинить вред этой громадине они не могли, но верили, что она не нападет на двух разумных существ, чтобы съесть явное животное, которое напало на третье разумное существо. Однако ситуация была достаточно запутанной, и могла произойти ошибка. Во всяком случае не исключалась вероятность того, что Эдвардс и Конвей заплатят ампутацией ног до самого торса.

Неожиданно пара больших и сильных рук ухватила Конвея за ступню, и его друг Маннон подтянулся вверх, пока их шлемы не соприкоснулись.

— Конвей, какого черта вы тут...

— Нет времени объяснять, — прервал его Конвей. — Просто заберите их обоих в палату с воздушной смесью.

Не позволяйте кому-либо причинять СРЖХ вред, он не делает ничего дурного.

Маннон посмотрел на существо, покрывающее кельгианина, словно огромный пузырь кроваво-красного цвета. Можно было действительно видеть, как кровь покалеченной медсестры вливается и распространяется по всему огромному, похожему на слизняка, телу драмба, которое, казалось, вот-вот лопнет.

— Может быть, вы меня и одурачит, — сказал Маннон и оттолкнулся от него. Одной рукой он ухватился за здоровенный клык чалдерианина и развернулся так, что большой, размером с футбольный мяч, глаз существа уставился прямо на него. Другой рукой он стал делать размашистые боковые жесты. Как бы смутившись, чалдерианин уплыл, а уже через несколько секунд они находились в шлюзовой камере, ведущей в секцию, наполненную воздухом.

Вода сошла и открылся люк, за которым посередине предшлюзовой камеры стояли два монитора с оружием наизготовку. Один из них обнимал огромное ружье со сменными магазинами, патроны в которых могли моментально усыпить более десятка самых разных существ, подходящих под категорию “теплокровные, дышащие кислородом”. Другой держал крохотное, выглядевшее совсем безобидным устройство, способное вышибить дух из самца слона или его любого внеземного эквивалента.

— Стойте! — воскликнул Конвей. Оскальзываясь и спотыкаясь на мокром полу, он добрался до драмба и встал впереди него. — Это очень важный посетитель. Дайте нам несколько минут. Поверьте, все будет в порядке.

Мониторы не опустили оружие, да и по выражению их лиц нельзя было сказать, что ему поверили.

— Вам лучше объясниться, — тихо, но с разъяренным видом произнес начальник приемной команды.

— Да, — согласился Конвей. — Я, э-э, надеюсь, у вас ничего не пострадало, когда я вас там пнул ногами?

— Только чувство собственного достоинства, но я по-прежнему..

— Говорит О’Мара, — прогремел динамик на стене.

Эдвардс стоял ближе всех к нему. Он включил и настроил видеокамеру, как было приказано, после чего доложил:

— Ситуация довольно-таки сложная, майор...

— И не мудрено, если к этому какое-то касательство имеет Конвей, — язвительно отозвался О'Мара. — Что он там делает, молится о спасении?

Конвей стоял на коленях возле пострадавшего. Насколько он мог судить по тому, что увидел, драмб прикрепился так плотно, что воды и в защитную оболочку, и в поврежденный скафандр попало очень мало — кельгианин дышал нормально, никаких признаков присутствия жидкости в легких не было. Драмб снова посветлел. Ярко-красный цвет как бы растворился, и существо снова приобрело прозрачное мерцание лишь с легким розоватым оттенком. Конвей наблюдал, как оно отлепилось от кельгианина и, словно большой наполненный водой баллон, откатилось к стене.

— ...полный доклад об этой форме жизни три дня назад, — говорил Эдвардс. — Я понимаю, что три дня — небольшой срок для распространения материалов внутри организации таких размеров, но ничего подобного не случилось бы, если бы драмб не встретился с серьезно пострадавшим существом, которое...

— При всем моем уважении к вам, майор, — неторопливо произнес О'Мара, и голос его свидетельствовал об обратном, — больница — это такое место, где любой из нас в любой момент может ожидать встречи с тяжелой болезнью или травмой. Прекратите извинения и скажите мне, что произошло?!

— Этот драмб, — вставил начальник команды, — напал на раненого кельгианина.

— И? — спросил О'Мара.

— Моментально его вылечил, — чопорно сказал Эдвардс.

Случай, когда О'Мара не находил слов, были не так часты. Конвей отошел в сторону, чтобы позволить кельгианину встать на свои многочисленные ноги.

— Драмб СРЖХ на своей планете ближе всех подходит под понятие “доктор”, — сказал он. — Эта форма жизни — что-

то вроде лекаря. Лечение он производит путем отсасывания крови у пациента с последующим ее очищением от инфекции и токсичных веществ. После этого кровь возвращается в тело пациента. Драмб также может лечить простые физические повреждения. Его реакция на тяжелую болезнь или травму чисто инстинктивная. Когда неожиданно появился раненый кельгианин, он просто хотел ему помочь. Раненый страдал от отравления токсичными веществами в худларианской операционной, к тому же у него было заражение раны. Что касается драмба, то для него это был очень простой случай.

Однако не вся взятая кровь возвращается обратно, — продолжал Конвей. — Нам так и не удалось установить, то ли это не возможно физиологически, то ли существо оставляет себе несколько унций в качестве платы за оказанные услуги.

Кельгианин издал низкий вибрирующий трубный звук.

— Уверен, он очень отзывчивый, — донеслось из трансляторов.

Затем в сопровождении мониторов ДБЛФ покинул помещение. Начальник приемной команды недоумевающе посмотрел на драмба и махнул своим людям, чтобы расходились по местам. Молчание начинало затягиваться.

Наконец О'Мара произнес:

— Когда вы устроите ваших посетителей и если этому не препятствуют физиологические причины, я предлагаю встретиться, чтобы все это обсудить. В моем кабинете через три часа.

Его голос был угрожающе мягким. Конвей подумал, что для встречи с главным психологом было бы совсем не лишним заручиться моральной и медицинской поддержкой.

Конвей попросил присутствовать на встрече своего друга эмбата Приликлу, а также офицеров Корпуса мониторов полковника Скемптона и майора Эдвардса, а также доктора Маннона, обоих драмбов, главного диагноста отделения патологии Торннатора и двух медиков с Худлара и Мелфа, практиковавших в Госпитале. Прошло несколько минут, прежде чем вся компания вошла в просторную приемную О'Мары, где обычно находились только адъютант майора и более двух десятков самых разных сидений, при-

способленных для внеземлян, с которыми О'Мара имел профессиональные контакты.

Главный психолог расположился за столом своего помощника и с едва скрываемым нетерпением ждал, когда кто-то усядется, кто-то уляжется или иным образом устроится на соответствующем месте.

Когда все затихли, О'Мара спокойно сказал:

— После душеспитательной истории, сопровождавшей ваше прибытие, я ознакомился с последними докладами с Митбола, а знать обо всем, значит прощать все, за исключением, конечно, вашего присутствия здесь, Конвей. Вы не должны были вернуться с...

— Драмбо, сэр, — вставил Конвей. — Теперь мы используем местное название планеты.

— Мы предпочитаем это название, — присоединился к нему переведенный транслятором голос Саррешана. — Митбол не совсем точное название для планеты, покрытой относительно тонким слоем животной жизни, мира, который мы считаем самым прекрасным в Галактике, даже несмотря на то, что возможности побывать на других мирах у нас пока не было. Кроме того, ваш транслятор говорит мне, что в слове Митбол не хватает точности, почитания, уважения. Продолжение использования вашего названия для нашей непревзойденной планеты не рассердит меня — я слишком глубоко понимаю, что вашему виду столь часто присуща мелкость мышления; я обладаю слишком большой терпимостью к умственным недостаткам, чтобы испытывать гнев или даже раздражение...

— Вы очень добры, — перебил О'Мара.

— И это тоже присутствует во мне, — согласился Саррешан.

— Причина, по которой я вернулся досрочно, — поспешно заговорил Конвей, — это необходимость помощи. У меня не ладилось с решением проблемы Драмбо, и это меня беспокоило.

— Беспокойство, — сказал О'Мара, — исключительно бесполезное занятие, если только вы, конечно, не делаете это громко и прилюдно. А-а, теперь я понимаю, зачем вы притащили с собой пол-Госпиталя.

Конвей кивнул и продолжил:

— Драмбо отчаянно нуждается в медицинской помощи, но проблема не похожа ни на одну из тех, с которыми мы уже сталкивались на земных и внеземных планетах и колониях. Раньше все просто сводилось к исследованию и изоляции болезни. Мы доставляли сами или советовали, куда надо доставить, лекарства для наибольшего эффекта, а затем передавали управление медициной в руки местных врачей. С Драмбо все обстоит иначе. Здесь не нужно ставить диагноз и лечить множество существ. Тут пациентов совсем немного, но они чрезвычайно велики.

Причиной болезней стало то, что за последние несколько лет соотечественники Саррешана узнали, как высвободить энергию атома. Вначале, конечно, в виде взрыва и с огромным количеством радиоактивных загрязнений. Они все очень... — Конвей заколебался, пытаясь подыскать наиболее дипломатическую замену словам “беспечны”, “преступно глупы”, “самоубийцы”, но ничего не придумал и продолжил: — ... очень гордятся приобретенной способностью убивать большие биологические формации, приспособив лежащие вблизи отmeld для все возрастающего населения колесников.

Но живущие внутри или под этой формацией, а возможно, и управляющие ею существа являются еще одной разумной расой, чья “земля” в буквальном смысле слова умирает вокруг них. Этот народ создал инструмент, который проник на борт “Декарта”, и, судя по этому приспособлению, они, конечно, очень высокоразвиты. Но мы по-прежнему ничего о них не знаем.

Когда стало ясно, что колесники не являются создателями инструмента, перед нами встал вопрос, где их можно найти с наибольшей вероятностью. Мы решили, что это те районы, где их страна подвергается нападению. Именно там я рассчитывал найти еще и врачей, и я действительно разыскал в этих местах нашего прозрачного приятеля. Он спас мне жизнь довольно своеобразным способом, и я убежден, что СРЖХ является эквивалентом врача на Драмбо. Но похоже, к сожалению, что он не способен каким-либо образом с нами общаться. Каждый может видеть внутренности существа, не прибегая к помощи рентгено-

вского аппарата. У него нет видимых скоплений нервных узлов и чего-то, что хотя бы отдаленно напоминало мозг.

Мы страшно нуждаемся в помощи его соотечественников, — серьезно добавил Конвей. — Вот почему мы доставили его сюда — в надежде, что специалисты по общению с внеземлянами, возможно, преуспеют там, где корабельные эксперты и я ничего не добились.

Конвей бросил быстрый взгляд на О'Мару, который задумчиво разглядывал слизнеобразного драмба. Тот, в свою очередь, поднял на ложноножке свой глаз к потолку, так чтобы видеть хрупкую насекомоподобную фигурку Приликлы. Ну, а у Приликлы хватало глаз, чтобы видеть всех вокруг одновременно.

— Не странно ли, — неожиданно произнес полковник Скемптон, — что у одного у ваших драмбов нет сердца, а у другого оказывается нет мозга?

— К безмозглым врачам я уже привык, — сухо заметил О'Мара. — Я общаюсь с ними, в целом, успешно, почти каждый день. Но это не единственная ваша проблема, доктор?

Конвей покачал головой.

— Я уже говорил, что нам придется лечить небольшое число очень больших пациентов. Даже при содействии медиков с Драмба мне понадобится помощь в как можно более точном картографировании — я имею в виду фоторазведку — областей поражения и взятии проб в приповерхностных районах. Рентгеноскопия при таких размерах невозможна. От полномасштабных буровых операций, чтобы получить образцы ткани с большой глубины, толку тоже будет мало, так как бур в данном случае будет сравним с короткой и исключительно тонкой иглой. Поэтому придется исследовать большие и поврежденные районы лично, используя бронированные наземные машины, а где это будет возможно, руки и ноги, заключенные в тяжелые скафандры. Вход в поврежденные районы будет осуществляться через естественные отверстия в теле, но все дело пойдет быстрее, если нам помогут существа с медицинским образованием, которым для защиты не нужны броневики и скафандры. Я думаю о существах с Чалдерстона, Худлара и Мелфа.

Я хотел бы услышать от отделения патологии, — продолжил он, глядя на Торннатора, — предложения по лечению хирургическим, а не медикаментозным путем. Все признаки указывают на то, что проблема возникла в основном из-за радиоактивного заражения, и хотя я понимаю — сегодня мы можем излечивать даже самые запущенные случаи, но может так случиться, наши методы не годятся для пациентов таких размеров, не говоря уже о том, что медикаменты, необходимые только для одного больного, могут составить количество, выпускаемое несколькими планетами за многие годы. Отсюда необходимость в хирургическом вмешательстве.

Полковник Скемптон прочистил горло:

— Теперь я начинаю осознавать размах ваших проблем, доктор. С моей стороны потребуется обеспечить ваших медиков транспортом и необходимыми припасами. Кроме того, я выделю инженерный батальон для установки и обслуживания спецоборудования...

— Для начала, — заметил Конвей.

— Естественно, — с подчеркнутой холодностью отозвался полковник, — мы продолжим оказание содействия в каких бы то ни было...

— Вы меня не так поняли, сэр, — прервал его Конвей. — В настоящее время я и сам не могу точно сказать, какая помощь нам будет необходима, но, по моим прикидкам, понадобится целая флотилия, вооруженная дальнобойными лазерами, глубинными торпедами, тактическим ядерным оружием — конечно чистым — и другими не менее страшными вещами, которые вы сможете предложить, лишь бы они были узконаправленными и попадали точно в цель.

— Видите ли, полковник, — заключил Конвей, — хирургия в таких масштабах означает, что операция будет скорее военной, нежели медицинской. — Обернувшись к О'Маре, он добавил: — Это лишь некоторые из причин, вынудившие меня вернуться раньше положенного срока. Остальные менее насущны и...

— Могут, черт возьми, отлично подождать, пока мы не разберемся с этими, — твердо закончил О'Мара.

Совещание вскоре завершилось, так как ни Саррешан, ни Конвей не могли пока сообщить о Драмбо что-либо, че-

го еще не содержалось бы в докладах Корпуса мониторов. О'Мара исчез в своем кабинете вместе с драмбианским лекарем, Торннастор и Скемптон вернулись к себе, а Эдвардс, Маннон, Приликла и Конвей, проследив, как устроится Саррешан в цистерне для АУГЛов, отправились подкрепиться в кафетерий для дышащих кислородом теплокровных. Врачи с Худлара и Мелфана пошли вместе с ними, чтобы побольше узнать о Драмбо и посмотреть, как принимают пищу другие. Они работали в Госпитале совсем недавно, были преисполнены первоначального энтузиазма и каждую свободную минуту использовали для наблюдений и общения с инопланетянами.

Эти чувства были знакомы Конвею. Он по-прежнему нередко испытывал их, но сегодня был уже достаточно опытен, чтобы не только радоваться юношескому энтузиазму, но и использовать его для дела...

— Чалдеры крепкие и подвижные существа, у них достаточно сил самим справиться с местными хищниками, — рассуждал Конвей, пока они усаживались за стол, предназначенный для тралтан, вида ФГЛИ, — все столы для землян были заняты кельгианами — и набирали заказы. — Вы, мелфане, очень быстро передвигаетесь по морскому дну, а панцирное покрытие на ваших ногах является естественной защитой от ядовитых растений и колючек. Однако худлариане, хотя и медлительны, но вред им может причинить только бронебойный снаряд, а учитывая, что вода, покрывающая планету, прямо-таки кишит растительной и животной жизнью, которая жаждет прилепиться к какой-нибудь ровной поверхности, они смело могут выбросить аппараты по изготовлению пищи и перейти на подножный корм.

— Похоже на рай, — заметил худларианин, однако транслятор не позволил определить, сказано это было с сарказмом или нет. — Но ведь вам понадобится огромное количество врачей всех трех видов — это слишком много, чтобы Госпиталь смог обеспечить, даже если весь персонал вызовется в добровольцы.

— Нам понадобятся сотни врачей, — ответил Конвей, — а Драмбо вовсе не рай, даже для худлариан. В то же время, я думаю, должны найтись врачи — молодые, по-преж-

нему неугомонные, недавно практикующие люди, — жаждущие приобрести опыт работы на других планетах...

— Я не Приликла, — рассмеялся Маннон, — но даже я чувствую, что вы занимаетесь обращением уже обращенных. Конвей, вы что, очень любите остывшие бифштексы?

В течение нескольких минут они сосредоточенно ели, стараясь, чтобы легкий ветерок от крыльев Приликлы — маленький эмпат предпочитал есть, зависнув над столом: по его утверждению, это улучшало пищеварение — не успел остудить все блюда за исключением мороженого.

— На совещании, — неожиданно начал Эдвардс, — вы упомянули о других, менее насущных проблемах. Насколько я понимаю, набор таких толстокожих существ, как Гарот, — одна из них. Об остальных я просто не решаюсь спрашивать...

— Во время широкомасштабного медицинского обследования, — объяснил Конвей, — нам понадобятся консультации прямо на местах. Это означает присутствие врачей, медсестер, опытных лаборантов, способных тут же производить анализы образцов как можно большего количества видов. Я собираюсь поговорить с Торннастором, чтобы он отпустил с нами кое-кого из патологов...

Неожиданно Приликла дернулся в сторону и чуть было не угодил своей карандашеподобной ногой в десерт Маннона. На лету он слегка подрагивал — явный признак того, что за столом кто-то излучал сильные и сложные эмоции.

— Опять же, я не Приликла, — сказал Маннон, — но, судя по поведению нашего друга эмпата, осмелюсь предположить, что вы ищете — и пытаетесь это оправдать — более тесного контакта с отделением патологии, в особенности с патологом по имени Мэрчисон. Не так ли, доктор?

— Полагаю, мои эмоции — это мои эмоции, — ответил Конвей.

— Я не произнес ни слова, — поспешно стал оправдываться Приликла, все еще с трудом удерживаясь над столом.

— Кто такой Мэрчисон? — поинтересовался Эдвардс.

— О, это женская особь земного типа, классификация ДБДГ, — послышался из транслятора голос Гарота. — Очень опытная сестра, она может ассистировать при операциях над более чем тридцатью различными видами су-

ществ. Я нахожу ее весьма привлекательной и вежливой настолько, что способен не замечать — для меня это физически отталкивающе — куски мяса, покрывающие большую часть ее мышц.

— И вы собираетесь взять ее с собой на Драмбо, Конвей? У Корпуса мониторов и его офицеров весьма старомодные понятия о смешанных командах, даже в случае дальних разведывательных полетов.

— Даже, если у него будет хоть полшанса, — с серьезным видом заявил Маннон.

— Конвей, вам надо бы жениться на девушке.

— Он уже женился.

— О-о!

— В некотором роде, майор, тут весьма примечательное заведение, — рассмеявшись, сказал Маннон, — полное странных и своеобразных обычаев. Возьмем, к примеру, секс. Для большинства работающих здесь существ это либо непрекращающийся, непроизвольный общественный процесс, необходимый почти так же, как воздух, либо это физиологическое землетрясение, которое длится, скажем, три дня в году. Эти существа приходят в замешательство от ритуалов и сложностей, связанных с выбором пары и совокуплением у нашей расы, хотя, по общему признанию, в сравнении с сексуальной жизнью некоторых из них наша выглядит так же просто, как перекрестное опыление.

Но вот к чему я клоню, — продолжал Маннон. — Большинство из наших инопланетян просто не понимают, почему наши женщины должны терять свою личность, отдавать самое ценное, что у них есть, — свое имя. Для многих из них это пахнет рабством или по крайней мере какой-то второсортностью, а для многих выглядит просто глупостью. Они не понимают, почему земные женщины — врачи, медсестры, лаборантки — должны менять свою личность, брать имя, принадлежащее другой личности, по чисто эмоциональным причинам. Впрочем, регистрационный компьютер тоже этого не понимает. Поэтому они сохраняют свои профессиональные имена, подобно актрисам и представительницам схожих профессий, и все время используют только их, чтобы не смущать инопланетян, которые...

— Он уже понял, к чему вы клоните, — сухо заметил Конвей. — Но иногда мне хочется, чтобы вы объяснили мне разницу между женщиной непрофессионалом и профессионалкой.

— Конечно, в неофициальной обстановке они ведут себя по-другому, — не обращая внимания на Конвея, продолжал Маннон. — Некоторые из них даже позволяют себе называть друг друга по имени.

— Нам необходима команда патологов. — Теперь уже Конвей игнорировал Маннона. — Но еще больше нам нужна помощь от местных медиков. Соотечественники Саррешана из-за своих физиологических особенностей могут оказать нам лишь психологическую поддержку, а это значит, что все зависит от того, установим ли мы сотрудничество с местными врачами. И вот тут в игру вступает Приликла. Вы следили за эмоциональным излучением драмба во время совещания. Есть там что-нибудь?

— Боюсь, что нет, друг Конвей, — ответил эмпат. — На протяжении всего совещания он был в сознании и воспринимал окружающее, но не реагировал на то, что говорилось и делалось в форме сосредоточенного мышления. Он излучал только чувства благополучия, пресыщенности и самоудовлетворения.

— Да, с кельгианином он потрудился на славу, — согласился Эдвардс, — так что пинта-другая крови, которую он отсосал...

Приликла вежливо подождал, пока прервавший его майор замолчит, и продолжил:

— Наблюдался очень короткий вполне различимый всплеск интереса, когда участники совещания входили в комнату, но это не было любопытством, скорее это усиленное восприятие окружающего, необходимое для беглого ознакомления с прибывшими.

— Отмечаются ли какие-либо признаки того, как на него действовал перелет? — спросил Конвей. — Ослабление физических или умственных способностей, что-нибудь в этом духе?

— В его мыслях сквозило только удовлетворение, — ответил Приликла, — так что я бы сказал — нет.

Они говорили о драмбианском лекаре до тех пор, пока не настало время покинуть столовую. В конце разговора Конвей сказал:

— О'Мара будет рад вашей помощи, Приликла, когда станет пропускать нашего друга-кровопийцу через все круги психологического тестирования, поэтому я буду весьма признателен вам, если вы проследите за эмоциональным излучением пациента до тех пор, пока не будет установлен контакт. Возможно, прежде чем связаться со мной, О'Мара захочет подождать, пока не будет запрограммирован транслятор после полного контакта. Но мне хотелось бы иметь любящую полезную информацию, как только вы ее получите...

Три дня спустя, когда Конвей с Эдвардсом знакомились с первой партией добровольцев — несколько весьма тщательно отобранных инопланетян, которые, как он надеялся, в дальнейшем привлекут своим энтузиазмом еще большее количество новобранцев и обучат их, — громкоговоритель стал спокойно настаивать, чтобы доктор Конвей связался с майором О'Марой. Настойчивость усиливалась двойным сигналом, обычно предшествовавшим самым неотложным сообщениям. Он махнул рукой и подошел к связному устройству дока.

— Рад, что успел вас поймать, — сказал главный психолог, прежде чем Конвей успел представиться. — Не говорите — слушайте. Приликла и я ничего не добились с вашим медиком. Какие-то эмоции он излучает, но нам даже не удалось узнать, чему он отдает предпочтение.

Мы знаем, что он способен видеть и чувствовать, — продолжал О'Мара, — но вовсе не уверены, что он может видеть и слышать, а если может, то как он это делает. Приликла считает, что драмб обладает зачатками эмпатии, но до тех пор, пока нам не удастся немного нарушить его покой, доказать это невозможно. Конвей, я не хочу признать, что потерпел поражение, но вы подкинули нам задачу, которая может иметь очень простое решение...

— Вы пытались что-нибудь сделать с помощью управляемого мыслю инструмента?

— Это было первой, второй и двадцать восьмой нашей попыткой, — невесело ответил О'Мара. — Приликла раз-

личил очень небольшой рост интереса, состоящий, как он говорит, в узнавании знакомого предмета. Но драмб не делал никаких попыток управлять игрушкой. Я уже говорил, что вы задали нам задачу. Может быть, самым простым решением будет, если вы доставите нам еще одного его брата.

Главный психолог не любил вдаваться в лишние объяснения почти так же, как не любят передвигаться тяжелые на подъем люди, поэтому Конвей на мгновение задумался, прежде чем сказать:

— Итак, вы хотели бы, чтобы я привез с Драмбо еще одного медика, а вы смогли бы понаблюдать и послушать, как они будут общаться при встрече, а потом воспроизвести способ с помощью транслятора...

— Да, доктор, и побыстрее, — ответил О'Мара, — прежде, чем вашему главному психологу понадобится психиатр. Конец связи.

У Конвея не было возможности отыскать, украсть или как-то еще заполучить другого медузообразного СРЖХ немедленно по возвращении на Драмбо. С ним была группа инопланетян, для которых требовались самые разные гравитационные и атмосферные условия, не говоря уже о пище. В то время как все три вида существ могли без особого труда существовать в драмбийском океане, на борту "Декарта" пришлось создавать помещения с приближенными к их родным планетам условиями.

Кроме того, он обязан был дать им некоторое представление о масштабах медицинских проблем, в решении которых они должны принять участие, а это означало многочисленные полеты на вертолетах. Позднее он продемонстрировал им все, с чем сталкивался раньше сам. В том числе он показал им участок побережья, где впервые столкнулся с медузой СРЖХ и где ему предстояло добыть еще одну, как только позволят время и обстоятельства.

Но на этот раз у него будет много преисполненных желания опытных помощников.

Каждый день он получал послания от О'Мары, отличающиеся лишь степенью нетерпения, читаемой между строк. С драмбианским лекарем у них с Приликлой так ничего и не вышло, и они пришли в заключение, что су-

щество использует один из экзотических видеотактильных языков, который в принципе невозможно воспроизвести без детального словаря.

Первая экспедиция на побережье была чем-то вроде репетиции — по крайней мере начиналась именно так. Вели ее Камсаюг и Саррешан, которые, покачиваясь, катились по неровному морскому дну, напоминая два больших живых бублика. С флангов их прикрывали крабообразные мелфаны, они с легкостью бежали вдвое быстрее, чем катились драмбы. Над ними величественно плыл тридцатифутовый чалдер, готовый подвергнуть в ужас местных хищников с помощью зубов, когтей и чего-то вроде большой костяной булавы на хвосте, хотя, по мнению Конвея, одного взгляда любого из четырех телескопических глаз существа хватило бы, чтобы привести в трепет всякого, кто имел мало-мальское желание остаться в живых.

Конвей, Эдвардс и Гарот передвигались в одном из принадлежащих Корпусу мониторов наземных крейсеров. Эта машина была способна перемещаться не только по любой мыслимой и немыслимой местности, но могла плавать по воде и под водой, ездить по дну и даже на какое-то время подниматься в воздух. Они замыкали экспедицию, держась на таком расстоянии, чтобы никого не потерять из виду.

Наземный крейсер направлялся к мертвой части побережья — большой полосе огромного “ковра”, убитого колесниками, чтобы расширить защищенный район проживания. Соотечественники Саррешана осуществили это, сбросив несколько “грязных” ядерных бомб в десяти милях от берега. Затем они дождались, пока прибрежные обитатели перестали убивать, есть и пить, а хищники потеряли интерес к падали.

Радиоактивные осадки не коснулись колесников, так как преобладающие ветры дули в сторону материка. Но Конвей намеренно выбрал точку в нескольких милях от этой части побережья, где жизнь по-прежнему проявляла значительную активность. При определенной удаче их исследования могли превратиться в нечто большее, чем просто препарация трупа.

С уходом хищников расцвела морская растительность. На Драмбо грань между растительной и животной жизнью,

как правило, была смазанной, а животные всеядными. Они прошли вдоль берега почти милю, когда им встретился первый рот. Он был сжат не до конца, но щели оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в него. Однако времени даром они не потеряли, так как по пути Камсаюг и Саррешан показали им множество опасных растений, которых даже покрытым естественной броней инопланетянам стоило по возможности избегать.

Практика внеземной медицины значительно упрощалась тем, что болезни и инфекции у одного вида существ не передавались другому. Но это не означало, что яды и другие токсичные вещества, вырабатываемые инопланетными растениями и животными, не могут убить, тем более, что на морском дне Драмбо растительность была особенно “злой”. Некоторые виды были покрыты отравленными шипами, а один из них оказался чем-то вроде растений-осьминогов.

Первый рот, куда можно было проникнуть, походил на огромную пещеру. Когда они последовали за колесниками внутрь образования, прожекторы машины высветили мертвенно-бледные извивающиеся и покачивающиеся растения; травянистый ковер исчезал за пределами видимости. Саррешан и Камсаюг выписывали неуверенные восьмерки на густо заросшем дне и извинялись за то, что не смогут отправиться дальше, не рискуя при этом увязнуть и остаться.

— Мы понимаем, — сказал им Конвей, — и спасибо вам.

По мере продвижения вглубь огромного рта растительность редела, стали видны большие участки “плоти” животного. Она выглядела шероховатой и волокнистой и больше походила на растительный, нежели на животный материал, даже при том, что существо погибло несколько лет назад. Неожиданно свод стал понижаться, и передние прожекторы высветили первое серьезное препятствие — сплетение длинных, похожих на бивни зубов, которые были расположены так часто, что напоминали окаменелый лес.

Один из мелфан доложил первым:

— Доктор Конвей, — начал он, — не могу утверждать с абсолютной уверенностью, пока мои образцы не проверят

патологи, но все указывает на то, что зубы состоят скорее из растительного, а не костного вещества животного происхождения. Они густо покрывают верхнюю и нижнюю части рта и простираются за пределы видимости. Корни их растут поперек, так что при постоянном давлении зубы могут свободно наклоняться вперед или назад. В нормальном положении они направлены под острым углом в сторону входного отверстия и скорее всего просто убивают крупных хищников, а не пережевывают их.

Исходя из положения и состояния нескольких лежащих здесь трупов, я бы сказал, что пищеварительная система существа чрезвычайно проста. Вода с живыми организмами всех размеров засасывается в желудок или преджелудок. Мелкие животные проскальзывают между зубами, а большие на эти зубы накалываются. Затем внутреннее течение и вес убитых животных отклоняют зубы внутрь, и трупы освобождаются. Полагаю, что небольшие животные для существа не опасны, а вот крупные хищники могут причинить желудку серьезные повреждения, до того, как их нейтрализует пищеварительная система, поэтому они должны быть убиты заранее.

Конвей направил луч прожектора туда, где находился мелфанин, и увидел, как тот помахал одной из конечностей.

— Звучит резонно, доктор, — произнес Конвей. — Меня не удивит, если пищеварительные процессы существа действительно протекают очень медленно. На самом деле мне становится все любопытней — является ли существо в большей степени растением, нежели животным. Организм таких размеров из обычной плоти, крови, костей и мышц вообще представляется мне слишком тяжелым, чтобы передвигаться. Однако существо передвигается и делает все, что ему необходимо, правда, чрезвычайно медленно... — Конвей прервал свою речь и максимально сузил луч прожектора. — Вам лучше находиться на борту, чтобы вы смогли прожечь проход в этих зубах.

— В этом нет необходимости, доктор, — возразил мелфанин. — Зубы сгнили и стали слабыми и хрупкими. Вы можете через них просто проехать, а мы пройдем за вами.

Эдвардс опустил крейсер на дно и двинул его вперед со скоростью, удобной для мелфан. Сотни длинных бесцветных зубов цеплялись за машину и медленно опрокидывались в мутной воде. Неожиданно этот частокол кончился, и они оказались на чистом месте.

— Если зубы являются специализированной формой растительной жизни, — задумчиво произнес Конвей, — то они занимают слишком четко ограниченный район, а это предполагает, что кто-то отвечает за их посадку.

Эдвардс, соглашаясь, что-то пробормотал и взглядом проследил за всеми участниками экспедиции, пока они не вышли из проделанного машиной прохода.

— Туннель опять расширяется и уходит вглубь, — вскоре сообщил он. — И я вижу еще одну предположительно специализированную форму растительной жизни. Крупная, не правда ли? А вот еще такая же. Да они разбросаны здесь повсеместно.

— Это слишком далеко, — сказал Конвей. — Не стоит терять из вида путь наружу.

Эдвардс отрицательно покачал головой.

— Мне видны точно такие же отверстия по обе стороны от нас. Если это желудок, а место выглядит достаточно обширным, отсюда должно быть несколько выходов.

Неожиданно Конвей разозлился.

— Мы знаем, что только в этой мертвой секции существуют сотни этих самых ртов, о количестве желудков можно лишь гадать. Если только наши радары не врут — это огромные, ровные, пустые пещеры, простирающиеся на мили окрест. А мы не коснулись проблемы даже вскользь!

Эдвардс добродушно хмыкнул и указал вперед:

— Они похожи на сталактиты, размякшие в средней части. Мне хотелось бы взглянуть на них поближе.

Даже худлярианин вышел наружу, чтобы осмотреть огромные, резко очерченные колонны, которые поддерживали свод. Им удалось, используя переносные анализаторы, установить, что колонны состоят из мышечной ткани существа и не являются новым видом растений, как они предполагали ранее, хотя и покрыты чем-то вроде переросших водорослей. Неподалеку от этих колонн располагались почти трехфутового диаметра пузыри, которые, каза-

лось, вот-вот лопнут. Мелфанин, бравший образцы мышечной ткани, случайно задел один из них, и тот буквально взорвался, а за ним детонировали еще пузырей двадцать, расположенные поблизости. Из них выплеснулась густая жидкость молочного цвета, которая быстро растеклась и растворилась в окружающей воде.

Мелфанин издал непередаваемый звук и отскочил в сторону.

— Что случилось? — резко спросил Конвей. — Жидкость ядовита?

— Нет, доктор. Большой процент содержания кислот, но не такой уж опасный. Если бы вы были воднодышащим, то сказали бы, что она дурно пахнет. Но посмотрите, как она действует на мышцы!

Огромную мышечную колонну, прочно вросшую и в дно, и свод, охватила дрожь, ее острые грани постепенно разглаживались.

— Да, — серьезно проговорил Конвей, — это подтверждает нашу теорию о том, каким образом существо переваривает пищу. Ну, а теперь, полагаю, пора возвращаться на “Декарт” — этот район может оказаться не таким безжизненным, как мы думали.

Специализированные растения, исполнявшие роль зубов, служили фильтром и убивали живность, засасываемую в желудок существа. Другие растения-симбиоты, обитающие на мышечных колоннах, выделяли секреты, которые заставляли мускулы напрягаться, расширять объем желудка и засасывать большое количество воды с пищей. Предположительно, секреты служили и для растворения пищи, способствовали ее усвоению через стенки желудка или с помощью других специализированных растений. Медики взяли достаточно много образцов для Торннатора, чтобы тот мог детально описать механизм пищеварения гиганта. Когда из-за всосавшейся пищи концентрация пищеварительных секретов снижалась, уменьшалось и их действие на мышцы, отчего колонны частично сокращались, а непереваренные продукты выталкивались наружу.

Теперь пузыри начали растягивать остальные колонны. Само по себе это не означало, что существо еще живо, просто мертвые мышцы могли по-прежнему реагировать на

соответствующие раздражители. Тем не менее свод пещеры поднимался все выше, и в нее снова устремилась вода.

— Согласен, доктор, — произнес Эдвардс, — давайте отсюда выбираться. Но можно попробовать выйти через другое ротовое отверстие — вдруг по пути мы узнаем что-нибудь новенькое?

— Ладно, — согласился Конвей, с беспокойством ощущая, что этого делать не стоит. Уж если тут могут сокращаться мертвые мышцы, то на какие еще формы произвольной активности способно гигантское животное? — Вы поезжайте, но грузовой и пассажирский люки оставьте открытыми — я пойду снаружи вместе с инопланетянами.

Спустя несколько минут Конвей, ухватившись за удобный выступ на броне крейсера, вместе с машиной направился вслед за инопланетянами в другой туннель. Он надеялся, что они движутся к ротовому отверстию, а не куда-то вглубь существа.

Эдвардс доложил, что туннель загибается в сторону живого участка побережья. Но прежде чем Конвей успел отдать приказ об остановке и возвращении обратно старой дорогой, почувствовав через скафандр явное понижение температуры, их движение было прервано.

— Майор Эдвардс, пожалуйста, остановите крейсер, — попросил один из мелфан. — Доктор Конвей, сюда, вниз. Думаю, что нашел мертвого... коллегу.

Это был драмб СРЖХ, уже не прозрачный, а молочно-го цвета, со сморщенным телом, вдоль которого тянулась резаная рана. Безжизненное тело, болтаясь возле дна, билось о стены.

— Торннастор будет благодарен, дружище, — с энтузиазмом объявил Конвей, — да и О'Мара с Приликлой тоже. Давайте погрузим его на борт вместе с другими образцами. Ах да, я не воднодышащий, но он не очень...

— Нет, — ответил мелфанин на произнесенный вопрос. — Я сказал бы, что он слишком недавно умер, чтобы неприятно пахнуть.

Чалдер величественно вернулся назад, его щупальца подхватили труп СРЖХ и перенесли его в охлажденное помещение для образцов. После этого он вернулся на свое

место, а через несколько секунд в их наушниках прозвучало одно-единственное слово, переведенное транслятором:

— Компания.

Эдвардс направил все прожекторы вперед, осветив сцепившийся в драке бродячий зверинец, который заполнил почти всю горловину туннеля.

Конвей опознал два вида крупных морских хищников, вероятно, сумевших пробиться через частокол зубов, несколько хищников поменьше, с десятков СРЖХ и двух-трех большеголовых рыб со щупальцами, которых он раньше никогда не видел. Сначала было невозможно различить, кто с кем дерется, да и вообще волнует ли этот вопрос участников схватки.

Эдвардс опустил крейсер на дно.

— Назад, внутрь! Быстрее!

Добираясь полубегом-полуплывь к машине, Конвей едва ли не до слез завидовал подвижности мелфан под водой. Он обогнал худларианина, на панцире которого сомкнулись челюсти большого хищника. Прямо над ним СРЖХ свернулся вокруг одной из незнакомых Конвею рыб. Драмбианский лекарь уже наливался краснотой, приступив к врачеванию единственным известным ему методом. Раздался гулкий вибрирующий звук — еще один хищник попробовал на вкус крейсер и расколол два из четырех прожекторов.

— В грузовой отсек! — прокричал Эдвардс охрипшим от волнения голосом. — На прогулку до пассажирских люков нет времени!

— Отстань, дурачок, — уговаривал худларианин хищника, устроившегося на его спине. — Я несъедобный.

— Конвей, сзади!

Два крупных хищника приближались к нему вдоль дна, а сбоку к ним мчался чалдер. Неожиданно между передним хищником и Конвеем возник драмб СРЖХ. Он лишь вскользь коснулся чудовища, но хищника тут же охватили такие страшные конвульсии, что из-под кожи вылезли белые кости.

Значит, ты можешь не только лечить, но и убивать, с благодарностью подумал Конвей, стараясь увернуться от второй бестии. Но тут подоспел чалдер. Взмахом хвоста с

костяной булавой он освободил спину худларианина; одновременно он открыл огромную пасть, и ужасные челюсти сомкнулись на шее второго хищника.

— Спасибо, доктор, — поблагодарил Конвей. — Ваша техника ампутации несколько грубовата, но весьма эффективна.

— Слишком часто приходится жертвовать аккуратностью ради скорости... — ответил чалдер.

— Хватит болтать, забирайтесь внутрь! — закричал на них Эдвардс.

— Подождите! Нам нужен еще один местный медик для О'Мары... — начал Конвей. Драмбианский врач плавал в нескольких ярдах от них, как ярко-красный фонарь, он плотно свернулся вокруг своего пациента. Конвей указал в его сторону и попросил чалдера: — Затолкните его внутрь, доктор. Только поласковой — он умеет еще и убивать.

Когда через несколько минут входной люк с грохотом закрылся, в грузовом отсеке находились два мелфанина, худларианин и чалдер, а также драмб СРЖХ со своим пациентом и Конвей. Машина периодически вздрагивала, когда особенно крупные хищники бились о ее броню. В грузовом отсеке было так тесно, что пошевелились только чалдер, и вся компания, разве кроме покрытого панцирем худларианина, превратились бы в кашу.

Казалось, прошло несколько лет, прежде чем в гермошлеме Конвея раздался голос Эдвардса:

— Доктор, у нас течь в паре мест, но не очень сильная. Во всяком случае воднодышащих это не должно волновать. Автоматические кинокамеры хорошо поработали, отсняв, как местные врачи оказывают помощь существам, обитающим внутри гиганта. О'Мара будет очень доволен. О, впереди показались зубы. Скоро мы выберемся из этой...

Тремя неделями позже, уже в Госпитале, Конвей вспоминал этот разговор. Живые и мертвые экземпляры, а также фильмы были соответственно исследованы, если можно, препарированы и просмотрены столько раз, что медузообразные драмбы волнообразными движениями проходили через все его сны.

Но О'Мару это не удовлетворило. Больше того, он был очень недоволен — и прежде всего собой, что боком выходило для окружающих.

— Мы обследовали лекарей с Драмбо и поодиночке и вместе, — рассказывал Приликла, тщетно пытаясь смягчить напряженную атмосферу в кабинете. — Никаких свидетельств того, что они общаются устно, визуально, телепатически, с помощью запахов или еще каким-либо известным нам способом, нет. Характер их эмоционального излучения заставляет меня подозревать, что они вообще не общаются в общепринятом смысле этого слова. Они просто осознают присутствие существ и предметов вокруг себя и с помощью глаз и эмпатических органов, подобных тем, которыми обладает моя раса, способны отличить друзей от врагов. Вспомните, они без колебаний атаковали хищников Драмбо и не обращали внимания на визуально гораздо более страшного доктора с Чалдерестона, который испытывал к ним дружеские чувства.

До сих пор мы сумели обнаружить только то, — продолжал Приликла, — что у них чрезвычайно развиты эмпатические способности, но они никак не связаны с разумом. То же самое относится и ко второму драмбу, которого вы привезли, за исключением того, что он...

— ... гораздо более толковый, — мрачно закончил О'Мара. — Почти такой же толковый, как недоразвитая собака. Я не боюсь признать, что некоторое время приписывал наши неудачи нехватке собственного профессионального опыта. Но сегодня стало ясно, что с вашей подачи мы просто теряли напрасно время, предлагая сложные тесты драмбианскому животному.

— Но ведь этот СРЖХ спас меня, — вставил Конвей.

— Очень специфичное, но неразумное животное, — твердо сказал О'Мара. — Оно защищает и врачует друзей и убивает врагов, но оно об этом не думает. Что же касается нового приведенного вами экземпляра, то когда мы показали ему управляемый мыслью инструмент, он стал излучать узнавание и осторожность — чувства, сходные с теми, которые мы испытываем, стоя рядом с оголенными проводами, — но, по словам Приликлы, он не только не пытался управлять устройством, но даже не думал о нем.

— Так что извините, Конвей, — закончил майор, — но мы по-прежнему будем искать существ, создавших инструменты, и местных разумных медиков для оказания помощи в решении вашей проблемы.

Конвей долгое время молчал, уставившись на двух СРЖХ, находившихся на полу кабинета О'Мары. Одно как-то не вязалось с другим. Существо, спасшее ему жизнь, сделало это бездумно, не испытывая никаких чувств. СРЖХ был просто специалистом, таким же, как и другие специализированные животные и растения, обитающие внутри огромных существ и выполняющие работу, для которой они предназначены. Химические реакции внутри гигантов происходили так медленно — да иначе и не могло быть, так как даже кровью ему служила вода с легкими примесями, — что специальные растительные и животные симбиоты осуществляли внутреннюю секрецию, необходимую для мышечной активности, поддержания эндокринного баланса, снабжения пищей и уборки отходов с больших участков плоти. В то время как другие симбиоты управляли дыхательным процессом гиганта и обеспечивали его чем-то вроде зрения на поверхности.

— У друга Конвея есть мысль, — сообщил Приликла.

— Действительно, — согласился Конвей, — но я хотел бы ее проверить, доставив сюда мертвого СРЖХ. Торннастор пока не делал с ним ничего существенного, а если что-то случится, мы легко можем достать другого. Мне хотелось бы показать живым СРЖХ или мертвого собрата.

Приликла говорит, что у них вообще не бывает сильных эмоций, — добавил Конвей. — Они размножаются делением, так что сексуальные чувства у них тоже отсутствуют. Но вид мертвой особи их собственного вида должен вызвать какую-то реакцию.

О'Мара не сводил немигающего взгляда с Конвея.

— Судя по тому, как дрожит Приликла, и по самодовольному выражению вашего лица, вы считаете, что у вас уже есть ответ. Но что должно произойти? Эти двое излечат и воскресят мертвого? Ладно, не обращайтесь на меня внимания, я подожду и дам вам возможность разыграть этот медицинский спектакль...

Когда привезли мертвого СРЖХ, Конвей быстро спустил его на пол кабинета и махнул рукой, чтобы О'Мара и Приликла отошли в сторону. Два живых СРЖХ целеустремленно направились к труп. Они коснулись тела, сомкнулись над ним и в течение десяти минут что-то с ним делали. Когда они закончили и разошлись, на полу ничего не оставалось.

— Никаких заметных изменений в эмоциональном излучении, никаких признаков горя или печали, — сообщил Приликла. Он весь дрожал, но причиной того, возможно, были его собственные переживания.

— Вы, кажется, не удивлены, Конвей? — с осуждающим видом спросил О'Мара.

— Нет, сэр, — улыбнулся Конвей. — Я по-прежнему разочарован, что не вступил в контакт с местными врачами, но эти зверушки их лучшие помощники. Они убивают врагов своих гигантских хозяев, лечат и защищают их друзей и исполняют роль санитаров. Вам это ничего не напоминает? Конечно же, они не врачи, они всего лишь добрые, славные лейкоциты. Но их должны быть миллионы, и все они — на нашей стороне...

— Рад, что вы удовлетворены, доктор, — произнес главный психолог, подчеркнуто посмотрев на часы.

— Но я вовсе не удовлетворен, — возразил Конвей. — Мне по-прежнему необходим опытный старший патолог, который смог бы управиться со всем больничным оборудованием. Мне надо поддерживать связь с...

— По возможности самую тесную связь, — неожиданно усмехнулся О'Мара. — Я вполне понимаю, доктор, и я безотлагательно поговорю с Торннастором, как только вы закроете дверь...

ГЛАВА V БОЛЬШАЯ ОПЕРАЦИЯ

На таинственной и прекрасной планете было только тридцать семь нуждающихся в лечении пациентов. Они сильно отличались по размерам и степени запущенности

болезни. Естественно, что лечение следовало начинать с того, кто чувствовал себя хуже всех, хотя он и был самым крупным из них — настолько крупным, что на суборбитальной скорости шесть с лишним тысяч миль в час уходило больше девяти минут, чтобы добраться от одного его бока до другого.

— Это большая проблема, — серьезно сказал Конвей, — и даже с высоты она не выглядит меньше. Не становится она меньше и из-за недостатка квалифицированной помощи.

Голос патолога Мэрчисон, которая находилась вместе с Конвеем в крохотном наблюдательном блистере¹ разведкорабля, звучал холодно:

— Я изучала все материалы по Драмбо задолго до прибытия сюда и вот уже в течение двух месяцев моего пребывания на планете, — как бы защищаясь ответила она, — но я согласна, что, только увидев существо целиком собственными глазами, действительно начинаешь осознавать его масштабы. Что же касается недостатка помощи, мы должны понимать, доктор, мы не можем лишить Госпиталь всего персонала и оборудования, даже если ваш пациент достигает размеров субконтинента, — существуют тысячи более мелких и гораздо легче излечимых пациентов не менее нуждающихся в ней.

А если ты имеешь в виду меня, именно мое пребывание на этой планете, — добавила она сердито, — то я прилетела сразу же, как только мой шеф решил, что я действительно тебе нужна в качестве патолога.

— В течение шести месяцев я твердил Торннастору, что мне здесь нужен лучший патолог, — мягко сказал Конвей. Мэрчисон была прекрасна в гневе, но еще лучше она выглядела в хорошем настроении. — Я думал, что в Госпитале все знают, зачем ты мне нужна на самом деле, и это одна из причин, почему ты находишься в этом тесном блистере, разглядывая ландшафт, который мы оба видели на пленке не один раз, и споришь в то время, когда можно получить удовольствие от внеслужебных отношений...

---

¹ Блистер — куполообразный выступ из прозрачного материала в корпусе летательных аппаратов.

— Говорит пилот, — раздался из динамика дребезжащий голос. — Мы сейчас идем по нисходящей траектории и теряем высоту, приземлимся в пяти милях от терминатора. Реакцию светочувствительных растений на восход стоит посмотреть.

— Спасибо, — поблагодарил Конвей и обратился к Мэрчисон: — Вообще-то я не собирался все время глазеть в окно.

— Зато я собиралась, — ответила она, уперев сжатый кулак в его челюсть. — На тебя я могу насмотреться в любое время.

Неожиданно она указала вниз рукой и воскликнула:

— Смотри, кто-то рисует на твоём пациенте желтые треугольники!

Конвей рассмеялся.

— Я забыл, что ты пока не в курсе наших проблем по контакту. Большинство приповерхностных растений сверхчувствительны, и некоторые считают, что они служат существу чем-то вроде глаз. Мы направляем с орбиты яркий луч на темные или сумеречные районы и, быстро перемещая его на поверхности, рисуем геометрические и другие фигуры. Что-то вроде видеографики на дисплее. Правда, ответной реакции до сих пор мы не замечали.

Вероятно, существо не может ответить, даже если бы и захотело, так как глаза — это сенсорный орган, а не передатчик. В конце концов, мы тоже не умеем разговаривать глазами.

— Говори от первого лица, — поправила она.

— Серьезно, — продолжал Конвей, — я начинаю задумываться, а что, если гигантское создание само по себе высокоразумно?..

Вскоре после этого они опустились на поверхность и осторожно ступили на пружинистую “землю”. С каждым шагом они приминали по несколько глазных растений. От мысли, что у пациента были миллионы таких “глаз”, не становилось легче, и они переживали, что невольно причиняют ему вред.

Когда они отошли от корабля ярдов на пятьдесят, она спросила:

— Если эти растения действительно являются глазами, а это естественное предположение, поскольку они чувствительны к свету, то почему их так много в районах, где опасность угрожает очень редко? Периферийное зрение для слежения за околоротовыми районами было бы гораздо более полезным.

Конвей кивнул. Они осторожно опустились на землю между растениями, их длинные тени наполнились желтизной плотно свернувшихся листьев. Он отметил, что их следы, протянувшиеся от входного люка корабля, тоже ярко-желтого цвета, и провел руками над растениями, частично их затеняя. Листья, находившиеся в полутени или хотя бы чуть-чуть поврежденные, реагировали точно так же, как и полностью лишенные света. Они туго сворачивались, демонстрируя свою обратную ярко-желтую сторону.

— Корни очень тонкие и уходят в бесконечность, — сказал Конвей, бережно разгребая мнимую землю пальцами, чтобы показать белесые корешки, которые, прежде чем исчезнуть из виду, сужались до толщины струны. — Даже при помощи шахтного оборудования и во время исследований с землеройками нам так и не удалось отыскать их конец. Ты узнала что-нибудь новое от тех, кто работает внутри?

Он присыпал обнаженный корень, продолжая слегка прижимать ладони к рыхлой почве.

— Не слишком много, — ответила она, наблюдая за Конвеем. — Точно так же, как свет и темнота заставляют листья сворачиваться и разворачиваться, внутри этих растений под воздействием освещения возникают электрохимические изменения в их жизненных соках. В них содержится так много минеральных солей, что они являются очень хорошим проводником. Возникающие в результате этих изменений электрические импульсы очень быстро проходят от растения до окончания корня. Эр, милый, что ты там делаешь, щупаешь его пульс?

Конвей молча покачал головой, и она продолжила:

— Глазные растения равномерно распределены по всей поверхности пациента, включая те районы, где находятся густые заросли растений, обновляющих воздух и уничтожающих отходы, так что раздражение, полученное в лю-

бом месте наружного покрова поверхности, очень быстро — а практически мгновенно — передается в центральную нервную систему через богатый минералами сок. Но что меня беспокоит, так это возможные причины, по которым существо вырастило себе глаз в несколько сот миль в перепечнике.

— Закрой глаза, — улыбаясь сказал Конвей. — Я буду до тебя дотрагиваться, а ты постарайся как можно точнее описать, в каком месте я это делаю.

— Ты слишком долго находился в компании мужчин и инопланетян... — начала было она, но осеклась, и лицо ее приняло задумчивый вид.

Конвей начал с того, что легко прикоснулся к ее лицу, затем дотронулся тремя пальцами до верхней части плеча и продолжил в том же духе.

— Левая щека, примерно в дюйме от уголка рта, — комментировала она. — Теперь ты положил руку на мое плечо. Кажется, ты нарисовал X на бицепсе левой руки. А теперь ты прикоснулся пальцем, двумя... может быть, тремя к моей шее... там, где как раз кончаются волосы... Слушай, а тебе это нравится? Мне — да!

Конвей рассмеялся.

— Мне бы это понравилось, если бы только не мысль, что за нами наблюдает лейтенант Харрисон, и фонарь пилотской кабины уже запотел от его учащенного горячего дыхания. Ну, а если серьезно, то ты видишь, к чему я клоню, — глазные растения не имеют никакого отношения к зрению существа. Это аналог нервных окончаний, реагирующих на давление, боль или температуру.

Она открыла глаза и кивнула.

— Хорошая теория, но ты почему-то ей не рад.

— Не рад, — грустно согласился Конвей, — и именно поэтому я хотел бы, чтобы ты не оставила от нее камня на камне. Понимаешь, весь успех этой операции зависит от того, сумеем ли мы вступить в контакт с теми, кто производит управляемый мыслью инструмент. До сих пор я предполагал, что эти существа будут сравнимы с нами по размерам, даже если их физиологическая классификация окажется совершенно чужой, и что у них обычный набор чувств — зрение, слух, вкус, обоняние и осязание. Я рас-

считывал, что до них можно добраться по любому из туннелей. Но сегодня все свидетельствует в пользу существования единственной разумной формы жизни — гигантских образований, которые, насколько мы знаем, от природы глухи, немы и слепы. Проблема общения, даже ее простейшие аспекты, заключаются в том...

Он прервал свою речь, сосредоточив все внимание на все еще прижатой к поверхности ладони, затем скомандовал:

— Бегом к кораблю!

Теперь по пути обратно их уже меньше заботили растения, на которые они наступали. Когда за их спинами захлопнулся люк, из динамика пророкотал голос Харрисона:

— Мы ждем гостей?

— Да, но до их прихода есть еще несколько минут, — задыхаясь, ответил Конвей. — Сколько понадобится времени, чтобы отсюда улететь, и можем ли мы посмотреть на прибытие инструментов через что-то большее, чем вентиляционное отверстие?

— Для аварийного подъема требуется две минуты, — доложил пилот, — а если вы перейдете в кабину управления, то сможете использовать сканеры для обследования наружных повреждений.

— Доктор, но чем вы там занимались? — снова заговорил Харрисон, когда они забрались в пилотскую кабину. — Я хочу сказать, что, исходя из собственного опыта, передняя часть бицепса никогда не считалась эрогенной зоной.

Конвей не ответил, и пилот вопросительно посмотрел на Мэрчисон.

— Он проводил эксперимент, — спокойно объяснила она, доказывающий, что я не могу видеть с помощью нервных окончаний в верхней части моей руки. А когда нас прервали, он как раз доказывал, что на задней стороне моей шеи нету глаз.

— Задай глупый вопрос и... — начал Харрисон.

— Вот они, — прервал его Конвей.

“Они” были тремя металлическими дисками, которые, казалось, мигали, то исчезая, то появляясь на том участке земли, куда падала длинная утренняя тень разведкорабля. Харрисон увеличил изображение на экранах сканнеров, которые показали, что объекты вовсе не исчезают и не по-

являются, а ритмично превращаются то в крохотные металлические капли нескольких дюймов в поперечнике, то в циркулярные пилы, способные резать почву. Считанные секунды диски полежали на боку среди затененных глазных растений, а затем неожиданно превратились в неглубокие опрокинутые чаши. Изменение формы произошло настолько быстро, что они подскочили на несколько ярдов вверх и приземлились футами в двадцати от первоначального места. Процесс повторялся каждые несколько секунд, при этом один диск быстро запрыгал к дальнему концу тени, второй двигался зигзагообразно, определяя ее ширину, а третий направился напрямиком к кораблю.

— Никогда раньше не видел, чтобы они вели себя подобным образом, — сказал лейтенант.

— Мы вызвали у существа не сильный, но продолжительный зуд, — сказал Конвей, — и они пришли почесать это место. Мы можем остаться еще на несколько минут?

Харрисон кивнул, но предупредил:

— Только не забудьте, что после того, как вы перестанете думать, мы будем оставаться неподвижными еще две минуты.

Третий диск продолжал приближаться к кораблю пяти-ярдовыми прыжками. Конвей никогда раньше не видел, чтобы инструменты демонстрировали такую мобильность и координацию, хотя и знал, что они способны принять любую форму, задуманную оператором, сложность и скорость изменения которой зависели исключительно от скорости и четкости мысли управляющего мозга.

— Доктор, тут вот лейтенант Харрисон кое-что подметил, — неожиданно сообщила Мэрчисон. — В ранних докладах говорится, что инструменты обычно подкапывали приземлившиеся корабли предположительно для того, чтобы так сказать, на досуге их можно было бы осмотреть поближе. В те времена они пытались подкопать тень объекта, используя для определения его размеров и местоположения глазные растения. Теперь же, используя вашу собственную аналогию, они, похоже, научились отличать место, где зудит, от предмета, который этот зуд вызывает.

По корпусу корабля раскатился громкий металлический звон, сигнализирующий о прибытии первого инструмента.

Тут же два остальных развернулись и последовали за первым. Один за другим они высоко подпрыгнули в воздух — даже выше пилотской кабины — и обрушились на корабль. Сканнеры показали, как они ударились, растеклись, словно тонкие металлические блины вокруг выступов корпуса, и, какое-то время повисев так, упали вниз. Через мгновение все трое стали биться и цепляться за корабль с разных сторон. Но вскоре прекратили липнуть к кораблю — теперь перед самым ударом у них вырастала острая игла, которая оставляла на обшивке глубокие блестящие царапины.

— Должно быть, они слепые, — возбужденно заявил Конвей. — Видимо, для существа инструменты служат дополнением к чувству осязания, используемым для уточнения информации, полученной от растений. Они чувствуют размер, форму и состав предмета.

— Прежде чем они обнаружили, что внутри корабля имеются мягкие предметы в нашем лице, — твердым тоном сказал Харрисон, — предлагаю осуществить тактическое отступление, то есть убраться отсюда к чертовой матери.

Конвей согласно кивнул.

Пока Харрисон наигрывал беззвучные мелодии на клавишах панели управления, он объяснил, что инструменты подчиняются человеческому разуму на расстоянии до двадцати футов, дальше ими начинали управлять их хозяева. Он сказал Мэрчисон, чтобы как только диски окажутся в пределах этой досягаемости, она думала о тупых предметах — о чем угодно, что не имеет колющих и режущих частей...

— Нет, подожди! — воскликнул он, когда его осенила более удачная мысль. — Думай о широком и плоском, о чем-то вроде летающего крыла с вертикальным выступом для стабилизации и управления. Удерживай форму так, чтобы, планируя, они падали как можно дальше от корабля. Если повезет, им потребуется три или четыре прыжка, чтобы вернуться обратно.

Их первая попытка не увенчалась успехом, хотя предмет, который в конце концов ударил по обшивке, был слишком тупым и бесформенным, чтобы причинить серь-

езный вред кораблю. Но они изо всех сил сконцентрировались на следующем и придали ему вид треугольника толщиной в долю дюйма с широким плавником посередине. Мэрчисон удерживала общую форму, в то время как Конвей придумал вертикальные и горизонтальные стабилизаторы. Плод их фантазии исполнил "горку" прямо перед иллюминатором прямого обзора, отвернул от корабля и стал ровно планировать.

После пересечения границы влияния людей, слегка подныривая и рыская, он продолжил оказавшийся достаточно долгим полет, а затем, скосив небольшой участок растений, коснулся земли.

— Доктор, я готова вас расцеловать... — начала было Мэрчисон.

— Доктор, — сухо прервал ее Харрисон, — я знаю, что вы любите поиграть с девушками и авиамоделями, но через двадцать секунд старт. Ремни!

— Он не менял форму до самого конца, — сказал Конвей, почему-то начиная беспокоиться. — Может быть, он у нас учился, вероятно даже экспериментировал?

Он замолчал. Инструмент расплавился, превратился в опрокинутую чашку и подпрыгнул высоко в воздух. Начав падать вниз, он принял дельтовидную форму, по пути набирая скорость. Затем в нескольких футах от поверхности он выровнялся и понесся прямо к ним. Передние края его крыльев стали острыми, как бритва. Два его сотоварища тоже приняли форму дельтопланов и со свистом рассекали воздух с другой стороны корабля.

— Ремни!

Они попадали в противоперегрузочные кресла как раз в тот момент, когда три планирующих устройства ударили по обшивке. Случайно или намеренно они срубили две наружные видеокамеры. Та, что еще работала, показала глубокий трехфутовый надрез в тонкой обшивке с торчащим из него дельтопланом. Инструмент стал изменять форму, расширяя и продлевая пробоину. Возможно, оно было и к лучшему, что они не видели, чем заняты двое других.

Сквозь дыру в обшивке Конвей мог видеть ярко окрашенные трубопроводы и обрывки кабелей. Последний эк-

ран погас, и стартовая перегрузка глубоко вдавила его в кресло.

— Доктор, проверьте кормовой отсек на предмет безбилетников, — хрипло попросил Харрисон, когда начальное ускорение стало уменьшаться. — Если кого-нибудь найдете, придумайте для них безопасную форму — что-нибудь такое, что не будет грызть электропроводку. Быстрее!

Конвей не мог оценить всю степень причиненных повреждений, он только видел, что на панели мигает необычно много красных лампочек. Напряженные пальцы пилота мягко касались клавиш, кнопок и тумблеров, и казалось, что хриплый голос принадлежит совершенно другому человеку.

— Кормовая видеокамера, — ободряюще сообщил Конвей, — показывает, что все три устройства гонятся за нашей тенью.

На какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая лишь нестройным свистом воздуха в пробитой обшивке и неубранных опорах сканнеров. Поверхность под ними, покачиваясь, убегала назад, и движение корабля вызвало у Конвея чувство, что они двигаются скорее сквозь воду, а не летят по воздуху. Их задачей было удержаться на высоте при очень небольшой скорости, потому что при быстром полете поврежденные части обшивки могли отвалиться, перегреться от атмосферного трения или создать такое сопротивление, что корабль вообще бы не сдвинулся с места. Для судна с классификацией “сверхзвуковой глайдер для полетов в атмосфере” их теперешняя маленькая скорость была чем-то невероятным. Должно быть, Харрисон держался за небо собственными когтями.

Конвей попытался забыть о проблемах лейтенанта, рассуждая вслух о своих собственных.

— Думаю, это окончательно подтверждает, что гигантские формации являются разумными пользователями инструментов, — сказал он. — Высокий уровень подвижности и приспособляемости, продемонстрированный устройствами, позволяет сделать вполне очевидные выводы. Должно быть, ими управляет рассеянное и не очень сильное биополе, поддерживаемое и передаваемое корневой си-

стемой. Оно простирается лишь на очень небольшое расстояние от поверхности и такое слабое, что излучение мозга среднего землянина, или инопланетянина, на определенном расстоянии сильнее его.

Если бы хозяева инструментов были сравнимы с нами по размерам и умственным способностям, — продолжал он, стараясь не смотреть в сторону накренившегося внизу ландшафта, — то для того, чтобы осуществить контроль над инструментами, им пришлось бы двигаться под поверхностью с той же скоростью, с какой устройства летели над ней. Однако, чтобы с такой скоростью рыть туннели, необходимы герметичные самодвижущиеся бронированные средства передвижения. Но это не объясняет, почему они игнорируют все наши попытки установить широкий контакт с помощью дистанционно управляемых устройств и только и делают, что разбирают устройства связи на составные части...

— Если мысленное влияние рассредоточенно по всему телу, — перебила Мэрчисон, — то значит ли это, что и мозг существа тоже рассредоточен? А если мозг у него локализован, то где он находится?

— Мне больше по душе идея центральной нервной системы, — ответил Конвей, — которая расположена в безопасном, естественно защищенном месте — вероятно, ближе к нижней части существа, там, где достаточно минеральных веществ, а возможно, и в естественной скальной выемке под поверхностью планеты. Глазные растения и подобные им внутренние корневые системы, проанализированные вами, с приближением к поверхности становятся все сложнее и разветвленнее, а это означает, что сеть, чувствительная к давлению, дополняется электропроводящими растениями, которые вызывают мышечные сокращения, и другими видами растительности, назначение которых нам по-прежнему неясно. Конечно же, его нервная система в большей степени основана на растениях, но высокое содержание минеральных веществ в корнях означает, что с помощью электрохимических реакций, возникающих в любом нервном окончании, все импульсы будут переданы очень быстро, поэтому мозг у него скорее всего один, а вот расположен он может быть где угодно.

Она покачала головой.

— Думаю, существу размером с субконтинент, у которого нет скелета или костной структуры, формирующей защитные органы, и чье тело по сравнению с занижаемой им площадью напоминает тонкий коврик, необходим более чем один мозг — по крайней мере должен быть один центральный мозг и несколько вспомогательных. Но что меня действительно волнует, так это то, как мы будем действовать, если мозг в опасной близости к операционному полю.

— Мы не можем сделать только одно, — мрачно ответил Конвей, — это отложить операцию. Твои доклады говорят об этом яснее ясного.

С момента прибытия на Драмбо Мэрчисон не теряла времени даром, и теперь на основе анализов тысяч образцов, взятых буровыми устройствами, землеройками и медиками-исследователями из всех районов со всех уровней необъятного тела, представляла себе точную, если не абсолютно детальную, картину физического состояния пациента на сегодняшний день.

Они уже знали, что гигантское существо по своему метаболизму было ближе к растениям, нежели к животным. Но именно растения, составляющие нервную систему пациента, с их разветвленной корневой сетью больше всего пострадали от радиоактивных осадков, позволив поверхностному заражению проникнуть глубоко в тело. Это убило множество видов флоры и вызвало смерть тысяч обитавших внутри тела животных, чьим назначением было контролировать рост различных типов специализированных растений.

Внутри существа жили два различных вида животных, и они очень серьезно относились к своим обязанностям. Большеголовые рыбы-фермеры отвечали за возделывание и защиту полезной растительности и уничтожали все ее другие виды — для такого большого существа, как “ковер”, равновесие процессов метаболизма было удивительно хрупким. Второй вид, который был чем-то вроде лейкоцитов, помогал рыбам-фермерам контролировать фауну, а также лечил и охранял самих рыб. Кроме того, у второго вида была дурная привычка поедать (или, говоря другими / словами, поглощать) умерших особей — как себе подо-

бных, так и рыб. Поэтому небольшое количество радиоактивных веществ, выделенное корнями поверхностных растений, могло вызвать смерть огромного числа “лейкоцитов” в соответствующей прогрессии.

Таким образом, омертвевшие районы, распространившиеся далеко за пределы непосредственно зараженных мест, являлись результатом неконтролируемого распространения злокачественной флоры. Процесс, аналогичный разложению, был необратим. Безотлагательное хирургическое отсечение пораженных районов было единственным решением.

Но доклады в некотором отношении звучали обнадеживающе. В ряде районов уже было осуществлено хирургическое вмешательство в меньших масштабах, чтобы проверить возможное экологическое влияние на морскую среду большой массы разложившихся растительно-животных веществ и расположенных поблизости живых гигантов, а также разработать методы дезактивации больших объемов плоти. Было получено подтверждение, что пациент, хотя и медленно, но поправится. Они обнаружили, что, если надрез превратить в ров стофутовой ширины, бесконтрольный рост растений из пораженной части тела не будет распространяться в здоровую, правда, для полной уверенности рекомендовалось патрулирование линии отсечения. Проблемы разложения как таковой вообще не существовало. Взрывной характер распространения флоры продолжался до тех пор, пока не исчерпывались все ресурсы, после чего растения умирали. После этого останки превращались в отличный формовочный материал, который становился идеальным местом для создания самообеспечивающейся базы, если бы в последующие годы здесь понадобились бы медики-наблюдатели. В случае попадания останков в море они просто разрушались, опускались на дно и становились пищей для колесников.

Конечно, некоторые районы нельзя было лечить хирургическими методами по той же причине, по которой шекспировский Шейлок хотел получить фунт человеческого мяса в виде сердца — районы являлись жизненно важными органами. Это были относительно небольшие участки, расположенные далеко от краев “ковра”; их состояние напо-

минало острый рак кожи, но ограниченная хирургия и неминуемые дозы лекарств уже начинали давать положительные результаты.

— Но я по-прежнему не понимаю, почему он так враждебно к нам относится, — нервно сказала Мэрчисон, когда корабль сильно занесло и он значительно потерял высоту. — В конце концов, они не настолько нас хорошо знают, чтобы ненавидеть до такой степени.

Корабль пролетал над мертвым районом, где глазные растения были бледными и безжизненными и не реагировали на их тень. Конвей в который раз задумался, способна ли огромная формация испытывать боль или она просто теряла чувствительность, когда часть ее отмирала. Для всех жизненных форм, которые до сих пор попадались Конвею — а в Госпитале он порою встречался с самыми загадочными существами — выживание вызвало положительные эмоции, в то время как смерть сопровождалась болью — именно так эволюция не позволяла расе просто лечь и вымереть, если наступали трудные времена. Поэтому, когда колесники взорвали свои ядерные устройства, огромная формация почти наверняка испытала боль, острейшую боль на сотнях квадратных миль своего тела. Боль более чем достаточную, чтобы безумно возненавидеть.

При мысли об этой огромной непередаваемой боли Конвей внутренне сжался. Некоторые вещи становились теперь вполне объяснимыми.

— Ты права, — согласился он. — Они почти ничего о нас не знают, но ненавидят наши тени. В частности, данный экземпляр ненавидит потому, что незадолго до того, как его тело было иссушено и облучено, по нему пробежали тени атомных бомбардировщиков, которые мало отличаются от теней наших летательных аппаратов.

— Приземлимся минуты через четыре, — неожиданно сообщил Харрисон. — Боюсь, что это будет на побережье — в нашей лохани слишком много дыр, чтобы она осталась на плаву. Мы в поле зрения “Декарта”, и они высылают вертолет.

Глядя на лицо пилота, Конвей едва сдержал улыбку. Оно напоминало маску недогримированного клоуна. От отчаянного напряжения брови лейтенанта нелепо изогну-

лись, а нижняя губа, которую он без устали жевал с момента старта, превратилась в пунцовую дугу и придавала лицу ухмыляющееся выражение.

— Инструменты здесь действовать не могут, и кроме небольшого радиоактивного фона никаких опасностей в этом районе нет. Можете спокойно приземляться.

— Ваша уверенность в моих профессиональных способностях просто трогает, — сказал пилот.

Их неровный полет перешел в едва контролируемое движение кормой вперед. Земная поверхность накренилась и ринулась им навстречу. Харрисон замедлил падение, включив на полную мощность аварийные двигатели. Понесся раздирающий слух металлический скрежет, и все остальные лампочки на панели загорелись красным светом.

— Харрисон, вы разваливаетесь на куски... — начал радист с “Декарта”, и тут они приземлились.

Еще несколько дней после этого наблюдатели спорили, было ли это приземлением или они просто врезались в поверхность. Амортизационные опоры выгнулись, отвалившаяся корма еще больше смягчила удар, остальное приняли на себя противоперегрузочные кресла, даже несмотря на то, что корабль опрокинулся, упал на бок и в нескольких футах от них сквозь щель в обшивке замелькал дневной свет. Спасательный вертолет был уже почти над ними.

— Всем выйти, — приказал Харрисон. — Защитный экран реактора поврежден.

Глядя на мертвую, лишенную красок поверхность вокруг, Конвей снова подумал о пациенте.

— Чуть больше или чуть меньше радиации в данном случае не делает большой разницы, — сердито заметил он.

— Для вашего пациента, да, — настойчиво произнес лейтенант. — Возможно, это эгоистично, но я подумал о своем будущем потомстве. Пожалуйста, выходите первыми.

Во время короткого перелета на корабль-матку Конвей молча смотрел в иллюминатор и тщетно пытался отделаться от чувства страха и неполноценности. Его страхи были реакцией на то, что вполне могло оказаться фатальным кораблекрушением, и следствием мыслей о еще более

опасном путешествии, предстоящем ему через несколько дней. И любой врач ощутил бы себя ничтожным на фоне пациента, которого нельзя охватить даже взглядом. Он чувствовал себя одиноким микробом, пытающимся вылечить существо, в чьем теле он находился. Его вдруг охватила жуткая тоска по обычным отношениям между пациентами и врачами, царившим в Госпитале, хотя лишь немногих из больных и коллег Конвея можно было считать обычными.

Он подумал, что не лучше ли было бы послать генерала в медицинский колледж, чем давать врачу власть над целым субфлотом сектора.

Только шесть тяжелых кораблей Корпуса мониторов опустились на Драмбо. Их посадочные опоры надежно закрепились за неровности дна в нескольких милях от одного из мертвых участков побережья. Остальные стройными рядами звездочек заполняли утренний и вечерний небосвод. Бригады медиков формировались внутри и снаружи кораблей, которые словно гигантские серые улья торчали из похожего на густой суп моря. Конвей, как и все земляне, жил на борту, в то время как инопланетяне (ипы) были прямо-таки счастливы, проводя время на морском дне и обходясь без обычных удобств.

Он созвал последнее, как полагал, предоперационное совещание в грузовом отсеке "Декарта". Отсек был наполнен предварительно отфильтрованной от животных и растений морской водой, так что луч видеопроектора беспрепятственно достигал экрана на противоположной переборке.

Согласно протоколу открывать совещание должен был кто-то из присутствующих драмбов. Наблюдая за их оратором, Саррешаном, который словно большой дряблый бублик кружился в пустом центре палубы, Конвей лишний раз подивился, каким образом столь уязвимые существа не только выжили, но и создали весьма сложную, технически высокоразвитую цивилизацию. Хотя, вполне возможно, подобные мысли приходили в голову и разумному динозавру при виде доисторического человека.

После Саррешана выступил Гарот, старший терапевт с Худлара, отвечавший за медикаментозное лечение пациен-

та. Основной заботой Гарота были разработка и организация искусственного питания в тех районах, где надрезы пересекут горловые туннели между прибрежными ртами и расположенными на материке преджелудками. В отличие от Саррешана он говорил мало, предоставив видеопроектору дорассказать за него остальное.

Большой экран заполнило изображение вспомогательной ротовой шахты, расположенной двумя милями ближе к центру от предполагаемой линии сечения. Каждые несколько минут рядом с шахтой опускался вертолет или небольшой вспомогательный корабль, они выгружали свежесбитых на побережье животных и улетали, в то время как мониторы с помощью погрузчиков и наземных машин закидывали пищу сквозь "губы" существа. Возможно, количество и качество этой еды было ниже, чем той, что засасывалась естественным образом, но, когда во время основной операции горло плотно закроют, это будет единственный способ обеспечить питанием большие районы тела пациента.

При операции такого масштаба асептические процедуры были исключены, поэтому насосное оборудование перекачивало воду прямо из моря по пластиковым трубам большого диаметра. Вода лилась равномерным потоком — за исключением тех случаев, когда инструменты вспарывали трубы, — в пищевую шахту. Это обеспечивало формуляцию необходимой рабочей жидкостью, кроме того, смачивались стенки туннеля, так что время от времени туда можно было запускать лейкоциты, которые боролись с опасными формами жизни, попадавшими сюда вместе с пищей.

Конечно же, им показали испытания, проведенные на питающей установке несколькими днями раньше, но вдоль предполагаемой линии отсечения протянулось уже более пятидесяти подобных устройств в такой же степени готовности.

Неожиданно рядом с насосной станцией мелькнуло смутное серебристое пятно, и тут же один из мониторов проскакал на одной ноге несколько ярдов и упал на землю. Его одетая в сапог вторая нога осталась лежать там, где он до этого стоял, а инструмент, теперь уже не серебри-

стый, прорезал себе путь под забрызганную кровью поверхность.

— Инструменты стали нападать все чаще, их атаки усиливаются, — сообщил Гарот. — Ваша идея, доктор, очистить районы вокруг установок от всех глазных растений, так чтобы инструменты действовали вслепую, а прежде чем найти цель, должны были бы изрядно попрыгать, работала очень недолго. Они придумали новую хитрость. Теперь они скользят в нескольких дюймах под поверхностью, вслепую, конечно; затем высовывают наружу острие или режущее лезвие и, помахав им туда-сюда, вновь исчезают под поверхностью. Когда мы их не видим, мысленный контроль невозможен, а выделение охранника с металлоискателем для каждого работающего пока что тоже дало немного — просто у инструментов появилось больше шансов в кого-нибудь угодить.

А совсем недавно обнаружили признаки, указывающие на то, что инструменты объединяются в пяти-, шести-, а в одном случае даже десятизвенные структуры. Монитор, который об этом сообщил, умер через несколько секунд, так и не окончив свой доклад. Однако позднее состояние его корабля подтвердило эти факты.

Конвей мрачно кивнул и сказал:

— Спасибо, доктор. Но боюсь, что теперь вам придется противостоять еще и атакам с воздуха. По пути сюда мы показали пациенту, как работает дельтоплан. Он слишком быстро все понял...

Далее Ковней рассказал о произошедшем инциденте, добавил информацию о последних находках в области патологии и поведал об их с Мэрчисон рассуждениях и теориях относительно природы пациента. В результате совещание очень быстро превратилось в дискуссию, перешедшую в отдельные ожесточенные споры, и Конвей был вынужден применить свою власть, чтобы вернуть земных и инопланетных врачей к насущным вопросам.

Начальники медицинских команд с Мелфа и Чалдерстона докладывали практически дуэтом. Как и Гарот, они были связаны с нехирургическими методами лечения. Гипотетический сторонний наблюдатель, не зная действительной сути стоящих перед ними медицинских проблем,

мог быть легко введен в заблуждение, услышав об обширных горнопроходческих работах, сельскохозяйственных посадках на больших площадях, а также массовом киднэппинге. Оба были глубоко убеждены, и Конвей с ними согласился, что лечение рака кожи путем ампутации пораженных областей было бы неправильным.

Количество радиоактивных веществ, перенесенных с осадками в центральные районы, было относительно небольшим, и вызванные ими последствия распространялись вглубь тела исключительно медленно. Но если ничего не предпринять, даже такое положение дел неминуемо вело к печальному исходу. А поскольку больные участки были слишком многочисленны и часто располагались в неоперабельных районах, врачи с помощью наземной техники срезали зараженную кожу и складывали ее в кипы для дальнейшей дезактивации. Последующее лечение заключалось в том, чтобы помочь пациенту в самолечении.

Неожиданно на экране появилась секция приповерхностного туннеля, расположенного под одним из радиоактивных районов. В туннеле находились десятки разнообразных существ. В большинстве своем это были рыбы-фермеры с похожими на обрубки руками вокруг больших голов. Остальные, словно огромные слизи, дрейфовали или волнообразно перемещались в сторону наблюдателя.

Для живой части формации они выглядели не очень-то здоровыми. Движения рыб-фермеров, в чьи обязанности входило выращивание и уход за внутренней флорой, были замедленными, и они постоянно натывались друг на друга, а прозрачные обычно лейкоциты обрели молочный цвет, что обычно происходило незадолго до их смерти. Показания счетчиков, регистрирующих радиацию, не оставляли сомнений в причине их болезни.

— Эти существа были вскоре отловлены и переправлены в лазареты на большие корабли или в Госпиталь, — пояснил чалдер. — И рыбы и слизняки поддаются тем же методам дезактивации и восстановления, что и представители моей расы, получившие лишнюю дозу облучения. Затем их вернули обратно — исполнять свои полезные функции.

— Эти существа, — вмешался мелфанин, — снова поглощают радиацию из ближайшего зараженного растения или рыбы и опять становятся больными.

О'Мара обвинял Конвея в том, что тот выжимает из Госпиталя все соки, однако все поступавшие с Драмбо больные, кого можно было вылечить, вылечивались, а медики из Корпуса мониторов едва ли выглядели замученными, если только не были чем-то озабочены.

Сами по себе ни Госпиталь, ни огромные корабли не обладали достаточными средствами, чтобы восстановить в формациях экологическое равновесие. Чтобы действительно дать существу возможность бороться со своими болячками, ему требовалась массовая пересадка лейкоцитов из здоровых особей.

Когда Конвей впервые высказал идею пересадки, его волновало, не отторгнет ли пациент по сути дела чужие антитела. Но этого не произошло, и единственной оставшейся проблемой явились отлов и доставка лейкоцитов. И вскоре на смену первым отдельным и тщательно подготовленным случаям киднэппинга пришли непрекращающиеся массовые похищения.

На экране появился эпизод, в котором специально обученные командос извлекали лейкоциты из небольшой раздражающе здоровой формации, расположенной на другой стороне планеты. Входной шахтой пользовались уже несколько недель. Из-за передвижений существа она кое-где сместилась, но все еще оставалась вполне пригодной для их целей. Мониторы прыгивали с вертолетов и исчезали в наклонной шахте. На бегу они иногда пригибались, чтобы не удариться о подъемные механизмы, которые позднее поднимут их улов наверх. Люди были одеты в легкие скафандры и имели с собой только сети. Лейкоциты были их друзьями, и было очень важно, чтобы они об этом не забывали.

Лейкоциты обладали очень развитыми эмпатическими способностями, что позволяло им отличать друзей своего хозяина от его врагов простым сканированием эмоционального излучения, исходявшего от других существ. При условии, что во время работы похитители излучали теплые, дружеские эмоции, они были в полной безопасности. Но

отлов, подъем на поверхность и загрузка массивных инертных слизней в грузовые вертолеты были сложной, а порой выматывающей работой. Взмокнув от напряжения, часто несдержанным людям не просто было постоянно излучать положительные эмоции для своих подопечных. Бывали случаи, когда монитор давал волю гневу или раздражению, возможно, даже на собственный инструмент, и из-за таких недоразумений многие из них погибали.

Причем они редко погибали в одиночку. В конце эпизода Конвей увидел, как за считанные минуты было покончено со всей командой вертолета. Человек просто не способен хорошо думать о существе, которое только что убило его друга по команде — впрыснув яд, который вызывал такие мышечные судороги, что у жертвы оказывались переломанными почти все кости, — даже если от этого зависела его собственная жизнь. Ни защиты, ни противоядия не существовало. Тяжелые скафандры были достаточно прочными, чтобы лейкоцит мог проколоть оболочку, но они ограничивали подвижность и не давали возможности работать, а сами существа убивали так же быстро, навверняка и бездумно, как и лечили.

— Подведем итоги, — предложил чалдер, погасив экран. — В настоящее время работы по пересадке и искусственному кормлению идут хорошо, но если число различных происшествий будет продолжать расти с той же скоростью, уровень снабжения упадет до опасно низкой черты. Таким образом, я настоятельно рекомендую произвести хирургическое вмешательство немедленно.

— Я согласен, — присоединился к нему мелфанин. — Учитывая, что мы будем действовать без согласия пациента и без сотрудничества с его стороны, нужно начинать немедленно.

— Немедленно — это как? — впервые за все время заговорил капитан Вильямсон. — Для того, чтобы располжиться вдоль операционного поля целый субфлот, понадобится время. Моим людям потребуется окончательный инструктаж, ну и, я думаю, командующий флотом слегка обеспокоен по поводу этой операции. До сих пор все проведенные им операции носили сугубо военный характер.

Конвей молчал, пытаясь заставить себя принять решение, заставить себя сделать то, чего он избегал вот уже несколько недель. Как только он отдаст команду начинать, как только он приступит к этой гигантской операции, он сразу же будет приговорен. У него не будет возможности остановиться и позже попробовать заново, так как он не располагает специалистами, на которых мог бы положиться, если что-то пойдет не так, и, что хуже всего, у него нет времени на причитания, ибо пациент и так оставался слишком долго без всякой медицинской помощи.

— Не беспокойтесь, капитан, — ответил Конвей, пытаясь выглядеть уверенно и спокойно, чего он вовсе в себе не ощущал. — Что касается ваших людей, то для них операция превратилась в военную. Я знаю, что вначале вы относились к этому мероприятию, как к спасательным работам в необычайно крупных масштабах, не теперь для вашего разума все стало неотличимо от войны, потому что во время войны вы ожидаете потерь, а сейчас вы безусловно их несете. Сэр, я очень сожалею по этому поводу. Я никак не ожидал, что потери будут столь тяжелыми. Я лично виноват перед вами в том, что этим утром научил инструменты планировать, так как их фигуры высшего пилотажа нам встанут очень дорого...

— Тут ничего не поделаешь, доктор, — прервал его Вильямсон, — да и один из моих людей носился некоторое время с аналогичной идеей, они там у меня перебрали почти все возможные варианты. Но вот что я хочу узнать...

— Как скоро означает "немедленно"? — закончил за него Конвей. — Что ж, не забывая тот факт, что операция будет длиться скорее несколько недель, чем несколько часов, и при условии, что никаких резонных причин для ее отсрочки нет, предлагаю приступить к делу послезавтра с первыми лучами солнца.

Вильямсон кивнул головой и нерешительно заговорил:

— Занять позиции к этому сроку, доктор, мы сможем, но только что мы узнали о вещах, которые способны заставить вас изменить сроки. — Он махнул рукой в сторону экрана и продолжил: — Если хотите, я могу показать вам карты и цифры, но будет быстрее, если сначала я позна-

комлю вас с результатами. Обследование здоровых и менее больных формаций, провести которое вы попросили наших специалистов по культурным контактам — у вас была идея, что установить контакт с существом, не испытывающим постоянной боли, гораздо проще, — на сегодня завершено. Мы посетили в общей сложности тысячу восьмьсот семьдесят четыре места, где расположены гигантские формации. На их поверхности мы оставляли инструменты, за которыми с достаточного расстояния в течение шести часов велись наблюдения. И хотя по своему составу их тела практически идентичны телу нашего пациента, в том числе и по наличию несколько упрощенного вида глазных растений, результаты были полностью отрицательными. Подвергаемые проверке существа не делали никаких попыток каким-либо образом управлять инструментами или менять их облик, а анализ незначительных изменений в их форме неизменно приводил к действиям птиц или неразумных сухопутных животных. Мы заложили всю информацию в компьютер “Декарта”, а потом в тактический компьютер “Веспасиана”. Боюсь, что их выводы не вызывают никаких сомнений.

На “Драмбо” есть только одна разумная гигантская формация, — мрачно закончил Вильямсон, — и это — наш пациент.

Конвей ответил не сразу. Совещание становилось все более и более бурным. Сначала были выдвинуты несколько полезных идей — по крайней мере они казались полезными до тех пор, пока их не раскритиковал капитан. Затем на смену им пришли какие-то бессмысленные аргументы, разгорелся по поводу и без повода раздраженный спор, и тут Конвей понял, что происходит.

Когда совещание только началось, а было это пять часов назад, уже тогда все они просто переработали, а многие от усталости едва ли не валились с ног. Нижняя часть панциря мелфанина болталась в нескольких дюймах от палубы. Худларианин, по-видимому, был голоден, так как вода в помещении не содержала ничего съедобного для него; то же самое относилось и к палубе, чистота которой была не по душе постоянно кружащему драмбу. Огромный чалдер над ними все это время находился в скрюченном

состоянии, а что касается землян, то их скафандры надо-ели им не меньше, чем самому Конвею. Было очевидно, что ждать от кого-то, в том числе и от него самого, дельных предложений больше не приходилось, так что совещание пора было закрывать.

Он подал знак, призывая к тишине, и объявил:

— Благодарю вас всех. Известие о том, что наш пациент является единственным разумным представителем своего вида, говорит о том, что мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы предстоящая операция прошла, если это возможно, удачно. Но это не является веской причиной для ее отсрочки.

Завтра все будут очень заняты, — закончил он. — Я же хочу сделать последнюю попытку заручиться согласием пациента на операцию и добиться сотрудничества с его стороны.

Тремя днями раньше было закончено переоборудование двух гусеничных буровых машин. Теперь они были почти неуязвимы для инструментов, а вынесенное наружу двустороннее видеооборудование позволяло Конвею следить за операцией, а если понадобится, то и руководить ее ходом из любого места на поверхности или внутри существа. Перво-наперво он проверил устройства связи.

— Я не намерен быть мертвым героем, — улыбаясь, объяснил Конвей. — Если нам что-либо станет угрожать, я буду первым, кто закричит о помощи.

Харрисон покачал головой:

— Вторым.

— Уступите дорогу даме, — твердо заявила Мэрчисон.

Они отправились вглубь материка к густо покрытому глазами растениями здоровому району. Там они простояли целый час, затем еще целый час двигались вперед и снова остановились. Все утро и начало дня они то передвигались, то останавливались, но заметной реакции пациента не наблюдали. Иногда они начинали делать небольшие круги — опять же без всякого успеха. Ни один инструмент не появился. Наружные сенсоры свидетельствовали об отсутствии каких-либо признаков того, что кто-то хочет под них подкопаться. Так что все это, вместе взятое,

оборачивалось исключительно бесполезным днем, если не считать относительного физического отдыха.

Когда спустилась темнота, они зажгли шахтерские лампы и поиграли вокруг себя лучами. Было видно, как тысячи глазных растений открываются и закрываются под воздействием искусственного света, но на приманку формация по-прежнему не соблазнялась.

— Поначалу это творение, должно быть, просто испытывало любопытство, кто мы такие, и стремилась обследовать любой необычный предмет или происшествие, — проговорил Конвей. — Теперь же оно просто напугано и настроено враждебно, а целей для проявления враждебности у нее и без нас хватает.

Видеоэкраны проходчиков показали несколько кадров, где трубопроводы подвергались непрерывным атакам со стороны инструментов, да и слишком многочисленные темные пятна на поверхности были отнюдь не масляными.

— Я по-прежнему считаю, — сказал Конвей серьезно, — что, если бы нам удалось проникнуть ближе к мозгу или хотя бы в районы, где создаются инструменты, шансы на установление прямого контакта были бы гораздо выше. Если же прямая связь невозможна, мы смогли бы искусственно стимулировать определенные участки мозга таким образом, чтобы существо решило, будто на его поверхность опустились большие объекты, и отозвало инструменты, нападающие на насосные установки. А если нам удастся понять технологию производства инструментов, это дало бы...

Мэрчисон покачала головой, и он умолк. Она достала карту, состоящую из тридцати или более прозрачных листов, на которой было послойно отображено внутреннее строение существа с той тщательностью, какую позволяли полугодовые неустанные исследования с помощью несовершенного оборудования. Ее лицо приобрело менторское выражение, означавшее, что она хочет, чтобы ею не любовались, а внимательно слушали.

— Мы уже пытались найти местоположение мозга пациента, отслеживая нервные волокна, — начала она, — иными словами, отслеживая содержащую металлические соли корневую систему, которая способна передавать электрохимические импульсы. Используя пробы из произволь-

но пробуренных скважин и непосредственные наблюдения проходчиков, мы обнаружили, что окончания сети идут не к центральному мозгу, а к ровному слою таких же корней, расположенных недалеко от нижней поверхности тела. Обе сети не соединены напрямую, но их окончания идут параллельно и достаточно близко, чтобы импульсы передавались посредством электромагнитной индукции.

Вероятно, часть этой новой сети отвечает за мышечное сокращение в нижней половине тела и в свое время обеспечивала подвижность пациента, пока он не занял данную конкретную часть материка и не перестал душить своих врагов, переползая через них сверху; и вполне естественно предположить, что глазные растения наверху и мышечные ткани внизу связаны напрямую, ибо они первыми предупреждают о грозящей опасности, и последующая мышечная реакция происходит почти произвольно.

Но в этом слое достаточно присутствует и других сетей, чье назначение нам неизвестно. Они не помечены разными цветами и выглядят совершенно одинаково, за исключением небольших вариаций в толщине. А особи, принадлежащие к виду, который скорее всего извлекает минеральные вещества из находящихся под формацией горных пород, разнятся по толщине еще и между собой. Поэтому я бы не советовала применять искусственную стимуляцию какого бы то ни было типа. Ты можешь запросто вызвать судороги у какой-нибудь мышечной связки, а мониторы наверху зафиксируют землетрясение или что-нибудь в этом духе.

— Хорошо, — согласился Конвей, раздраженный тем, что ее возражения были и в самом деле обоснованными. Но мы по-прежнему хотим подобраться поближе к мозгу или району, где создаются инструменты, и если нас не остановят, мы должны на это посмотреть. А время наше истекает. Где, по-твоему, лучше всего искать?

Мэрчисон на мгновение задумалась, а затем сказала:

— И мозг и место, где создаются минералы, могут находиться в полости или небольшой долине под нижней поверхностью тела, там, откуда существо предположительно поглощает минералы. В пятнадцати милях отсюда есть большая скалистая впадина — на карте она вот здесь, —

которая обеспечила бы необходимую защиту снизу и по бокам, а тело защитило бы от повреждений сверху. Но существуют десятки мест ничем не хуже этого. Ах да, туда, должно быть, налажено постоянное снабжение кислородом и питательными веществами. Но поскольку процесс этот происходит внутри существа, которое является квазирастением и вместо крови в качестве рабочей жидкости использует воду, проблем с обеспечением глубоко упрятанного мозга всем необходимым не возникнет...

Она умолкла, ее лицо и скулы застыли от подавленного зевка. Прежде чем она смогла продолжить, Конвей со вздохом произнес:

— Зато они возникнут у нас. Ладно, утро вечера мудреннее, почему бы тебе не поспать — может, приснится что-нибудь толковое.

— А я и так уже сплю на ходу, — неожиданно рассмеялась она. — Разве по моим речам ты не заметил этого?

— Если серьезно, — улыбнулся Конвей, — то мне бы очень хотелось вызвать вертолет, который забрал бы тебя до того, как мы отправимся вниз. Я понятия не имею, чего ожидать, если мы найдем то, что ищем, — с равной вероятностью мы можем и угодить в горнило подземной печки, и быть парализованными пси-излучением мозга. Я понимаю, что ты испытываешь немалый чисто профессиональный интерес, но я бы предпочел тебя там не видеть. В конце концов, жертвами научного любопытства чаще всего становятся самые любознательные.

— При всем к вам уважении, доктор, — сказала Мэрчисон, вовсе не выказывая оного, — вы городите чепуху. Нет никаких признаков того, что существуют районы с нормально повышенной температурой; кроме того, мы оба знаем, что, хотя некоторые инопланетяне общаются друг с другом телепатически, но делать они это могут только с себе подобными. С инструментами же совершенно иная ситуация — это пассивные, подчиняющиеся чужим мыслям устройства, которые... — Она прервала свою речь, глубоко вдохнула воздух и закончила тихим голосом: — Ведь есть еще одна точно такая же проходческая машина. Я уверена

также, что на “Декарте” всегда найдется офицер и джентльмен, который захочет взять меня с собой.

— Доктор, будьте подружелюбней, — громко вздохнув, посоветовал Харрисон. — Если их невозможно одолеть, пусть становятся под ваши знамена.

— Я немного поуправляю машиной, — заявил Конвей, отреагировав на назревавший бунт единственно возможным в данной ситуации способом — проигнорировав его. — Что-то я проголодался, а сейчас вроде бы ваша очередь накрывать на стол.

— Я помогу вам, лейтенант, — сказала Мэрчисон.

Огибая водительское кресло и направляясь на камбуз, Харрисон пробормотал:

— Знаете, доктор, иногда я просто обожаю повозиться с горячей посудой, в особенности, с вашей.

Незадолго до полуночи они достигли района, где находилась впадина под телом формации, машина клюнула носом и засверлилась вниз. Мэрчисон уставилась в расположенный сбоку иллюминатор, временами делая замечания по поводу ажурных переплетений корней, проходящих сквозь влажное, похожее на древесину пробкового дерева вещество, служившее животному плотью. Однако привычные признаки кровеносного снабжения отсутствовали, и ничто не указывало на то, что это все-таки животное, а не растение.

Неожиданно они пробили верхнюю стенку желудка и поплыли вниз между огромными растительными колоннами, которые увеличивали и уменьшали объем органической пещеры, засасывая из моря воду с пищей, а через много дней избавлялись от непереваренных остатков. Растительные сталагмиты разбегались во все стороны за пределы досягаемости лучей прожекторов. Они были покрыты специфической флорой, которая выделяла соответствующие секреты и заставляла их напрягаться, чтобы желудок был пуст, и расслабляться, когда он был полон. Другие пещеры были меньших размеров, располагались чаще, чем желудки, и просто поддерживали ток воды, не участвуя в пищеварительном процессе.

Перед тем как достигнуть самого дна, Харрисон наклонил машину и включил передние врубовые ножи на пол-

ную скорость. Они без помех прошли нижнюю стенку желудка и продолжали движение. Через полчаса весь экипаж бросило на ремни безопасности. Приглушенное гудение ножей перешло в душераздирающий пронзительный визг, который сменился тишиной, когда Харрисон выключил двигатели.

— Либо мы достигли нижней поверхности, — сухо сказал он, — либо у этой животины очень твердое сердце.

Они подали машину немного назад и выравнивали угол атаки так, чтобы продолжить проходку туннеля. Гусеницы машины катились по твердой поверхности, а ножи перемалывали вещество, которое теперь походило на плотно спрессованную пробку, густо пронизанную сосудами. Когда они продвинулись на несколько сот ярдов, Конвей подал лейтенанту знак, чтобы тот остановился.

— Материал не похож на тот, из которого делают мозги, — пояснил Конвей, — но я полагаю, что следует рассмотреть его поближе.

Они смогли собрать несколько образцов и посмотреть все с близкого расстояния, но лишь в течение очень недолгого времени. К тому моменту, когда они нацепили скафандры и вышли из машины через задний люк, туннель, который они проделали, угрожающе перекосился, а между его стенками и влажным, скрипящим под ногами полом сочилась черная маслянистая жидкость. Она все прибывала и достигла уровня их коленей.

Занести с собой в машину слишком много этого вещества Конвей не хотел. По предыдущим буровым пробам они знали, что отвратительный запах пропитает в помещении все, что только можно.

Вернувшись обратно в машину, Мэрчисон подняла один из образцов. Он был похож на половинку разрезанного вдоль земного огурца. Ровная сторона была покрыта щетинистой подушкой червеобразных отростков, единственный стебель с другой стороны разветвлялся и разветвлялся множество раз, прежде чем подсоединиться к слою, где располагалась сеть нервных волокон.

— Я, пожалуй, сказала бы, что секреция растений помогает растворять и поглощать минералы и химические вещества из горных пород и почвы, а вместо с инфильтру-

ющейся сюда водой она обеспечивает смазку, которая позволяет существу перемещаться, когда минеральные запасы иссякают. Но здесь нет ни признаков необычных нервных сетей и узлов, ни каких-либо следов и шрамов, которые оставляют инструменты, прорезая плоть. Так что, боюсь, нам придется попробовать снова где-нибудь в другом месте.

Почти час ушел на то, чтобы достигнуть следующей каверны, и около трех, чтобы добраться до другой. Конвей с самого начала немного сомневался по поводу третьего места, так как, по его мнению, оно располагалось слишком близко к краю тела, чтобы содержать там мозг. Но для создания подобных размеров по-прежнему не исключалась возможность существования нескольких мозговых узлов или по крайней мере вспомогательных нервных центров. Мэрчисон напомнила Конвею, что у доисторического бронтозавра было два мозга, а по сравнению с их пациентом он был просто микроскопических размеров.

Третья каверна была в том числе и очень близко от линии иссечения.

— На поиски этих каверн можно потратить всю оставшуюся жизнь и так и не найти того, что ищешь, — сердито заявил Конвей, — да и времени у нас столько нет.

Дублирующие экраны в машине показывали, что происходит на поверхности: небо очистилось от лишних звезд, так как тяжелые крейсера уже заняли предписанные позиции; осветительные прожекторы на пищевых и насосных станциях тоже были погашены; изредка мелькало лицо Эдвардса, которого временно назначили начальником связи по взаимодействию подразделений и перевели на флагманский корабль “Веспасион”. В его задачи входил перевод распоряжений Конвея на язык военных перестроений для офицеров флота.

— Ваше пробное бурение, — неожиданно спросил Конвей, — полагаю, вы производили с одинаковыми интервалами и вертикально вниз? Было ли замечено, что в одних районах этой черной липучки, которую наш пациент использует как смазку, больше, а в других меньше? Я пытаюсь отыскать те части существа, которые принципиально не могут передвигаться, потому что...

— Ну, конечно, — возбужденно воскликнула Мэрчисон, — это же важнейший фактор, отличающий нашего разумного пациента от всех более мелких и неразумных формаций! Для лучшей защиты мозга и, возможно, места, где производятся инструменты, почти наверняка необходимо, чтобы они находились в стационарных условиях. Наизусть я припомню около десятка скважин, где смазка отсутствовала или была в очень небольших количествах, оно я могу справиться в пояснительных записках к картам за несколько минут.

— Знаешь, — с чувством произнес Конвей, — я по-прежнему не хочу, чтобы ты здесь оставалась, и все же, я очень рад, что ты тут.

— Спасибо, — поблагодарила она и добавила: — Еще бы ты не был рад.

Через пять минут у них была вся необходимая информация.

— Вот здесь поверхность образует небольшую долину, окруженную низкими горами. Воздушные датчики показали, что этот район необычайно богат минералами, хотя то же самое касается всей центральной части земельного массива, покрываемого существом. Наши разведочные скважины были расположены на очень большом расстоянии, и мы вполне могли промахнуться мимо мозга, но я теперь полностью уверена, что он находится именно здесь.

Конвей согласно кивнул.

— Харрисон, — обратился он к пилоту, — это место будет нашей следующей остановкой. Но оно слишком далеко отсюда, чтобы добираться под или над поверхностью. Давайте-ка поднимайтесь наверх и договоритесь насчет нашей доставки на место грузовым вертолетом. А по пути, если не трудно, заверните к сорок третьему горловому туннелю как можно ближе к линии иссечения, чтобы я мог посмотреть на реакцию пациента на ранней стадии операции. Он непременно должен обладать какой-то естественной защитой против больших физических повреждений...

Конвей замолчал, неожиданно его приподнятое настроение сменилось глубоким унынием.

— Черт возьми, как жаль, что вместо того, чтобы заниматься сначала колесниками, потом этими лейкоцитами-

переростками, я с самого начала не сконцентрировал все внимание на инструментах. Я потерял так много времени.

— Зато теперь мы его не теряем, — откликнулся Харрисон и указал на дублирующие экраны.

К лучшему или к худшему, но большое хирургическое вмешательство началось.

Главный экран показал строй тяжелых крейсеров, которые следовали за головным кораблем, подававшим команду “делай, как я”, вдоль первой части иссечения. Гравитационные вибраторы делали глубокие надрезы в теле пациента, прессоры разводили края раны, чтобы идущие сзади корабли постепенно рассекали плоть все глубже и глубже. Как и все корабли имперского класса, крейсеры могли поражать цели самыми разными устрашающими средствами в очень точно отмеренных дозах — от усыпления мятежников, заполнивших несколько улиц, до аннигиляционного распыления на атомы целых континентов. Корпус мониторов редко допускал, чтобы ситуация складывалась таким образом, когда применение оружия массового уничтожения становилось единственно возможным решением проблемы, и держали его скорее в качестве внушительной дубины. Как и большинство полицейских, силы правопорядка Федерации понимали, что невынутая дубинка приносит гораздо лучшие и более долговременные результаты, чем та, которая слишком занята раскалыванием черепов. Но самым мощным и универсальным оружием ближнего боя — универсальным потому, что оно одинаково хорошо могло служить и мечом и оралом, — являлся гравитационный вибратор.

Результат разработки системы искусственной гравитации, компенсирующей убийственный ускорения, с которыми летали космические корабли Федерации, и силового экрана, обеспечивающего защиту от метеоритов или позволяющего судну с достаточными энергетическими ресурсами подобно старинному дирижаблю зависать над поверхностью планеты, — луч гравитационного вибратора просто очень резко притягивал и отталкивал с силой до ста “же” и частотой несколько раз в минуту.

Корпусу приходилось очень редко использовать вибраторы в качестве оружия — обычно комендоры довольство-

вались расчисткой и вспашкой тяжелого грунта на вновь осваиваемых планетах. Для оптимального эффекта луч должен был быть очень узким; но даже несфокусированное излучение могло стать разрушительным, особенно будучи наведено на мелкую цель типа разведывательного корабля. Вместо того, чтобы отрывать большие куски обшивки и превращать в металлический фарш то, что под ней скрывалось, оно трясло весь корабль целиком до тех пор, пока не выдерживала находящаяся внутри команда.

Однако во время данной операции луч был предельно узким, а дальность его действия определялась с точностью до дюйма.

На первый взгляд ничего впечатляющего не происходило. На каждом крейсере было по три батареи вибраторов, но они работали с такой частотой, что поверхность существ казалась почти непотревоженной. Создавалось впечатление, что относительно щадящие силовые лучи расположенных между вибраторами прессеров только что-то и делали — они вынимали вверх узкий клин вещества и срезали растительность таким образом, чтобы следующий гравивибратор мог сделать надрез еще глубже. И только после того, как лучи коснутся поверхности планеты и продвинутся на несколько миль вперед, должны были подлететь все еще находящиеся на орбите эскадрильи, чтобы превратить узкий разрез в ров, который, как они надеялись, остановит распространение растительной заразы из иссеченных разрушающихся мертвых районов.

Фоном для изображения на экранах служили доносившиеся до Конвея отрывистые голоса артиллерийских офицеров. Казалось, они исчисляются сотнями, и все докладывали об одном и том же одинаковым набором слов. Через неправильные промежутки времени рапорты прервал спокойный неторопливый голос. Он направлял, санкционировал и координировал общие усилия — голос бога, которого иногда называли командующим флотом Дермодом. В качестве высокопоставленного офицера Корпуса мониторов двенадцатого галактического сектора он командовал более чем тремя тысячами боевых кораблей, вспомогательными и связными судами, опорными базами, верфями и огромным

количеством существ, землян и инопланетян, которые всем этим управляли.

Если операция провалится, Конвей, конечно же, не сможет посетовать на качество оказываемой ему помощи. Он начинал испытывать радостное чувство от того, как развивались события.

Это ощущение длилось целых десять минут, пока линия иссечения не прошла через сорок третий туннель, куда они только что проникли. Конвей мог непосредственно видеть внутренний конец перемычки — толстой гофрированной сосиски из прочного пластика, которая под давлением пятьдесят фунтов на квадратный дюйм плотно прижималась к стенкам туннеля. Из-за того, что процессы лечения внутри пациента происходили удручающе медленно, дабы избежать потерь рабочей жидкости, были необходимы специальные приспособления. Вода в буквальном смысле заменяла животному кровь, а у нее, в отличие от последней, отсутствовало одно очень важное свойство — она не сворачивалась.

Рядом с перемычкой дежурили два монитора и врач с Мелфа. Казалось, что они чем-то обеспокоены, но из-за огромного количества снующих по туннелю лейкоцитов разглядеть, чем именно, ему не удалось. Перед этим его экраны показали, как линия иссечения прошла поперек горлового туннеля. Между перемычкой и разрезом вылилось несколько сотен галлонов воды — принимая во внимание размеры пациента, это вряд ли можно было назвать даже каплей. Вибраторы и силовые поля продолжали движение. Они продлевали и углубляли надрез, в то время как мощные нематериальные лучи прессоров — невидимые опоры, несущие огромный вес крейсеров — разводили его края до тех пор, пока он не становился рвом. Небольшой заряд химической взрывчатки обрушил верхнюю стенку обезвоженной части туннеля, усилив пластиковую перемычку. Казалось, все идет, как планировалось, но тут на панели Конвея замигала лампочка срочного вызова, и экран заполнило лицо майора Эдвардса.

— Конвей, — нетерпеливо обратился он, — инструменты атакуют перемычку в туннеле номер сорок три!

— Но это же невозможно! — воскликнула Мэрчисон обиженным тоном человека, который, играя с приятелем в карты, уличил того в мошенничестве. — Пациент никогда не вмешивался в наши действия внутри тела. Тут нет глазных растений, которые могли бы выдать наше местоположение, не говоря уж об освещении, а перемычка вообще не из металла. На поверхности они никогда не нападают на предметы из пластика — только на людей и машины.

— А на людей они нападают потому, что мы выдаем свое присутствие, пытаюсь установить над инструментами мысленный контроль, — быстро проговорил Конвей и обратился к Эдвардсу: — Майор, выведите этих людей от перемычки в шахту для подачи питания. Быстро. Я не могу связаться с ними напрямую. И скажите им, пока они будут это делать, пусть постараются не думать...

Он умолк, так как перемычка впереди исчезла в глухом белом взрыве пузырей, которые с ревом устремились в их сторону вдоль верхней стенки потолка. Снаружи из машины что-либо разглядеть было невозможно, а внутри — на экранах мелькало лицо Эдвардса и космические корабли в кидватерном строю.

— Доктор, снесло перемычку! — прокричал Эдвардс, скользнув взглядом в сторону. — Обломки тела за ней размывает. Харрисон, забуривайтесь в стенку.

Но лейтенант не мог забуриться в стенку, так как проносящиеся мимо пузыри делали ее невидимой. Он дал задний ход, но сносивший их поток был настолько мощным, что гусеницы едва касались пола. Харрисон выключил прожекторы, лучи которых, отражаясь от пенистого свода, слепили глаза. Но впереди свет не исчез — он проникал сквозь щель, которая неумолимо становилась все шире и шире...

— Эдвардс, остановите вибраторы!..

Несколькими секундами позже их вынесло из туннеля вместе с водопадом, который обрушивался вниз с органического утеса в, казалось бы, бездонное ущелье. Их машина не развалилась на части, их тела не превратились в кровавый джем, и стало ясно, что отключить батареи вибраторов Эдвардсу удалось вовремя. Когда через промежу-

ток времени, показавшийся им вечностью, машина с треском остановилась, два дублирующих экрана эффектно взорвались, а водопад, который смягчал их падение по пути вниз, стал барабанить по обшивке, подталкивая и переворачивая корпус по дну разреза.

— Кто-нибудь ранен? — спросил Конвей.

Мэрчисон ослабила ремни безопасности и поморщилась.

— Я вся в синяках и... вся опухла.

— Хотелось бы мне на это взглянуть, — откликнулся Харрисон голосом совершенно здорового человека.

— Сначала мы взглянем на пациента, — оборвал Конвей, одновременно успокоившись и рассердившись.

Единственный работающий экран передавал изображение с видеокамер, которые были установлены на вертолетах, зависших над разрезом. Тяжелые крейсера отлетели немного в сторону, чтобы очистить место для спасательных и ведущих наблюдение вертолетов, которые словно большие металлические мухи жужжали и кружились над операционным полем. Каждую минуту тысячи галлонов воды вытекали из поврежденного горлового туннеля, увлекая за собой тела лейкоцитов, рыб-фермеров, недопереваренную пищу и клочья жизненно важной внутренней флоры. Конвей подал сигнал Эдвардсу.

— Мы в порядке, — сообщил он майору, прежде чем тот успел что-либо сказать, — но в остальном положение бедственное. Если мы не остановим потерь жидкости, желудочная система разрушится, и вместо того, чтобы вылечить, мы убьем пациента. Черт побери, почему у него нет способов бороться с тяжелыми физическими травмами — каких-нибудь предохранительных клапанов или чего-то в этом роде. Я совершенно не ожидал, что может случиться такое...

Конвей сам себя оборвал, понимая, что начинает ныть и извиняться, вместо того, чтобы отдавать распоряжения.

— Мне нужен совет профессионала, — оживленно заявил он. — У вас есть специалист по взрывчатым устройствам малой мощности с небольшим радиусом действия?

— Так точно, — ответил Эдвардс, а уже через несколько секунд зазвучал новый голос:

— Боевая часть корабля “Веспасиан”, майор Холройд. Могу я чем-нибудь помочь вам, доктор?

Конвей подумал, что искренне на это надеется, а вслух обрисовал свои трудности.

Они столкнулись с чрезвычайной ситуацией: истекающий кровью больной погибал на операционном столе. Будь пациент большим или маленьким, текла ли в его жилах кровь землянина, расплавленный металл существа ТЛТУ с Трекалда-V, или вода с небольшими добавками, которая доставляла пищу и специализированных животных в отдаленные концы обширного тела формации с Драмбо, результат в таких случаях был одним и тем же — постоянное снижение артериального давления, все более глубокий шок, прогрессирующий паралич мышц и, наконец, смерть.

Обычной процедурой при подобных обстоятельствах было бы остановить кровотечение, перевязав поврежденный кровеносный сосуд и обработав рану. Но данный конкретный сосуд являлся туннелем, чьи стенки были ничуть не прочнее и не эластичней, чем окружающая их плоть, поэтому его нельзя было ни перевязать, ни даже пережать. Как виделось Конвею, единственным выходом оставалось заткнуть поврежденную артерию, обрушив свод туннеля.

— TR-7 с малым радиусом действия, — быстро ответил артиллерист. У нее хорошая аэродинамика, поэтому не будет сложностей с водным потоком, а при условии, что возле входа в туннель нет острых выступов, необходимая глина проникновения может быть достигнута с...

— Нет, — твердо сказал Конвей. — Меня беспокоят компрессионные эффекты мощного взрыва в самом туннеле. Ударная волна проникнет далеко вглубь, погибнет множество лейкоцитов и рыб-фермеров, не говоря уже об огромных площадях хрупких растений. Мы должны перекрыть туннель как можно ближе к надрезу, майор, и ограничить повреждения этим районом.

— Тогда бронебойные В-22, — быстро поправился Холройд. — В этом веществе мы без труда ограничимся пятидесятью ярдами. Предлагаю одновременно запустить три ракеты в точки, расположенные вертикально над входом в туннель, так, чтобы обрушившаяся плоть заблокировала отверстие и ее хватило бы противостоять напору воды.

— Вот теперь вы говорите дело, — согласился Конвей.

Но комендор с “Веспасиана” умел не только разговаривать. Буквально через несколько минут на экране показался крейсер, низко зависший над разрезом. Конвей не видел запуска ракет, так как неожиданно вспомнил, что нужно проверить, достаточно ли далеко снесло машину и не погребет ли их под возможной лавиной из обломков плоти.

Первые признаки того, что вообще что-то происходит, появились, когда поток воды неожиданно стал грязным, затем он уменьшился до тонкой струйки и наконец прекратился. Несколькими минутами позднее через нижний край туннеля стали переваливаться густые, липкие куски грязи. Вдруг обширный участок вокруг входа начал оседать, потом отвалился и, словно огромная порция подгоревшей овсяной каши, соскользнул в ущелье.

Теперь вход в туннель стал в шесть раз больше, чем он был до этого, а пациент продолжал кровоточить с неменьшей силой.

— Извините, доктор, — заговорил Холройд. — Повторить дозу и попробовать взорвать поглубже?

— Нет, подождите.

Конвей отчаянно пытался что-то придумать. Он знал, что проводит хирургическую операцию, хотя на самом деле ему в это не верилось — слишком большими были и проблема и сам пациент. Если бы в подобной ситуации оказался землянин, даже при отсутствии инструментов и лекарств, он бы знал, что необходимо сделать — наложить жгут и уменьшить давление в поврежденном месте... Это было то, что нужно!

— Холройд, всадите еще три штуки в то же самое место и на ту же глубину, — быстро распорядился он. — Но не могли бы вы, прежде чем запустить ракеты, сфокусировать лучи по возможности максимального количества корабельных прессоров прямо над входом в туннель? Если возможно, нацельте их не вертикально, а под углом к поверхности надреза. Идея заключается в том, чтобы использовать вес нашего корабля для уплотнения и поддержки обрушенной ракетами массы.

— Будет сделано, доктор!

На перефокусировку невидимых опор и запуск ракет у “Веспасиана” ушло около пятнадцати минут, зато водопад сразу же пропал и на этот раз уже не возобновился. Входное отверстие туннеля исчезло, а там, куда были направлены лучи прессеров, на поверхности разреза появилась большая тарелкообразная вмятина. Через спрессованную перемышку по-прежнему сочилась вода, но прорваться сильным потоком она не могла до тех пор, пока корабль оставался на месте и давил на стенку своим немалым весом. Для большей уверенности во вспомогательном туннеле устанавливалась еще одна непроницаемая перемышка.

Неожиданно на экране появилось покрытое морщинами, но не по возрасту молодое лицо. Плечи зеленого мундира его хозяина украшали впечатляющие знаки различия. Это был сам командующий флотом.

— Доктор Конвей, в свое время мой флагман принимал участие в весьма необычных мероприятиях, но вот выступать в роли жгута нам до сих пор не доводилось.

— Прошу прощения, сэр, но мне показалось, что это единственный способ овладеть ситуацией. А прямо сейчас, если вас это не затруднит, мне бы хотелось, чтобы вы подняли отсюда нашу машину, после чего мы бы занялись нанесением на карту кое-каких реперных точек...

Он замолчал, так как Харрисон замахал ему рукой.

— Не на этой машине, — тихо пояснил лейтенант. — Попросите его проверить вторую, чтобы она была уже готова, когда они сподобятся вытащить нас отсюда.

Через три часа они находились во второй модифицированной и усиленной проходческой машине, подвешенной к грузовому вертолету, который приближался к району, где, как они надеялись, располагался мозг существа и (или) мастерские по производству управляемых мыслью инструментов. Во время полета у них появилась возможность по-теоретизировать о происхождении своего пациента.

Теперь они были уверены, что первоначально он произошел от подвижной растительной формы жизни. Эти формы всегда были крупными и плотоядными. Но когда их представители стали друг друга выживать, то они начали увеличиваться в размерах, а их строение все больше усложнялось. Не было похоже, чтобы формация каким-либо

образом размножалась. Она просто жила и росла до тех пор, пока ее не убивал какой-нибудь более крупный соплеменник. Их пациент был самым крупным, старым, крепким и мудрым на планете. Будучи единственным обитателем этой части суши на протяжении многих тысяч лет, он больше нуждался в мобильности и поэтому снова пустил корни.

Но это не было деградацией. Не имея возможности пожирать себе подобных, он научился контролировать собственный рост, сделал более эффективным свой метаболизм, создал инструменты для выполнения таких работ, как исследование поверхности, добыча и доставка минералов, необходимых для нервной системы. Предок рыбы-фермера, возможно, принадлежал к виду, которому, подобно библейскому Ионе, поначалу просто удалось выжить внутри желудка гиганта. Позднее эти рыбы вырастили себе и хозяину зубы и научились защищаться от хищников, засасываемых из моря. Каким образом сюда попали лейкоциты, до сих пор было не очень ясно, но колесникам иногда случалось встречаться с небольшими по размерам и менее развитыми особями, которые, вероятно, и были дикими родственниками.

— Но вот, что мы должны помнить, когда будем пытаться с ним говорить, — с серьезным видом закончил Конвей. — Наш пациент не только слеп, глух и нем, но и никогда не общался даже с себе подобными. Наша задача не просто обучиться необычному и трудному инопланетному языку, а наладить общение с существом, которому неизвестно само значение слова “общаться”.

— Если ты стараешься поднять мой боевой дух, — сухо заметила Мэрчисон, — то у тебя это плохо получается.

Конвей уставился в переднюю смотровую щель, в основном, чтобы не видеть бойни, происходящей на дублирующих экранах, где атаки инструментов в районах пищевых туннелей и насосных станций становились все более ожесточенными. Неожиданно он заговорил:

— Участок, где предположительно находится мозг, слишком обширен, чтобы обследовать его быстро, он, если я ошибаюсь, то поправьте, не то ли это место, где “Декарт” приземлялся в первый раз? Если это так, то инст-

рументы, посланные тогда на разведку, должны были прийти откуда-то поблизости, и, если нам удастся проследить по оставшимся в плоти шрамам их путь, тогда...

— Это то самое место! — взволнованно подтвердила Мэрчисон.

Харрисон, не ожидая приказа, отдал новые распоряжения пилоту транспортного вертолета, а через несколько минут они были уже на поверхности, и машина с вращающимися врубными ножами ткнулась носом в волокнистую квазиплоть.

Взятый образец был не цилиндром, а плоским перевернутым конусом. Его боковая грань резко сужалась к вершине, где находился маленький, толщиной почти с волосинку, шрам. Он резко сворачивал к предполагаемому району, и машина двинулась вдоль него.

— Очевидно, корабль затащило под поверхность не очень глубоко, — рассуждала Мэрчисон. — Но достаточно, чтобы инструменты касались его всей своей поверхностью, опираясь на тело существа, а не скакали по воздуху, задевая обшивку лишь вскользь. А ты заметил, что инструментам, даже двигаясь на максимальной скорости, удается избежать повреждений нервной системы, через которую передаются приказы и сигналы?..

— При данном угле наклона, — персбил ее Харрисон, — мы будем у нижней поверхности через двадцать минут. Соны указывают на наличие каверн или больших впадин.

Конвей не успел ответить ни тому, ни другой — главный экран мигнул, на нем показалось лицо Эдвардса.

— Доктор, выбило перемычки с тридцать восьмой по сорок вторую. Мы уже поставили жгуты на восемнадцатый, двадцать шестой и сорок третий туннели, но...

— Действуйте, как и раньше, — прервал его Конвей.

Раздался приглушенный звон, за которым вдоль всего корпуса машины последовал металлический скрежет. Звук стали повторяться со все возрастающей частотой.

— Инструменты, доктор, — доложил Харрисон, не поднимая головы. — Десятки инструментов. Проходя через этот волокнистый материал, они не смогут причинить нам большего вреда, да и дополнительная броня с ними справится. Но меня беспокоит купол антенны.

Прежде чем Конвей успел спросить почему, Мэрчисон отвернулась от иллюминатора и сообщила, что потеряла начальный след.

— Этот район практически весь изборозжен шрамами от инструментов, — пояснила она. — Должно быть, движение здесь весьма оживленное.

Вспомогательные экраны демонстрировали расположение кораблей, наземной техники, дезактивационного оборудования и перемещения в районах шахт и насосных станций, а на главном экране показался “Веспасиан”, который больше уже не висел над входом в сорок третий туннель. Он терял высоту, носовая часть величественно выписывала концентрические окружности, в то время как его пилот, видимо, изо всех сил старался не дать ему опрокинуться на бок.

Во время очередного оборота Конвей разглядел, что один из четырех прессоров как бы расплюснут гигантским молотком, и ему не стоило труда догадаться, что это именно тот, который держал закрытым поврежденный сорок третий туннель. По мере приближения корабля к поверхности Конвею захотелось закрыть глаза, но тут он увидел, что вращение прекратилось, а растения на поверхности распластались под действием оставшихся трех прессоров, работающих на полную мощность, чтобы удержать вес корабля.

“Веспасиан” приземлился жестко, но без катастрофических последствий. Другой крейсер занял место над сорок третьим туннелем, а вертолеты и наземные машины бросились на помощь к потерпевшему аварию кораблю. Они достигли “Веспасиана” одновременно с большой группой инструментов, которые, понятно, помогать вовсе не собирались.

Неожиданно экран заполнила голова Дермода.

— Доктор Конвей, — обратился к нему взбешенный командующий ледяным тоном, — это не первый случай, когда корабль вокруг меня превращается в металлолом, но я не могу сказать, что со временем привык к подобным ощущениям. Авария произошла из-за того, что практически весь вес корабля был перенесен на единственный узконаправленный луч прессора. В результате несущая конструкция прогнулась и чуть было не разнесла корабль.

Его голос слегка потеплел, но не надолго.

— Если мы собираемся держать жгуты на каждом туннеле, а инструменты будут атаковать каждую перемычку, то, похоже, мне придется сделать следующее, — продолжал он, — либо я отзываю свои корабли для капитальной реконструкции, либо использую их в течение часа или около того за один раз и проверяю их на предмет возможных конструктивных неполадок после каждого дежурства. Но это вовлечет гораздо большее количество кораблей в непродуктивную деятельность, и чем длиннее будет разрез, тем больше будет туннелей, на которых нам придется сидеть, и тем медленнее будет продвигаться работа. Операция быстро становится логически невозможной, число людских и материальных потерь делает ее неотличимой от полномасштабного сражения. Если бы я думал, что единственным результатом операции будет удовлетворение вашего медицинского любопытства, доктор, и любопытства моих специалистов по культурным контактам, то я уже сейчас сказал бы твердое “нет”. У меня мозги полицейского, а не солдата — Федерация предпочитает именно это. Я не гоняюсь за славой...

Машина дернулась, и на мгновение к Конвею пришло чувство, которое в данных обстоятельствах было невозможным, — чувство свободного полета. Затем раздался треск, и корпус ударился о каменистый грунт. Машина упала на бок, дважды перевернулась и продолжила движение вперед, соскальзывая на одну из сторон. Звук инструментов, бьющихся об обшивку, становился оглушительным.

Лоб командующего прорезали две вертикальные морщины.

— Какие-нибудь сложности, доктор?

Постоянный грохот инструментов путал мысли.

Конвей утвердительно кивнул и стал объяснять:

— Я не ожидал нападения на перемычки, но теперь я понимаю, что пациент просто пытается защитить те места, которые, как он считает, подвергаются наибольшей опасности. Я также теперь понимаю, что его чувство осязания не ограничивается верхней поверхностью. Понимаете, он слеп, глух и нем, но похоже, что он способен осязать в трех измерениях. Глазные растения и нервные корневые

системы у нижней поверхности дают лишь смутное, недетализированное представление о давлении в том или ином месте. Чтобы узнать мелкие детали, существо посылает инструменты, которые очень чувствительны — чувствительны настолько, что способны с помощью крыльев осязать потоки воздуха, когда они принимают форму дельтоплана, и по собственной воле могут принимать форму исследуемого предмета. Наш пациент очень быстро обучается, поэтому дельтоплан, который я ему показал, обошелся нам в немалое число жизней...

— Доктор Конвей! — грубо перебил его командующий. — Вы пытаетесь то ли принести свои извинения, то ли прочитать мне очень подробную лекцию о вещах, которые я уже знаю. Выслушивать ни то, ни другое у меня нет времени. Мы стоим перед лицом серьезных хирургических и тактических проблем.

Конвей отчаянно затряс головой. У него появилось ощущение, будто сам он только что произнес или подумал о чем-то важном, но о чем именно, никак не мог вспомнить. Чтобы снова вытащить мысль на свет, ему было необходимо продолжить цепь своих рассуждений.

И он продолжил:

— Пациент видит и испытывает все чувства посредством осязания. До сих пор все контакты обычно происходили через инструменты. Они являются мысленно управляемым продолжением органов чувств внутри тела и на коротком расстоянии от него. Наше собственное мысленное излучение гораздо интенсивнее, чем у существа, но оно резко ограничено по дальности. Ситуация напоминает двух фехтовальщиков, которые пытаются общаться лишь с помощью кончиков своих рапир...

Конвей резко замолчал, так как обнаружил, что обращается к пустому экрану. Все три телевизора светились, но ни звука, ни изображения не было.

— Этого-то я и боялся, доктор! — прокричал Харрисон. — Мы усилили броню обшивки, но для того, чтобы обеспечить двустороннюю связь, антенну пришлось закрыть обтекателем из пластика. Инструменты отыскивали наше слабое место. Теперь мы тоже слепы, глухи, немые, да вдобавок еще и хромы — левая гусеничная лента повреждена.

Машина остановилась на ровной скалистой площадке внутри большой каверны, стенки которой под крутым углом уходили в нижнюю поверхность существа. Вокруг и над ними свисали тысячи корней, соединявшихся и сраставшихся до тех пор, пока они не превращались в толстые перекрученные кабели серебристого цвета, исчезающие в глубинах пола, стен и потолка. Из каждого кабеля прорастал по крайней мере один бутон, похожий на смятый листочек металлической фольги. Самые большие бутоны дрожали и пытались принять форму инструментов, атакующих машину.

— Это одно из тех мест, где он производит инструменты, — сказала Мэрчисон, используя фонарик в качестве указки, — или правильное было бы сказать — выращивает. Я по-прежнему никак не могу решить, чего в нем больше — животного или растительного. Похоже, здесь расположен и нервный центр, почти наверняка являющийся частью мозга. И он очень чувствителен — видишь, как осторожно обходят инструменты эти серебристые кабели, нападая на машину?

— Мы тоже будем осторожны, — сказал Конвей и обратился к Харрисону: — Мы сможем добраться вон до той нависающей стены, не перебив кабели, идущие по полу?

Повреждения в этом чувствительном районе могли обернуться серьезными последствиями для пациента.

Лейтенант кивнул и начал дергать машину вперед-назад, постепенно передвигаясь по площадке, пока они не достигли указанной стены. Теперь сверху их защищали чувствительные кабели, снизу — дно каверны, а с правого борта — скалистая стена, поэтому атаки инструментов ограничивались лишь левым бортом. Они снова могли сами себя слышать, но Харрисон извиняющимся, но твердым тоном сообщил, что на одной гусенице им не взобраться по склону и не пробуриться наружу, что они не могут позвать на помощь и что воздуха у них осталось на четырнадцать часов и то, если только они наденут скафандры, чтобы использовать газ в баллонах.

— Давайте-ка оденем их прямо сейчас, — оживленно сказал Конвей, — и выйдем наружу. Расположитесь по обоим концам машины — под кабелями и спиной к стене.

Таким образом, вам придется беспокоиться о нападении только спереди — любой инструмент, пытающийся атаковать сквозь скалу сзади, произведет слишком много шума, чтобы застать вас врасплох. Мне также хотелось бы, чтобы вы были подальше от центральной части машины, где буду я сам, и не мешали мне своими мыслями попытаться установить контроль над инструментами...

— Мне знакомо это напыщенное и самодовольное выражение лица, — обратилась Мэрчисон к лейтенанту, натягивая гермошлем. — У нашего доктора очередное озарение. Я думаю, он собирается провести с пациентом беседу.

— На каком языке? — сухо спросил Харрисон.

— Полагаю, — Конвей улыбнулся, чтобы продемонстрировать уверенность, которой он вовсе не испытывал, — вы могли бы назвать его языком Брайля в трех измерениях.¹

Он быстро объяснил, что собирается делать, и через несколько минут они заняли свои места рядом с машиной. Конвей присел спиной к ее левой гусенице в нескольких футах от заполненной водой впадины в полу. В центре впадины зияло отверстие неизвестной глубины, проеденное кабелем или ему подобным растением, добывающим руду. Сбоку от него группа из семи или восьми слившихся воедино инструментов, распластавшихся на обшивке, пыталась ее продавить, и в некоторых местах уже начали расходиться швы. Конвей мысленным усилием оторвал шайку металлических разбойников от машины, после чего, словно огромный оживший ком серебристого теста, закатил их в углубление. Затем он приступил к работе.

Конвей не пытался защититься от атакующих инструментов. Он намеревался так сильно сосредоточиться на одной определенной форме, что любой из них, попав в зону досягаемости его мыслей, лишится, как он надеялся, всех опасных краев и выступов.

Сформировать наружные очертания существа было совсем не трудно. В считанные минуты посередине углубле-

---

¹ Шрифт Брайля — рельефно-точечный шрифт для письма и чтения слепых, разработанный французским тифлопедагогом Луи Брайлем.

ния с водой лежал большой серебристый блин — мелко-масштабная копия пациента. Но представить себе в трех измерениях рты, желудки и соединяющие их туннели оказалось очень нелегко. Еще сложнее была следующая стадия, когда он заставил крохотные желудки расширяться и сжиматься, всасывая и выпуская воду с песком и водорослями.

Это была грубая, очень упрощенная модель. Восемь ртов и восемь соединяющихся с ними желудков одновременно стали его лучшим достижением, и он очень боялся, что его модель похожа на пациента так же, как кукла на живого ребенка. Затем он добавил неторопливые движения тела, которые наблюдал у менее крупных молодых формаций, оставив при этом центральную часть неподвижной. Конвей надеялся, что вкупе с сокращениями желудков это создает впечатление, как от живого организма. Выступивший на лбу пот застилал ему глаза, но к тому времени это уже не имело значения, так как создаваемые им детали все равно не были видны. Он начал думать об определенных частях модели, как о твердых, неподвижных и мертвых. Он симитировал распространение этих омертвевших районов, пока вся модель постепенно не превратилась в твердый безжизненный ком.

После этого он сморгнул пот с ресниц и начал все сначала, и еще раз, и еще, и тут он обнаружил, что его спутники стоят с ним рядом.

— Они больше на нас не нападают, — тихо сообщил Харрисон, — и, прежде чем они передумают, я хочу попытаться наладить поврежденную гусеницу. По крайней мере здесь нет недостатка в инструментах.

— Кроме как ни о чем не думать, чтобы не испортить твою модель, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросила Мэрчисон.

— Да, пожалуй, — ответил Конвей, не поворачивая головы. — Я собираюсь снова все повторить в той же последовательности, но на этот раз остановлюсь, когда достигну положения, которое имеется на сегодняшний день. Когда я это сделаю, ты будешь думать о наших надresaх, продлевать и углублять их, а я заткну поврежденные горло-

вые туннели и пробую вспомогательные и пищевые шахты. Ты немного отодвинешь отрезанную часть и сделаешь ее твердой, то есть мертвой, а я в это время попытаюсь передать мысль, что другая часть шевелится и жива и останется таковой в дальнейшем.

Она очень быстро ухватила идею, но у Конвея не было возможности узнать, ухватил ли ее, да и мог ли вообще ухватить их пациент.

Позади них Харрисон трудился над поврежденной гусеничной лентой, в то время как перед ними модель пациента и проводимое хирургическое вмешательство становилось все более детальным — вплоть до миниатюрных гофрированных перемычек и того, что случится, если их повредить.

Конвей неожиданно поднялся и стал карабкаться по наклонному полу.

— Извини, — произнес он вслух, — но мне необходимо выйти за пределы мысленной досягаемости модели и дать мыслям немножко перевести дух.

— Мне тоже! — через несколько минут воскликнула она. — Я к тебе... Взгляни!

В это время Конвей стоял, уставившись в темный свод каверны и давая отдых глазам и мозгу. Он быстро посмотрел вниз, подумав сначала, что инструменты снова атакуют, но увидел лишь Мэрчисон, которая указывала рукой на их модель — их работающую модель!

Несмотря на то, что модель была вне пределов досягаемости их разума, она не осела и сохранила все детали. Конвей моментально забыл о физической и умственной усталости.

— Должно быть, таким способом оно пытается сообщить, что понимает нас, — возбужденно сказал он. — Но мы должны расширить контакт, больше рассказать о себе. Иди и прихвати еще несколько инструментов, и сделай модель этой каверны со всеми ее кабелями, а я отформую в соответствующем масштабе машину и наши движущиеся фигурки. Модели, конечно, будут очень грубыми, но начнем с того, что нам необходимо передать всего лишь идею о том, какие мы маленькие и как уязвимы перед атаками инструментов. Затем мы отойдем немного в сторону и

сформируем действующие модели проходческой машины, бульдозеров, вертолетов и разведкораблей — все, что есть на поверхности, но ничего такого большого и сложного вроде “Декарта”, по крайней мере для начала. Нам нужно, чтобы все было предельно просто и доходчиво.

За очень короткое время площадка вокруг машины была буквально усыпана моделями. Как только люди заканчивали придавать им должную форму, пациент брал управление моделями на себя, и все новые и новые инструменты грузно, но очень осторожно вкатывались в каверну, как бы сгорая от нетерпения, чтобы из них что-то сделали. Но запотевшие стекла гермошлемов стали почти непрозрачными, да и воздух был почти на исходе.

Мэрчисон настояла на том, что у нее как раз осталось время для еще одной модели — большой, на которую уйдет до двадцати инструментов, — как из-за машины появился Харрисон.

— Я вынужден забраться внутрь, — сообщил он. — В отличие от некоторых, я тяжело трудился и истратил свой запас воздуха...

— Пни-ка так его за меня. Ты к нему поближе.

— ... но машина будет двигаться в четыре раза медленнее, — продолжал лейтенант, — а если не будет, то теперь мы сможем позвать на помощь. Я использовал инструмент и сформовал новую антенну — мне известны точные размеры, — так что у нас есть даже двусторонняя видеосвязь...

Он резко остановился, уставившись на то, что творила Мэрчисон со своими инструментами.

— Я в этой команде патолог, — немного сварливо объяснила она, — и это моя работа рассказать пациенту, а точнее — дать ему почувствовать, как мы выглядим. Эта модель имеет весьма упрощенные дыхательную и кровеносную системы, органы пищеварения и речи со всеми, как видите, основными узлами. Естественно, что, поскольку я знаю о себе немножко больше, чем кто-либо другой, этот представитель рода человеческого — женщина. И, что не менее важно, не желая лишний раз сбивать пациента с толку, я не стала ее одевать.

На ответ у Харрисона не хватило воздуха. Они последовали за лейтенантом в машину, и, пока Конвей налаживал связь, Мэрчисон инстинктивно подняла руку, прощаясь с каверной и разбросанными по площадке моделями из инструментов. Должно быть, она слишком усиленно думала о прощании, потому что ее последняя модель тоже подняла руку и не опускала ее до тех пор, пока машина медленно не пересекла границу мысленного контроля.

Неожиданно ожили все три экрана, и на Конвея в упор уставился Дермод. На лице командующего отразились озабоченность, облегчение и воодушевленность — сначала поочередно, а потом все вместе.

— Доктор! Я уже думал, что мы вас потеряли, — сообщил он. — С тех пор, как вы отключились, прошло уже четыре часа. Но я могу доложить вам о положительных изменениях. Иссечение продолжается, а все нападения инструментов прекратились полчаса назад. Из вспомогательных шахт, от перемычек, из дезактивационных команд — отовсюду сообщают, что проблем с инструментами у них больше нет. Доктор, эти условия — временные?

Конвей протяжно и громко вздохнул от облегчения. Несмотря на порой замедленную физическую реакцию, в интеллектуальном отношении их пациент был очень ярким парнем. Конвей отрицательно покачал головой и сказал:

— С инструментами сложностей больше не будет. Наоборот, они помогут вам управиться с оборудованием и будут делать все необходимое в труднодоступных местах разреза, как только мы объясним, что нам нужно. Вы также можете забыть о необходимости расширять линию иссечения для изоляции здоровой части тела от больной — наш пациент сохранил достаточную подвижность, чтобы самостоятельно отползти от ампутированных районов, — а это значит, что у вас высвободятся дополнительные корабли, иссечение пойдет быстрее и мы закончим операцию раньше планировавшегося срока.

— Видите ли, сэр, — закончил Конвей, — теперь пациент начнет активно с нами сотрудничать.

Большая операция была закончена меньше, чем за четыре месяца, и Конвея отозвали обратно в Госпиталь. Послеоперационное лечение громадного пациента должно было растянуться на многие годы. Предполагалось, что параллельно будет осуществляться более близкое знакомство с Драмбо, будут исследоваться его обитатели и их культура. Перед отлетом, все еще находясь под впечатлением от количества потерь, Конвей как-то поинтересовался, насколько они оправданы. Весьма высокомерный специалист по культурным контактам попытался как можно проще объяснить ему, что любые различия — будь то культурные, физиологические или технические — всегда невероятно ценны. Обучая местных жителей, они одновременно узнают очень много нового и от колесников, и от гигантской разумной формации. Не без некоторого труда Конвей смирился с подобным объяснением. Он также мог смириться с тем, что его работа на Драмбо в качестве хирурга была завершена. Гораздо труднее ему было мириться с тем фактом, что у бригады патологов, в особенности у одного из ее членов, здесь по-прежнему оставалась масса неоконченных дел.

О'Мара не радовался его мукам открыто, но и сочувствия особого не выразил.

— Конвей, прекратите ваши молчаливые страдания, — потребовал психолог по возвращении врача, — и примите очищение, желательно — в негашенной извести. Но даже если вам не удастся это сделать — работа есть работа. К нам только что поступил необычный пациент, и вам, возможно, захочется за ним приглядеть. Я, конечно, слишком обходителен. На сегодня это и так ваш пациент. Посмотрите.

Позади стола О'Мары ожил большой видеозэкран, и психолог продолжил:

— Это существо было найдено в одном из малоисследованных до сих пор районов. Оно — жертва аварии, в результате которой его корабль и оно само были разрезаны пополам. Герметичные переборки закупорили неповрежденную секцию, а вашему пациенту удалось подтянуть свое тело — или часть тела — прежде, чем эти переборки закрылись. Это был большой корабль, заполненный чем-то вроде питательной почвы, а его пилот пока жив — или,

правильней было бы сказать, полужив? Понимаете, дело в том, что мы не знаем, какую половину мы спасли. Ну, так как?

Конвей уставился на экран, уже прикидывая методы частичной иммобилизации пациента для обследования и лечения, он думал о том, как синтезировать эту самую питательную почву, которая сейчас наверняка высохла досуха, и что надо изучить управление разрушенного корабля, чтобы составить впечатление об устройстве сенсорного оборудования. Если авария, повредившая корабль, произошла из-за взрыва энергетической установки, — а похоже, так оно и есть, — то сохранившаяся часть пациента вполне может оказаться передней и содержит мозг существа.

Его новый пациент был не совсем похож на змея с Мидгаарда, но почти не уступал ему по размерам. Существо извивалось и скручивалось в кольца, заполнив практически всю палубу огромного ангара, который освободили специально для него.

— Ну, так как? — снова переспросил О'Мара.

Конвей встал со стула. Прежде чем повернуться и выйти, он улыбнулся и сказал:

— Какой маленький, не правда ли?

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя.	5
Космический Госпиталь. Перевод К.Кузнецова.	7
<i>Глава I. Эскулап.</i>	9
<i>Глава II. Главный Госпиталь сектора.</i>	45
<i>Глава III. Случайный посетитель.</i>	87
<i>Глава IV. Пациент со стороны.</i>	114
Звездный хирург. Перевод К.Королева.	157
Большая операция. Перевод К.Кузнецова.	313
<i>Глава I. Вторжение.</i>	315
<i>Глава II. Головокружение. (Перевод К.Королева).</i>	355
<i>Глава III. Кровавый брат.</i>	378
<i>Глава IV. Митбол.</i>	411
<i>Глава V. Большая операция.</i>	443

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 11

УАЙТ Джеймс
КОСМІЧНИЙ ГОСПІТАЛЬ

(Російською мовою)

Укладач *Аріадна Белевцева*

Відповідальний редактор *І.Чудінова*
Художники *С.Павленко, Є.Корольков*
Коректор *Л.Москвич*

Здано до набору 25.05.93. Підписано до друку 4.10.93. Формат
84х108/32. Папір книжково-журнальний. Гарнітура Тип Таймс. Друк
офсетний. Умов.-друк.арк. 26,04. Умов.фарб.-відб. 26,46. Обл.-вид.арк. 26,51.
Замовлення № 3-166.

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42/7.

Київське орендне поліграфічне
підприємство «Книга».
254655, МСП, Київ-53, вул. Артема, 25.

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

James
White
HOSPITAL
STATION

ALTER
PRESS

